

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

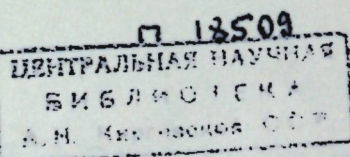
ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
 М. О. ЛУЭЗОВ, **Е. Э. ВЕРТЕЛЬС**, А. М. ДЬЯКОВ,
 Б. Н. ЗАХОДЕР, Н. И. КОПРАД, И. М. ЛЕМИН,
 А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
 Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ,
 Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора), Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ КИТАЯ

(30-летие Наньчанского восстания)

М. Ф. ЮРЬЕВ

Главными вопросами китайской революции, от правильного решения которых зависел ее исход, писал Мао Цзэ-дун в 1959 г., являлись партийное строительство, единый фронт и вооруженная борьба¹. В 1949 г., в год великой победы китайского народа, обобщая опыт, накопленный Коммунистической партией Китая за 28 лет ее существования, Мао Цзэ-дун вновь подчеркнул, что успех китайской революции был обеспечен благодаря наличию марксистско-ленинской партии рабочего класса, тесно связанной с массами, революционной армии, руководимой коммунистической партией, и возглавляемого ею единого фронта различных революционных слоев общества².

Коммунистическая партия Китая, однако, не сразу пришла к пониманию особого значения военного фактора в китайской революции. Правда, во время первой гражданской революционной войны коммунисты оказали активное содействие Сунь Ят-сену в создании и укреплении Национально-революционной армии и играли руководящую роль в организации политической работы в ней. В этот период на работе в армии были такие деятели Коммунистической партии Китая, как Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, Юнь Дай-ин, Дэн Сяо-пин, Линь Бо-цюй, Ли Фу-чунь, Линь Бяо, Лю Бо-чэн, Чэнь И, Не Жун-чжэнь. Коммунист Е Тин был командиром покрывшего себя неувядаемой славой Отдельного полка, который состоял в основном из коммунистов и комсомольцев и являлся лучшей, ударной частью Национально-революционной армии. Близко к коммунистической партии в период сотрудничества с гоминьданом стояли такие военачальники, как Пын Дэ-хуай, Хэ Лун, Е Цзянь-ин, Сюй Сян-цянь, они вступили в ее ряды в начале второй гражданской революционной войны.

Таким образом, в период революции 1924—1927 гг. многие деятели партии вместе с товарищем Мао Цзэ-дуном считали военную работу делом первостепенной важности. Но во многих организациях партии коммунисты в то время еще недооценивали роль армии в китайской революции, а тогдашний секретарь ЦК Коммунистической партии Китая, правый оппортунист и капитулянт Чэнь Ду-сю, боялся «отпугнуть буржуазию от революции» и всячески мешал работе коммунистов в Национально-революционной армии. В результате к весне и лету 1927 г., когда гоминьдановские главарь, предав дело революции и объединившись с феодально-компраторскими силами и империалистами, стали на путь кровавых расправ

¹ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 104—105.

² См. Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, стр. 15.

с коммунистами, революционными рабочими, крестьянами и интеллигентами, коммунистическая партия располагала всего лишь несколькими соединениями и частями Национально-революционной армии, которые вместе с рабоче-крестьянскими вооруженными отрядами выступили против гоминьдановских контрреволюционеров.

Поражение революции 1924—1927 гг. привело к многочисленным жертвам, но они не прошли даром. «Школа гражданской войны не проходит для народов даром, — писал Ленин в 1908 г., после поражения революции 1905—1907 гг. — Это — тяжелая школа, и полный курс ее неизбежно содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступлений народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революцией...»³.

Обучаясь науке победоносной революции, китайские коммунисты сделали для себя необходимые выводы из испытанных поражений. Одним из главных выводов в области военной было осознание того, что для победы революции недостаточно ограничиваться обеспечением политического, идейного влияния на армию, а нужно создавать свою рабоче-крестьянскую армию. В решении вопроса о создании Красной армии проявилось умение Коммунистической партии Китая извлекать уроки из поражений, укрепляться в борьбе, все более овладевать искусством руководства борьбой рабочего класса и всего народа.

После поражения китайской революции 1924—1927 гг. в стране царил кровавый террор гоминьдановской реакции. Убийством тысяч революционеров империалисты, помещики и компрадоры рассчитывали укрепить свое господство в стране, пошатнувшееся в результате мощного размаха революционной борьбы китайского народа. В это тяжелое время коммунистическая партия, очищаясь от оппортунистической скверны, перестраивая свои ряды, сумела поднять народные массы на новую революционную борьбу. «Коммунистическую партию Китая и китайский народ не удалось ни запугать, ни покорить, ни истребить, — говорил Мао Цзэ-дун. — Они поднялись с земли, смыли с себя кровь, похоронили погибших товарищей и снова продолжали борьбу. Они высоко подняли знамя революции и развернули вооруженное сопротивление»⁴.

Первым актом этого сопротивления гоминьдановским контрреволюционерам было организованное коммунистической партией Наньчанское восстание 1 августа 1927 г. В этот день солдаты ряда частей армии Северного похода, а также бойцы рабочих дружин и крестьянских отрядов самообороны под руководством Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, Хэ Луна и Е Тина восстали против гоминьдановской контрреволюционной власти. Восстание было хорошо подготовлено. В район Наньчана заранее прибыли Чжоу Энь-лай⁵ и некоторые другие работники коммунистической партии⁶. Сюда были стянуты оставшиеся верными революции части Национально-революционной армии: 24-я дивизия 11-го корпуса под командованием коммуниста Е Тина, созданная на базе Отдельного полка, и 15-я отдель-

ная дивизия Хэ Луна, во время восстания вступившего в коммунистическую партию. Общая численность обеих дивизий превышала 20 тыс. бойцов⁷. В ходе восстания 24-я дивизия была развернута в 11-й корпус⁸, а 15-я отдельная дивизия — в 20-й корпус. В восстании участвовала также 25-я дивизия 4-го корпуса. Как вспоминает участник Наньчанского восстания Су Юй (ныне — член ЦК Коммунистической партии Китая, член Государственного комитета обороны Китайской Народной Республики, начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая), 24-я дивизия выступила из Учана через Дае и Хуаншиган в Цзю-цзян (на севере провинции Цзянси) и оттуда двинулась в Наньчан⁹.

Узнав о приближении революционных войск к Наньчану, гоминьдановцы взорвали находившийся недалеко от города мост. Но Чжу Дэ, командовавший офицерско-инструкторским полком в Наньчане, поручил рабочему-печатнику Чжао Сян-лу, одному из руководителей наньчанских рабочих, восстановить мост. В ночь на 27 июля мост был восстановлен рабочими-железнодорожниками, и войска Хэ Луна и Е Тина, приветствуемые трудящимися города, вступили в Наньчан¹⁰. 27 июля в Наньчане объединились все революционные войска. Части Хэ Луна, Е Тина, Чжу Дэ в то время еще формально оставались в составе Национально-революционной армии, командование которой вместе с гоминьдановским руководством в Ухане уже изменило революции. Узнав о вступлении революционных войск в Наньчан, изменник Ван Цзин-вэй созвал 29 июля совещание, которое приняло решение «дать строжайший приказ Хэ Луну и Е Тину о срочном отводе своих частей обратно в город Цзю-цзян». Одновременно Чан Кай-ши начал подготовку к наступлению на Наньчан, мобилизовав для этого 50 тыс. солдат и офицеров¹¹. Однако ни «приказы», ни мобилизация реакционных войск не смогли предотвратить восстания, организованного коммунистами с целью продолжения революции и оказания отпора гоминьдановским реакционерам.

Восстание началось 31 июля в 22 часа. Через 30 минут революционные войска вступили в бой с гоминьдановскими частями 3-го корпуса и, несмотря на наличие у противника артиллерии, одержали над ним полную победу. Через три часа после начала боев гоминьдановские войска в Наньчане (пять-шесть полков) были разгромлены и разоружены. Вооружение, отобранное у гоминьдановских войск, было передано бойцам рабочих и крестьянских отрядов, ряд контрреволюционеров был арестован, вклады богачей в местных банках конфискованы¹².

В ходе восстания в Наньчане был создан Революционный комитет из 25 человек, в состав которого в числе других вошли Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, Хэ Лун, Юнь Дай-ин, У Юй-чжан, Го Мо-жо и такие выдающиеся деятели революционного движения в Китае, как Сун Цин-лин и Хэ Сян-нин. При Революционном комитете были созданы: военный штаб во главе с Лю Бо-цзюем, комитет пропаганды под руководством Го Мо-жо, политотдел, возглавлявшийся Юнь Дай-ином, финансовый комитет, руководимый Линь Бо-цзюем, и отдел политической безопасности во главе с Ли Ли-санем. Секретариатом комитета руководил У Юй-чжан.

⁷ 吳民。蕭楓合編。從五四到中華人民共和國的誕生。(У Минь и Сю Фэн. От «4 мая» до образования Китайской Народной Республики). Пекин, Синьчао шудянь, 1951, стр. 81.

⁸ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, стр. 168, прим. 14.

⁹ «Жэньминьжибао», 25 июля 1957 г.

¹⁰ 唐鑑海。中央老根據地印象記。(Тан Те-хай. Записки о старой Центральной базе). Шанхай, Лаодун, 1952, стр. 12—13.

¹¹ Шэнь Цзы-минь. Наньчанское восстание. «Народный Китай», 1957, № 6, стр. 18.

¹² «Повсюду красные знамена», стр. 1; Тан Те-хай. Указ. соч., стр. 1; Шэнь Цзы-минь. Указ. соч., стр. 18—19.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 160.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4, стр. 469.

⁵ Чжоу Энь-лай в период революции 1924—1927 гг. руководил военной работой ЦК КПК.

⁶ См., например, воспоминания о Наньчанском восстании его участника Чэнь Гапа (ныне — член ЦК Коммунистической партии Китая, член Государственного комитета обороны Китайской Народной Республики и заместитель начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая) в книге 到處是紅旗。(Повсюду красные знамена). Пекин, Чжунго цинянь шудянь, 1953, стр. 1.

Революционные войска реорганизовались в три корпуса: 9-й под командованием Чжу Дэ, 11-й под командованием Е Тина и 20-й под командованием Хэ Луна. Главкомандующим назначили Хэ Луна, командующим фронтом — Е Тина¹³. Секретарем фронтового партийного комитета, а затем комиссаром 11-го корпуса был Не Жун-чжэнь. Активное участие в восстании принимали также Чэнь И и Линь Бяо. Таким образом из десяти выдающихся полководцев китайского народа, которые первыми в Китайской Народной Республике получили звание маршалов Китайской Народной Республики, шесть (Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бо-чэн, Хэ Лун, Чэнь И, Не Жун-чжэнь) участвовали в Наньчанском восстании.

Оставаться в Наньчане, куда сравнительно быстро могли быть переброшены крупные силы гоминьдана, а по реке Ганьцзян — иностранные военные корабли, восставшие не могли. 5 августа, по заранее намеченному плану¹⁴, революционные войска вышли из Наньчана и двинулись на юг, к провинции Гуандун. Пройдя через города провинции Цзянси — Фучжоу, Наньчэн, Наньфын, Гуанчан, Жуйцзинь, они 1 сентября 1927 г. вступили в бой с гоминьдановскими войсками у г. Хуэйчан. Отбросив противника от Хуэйчана, революционные части продолжали свой поход на юг. Через район Тинчжоу (Чантин) — Шанхан они вышли к городам Чаочжоу и Сватоу (Шаньтоу) на востоке провинции Гуандун. 24 сентября революционные войска заняли Сватоу при поддержке отрядов рабочих и крестьян, поднявших в городе восстание. Однако уже 30 сентября они были вынуждены оставить Сватоу в связи с тем, что в районе города стали сосредотачиваться превосходящие силы гоминьдановцев. У г. Танкэн войска противника численностью в 15 тыс. солдат и офицеров нанесли революционным частям поражение. Бойцы и командиры-революционеры проявили в этом сражении исключительный героизм и мужество. Чэнь Гэн вспоминает, например, что Чжоу Эн-лай во время боя у Танкэна был тяжело болен, но, несмотря на это, сам руководил действиями революционных бойцов, личным примером воодушевлял их на подвиг. 25-я дивизия под командованием Чжу Дэ трое суток вела бои с тремя дивизиями противника у Саньхэба и нанесла ему большие потери¹⁵.

Когда обстановка осложнилась до крайности, Чжу Дэ собрал 1700—1800 бойцов и обратился к ним с призывом продолжать революционную борьбу. Он сказал: «После поражения революции 1905—1907 гг. в России революция победила в России в 1917 году. Хотя китайская революция и потерпела теперь поражение, но мы будем иметь свой 1917 год. Те, кто хочет бороться за победу революции, за мной!»¹⁶. Чтобы продолжать борьбу, отряд Чжу Дэ отступил на запад, в южную Цзянси, а затем в северный Гуандун.

Революционные войска, участвовавшие в Наньчанском восстании, потерпели поражение прежде всего потому, что не сочетали свою борьбу с крестьянским революционным движением в провинции Цзянси и других районах. Во время похода на юг не было выдвинуто ясной программы решения аграрного вопроса. Старый участник революционных событий Хуан Линь рассказывал: «простые люди радовались приходу революционной армии. Они хотели знать, что написано на ее знаменах, какой порядок она несет с собой. Но в тот момент у революционной армии не

было четкой политической программы. А народ хотел, чтобы цели армии были ясны. «Как с землей? Как будем с землей?» — спрашивали у солдат в деревнях. Но армия не могла ответить на насущный этот вопрос. Солдаты отвечали, что каждый пахарь будет иметь свое поле, но больше этого они не могли сообщить ничего. Когда крестьяне просили объяснить подробнее, им отвечали: «Подождите немножко, придем в Кантон и решим все. Кантон не за горами»¹⁷. Кантон не был взят, а повстанцы потерпели поражение в районе Сватоу, так и не выдвинув четкой программы борьбы.

Надо иметь в виду, кроме того, что на стороне гоминьдановской армии был решающий перевес в численности и вооружении. Далее, недостаточно хорошо была организована партийная работа в революционных войсках — партийные ячейки имелись только в полках; в батальонах и ротах их не было. Это ограничивало возможность проведения политической работы среди бойцов.

Говоря об ошибках, способствовавших поражению революционных войск, один из руководителей Наньчанского восстания Хэ Лун писал: «Наньчанское восстание было первым актом вооруженной борьбы, организованной нашей партией. В то время у нас еще не было правильных решений, или эти решения были чрезвычайно поверхностными, по основным вопросам вооруженной борьбы, относительно которых Мао Цзэ-дун выдвинул следующие положения: в Китае вооруженная борьба фактически является крестьянской войной, революционные войска должны соединиться с массовым рабоче-крестьянским движением, развивать рабоче-крестьянские вооруженные силы, создавать революционные опорные базы в сельской местности, чтобы накопить и увеличить свои силы и уничтожить силы противника. После Наньчанского восстания не был правильно решен вопрос о том, куда идти войскам. В то время в Хубэе, Хунани и Цзянси, особенно в Хунани, крестьянское движение переживало огромный подъем. Войска, участвовавшие в восстании, должны были соединиться с крестьянским движением в Хунани и Цзянси, создать революционную опорную базу, вести упорную, длительную партизанскую войну, увеличивать свои силы и уничтожать врага. А нам в то время была совершенно неясна идея создания революционных опорных баз и ведения длительной партизанской войны, поэтому войска Наньчанского восстания не соединились с крестьянским движением в Хунани и Цзянси, а пошли на юг, в Гуандун. Конкретные действия недостаточно соответствовали условиям времени и места, в течение длительного похода политическая работа в войсках была организована недостаточно хорошо, к тому же силы врага (объективный фактор) были велики, а руководству (субъективный фактор) не доставало опыта. Все это и привело к тому, что большая часть войск Наньчанского восстания потерпела поражение. Лишь часть сил соединилась в Цзинганшане с рабоче-крестьянскими вооруженными силами, участвовавшими под руководством Мао Цзэ-дуна в восстании Осеннего урожая — тогда-то и была официально создана Рабоче-Крестьянская Красная армия Китая»¹⁸.

Коротко определяя причины поражения войск Хэ Луна и Е Тина, Мао Цзэ-дун говорил в 1935 г., что эти войска «еще не представляли собой политически крепкую армию, и к тому же партия не умела ими руководить; в конечном счете они потерпели поражение»¹⁹.

Несмотря на неудачу, Наньчанское восстание сыграло большую роль

¹³ Шэнь Цзы-минь. Указ. соч., стр. 19.

¹⁴ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, стр. 429, прим. 30.

¹⁵ Сообщение ЦК Коммунистической партии Китая от 24 октября 1927 г. «Обстоятельства поражения войск Е Тина и Хэ Луна». Цит. по книге 胡華主編《中國新民主主義革命史參考資料》(Материалы к изучению истории новодемократической революции в Китае, сост. Ху Хуа). Пекин, 1951, стр. 274; см. также «Повсюду красные знамена», стр. 1—4.

¹⁶ «Очерки по новой истории Китая». М., Изд-во иностр. лит-ры. 1953, стр. 95.

¹⁷ Н. Федоренко. Китайские записи. М., «Советский писатель», 1955, стр. 83.

¹⁸ 賀龍、同憶八一南昌起義。新華月報(Хэ Лун. Воспоминания о Наньчанском восстании 1 августа 1927 г.) «Синьхуаюэбао», 25 августа 1952 г., т. IV, № 4 (222), стр. 761.

¹⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, стр. 283.

в развитии революционной борьбы китайского народа. Восстание отчетливо указало политическое направление китайской революции. С этого момента коммунистическая партия начала самостоятельно руководить революцией, революционной вооруженной борьбой. Это был первый контрудар трудящихся масс, руководимых коммунистической партией, направленный против гоминьдановской контрреволюции и приведший к образованию Красной армии (как тогда называлась Народно-освободительная армия) и революционных опорных баз.

Поражение Наньчанского восстания было временным поражением революции. Под огнем врага коммунистическая партия перестраивала свои ряды. На совещании ЦК Коммунистической партии Китая 7 августа 1927 г. в г. Цзюцзяне правый оппортунист Чэнь Ду-сю был отстранен от руководства. По решению этого совещания в ряде районов страны были подняты крестьянские восстания, названные восстаниями Осеннего урожая. Наиболее крупным из этих восстаний руководил Мао Цзэ-дун, под руководством которого повстанцы создали в октябре 1927 г. в горном районе Цзинганшань на границе провинций Хунань и Цзянси первую опорную революционную базу в деревне.

Руководимый Чжу Дэ, Чэнь И и Линь Бяо отряд участников Наньчанского восстания после нескольких месяцев партизанской борьбы в районе на стыке трех провинций — Гуандун, Цзянси и Хунань, вместе с крестьянами-повстанцами южной Хунани пришел в апреле 1928 г. в Цзинганшань и соединился с революционными войсками Мао Цзэ-дуна. Так был создан знаменитый в истории китайской революции 4-й корпус — первое относительно крупное соединение Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

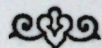
Китайский народ отмечает день 1 августа как день рождения Народно-освободительной армии Китая, эмблемой которой стала пятиконечная звезда с вычеканенными на ней иероглифами, обозначающими «1 августа». Эти же иероглифы изображены рядом с пятиконечной золотой звездой на Красном знамени Народно-освободительной армии. В приказе Народно-революционного совета, изданном в апреле 1949 г., говорилось: «Новый флаг и новая эмблема символически означают, что Народно-освободительная армия Китая освещает всю страну звездным сиянием после продолжительной борьбы, начавшейся во время Наньчанского восстания 1 августа 1927 года...».

Так китайский народ отдал дань глубокого уважения и признательности своим героям, своей родной армии, которая, пройдя славные и неимоверно трудные 22 года борьбы, в 1949 г. сломила хребет черным силам реакции.

SUMMARY

After the defeat of the Revolution of 1924—1927, the Communist party of China, carrying on the struggle for the liberation of the Chinese people, organized a number of revolutionary uprisings which initiated the second revolutionary civil war. The first of these was the uprising against the counter-revolutionary rule of the Kuomintang started by several units and formations of the National Revolutionary Army and by armed workers' and peasants' detachments, on August 1, 1927 at Nanchang.

The Nanchang uprising is on record in the history of the Chinese revolution as an important event which made a very valuable contribution to the organization of the armed forces of workers and peasants. And August 1 is therefore celebrated in the Chinese People's Republic as the birthday of the People's Liberation Army of China.

ИНДИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

(О государственном секторе в экономике Индии)

Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

В августе текущего года исполнилось десять лет со дня провозглашения независимости Республики Индии. Вслед за разгромом фашизма во второй мировой войне, победой Великой Китайской революции, достижение Индией национальной независимости явилось событием огромного исторического значения.

Перед многострадальной Индией, на протяжении двухсот лет находившейся под властью английских колонизаторов, открылся путь самостоятельного развития. Как и тогда, когда народы Индии мужественно боролись за свержение гнета колонизаторов, так и сейчас, когда они ведут борьбу за укрепление своей независимости на путях индустриализации страны на национальной основе, советский народ оказывает народам Индии дружескую поддержку в их справедливых исторических стремлениях. Советские люди с радостью отмечают, что в жизненно важном вопросе современности — в борьбе за упрочение мира и смягчение международной напряженности — народы Индии вместе с народами Советского Союза и других миролюбивых стран идут в первых рядах активных сторонников мирного сосуществования.

Эта общность интересов Советского Союза и Индии определяет плодотворное взаимное сотрудничество народов обеих стран в расширении экономических, научно-технических и культурных связей.

* * *

Основной проблемой современной Индии является разрешение противоречия между потребностью общества в быстром развитии производительных сил на основе индустриализации страны и аграрных преобразований и крайней промышленной и сельскохозяйственной отсталостью, являющейся наследием колониального прошлого. Национальная буржуазия стремится разрешить это противоречие на путях развития капиталистического и, прежде всего, государственно-капиталистического хозяйства и постепенного осуществления земельных реформ.

Империализм по-прежнему пытается задерживать развитие производительных сил Индии и препятствовать преодолению технико-экономической отсталости страны. Хотя империализм и лишился своей былой политической и экономической монополии, однако позиции, занимаемые им

в экономике Индии, позволяют ему вести антииндустриализаторскую политику новыми методами.

Было бы неправильным рассматривать условия разрешения основного противоречия современной Индии лишь в экономическом аспекте, только как внутреннюю проблему технической реконструкции производительных сил страны. Следует иметь в виду и политический аспект этой проблемы, заключающийся в отстаивании и укреплении независимости страны в борьбе с империализмом.

Образование мировой системы социалистических государств, распад колониализма коренным образом изменили условия развития Индии. Вырвавшись из цепей английского колониального господства, Индия добилась значительных успехов в борьбе за экономическую независимость. Экономическая монополия иностранного капитала как внутри страны, так и во взаимоотношениях Индии с другими странами в известной мере подорвана, хотя и оказывает еще влияние на индийскую экономику. В своих взаимоотношениях с иностранным капиталом Индия теперь может противостоять его колониальным устремлениям, опираясь на экономическое сотрудничество с мировой социалистической системой, что радикально укрепляет ее позиции.

* * *

Преодоление технико-экономической отсталости страны является объективной экономической и политической необходимостью, вытекающей из потребностей внутреннего развития Индии и международных условий ее жизни. По сравнению с Англией потребление на душу населения в Индии было в 1949 г. меньше: по углю в 48 раз, по стали в 51 раз, по нефти в 42 раза, по цементу в 21 раз, по электроэнергии в 80 раз¹. Еще значительнее этот разрыв в сравнении с уровнем США. По данным М. Саха производительность труда одного работника в Индии в целом, с учетом всех отраслей хозяйства, в 6 раз ниже, чем производительность труда в Англии, и в 10 раз ниже, чем в США².

Индия, в которой из каждых 10 работников — 7 заняты в сельском хозяйстве, до последнего времени не могла прокормить свое население и была вынуждена импортировать продовольствие.

Низкому уровню производства и потребления соответствует и низкий уровень накопления. Новые капитальные вложения (без амортизационных фондов) составляли ко всему национальному доходу (в % %)³:

1948/49 г. — 5,2%	1952/53 г. — 6,7% ¹
1949/50 г. — 5,8%	1953/54 г. — 6,8%
1950/51 г. — 6,2%	1954/55 г. — 6,5% ¹
1951/52 г. — 6,7%	1955/56 г. — 7,3%

Доля накопления в национальном доходе Индии за последние 7 лет увеличилась на 2%. К концу второго пятилетнего плана (1961 г.) она должна составить 10,7%, т. е. увеличиться за 10 лет на 4,5%, или почти в два раза⁴.

¹ «Indian Journal of economics», July 1956, p. 72; «Monthly bulletin of statistics». Statistical Office of the United Nations, September 1956.

² M. Saha. Rethinking our future. «Science and Culture», 1953, No. 8, 9, 10, 12; 1954, No. 1.

³ «India, a reference annual 1956». Delhi, Ministry of Information, p. 95; «Second Five Year Plan». Government of India, 1956, p. 3, § 5.

⁴ «Second Five Year Plan», p. 10—11.

Относительная слабость частного национального капитала, обусловленная недавним колониальным положением страны, и сопротивление иностранного капитала индустриализации Индии требуют ускорения аккумуляции капитала в руках государства в целях осуществления крупнейших капитальных вложений.

Неравномерность экономического развития капитализма в Индии сказывается прежде всего в том, что наряду с относительно высокими формами централизации частного капитала и концентрации производства в некоторых отраслях промышленности, большие массы денежного капитала ликующих классов длительное время функционируют как в городе, так и особенно в деревне в примитивных, первоначально-капиталистических, хищнических торгово-ростовщических формах. Государственный капитализм является реальным средством ограничения и сокращения первоначальных капиталистических форм накопления, частичного обуздания его хищнического характера, а при известных условиях и использования этих видов капитала для промышленного развития страны под контролем государства.

Стремясь сократить период преодоления технической отсталости и господства связанных с ней примитивных форм капитала, Индия должна развивать свои производительные силы на уровне последних достижений техники, следовательно, с высоким органическим составом капитала. Развитие капиталоемких отраслей хозяйства (металлургии, машиностроения, энергетической и химической промышленности, коммуникаций), т. е. создание национального производства средств производства, являющегося основой независимости, а также преобразование сельского хозяйства требуют форсированного развития государственного сектора в экономике Индии.

Это не исключает развития частного отечественного капитала, а также привлечения иностранного капитала, однако их участие в создании ключевых отраслей промышленности в известной мере ограничено соответствующим законодательством.

Высокий технический уровень вновь создаваемой тяжелой промышленности и связанные с ним большие первоначальные капиталовложения превышают возможности частного капитала и не обеспечивают ему ни быстрой оборачиваемости, ни максимальных прибылей. Иностраный капитал, в свою очередь, ни политически, ни экономически не заинтересован в индустриализации Индии. Только государственный капитализм в состоянии в данных условиях обеспечить крупные инвестиции, одновременно привлекая частный капитал под контролем государства для строительства промышленности. Правящие круги Индии справедливо убеждены в том, что укрепление политической независимости страны непосредственно связано с развитием промышленности, прежде всего тяжелой, и что государство должно направлять и форсировать ее развитие.

Сторонники колониализма ведут ожесточенную борьбу против государственного сектора в хозяйстве Индии, развития тяжелой промышленности, государственного планирования и принятых в плане темпов индустриализации, против установления контроля за деятельностью частного капитала. Однако их старания не достигают цели. Империалисты усиленно рекламируют необходимость развития экономики Индии в аграрно-сырьевом направлении и всемерной ориентации на иностранные займы, на «помощь» иностранного капитала.

«Мы убеждены, — заявил Дж. Неру, — что вся индустриализация должна покоиться на тяжелой промышленности, под которой я понимаю машиностроение, не говоря уже о черной металлургии»⁵. Дж. Неру счи-

⁵ T. Mende. Conversations avec Nehru. Paris, 1956, p. 165.

тает, что для индустриализации Индии нежелательно образование частных капиталистических монополий. «Что касается тяжелой промышленности, то мы желаем избежать образования монополий в руках частных лиц, ибо это помешало бы как процессу уменьшения неравенства, так и общему социальному прогрессу... Мы думаем, что ключевые отрасли индустрии должны находиться под государственным контролем»⁶.

Полагаясь в основном на собственные ресурсы, Индия не считает возможным отказываться от помощи более развитых стран. Но США, ссылаясь на право частной собственности, на специальное патентное законодательство, оказывают крайне незначительное содействие Индии в развитии ее тяжелой промышленности. Ведущий экономический журнал Индии «Indian Finance» в связи с этим писал: «Переключение внимания во втором пятилетнем плане на индустриализацию не внесло изменений в характер американской помощи..., она стремится концентрироваться на второстепенных и, следовательно, скорее, несущественных, чем центральных задачах плана. Удивительно, что до сих пор США не участвуют ни в одном индийском проекте строительства металлургических заводов, в то время как другие крупные сталепроизводящие страны оказывают нам помощь... Наиболее промышленно развитая страна мира до сих пор не участвовала в том, что считается краеугольным камнем промышленного прогресса...»⁷.

Один из проповедников неоколониалистского курса США в слаборазвитых странах М. Виндмиллер признает, что «если США хотят иметь добрые отношения с Индией, то они должны избегать видимости (!?) поддержки колониализма, ... едва ли удивительно, — пишет далее Виндмиллер, — что в Индии распространена уверенность, что капиталистические страны, подобно США, не желают видеть Индию индустриальной страной»⁸.

Планы неоколониализма под маской «помощи» отвергаются как широкими массами Индии, так и ее правительством. Последовательное развитие государственного капитализма поэтому является важнейшим средством политической и экономической самозащиты от проникновения иностранного капитала и попыток навязывания новых форм колониализма.

В тех слаборазвитых странах, которые укрепляют свою национальную независимость, не входят в агрессивные военно-политические блоки и ведут миролюбивую политику, государственный капитализм представляет собою безусловно прогрессивное явление, поскольку он ослабляет лагерь империализма и усиливает его общий кризис.

Генезис индийского государственного капитализма отличен от процесса образования государственно-монополистического капитализма в странах Западной Европы и в США. Государственный капитализм в Индии возник не в результате длительного процесса свободного капиталистического развития, складывания монополий и сращения их с государством. По своему экономическому происхождению, политическому характеру, по последствиям, вытекающим из его развития в данный период, индийский государственный капитализм — это государственный капитализм особого рода. Во-первых, он развивается в громадной, второй в мире по численности населения аграрной стране, в эпоху существования мировой системы социалистических государств и распада колониальной системы империализма; во-вторых, он вырос из потребности более ускоренного преодоления технико-экономической отсталости страны, бывшей в недавнем прошлом колонией, и потому не является государственно-

монополистическим капитализмом; в-третьих, он имеет антиимпериалистический характер, направленный на укрепление экономической и политической независимости путем индустриализации страны; в-четвертых, государство, осуществляющее его, ведет миролюбивую политику и укрепляет силы мира.

Монополистические объединения индийской буржуазии стремятся оказывать влияние на проведение государственной экономической политики. Некоторые крупные капиталистические объединения упорно выступают против развития государственного капитализма или, по крайней мере, за ограничение сферы деятельности государственного сектора (группа Бирла и др.). В то же время другие группы крупной буржуазии поддерживают государственно-капиталистическую политику правительства и стремятся использовать ее в своих целях (группа Тата и др.). Различия в позиции отдельных групп крупной буржуазии в отношении государственного капитализма зависят от ряда конкретных обстоятельств.

Индийская печать отмечает факты персональной унии некоторых должностных лиц государства, состоящих на службе в аппарате капиталистических объединений или пришедших оттуда в государственный аппарат. Отмечаются также финансовый фаворитизм отдельных звеньев государственного аппарата в отношении крупных капиталистов, а также коррупция — явления, обычные для буржуазного государства, но при

Таблица 1

Капитальные фонды государственного и частного секторов (в млн. рупий) в 1951 г.*

Отрасли хозяйства	Номинальный государственный капитал центрального правительства Индии	Номинальный частный отечественный и иностранный капитал	Всего	Доля (в %) к общему итогу	
				государственного сектора	частного сектора
Железные дороги, мастерские и паровозостроительные заводы . . .	8 370	—	8 370	100	—
Ирригационные сооружения	2 300	—	2 300	100	—
Связь всех видов	530	—	530	100	—
Предприятия по выработке электроэнергии	490	700	1 190	41,0	59,0
Фабрично-заводская промышленность	440	11 100	11 540	3,8	96,2
Добыча полезных ископаемых	—	300	300	—	100
Плантации	—	1 000	1 000	—	100
Гражданская авиация, судоходство и порты . .	180	320	500	36	64
Автомобильный, речной транспорт и паромные компании . . .	—	1 300	1 300	—	100
Центральная тракторная организация	50	—	50	100	—
Итого	12 360**	14 720	27 080	45,5	54,5

* Источник: «The First Five Year Plan». Bombay, 1952, p. 32—37.

** Помимо 12 360 млн. руб. номинальной стоимости инвестиций, принадлежащих государству, городские муниципалитеты и их организации владеют номинальным капиталом свыше 10 млрд. рупий, но имеющим непосредственного отношения к промышленно-производственной деятельности.

⁶ Т. Mende. Указ. соч., стр. 135.

⁷ «Indian Finance», April 13, 1957, p. 683.

⁸ «Far Eastern survey», March 1956, p. 35, 36.

всем этом государственный капитализм в Индии на данном этапе не является результатом сращивания и подчинения аппарата Индийского государства монополистическим объединениям крупной индийской буржуазии.

По оценке Национальной плановой комиссии (апрель 1951 г.) объем и структура капитальных фондов (без сельского хозяйства и мелкой промышленности), принадлежащих центральному правительству Индии и частному отечественному и иностранному капиталу, представляется в следующем виде (см. табл. 1).

Владея монопольными позициями в области железнодорожного транспорта, связи и ирригационных сооружений, государственно-капиталистический сектор к началу 1951 г. по стоимости инвестиций был в 26 раз слабее частного сектора в фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности. Доля государственного сектора в промышленной продукции страны в начале первого пятилетнего плана составляла всего 3,2%.

В итоге первого пятилетнего плана в промышленности произошли частичные структурные изменения в пользу тяжелой промышленности. К концу первого пятилетнего плана в руках государства было сосредоточено большинство новых предприятий машиностроительной, энергетической, химической отраслей промышленности, что увеличило долю государственного сектора до 7%. Курс на создание прочного и сильного государственного хозяйства находит во втором пятилетнем плане более полное отражение, чем в первом, предусматривавшем развитие промышленности, главным образом в частном секторе.

Таблица 2

Динамика капиталных вложений в государственную и частную фабрично-заводскую и горнодобывающую промышленность (в млн. рупий)*

	Вложения			Доля вложений в %	
	государственные	частные	всего	государственных	частных
Сумма капиталовложений к началу первого пятилетнего плана (1950/51)	440	11 100	11 540	3,8	96,2
Фактически вложено за период первого пятилетнего плана (1950/51—1955/56)	1 340	3 100	4 440	30,2	69,8
Итого к концу первого пятилетнего плана (1955/56)	1 780	14 200	15 980	11,1	88,9
Темпы прироста в период первого пятилетнего плана	4,1 раза	1,3 раза	1,4 раза	—	—
Запроектированные капиталовложения в период второго пятилетнего плана (1955/56—1960/61)	6 900	5 750	12 650	54,5	45,5
Итого капиталовложений к концу второго пятилетнего плана (1960/61)	8 680	19 950	28 630	30,3	69,7
Темпы прироста капиталных вложений за 10 лет (1951—1961)	19,7 раза	1,8 раза	2,5 раза	—	—

* Источник: «Second Five Year Plan», p. 51—57.

Таким образом, капиталовложения в государственную промышленность за десять лет должны возрасти почти в 20 раз, в то время как в частном секторе лишь в 1,8 раза. Следовательно, в течение рассматриваемого

десятилетия по плановым предположениям процесс расширенного воспроизводства капитала в государственной промышленности должен проходить примерно в 11 раз быстрее, чем в частной. Более высокие темпы расширенного накопления и являются, в сущности, главным экономическим преимуществом государственного капитализма в стране, недавно вступившей на путь индустриализации. Подобные темпы накопления в государственной промышленности Индии стали возможными только благодаря образованию мирового социалистического лагеря и распаду колониальной монополии империализма, в результате чего Индия может широко превращать денежный капитал в определенную, необходимую для индустриализации вещественную форму — в средства производства для производства средств производства⁹. До образования мировой системы социалистического хозяйства индустриализация Индии была скована монополией Англии на средства производства вообще и на производство средств производства в особенности. После ликвидации этой монополии индустриализация Индии экономически определяется главным образом ее способностью аккумулировать средства для расширенного накопления капитала, а политически — способностью последовательно

Таблица 3

Структура капиталных фондов государства*

Структура отложений по отраслям	Номинальная стоимость основных капиталных фондов государства в млн. рупий			
	на начало первой пятилетки 1950/51 г.	в % к итогу	к концу второй пятилетки 1960/61 г. (т. е. через 10 лет)	в % к итогу
Железные дороги, авиация, автодорожный транспорт и связь всех видов, судоходство	9 080	73,6	28 480	51,4
Ирригационные сооружения	2 300	18,8	10 830	21,4
Энергетические предприятия	490	4,0	7 550	13,6
Фабрично-заводская и горнодобывающая промышленность	440	3,6	8 680	15,6
Итого	12 310	100	55 540	100
Кроме того: сельское хозяйство (без общинных проектов и блоков национального развития)	50	—	6 470	—
Сельская и мелкая промышленность	—	—	2 300	—

* Источник: «Second Five Year Plan», p. 56—58, 92—94.

противостоять империализму и преодолевать его сопротивление промышленному прогрессу страны. Этот процесс индустриализации будет протекать, по-видимому, тем успешнее, чем шире будут привлекаться государством капиталы и доходы имущих классов и иностранных монополий (на необходимость чего систематически указывает прогрессивная общественность Индии) и чем быстрее будет уменьшаться доля иностранного капитала в экономике страны.

⁹ «Правительство положило конец прежней униженной зависимости от английских и американских империалистов в области средств производства и технических знаний и готово воспользоваться помощью социалистического мира для развития нашей промышленности». Резолюция IV Съезда Компартии Индии (см. «New age», Communist Party, Weekly, 20 мая 1956, стр. 7).

В результате более высоких темпов накопления второй пятилетний план предусматривает изменение внутренней структуры государственного сектора, что видно из следующих данных (в них не включены государственные капиталовложения в сельское хозяйство, общинные проекты, жилищное строительство, муниципалитеты, социальное обслуживание и т. д.) (см: табл. 1).

Таким образом, государственно-капиталистическое производство становится важнейшим средством дальнейшей, более ускоренной индустриализации страны. Индустриализация с помощью государственного капитализма столь обширной и слабо развитой страны, как Индия, бесспорно, знаменует собой продолжение на самостоятельной, национальной основе промышленного переворота в методах и технике производства, задержанного и скованного колониальным господством. Вместе с тем совершенно очевидно, что природа государственного капитализма определяется классовым характером общества и самого государства.

Огосударствление отдельных предприятий или отраслей хозяйства в Индии проводится при сохранении и упрочении национального капитализма. Не изменяя коренным образом социальных отношений собственности, оно, естественно, не заменяет и не может заменить капиталистическую собственность всенародной собственностью. Государственная собственность в Индии принципиально не отличается от собственности капиталистической, хотя и является исторически и экономически новой, более прогрессивной формой буржуазной собственности.

Новые формы экономического развития Индии, нашедшие свое выражение в государственном капитализме, в планировании и аграрных реформах, отождествляются некоторыми индийскими экономистами с социализмом. Следует учитывать, что среди трудящегося населения Индии широко распространены социалистические настроения и стремления. Трудящиеся массы надеются, если не миновать, то, во всяком случае, сократить капиталистический путь развития. Эти стремления объективно содействуют изоляции империализма и внутренней реакции и укреплению дружбы и сотрудничества народов стран социалистического лагеря с национально-освободительным движением в Индии.

Дальнейшее экономическое развитие Индии, как свидетельствует второй пятилетний план, будет осуществляться как путем нового государственного строительства основных отраслей тяжелой промышленности, так и в частнохозяйственных формах при установлении контроля над деятельностью частного капитала. Ирригационное строительство, электрификация, общинные проекты, «служба национального развития», рост кооперации и проведение системы аграрных мероприятий предусматривают усиление влияния государства также и на экономическое развитие деревни.

* * *

Вопрос об использовании иностранного капитала в экономическом развитии Индии имеет первостепенное значение. Бескорыстная помощь СССР и других социалистических стран, предоставляемая Индии для развития важнейших отраслей ее промышленности, заставляет иностранный капитал приспосабливаться к новым условиям. Если до распада колониализма и образования системы социалистических государств и даже сравнительно недавно монополистические круги империалистических государств пытались навязывать Индии кабальные условия в финансовых и экономических взаимоотношениях, то ныне обстановка изменилась. Еще в 1953 г. Индия вынуждена была согласиться на тяжелые условия кредита, предоставленного ей монополистической фирмой Крупп-Демаг для строящегося

металлургического завода в Роурке. Эти условия предусматривали уплату 12% годовых за предоставляемое оборудование с последующим покрытием суммы кредита акциями на совместное владение заводом. В конце 1956 г. Индийское правительство, учитывая обстановку, сложившуюся для Индии в результате принципиально новых экономических взаимоотношений со странами социалистического лагеря, отказалось от кредита, предоставленного фирмой Крупп-Демаг и лишило фирму ее доли в акционерном капитале будущего завода. В результате фирма Крупп и другие западногерманские фирмы согласились на поставку оборудования по сниженным ценам и без соучастия во владении заводом.

Экономическая «помощь» империалистических государств и их монополий таит в себе, как об этом пишет прогрессивная печать Индии, опасность для экономической независимости страны.

Отношение правительства независимой Индии к иностранным капиталовложениям впервые было выражено в декларации «О политике в области промышленности» (6 апреля 1948 г.). Этот документ провозглашал принцип всестороннего государственного контроля за развитием промышленности и образования государственного сектора. Вместе с тем независимое правительство Индии заявило о желательности широкого привлечения иностранного капитала к промышленному развитию страны. В декларации говорилось: «Индийский капитал нуждается в том, чтобы он был дополнен иностранным не только потому, что наши национальные накопления недостаточны для быстрого развития страны в желательных масштабах, но также и потому, что во многих случаях научные, технические и промышленные знания, а также капитальное оборудование могут быть обеспечены лишь с помощью иностранного капитала»¹⁰.

Одновременно в декларации подчеркивалась контролирующая роль государства в отношении иностранного капитала. «...Участие иностранного капитала будет желательным на определенных условиях в соответствии с национальными интересами страны... Центральное правительство будет внимательно рассматривать и утверждать каждый отдельный случай участия иностранного капитала в развитии промышленности»¹¹. Иностранному капиталу, участвующему на этих условиях в промышленном развитии страны, обеспечивались перевод прибылей за границу, право репатриации, обязательность выплаты компенсации в случае национализации.

Последняя перепись иностранного капитала в Индии была проведена 31 декабря 1953 г., ввиду чего период 1954—1956 гг. выпадает из анализа (см. табл. 4).

Частный иностранный капитал упорно избегал участия в развитии тяжелой промышленности. Характерно, что до 1953 г. почти не образовывались новые частные фирмы. Из 1370 млн. рупий инвестиций английского частного капитала только 90 млн. рупий, или 6,5%, было вложено в новые компании, точно так же как из 130 млн. рупий инвестиций американского капитала только 10 млн. рупий, или 7,7%, было вложено в новые компании. Все остальные частные вложения шли в фирмы, существовавшие до 30 июня 1948 г. Таким образом, большая часть старых частных иностранных компаний сохранилась, а их капиталы возросли главным образом за счет реинвестиции прибылей. Новые инвестиции частного иностранного капитала устремлялись в торговлю (главным образом нефтепродуктами), плантации, управляющие агентства, в финансовые учреждения (английские инвестиции) и коммунальные предприятия (глав-

¹⁰ «Report of the fiscal commission». New Delhi, 1949—1950, p. 416.

¹¹ Там же, стр. 414, 415.

Таблица 4

Частные иностранные долгосрочные инвестиции по номинальной стоимости
(в млн. рупий)*

Структура вложений	Англия		США		Другие страны		Всего		1953 в % к 1948
	1948	1953	1948	1953	1948	1953	1948	1953	
Обрабатывающая промышленность . . .	523,4	1084,4	43,5	97,5	152,6	175,3	719,5	1357,2	189
Горнодобывающая промышленность . . .	97,8	79,8	0,7	0,6	16,1	3,4	114,6	83,8	73
Торговля	490,0	694,0	47,4	191,4	106,1	62,4	643,5	947,8	147
В т. ч. нефтепродукты	—	—	—	—	—	—	—	674,0	—
Коммунальные предприятия	176,7	363,7	—	—	9,4	9,3	186,1	373,0	200
Транспорт (не железнодорожный)	107,6	117,6	—	—	18,4	14,8	126,2	132,0	105
Банки и финансовые учреждения	49,1	190,1	69,3	11,3	267,7	107,6	386,1	309,0	80
Плантации	502,8	709,8	—	—	19,7	11,8	522,5	721,6	138
Разные отрасли (в т. ч. управляющие агентства)	152,2	231,2	18,7	8,3	6,3	28,9	177,2	268,4	151
Всего	2099,6	3470,6	179,6	309,6	596,5	413,0	2875,7	4193,2	146
Увеличение (+) (в млн. рупий)	—	+1371	—	+130	—	—	—	+1317	—
Уменьшение (—) (в млн. рупий)	—	—	—	—	—	—183,5	—	—	—
Доля стран в общем итоге инвестиций (в %)	73,0	83,0	6,3	7,4	20,7	9,6	—	—	—

* Источник: «Census of India's foreign assets and liabilities». Bombay, 1955, р. 35, 37, 40, 75, 76, 77; «Survey of India's foreign liabilities and assets». Reserve Bank of India, 1955, р. 9, 10, 82.

ным образом городские электростанции). Основная масса инвестиций в 639,7 млн. рупий направлялась в обрабатывающую промышленность, в том числе в табачную (195 млн. рупий), спичечную (15 млн. рупий), нефтеперерабатывающую (87 млн. рупий), производство электротехнических изделий (72 млн. рупий), фармацевтическую промышленность (51 млн. рупий), сахарную (19 млн. рупий), пищевую (21 млн. рупий), стройматериалов (21 млн. рупий), металлургическую (12 млн. рупий) и другие отрасли промышленности (145 млн. рупий). В горнодобывающей промышленности частный капитал сократил свои инвестиции на 27%. Продолжая возрастать в сфере товарно-денежного обращения, в плантационном хозяйстве, в легкой промышленности, частный иностранный капитал, становясь все более паразитическим, замедлял процесс расширения внутреннего капиталистического накопления на национальной основе и противостоял подлинной индустриализации страны. Репатриация капитала за 1948—1953 гг. составила 500 млн. рупий, т. е. на 50 млн. рупий превысила приток нового заграничного денежного капитала.

Значительная иностранная государственная задолженность Индии (по данным переписи на 31 декабря 1953 г. — 3274,3 млн. рупий), есте-

ственно, осложняла финансовое положение и, в частности, уменьшала ее валютные резервы, столь необходимые для финансирования строительства государственных предприятий. Противоречия между задачами независимой Индии в развитии производительных сил и деятельностью частного иностранного капитала возросли. Не сбылись и чрезмерные надежды на иностранный капитал, высказывавшиеся некоторыми реакционными кругами в Индии. Частный иностранный капитал стремился тормозить реорганизацию экономики и техническую реконструкцию хозяйства на национальной основе. В то же время в последние годы по специальному решению правительства о снятии государственного контроля и о предоставлении на 25 лет гарантии от национализации частный американский и английский капитал в значительных суммах был привлечен к строительству нефтеперерабатывающих заводов.

В 1952 г. и в последующие годы ряд крупных капиталистических фирм и монополий США, Англии, Западной Германии, Швейцарии начали постепенно участвовать в строительстве и финансировании некоторых крупных государственных предприятий Индии, в поставке для них оборудования, оказании технической помощи, проектировании и т. д. Это явилось, с одной стороны, результатом конкуренции между крупными иностранными монополиями, стремившимися закрепить и усилить свои позиции, а с другой стороны, следствием того, что эти монополии учитывали невозможность устранить или приостановить развитие государственного хозяйства в Индии. Немаловажное значение имел и рост хозяйственных связей Индии с социалистическими странами.

* * *

Формы госкапитализма в Индии разнообразны. Они характеризуются следующими основными чертами:

а) Государство является собственником действующих предприятий или целых отраслей хозяйства, перешедших в его владение от иностранного капитала или от прежнего колониального государства в результате смены власти или последующей национализации.

б) Государство создает за свой счет или на совместных с частным капиталом началах специализированные торговые, промышленные и финансовые корпорации в национальном или провинциальном масштабах.

в) Государство осуществляет строительство предприятий непосредственно под своим руководством и за свой счет, или на совместных началах с частным отечественным и иностранным капиталом.

г) Государство осуществляет в различных формах контроль над деятельностью частнокапиталистических предприятий и фирм.

д) Государство после ввода в эксплуатацию законченного строительства предприятия, продолжающего оставаться государственной собственностью, передает его на определенных условиях в управление частнокапиталистической, а иногда иностранной фирме.

е) Государство осуществляет контроль над различными видами кооперации.

Для укрепления своих позиций в экономике страны правительство Индии национализировало на основе выкупа крупнейший в стране «Имперский банк Индии». При наличии мощного «Резервного банка Индии», перешедшего в собственность государства, эта мера существенно усилила регулирующую роль государства в финансах страны и в движении капиталов.

Государство предприняло ряд других мер для усиления своей роли в эмиссии частного отечественного и иностранного капиталов. С этой целью

в июле 1948 г. была образована смешанная государственно-частная промышленно-финансовая корпорация с первоначальным капиталом в 100 млн. рупий, на которую было возложено предоставление долгосрочных и краткосрочных займов промышленным предприятиям.

В октябре 1951 г. началась организация смешанных финансовых корпораций в штатах Республики Индии с преобладанием государственного капитала для кредитования мелких частных промышленных предприятий. Вместе с организованной в феврале 1955 г. правительственной «Национальной корпорацией мелкой промышленности» 14 корпораций в штатах Индии предоставили около 35 млн. рупий кредита мелким частным промышленникам для приобретения оборудования, расширения предприятий и для других целей.

В октябре 1954 г. была создана «Национальная корпорация промышленного развития» для финансирования крупных и средних частных предприятий, занятых производством машин и оборудования.

В феврале 1955 г. организовалась «Промышленная кредитная и инвестиционная корпорация Индии» исключительно на частной основе с привлечением иностранного капитала. Сумма акционерного капитала корпорации определена в 250 млн. рупий. Государство не представлено в самом аппарате корпорации, в ее правление входят представители индийских, американских и английских монополий.

В конце 1956 г. правительство основало «Государственную торговую корпорацию», «Государственную транспортную корпорацию». Кроме того, парламент принял проект, предоставляющий правительству право контроля, регулирования и прямого вмешательства в управление банковскими организациями и, в частности, в назначение руководящего персонала банков¹². Произведено некоторое частичное ограничение роли «управляющих агентств».

Во втором пятилетнем плане задачи индустриализации страны и роль государственного и частного капитала в ее проведении определены следующим образом: «Второй пятилетний план выдвигает как первоочередную цель индустриализацию и, особенно, развитие отраслей тяжелой промышленности... Главная ответственность за выполнение этой программы лежит на центральном правительстве»¹³.

В мае 1956 г. Народная палата индийского парламента приняла резолюцию «О промышленной политике», в которой, в частности, говорится: «...Необходимость планового и быстрого развития требует, чтобы все отрасли тяжелой промышленности, включая и отрасли стратегического значения, или связанные с общественным обслуживанием, входили бы в государственный сектор. Другие важные отрасли промышленности, требующие значительных капиталовложений, которые могут быть в нынешних условиях обеспечены только государством, также должны входить в государственный сектор».

Новая «Резолюция о промышленной политике» разделяет все отрасли народного хозяйства на три категории¹⁴.

К первой категории относятся отрасли народного хозяйства, развитие которых будет находиться исключительно в ведении государства (государственный сектор): железнодорожный и авиационный транспорт; военная промышленность; производство атомной энергии; черная металлургия; тяжелое машиностроение; тяжелое электромашиностроение; нефтяная промышленность; каменноугольная промышленность; главные

отрасли горнорудной промышленности; производство и распределение электроэнергии; производство средств связи; судостроение; основные отрасли цветной металлургии.

Ко второй категории принадлежат отрасли промышленности, развитие которых будет происходить при ведущей и усиливающейся роли государства, дополняемой участием частного капитала (смешанный сектор промышленности): алюминиевая промышленность; производство синтетического каучука; производство целлюлозы; производство химического сырья; производство удобрений; производство антибиотиков; производство металлообрабатывающих станков; автомобильный и морской транспорт.

В третью категорию включены все отрасли промышленности, не входящие в первую и вторую категории, развитие которых остается в частном секторе при контроле со стороны государства «в соответствии с основами социальной и экономической политики государства».

«Резолюция о промышленной политике» свидетельствует о дальнейшем курсе на усиление государственного сектора и на концентрацию в руках правительства контроля над промышленностью.

Согласно второму пятилетнему плану, государство предусматривает 48 млрд. рупий валовых капитальных вложений. Налоги, увеличивающиеся более чем вдвое, обеспечивают только половину этой суммы — 24 млрд. рупий, в том числе 12 млрд. рупий за счет роста внутреннего государственного долга. 12 млрд. рупий предполагается изыскать путем денежной эмиссии, 8 млрд. рупий — за счет ожидаемых иностранных займов, 4 млрд. рупий вообще не имеют источника покрытия¹⁵. Напряженность финансирования плана очевидна.

В результате практики «дефицитного финансирования» происходит увеличение денежной массы в стране; только за один 1955/56 г. она увеличилась на 2640 млн. рупий, или на 13,8%, возросла задолженность правительства Резервному банку на 1630 млн. рупий и частного сектора на 1380 млн. рупий¹⁶. В 1956 г. резко возросли оптовые цены. Они повысились на 15% (с 376 до 432 пункта индекса) и в том числе на продовольственные товары на 26% (с 333,4 до 422), в то время как за период первой пятилетки товарные цены снизились на 12%¹⁷. Возросшие платежи по импорту, связанные с осуществлением программы второго пятилетнего плана, заметно снизили валютные ресурсы. К концу действия первого пятилетнего плана имелись признаки возникновения инфляционных тенденций, в последние месяцы (1956 г.) заметно возросли цены и значительно сократились резервы иностранной валюты¹⁸.

По данным индийской печати, до 1956/57 г. налоговая политика не была направлена на изъятие возросших частнокапиталистических доходов для целей строительства государственного хозяйства, в то время как возросло преимущественно косвенное налогообложение широких масс населения (см. табл. 5).

Калькуттская газета «Амрита базар патрика», выражая тревогу по поводу «чрезмерного повышения цен и одновременного введения тяжелых косвенных налогов», писала 7 мая 1956 г.: «Если цены не снизятся до разумного уровня, а нынешний метод обложения не будет заменен более справедливой системой, то увеличение национального дохода приведет

¹⁵ «Second Five Year Plan», p. 77—78, § 3.

¹⁶ «The Colombo Plan for co-operative economic development in South and South-East Asia. Fifth annual report of the consultative committee. Wellington, New Zealand, December 1956», London, s. a. p. 45, § 9.

¹⁷ Там же, стр. 45, § 10, 11.

¹⁸ Там же, стр. 46, § 16.

¹² «Commerces», December, 1956, p. A—12.

¹³ «Second Five Year Plan», p. 29, § 12.

¹⁴ Там же, стр. 43—50.

Таблица 5

Налоговые поступления в бюджет центрального правительства Индии (в млн. рупий) *

	1951/52	1955/56	1956/57	1956/57 в % к 1951/52
Всего доходов	5090	4940	5180	102,0
В том числе:				
Подходный налог на личные доходы	953	787	865	91,0
Подходный налог на корпорации	414	398	483	117
Таможенные пошлины	2317	1650	1500	65
Акцизные сборы на потребительские товары	858	1400	1704	200

* Источник: «Reserve Bank of India bulletin», March 1956.

не к улучшению жизни рядовых людей, а к тому, что богатые станут более богатыми, а бедные более бедными».

Политика поддержки и поощрения частного капитала в начальный период осуществления первого пятилетнего плана и стремление использовать этот капитал для развития промышленного потенциала страны осуществлялись государством одновременно с установлением и расширением сферы государственного контроля. Известно, что частный капитал не оправдал возлагавшихся на него государством надежд. Его капитальные вложения шли не в те отрасли промышленности, которые были намечены в плане, а в отрасли, обеспечивавшие высокую прибыль.

За первые семь лет независимого существования Индии (1948/49—1954/55) капитал отечественных акционерных обществ возрос на 72% (с 5696 млн. до 9831 млн. рупий) при одновременном росте числа компаний на 31%, что свидетельствует о большом развитии частного хозяйственного капитализма вообще и возросших темпах его концентрации. 40% прироста капитала (1630 млн. рупий) осуществлено лишь 65 акционерными обществами, имеющими средний капитал выше 5 млн. рупий¹⁹. В то же время только 18% нового акционерного капитала шло в тяжелую промышленность.

Данные переписи фабричной промышленности Индии (1947—1953) позволяют установить новые процессы, происходящие в частнохозяйственном капитализме Индии. Из 7104 зарегистрированных предприятий переписью были охвачены 6399, или 90% их числа. Заметно увеличивается степень концентрации производства. 80,4% всех рабочих ценовой промышленности были заняты на предприятиях, число которых составляло 10,4% от общего числа ценовых предприятий.

За рассматриваемые шесть лет промышленное развитие характеризуется следующими данными: число предприятий возросло на 31%, в том числе мелких на 56% и крупных на 33%; численность рабочих сократилась на 1%, в том числе на мелких предприятиях на 38%; выпуск товарной продукции увеличился на 51%; производительность труда возросла на 53%.

¹⁹ «Progress of joint stock companies in India», 1955, p. VII, VIII, XV, 9, 11, 12.

Таблица 6

Индексы движения стоимости основного и оборотного капиталов, численности рабочих, выпуска товарной продукции и производительности труда (1947 = 100) *

Годы	Число предприятий	Основной капитал	Оборотный капитал	Численность рабочих	Объем товарной продукции	Выработка товарной продукции на 1 рабочего
1948	107	110	126	104	128	122
1949	128	128	124	102	131	128
1950	136	146	157	99	138	140
1951	129	155	194	99	176	177
1952	133	170	190	101	160	158
1953	131	183	177	99	151	153

* По данным «Eastern Economist», April 20, 1956, p. 661.

Индийский частнохозяйственный капитализм в промышленности сделал крупный шаг вперед. Темпы образования индийского акционерного капитала более чем в три раза превысили темпы образования его в годы второй мировой войны. Масса новой прибавочной стоимости, получаемой от каждого рабочего, возросла за шесть лет почти на 40%. Основой этого явилось значительное повышение интенсивности труда в промышленности. Указанные процессы послужили основанием для роста прибылей в промышленности.

Таблица 7

Движение прибылей и заработной платы в промышленности (1950—1954) *

Годы	Валовой доход пром-предприятий (млн. рупий)	В том числе				
		прибыли (млн. рупий)	% к валовому доходу	зарплата (млн. рупий)		% к валовому доходу
				рабочих	служащих	
1950	5500	3180	58	1930	390	42
1954	7600	5110	67	2070	420	33

* Источник: «New age», 20 мая 1956 г.

Специфические особенности развития капитализма в Индии за годы после достижения независимости состоят в значительном ускорении темпов капиталистического производства и накопления, в большом росте прибылей, осуществляемом без увеличения численности рабочих и их реальной заработной платы. Число зарегистрированных в городах безработных увеличилось в 1955/56 г. с 595,8 тыс. до 704,6 тыс. человек²⁰.

* * *

Вопросам экономического планирования в Индии уделяется исключительное внимание. Создавая государственный сектор хозяйства и учитывая успехи плановой экономики социалистических государств, Индия и

²⁰ «Monthly abstract of statistics», September 1956, vol. 9, № 9.

другие слаборазвитые страны прибегают к использованию богатейшего опыта планирования, накопленного в социалистических государствах.

Первый пятилетний план Республики Индии (1950/51—1955/56 гг.) отражал стремление внести некоторую плановость в государственное капитальное строительство новых или уже ранее начатых строительных предприятий, энергетических установок, ирригационных сооружений, объектов транспорта и др. План, в основном, сводился к перечню этих сооружений, к указанию их примерной стоимости и сроков строительства.

Эта часть плана носила более или менее реальный характер. В ней предусматривалось использование определенных бюджетных средств, системы хозяйственных организаций, созданных для целей строительства. В других частях этот документ носил характер прогноза, постановки весьма общих целей и задач, указаний на желательность достижения определенных экономических уровней, особенно в отношении частного сектора и сельского хозяйства.

Первый пятилетний план Республики Индии имел весьма ограниченное значение, существенно отличаясь от второго пятилетнего плана.

Многие индийские и, особенно, иностранные капиталисты, преследуя свои выгоды, сопротивлялись государственному воздействию на экономику. Достаточно привести общеизвестный факт, когда фирмы «Форд» и «Дженерал Моторс» в ответ на предложение индийского правительства перейти от сборки автомобилей из американских деталей к полному производственному циклу в самой Индии свернули производство, демонтировали оборудование и вывезли его в США. Известно также, что задание по строительству металлургического завода и завода тяжелого электрооборудования, предусмотренное первым пятилетним планом, не выполнено, что явилось следствием антииндустриализаторской линии иностранного капитала, который до тех пор, пока Советский Союз не принял на себя строительство металлургического завода в Бхилаи, всячески саботировал создание индийской металлургии.

Вместе с тем итоги выполнения первого пятилетнего плана свидетельствуют о том, что по мере сосредоточения в руках индийского государства более крупных материальных ресурсов и соответствующих рычагов воздействия оно может, последовательно осуществляя политику государственного капитализма, ускорять важнейшие экономические и технические преобразования, активно преодолевая воздействие иностранного капитала, а при известных условиях и влияние частных отечественных монополий.

Хозяйство современной Индии подвержено стихийному действию закона стоимости. Государство не располагает средствами, позволяющими устанавливать экономически обоснованную систему цен как на средства производства, так и на средства потребления, опираясь при этом на сознательное использование закона стоимости. Свободное колебание рыночных цен под стихийным воздействием спроса и предложения, влияние мирового рынка, внутренних капиталистических монополий и весьма развитых спекулятивных элементов наносит стране и народу большой урон, позволяя монополиям извлекать сверхприбыли. Индийская печать указывает, что усиление роли государства в организации внешнеторгового оборота путем создания мощной государственной экспортно-импортной корпорации, контролирующей деятельность иностранных валютных банков, отвечает потребностям страны и содействует укреплению элементов плановости в ее развитии.

Прямое плановое воздействие на огромный внутренний посреднический торговый оборот крайне затруднено и почти исключается, поскольку

ку влияние государства на мелкое крестьянское хозяйство, торгово-рознический капитал, частнокапиталистический оборот города и почти всю домашнюю и кустарно-ремесленную промышленность Индии является лишь косвенным. Внешнеторговый же оборот страны, осуществляемый через несколько крупных портов двумя-тремя десятками фирм и банков, практически, как отмечает индийская печать, может быть поставлен под прямое воздействие государства.

Второй пятилетний план Республики Индии в большей мере, чем первый, представляет попытку применить методы прямого планового воздействия государства, особенно в решающих отраслях промышленности — металлургической, машиностроительной, горнорудной, каменноугольной, энергетической, химической, нефтяной и других. Но они признаются еще недостаточными. Прогрессивные круги индийской общественности считают необходимым скорректировать второй пятилетний план в сторону усиления прямых методов изыскания дополнительных источников внутреннего накопления за счет имущих классов, с тем чтобы обеспечить финансирование строительства и развития производства в государственном секторе.

Прогрессивность развития национального капитализма в Индии в данных конкретных условиях в сравнении с предшествующими историческими периодами ее развития, так же как и прогрессивность ее государственного капитализма в сравнении с государственно-монополистическим капитализмом любой другой капиталистической страны Западной Европы и Америки, бесспорна.

Правые крупнокапиталистические группы и реакционные слои индийского общества полагают, что путь капиталистического развития страны уже определен, выбор этого пути закончен и остается только, опираясь на свои позиции в экономике страны, направлять этот процесс в своих классовых интересах, возможно больше используя для этой цели аппарат государства, возможно меньше содействуя или возможно больше препятствуя образованию государственного сектора экономики.

Демократические слои индийского общества утверждают, что частнокапиталистический путь развития при сохранении теперешних позиций иностранного капитала в экономике страны и полуфеодалных пережитков в деревне не ликвидирует отсталости как колониального наследия и что поэтому необходимо более решительное устранение препятствий как внутреннего, так и иностранного происхождения и форсированное развитие государственного хозяйства.

В программных документах Коммунистической партии Индии, опубликованных в связи с утверждением второго пятилетнего плана, говорится, что она последовательно поддерживает укрепление государственного сектора и преимущественное развитие тяжелой промышленности в составе этого сектора, а также расширение производства предметов широкого потребления путем более полного использования производственных мощностей наличных предприятий и развития кустарной промышленности.

Коммунистическая партия Индии одновременно подчеркивает, что в плане не предусмотрены необходимые меры ограничения прибыли монополистов, не провозглашена программа национализации иностранных концернов, банков, предприятий и плантаций, не вводится монополия внешней торговли на основное экспортное сырье. Отмечается также, что государство недостаточно использует для финансирования экономического строительства доходы имущих классов. Коммунистическая партия Индии предлагает установить лимит на прибыли для всех крупных капиталистов и на экспорт прибылей за границу, изъям сверхлимитные суммы прибылей в форме принудительного займа, широко привлекая денежные резервы круп-

ных компаний, а также отсрочить выплату компенсаций помещикам, отменить ассигнования на личные расходы бывших князей и реквизировать их чрезмерные богатства в форме принудительных займов.

Коммунистическая партия Индии указывает, что государственно-капиталистическая собственность — наиболее высокая форма буржуазной собственности, способна служить на данном этапе эффективной опорой сопротивления империализму и иностранному капиталу.

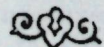
* * *

Советские люди с величайшим сочувствием относятся к усилиям индийского народа в создании независимой экономики. Народам Советского Союза вполне понятны трудности, которые испытывает индийский народ на путях борьбы за экономический и культурный расцвет своей страны. Тесное экономическое, культурное и научное сотрудничество и традиционные дружественные отношения между СССР и Индией способствуют делу мира во всем мире. Искренним желанием советского народа является то, чтобы Индия успешно преодолела трудности своего развития. Советский Союз оказывает ей в этом бескорыстную помощь. Советский и индийский народы знают, что в мире существуют силы, которые заинтересованы в нарушении мира и мирного экономического развития обеих стран. Эти силы плетут военно-политические интриги, прикрываясь всевозможными пактами. Автор статьи в индийской газете «Дейли Таймс» (10 марта 1957 г.) в связи с возней вокруг т. н. кашмирского вопроса справедливо спрашивает: «Чем же провинилась Индия перед странами СЕАТО? А тем, что и она развивается, что она не хочет поддерживать американскую политику ненависти к миллионам порядочных и энергичных людей, которые населяют обширные территории, называемые Россией и Китаем, тем, что Индия становится центром великого пробуждения народов Азии и Африки, пробуждения человеческого сознания, которое душили на протяжении веков империалистические державы...».

Советский народ, горячо приветствуя в связи с десятилетием независимости народы Индии, отмечает с чувством глубокого удовлетворения, что народы обеих стран выступают союзниками в благородной, трудной и великой борьбе за мир.

SUMMARY

The article, which is dedicated to the tenth anniversary of the independent Republic of India, reviews the principal stages of her struggle for economic independence by developing the state-owned sector of her national economy. Emphasis is laid on the progressive value of the state economic policy intended to promote India's industrialization. The author analyses the importance of India's second five year plan for the advancement of the state-owned sector and dwells upon its economic character.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭФИОПИИ

Д. Р. ВОБЛИКОВ

В настоящее время американский империализм ведет новое наступление против сил национально-освободительного движения стран Азии и Африки. Выражением этого агрессивного курса США служит так называемая «доктрина Эйзенхауэра», которая является очередным этапом агрессивной политики США в послевоенный период, выражающейся в «плане Маршалла», «доктрине Трумэна», Североатлантическом блоке и СЕАТО.

Воспользовавшись потерей Англией и Францией их влияния на Ближнем Востоке в результате поражения в войне против Египта, империалисты США стремятся занять их место, завладеть ресурсами этого богатого района и подавить стремление народов Ближнего Востока к национальной независимости. Американский империализм уже приступил к осуществлению своей экспансионистской программы, о чем свидетельствуют грубое вмешательство США во внутренние дела Иордании и Сирии, поездки вице-президента США Никсона и специальных представителей президента США по странам Африки и Ближнего Востока.

Эфиопия, ввиду ее сырьевых ресурсов и важного стратегического положения в бассейне Средиземного и Красного морей, занимает отнюдь не второстепенное место в агрессивных планах США; она также включена в сферу действия «доктрины Эйзенхауэра». Одной из целей поездки вице-президента США Никсона в Африку в феврале—марте 1957 г. были переговоры с эфиопским правительством о создании коммуникационного центра для военно-воздушных сил США в Эфиопии и предоставлении права стоянки для американских военных кораблей в порту Массауа (Эритрея) на Красном море. Никсон обсуждал с государственными деятелями Эфиопии проблемы, связанные с применением на Ближнем Востоке «доктрины Эйзенхауэра», и обещал Эфиопии экономическую и военную «помощь» США.

Вслед за Никсоном, в апреле 1957 г. в Эфиопию прибыл другой пропагандист «доктрины Эйзенхауэра» — специальный представитель президента США Ричардс. В результате трехдневных переговоров Ричардс с эфиопским правительством 18 апреля было опубликовано совместное коммюнике, в котором сообщалось, что Ричардс разъяснил новую политику Соединенных Штатов по отношению к общему району Ближнего Востока. Ричардс подчеркнул, что политика президента Соединенных Штатов и американского правительства состоит в том, чтобы использовать вооруженные силы Соединенных Штатов для оказания «помощи» любой стране в этом районе в борьбе с «угрозой международного коммунизма».

Во время переговоров Ричардс дал согласие на предоставление Эфиопии некоторой экономической и военной «помощи» на основе «доктрины Эйзенхауэра».

Задача данной статьи — показать экспансию американского капитала в послевоенной Эфиопии и обострение в этой связи англо-американских противоречий в северо-восточной Африке.

* * *

Шестилетняя освободительная борьба народа Эфиопии завершилась в 1941 г. разгромом и изгнанием итальянских фашистских захватчиков и восстановлением суверенитета государства. Эфиопия внесла свою долю в освободительную борьбу антифашистской коалиции во второй мировой войне. Борьба эта сопровождалась большими разрушениями, что поставило страну в тяжелое положение. В годы войны и оккупации, на фронтах, в фашистских застенках и от голода погибло 760 тыс. человек. Еще большее количество людей было искалечено, лишено крова и средств к существованию. Оккупанты уничтожили более полумиллиона домов и хижин, повредили железную и шоссейные дороги, мосты, средства связи и промышленные предприятия, отобрали у населения 13,7 млн. голов скота. Материальный ущерб, причиненный хозяйничаньем итальянских империалистов в Эфиопии, исчислялся (по данным эфиопского правительства) суммой 132,5 млн. ф. ст.¹

После освобождения страны император Хайле Селассие начал восстанавливать аппарат государственной власти. 3 ноября 1942 г. возобновил свою деятельность парламент². В начале 1943 г. были восстановлены министерства, учрежден Совет министров. Правительство провело новое административное деление Эфиопии (12 провинций, 64 округа, 321 район, 1221 волость)³. Создавался аппарат государственной власти и на местах: в городах учреждались органы самоуправления — муниципалитеты, по всей стране — органы судебной власти.

Помещичьи земли, отнятые итальянскими оккупантами, возвращались их прежним владельцам бесплатно или за небольшой выкуп. Был создан сельскохозяйственный банк с капиталом в 1 млн. эф. долл. и организовано 8 образцовых ферм для обеспечения землевладельцев высокосортными семенами и разведения породистого скота.

Правительство отменило систему гебар⁴, издало декрет о запрещении работорговли и освобождении рабов, начало наделять крестьян небольшими участками земли из государственных фондов. Летом 1944 г. был введен единый земельный налог. Сумма налога определялась в зависимости от качества земли и престоания отрынка⁵. Налогом облагались также земли, принадлежащие феодалам и церкви, как обрабатываемые, так и необрабатываемые. Крупные помещики были вынуждены отказаться от части необрабатываемой земли в пользу государства. В эфиопской деревне появился слой зажиточных крестьян, пользующихся в своем хозяйстве наемным трудом батраков. Но основная масса крестьян по-прежнему страдала от недостатка земли, работая на помещиков в качестве арендаторов и батраков.

¹ «New times and Ethiopia news», 4 ноября 1942 г.; 28 сентября 1946 г.

² M. Perham. The government of Ethiopia. London, 1946, p. 96.

³ «New times and Ethiopia news», 22 июня 1944 г.

⁴ Система гебар — феодальная форма прикрепления крестьян (гебаров) южных областей Эфиопии к чиновникам и солдатам господствующей народности — амхара, которых они были обязаны содержать.

⁵ «New times and Ethiopia news», 6 июля 1946 г.

Обрабатывающая и горная промышленность Эфиопии, лишь частично сохранившаяся во время войны, перешла под контроль правительства или возвращалась ее прежним владельцам. Промышленность начала восстанавливаться, а вместе с тем возникали новые предприятия, создаваемые главным образом иностранными фирмами.

Серьезным тормозом экономического развития Эфиопии было бездорожье, недостаток капиталов и специалистов, но прежде всего — хозяйничанье в стране английской военщины. «Союзнница» Эфиопии Англия, войска которой в ходе второй мировой войны были введены на эфиопскую территорию, стремилась воспользоваться оккупацией страны для подчинения ее своему господству. Английские войска заняли важные стратегические пункты. Большая часть трофейного оружия и прочего итальянского имущества была вывезена из Эфиопии под предлогом использования их в войне против государств фашистского блока. В официальных британских документах с апреля 1941 г. (освобождение Аддис-Абебы) до февраля 1942 г. (заключение англо-эфиопского договора) Эфиопия именовалась «оккупированной вражеской территорией»⁶. Английское военное командование добивалось присоединения пограничных территорий Эфиопии к британским колониям: Судану, Сомали и к оккупированной английскими войсками бывшей итальянской колонии Эритрее. В юго-западную Эфиопию была послана, без ведома Хайле Селассие, миссия Эрскина с задачей побудить племена галла отделиться от Эфиопии и объединиться в «самостоятельное» государство под британским протекторатом. Однако эта миссия была встречена народом галла враждебно и потерпела провал⁷.

Англичане захватили контроль над финансами и внешней торговлей страны. Из Эфиопии в Эритрею были вывезены персонал и валютные фонды итальянских банков. В Аддис-Абебе был учрежден филиал Английского банка. Английская военная администрация ввела в Эфиопии британские восточноафриканские банкноты⁸. Восстановив железную дорогу на участке Аддис-Абеба—Диредауа, англичане направили идущие по ней грузы в Британское Сомали. Торговые таможенные пошлины на границе Судана собирались местными колониальными властями, а в Эритрее и Британском Сомали — британской военной администрацией. Захватив контроль над железной дорогой, англичане использовали ее в своих целях, пренебрегая интересами страны. Товары, предназначенные для экспорта (кофе, зерновые, кожи, шкуры и т. д.), скапливались на станциях и годами гнили там под дождями или палящим солнцем. В конце 1944 г. британское правительство, нарушив контракт, заключенный с правительством Эфиопии, прекратило покупку пшеницы на том основании, что Англия выгоднее закупать пшеницу в Австралии. В июле 1945 г. в Аддис-Абебе лежало в ожидании погрузки 12 тыс. тонн товаров, главным образом сельскохозяйственной продукции Эфиопии, но железная дорога их не принимала⁹.

31 января 1942 г. после длительных переговоров в Аддис-Абебе были заключены англо-эфиопский договор и военная конвенция¹⁰. Великобритания, согласно первому документу, признавала Эфиопию свободным

⁶ M. Perham. Указ. соч., стр. 417.

⁷ «New times and Ethiopia news», 8 января 1944 г.

⁸ «War Office. British military administration of occupied territories in Africa during the years 1941—1943». London, 1945, p. 9.

⁹ «New times and Ethiopia news», 14 декабря 1946 г.

¹⁰ «Agreement between the United Kingdom and Ethiopia. Addis-Ababa, January 31, 1942», «Military Convention between the United Kingdom and Ethiopia. Addis-Ababa, January, 31, 1942». British and Foreign State Papers. 1940—1942, vol. 144. London, 1952.

и независимым государством, а Хайле Селассие — ее законным правителем. Вместе с тем договор обеспечивал дипломатическому представителю Великобритании в Эфиопии «преимущество перед любыми другими иностранными представителями, аккредитованными при его императорском величестве». Правительство Эфиопии обязывалось приглашать к себе на службу только британских советников.

Хайле Селассие предлагал, чтобы вооруженные силы страны приняли участие в войне против фашистского блока. Английское правительство отклонило это предложение¹¹, не желая допустить Эфиопию в качестве равноправного участника в антифашистскую коалицию государств. Поэтому статья десятая договора обязывала правительство Эфиопии не вести за пределами страны военные операции, «которые, по мнению главнокомандующего британскими вооруженными силами в Восточной Африке, противоречат общим интересам Эфиопии и Великобритании». Таким образом, британскому командованию предоставлялось одностороннее право решать эти вопросы за правительство Эфиопии.

Зависимое положение Эфиопии усугублялось в силу приложенной к договору военной конвенции. Конвенция обуславливала оккупацию английскими войсками (без какой-либо компенсации) провинции Огаден и так называемой резервной зоны (всего около 1/3 территории Эфиопии) до тех пор, «пока командование британских вооруженных сил в Восточной Африке, в согласии с императором, сочтет это необходимым». Необходимость оккупации этой территории мотивировалась опасностью вторжения в Восточную Африку вооруженных сил фашистского блока. Конвенция предоставляла Англии право «держат в Эфиопии такое количество войск, какое она сочтет необходимым». Все эти войска подлежали исключительно контролю британских властей.

Английская администрация применяла самые жестокие методы для разоружения населения оккупированной зоны Эфиопии и для подавления его сопротивления колониальному режиму. Британские воинские части блокировали колодцы в пустыне и не допускали к воде ни людей, ни скот, вынуждая население сдавать оружие¹². Много людей погибло от жажды или было расстреляно. Английские солдаты и офицеры грабили жителей, насиловали женщин, угоняли скот. Крестьяне, земли которых были ранее захвачены итальянскими оккупантами, тщетно просили британскую администрацию вернуть им отнятое имущество. Они были вынуждены работать батраками у богатых землевладельцев, среди которых были и итальянские фермеры¹³.

Британское командование использовало оккупированную территорию для организации провокаций. Британские вооруженные отряды и подстрекаемые английской администрацией банды вторгались на неоккупированную территорию Эфиопии, жгли деревни, грабили и убивали жителей, угоняли скот.

Растущее возмущение населения и его сопротивление английским колонизаторам, а также неоднократные требования правительства Эфиопии пересмотреть договор 1942 г. вынудили британское правительство согласиться на новые переговоры. Новое соглашение было подписано 19 декабря 1944 г., когда войска государств антифашистской коалиции уже подступали к границам Германии, а фашистская Италия капитулировала и вышла из войны.

Тем не менее англичане возвратили Эфиопии лишь часть «резервной

¹¹ «New times and Ethiopia news», 8 июля 1946 г.

¹² S. Pankhurst. The British policy in Eastern Ethiopia, the Ogaden and the reserved area. London, s. a., p. 27—28; «New times and Ethiopia news», 24 ноября 1945 г.

¹³ S. Pankhurst. Указ. соч., стр. 18.

зоны» к северу и северо-западу от железной дороги, продлив пребывание своих войск на остальной территории на неопределенный срок. Соглашение 1944 г. лишало английских дипломатических представителей привилегий перед представителями других иностранных государств, возвращало правительству Эфиопии право самостоятельного выбора иностранных советников и ослабило английский финансовый контроль над страной.

Новый договор отменял некоторые дискриминационные пункты договора 1942 г., однако он сохранял главный из них — оккупацию большей части Восточной Эфиопии британскими войсками. Договор 1944 г. вызвал возмущение в парламенте и в общественных кругах Эфиопии, чем поспешили воспользоваться США.

* * *

Эфиопия является важным звеном в наступлении американского капитала на позиции Англии и Франции в Средиземноморском бассейне и Африке. Эфиопия не только граничит с африканскими колониями европейских держав, но и является стратегическим районом, обеспечивающим контроль над морскими путями из Средиземного моря в Индийский океан, а также над Аравийским полуостровом, в недрах которого американские монополии добывают большое количество нефти. В июле 1944 г., в период обострения англо-эфиопских отношений в связи с переговорами о пересмотре договора 1942 г., были восстановлены дипломатические отношения между США и Эфиопией¹⁴. По приглашению президента США, находившегося в начале 1944 г. в Каире, туда прибыл император Хайле Селассие в сопровождении премьер-министра и министров финансов и иностранных дел для переговоров об экономическом сотрудничестве между двумя странами¹⁵. В результате этих переговоров американский капитал получил доступ в Эфиопию. В Аддис-Абебу начали прибывать американские специалисты: зоотехники, агрономы, инженеры, врачи, учителя и администраторы¹⁶. Официальной целью приезда американцев объявлялось оказание помощи в экономическом и культурном развитии Эфиопии.

7 сентября 1945 г. американской фирме «Спиклер ойл Компани» была предоставлена концессия на разведку и добычу в Эфиопии нефти. Концессионный договор, как сообщает «Эфиопиен ревью» в номере от 22 сентября 1945 г., был заключен сроком на 50 лет. В первые 5 лет фирма ведет разведку нефти на территории всей страны; в следующее пятилетие — на половине ее территории и в оставшиеся 40 лет фирма имеет право разведывать и добывать нефть на четверти территории Эфиопии по своему выбору¹⁷. Таким образом, американский капитал фактически захватил контроль над потенциальными нефтяными ресурсами страны. Фирма обязалась выплачивать определенную компенсацию за добываемую нефть, а по истечении срока концессионного договора — передать правительству Эфиопии все оборудование концессии.

В последующие годы американские фирмы («Ньюмонт майнинг корпорейшн», «Джозеф лид компани», «Майнз инкорпорейтед» и др.) получили несколько крупных горнорудных концессий в Эфиопии. В 1953 г. компания Роджерс Рей из Хьюстона (штат Техас) начала производить геологические разведки в Эфиопии¹⁸. Фирма «Арабик ньюс Эйдженси» обнаружила нефть в районе Бэрдвир (у границ Британского и бывшего Итальянского

¹⁴ «New times and Ethiopia news», 15 июля 1944 г.

¹⁵ «New times and Ethiopia news», 19 мая и 29 июня 1944 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. В. Козлов. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. (дисс.). М., 1951, стр. 324.

¹⁸ «New times and Ethiopia news», 21 февраля 1953 г.

Сомали) и получила концессию на ее эксплуатацию. Фирмы «Голдсфилдс консолидейтед майнз» и «Хоумстейкс майнинг компани» получили концессию на добычу золота и других ископаемых в юго-западной Эфиопии¹⁹.

Заключение концессионного договора с фирмой Синклера обострило американо-английское соперничество в Эфиопии, ибо предварительные данные геологических исследований говорили о наличии запасов нефти в провинции Огаден, оккупированной британскими войсками. Когда американская фирма начала изыскательные работы в этой провинции, британская военная администрация предложила ей прекратить разведку нефти «по соображениям безопасности». После отказа американцев английские власти организовали нападения сомалийских племен на американские изыскательские партии. Представитель фирмы и посол США в Аддис-Абебе направили в этой связи императору Эфиопии меморандум, в котором просили защитить американцев, ведущих разведку нефтяных источников в Эфиопии²⁰.

Правительство Хайле Селассие неоднократно обращалось к английскому правительству с предложением эвакуировать войска из Восточной Эфиопии. В интервью, данном корреспонденту агентства Рейтер 16 июня 1946 г., Хайле Селассие вновь напоминал, что Огаден и «резервная зона» были «отданы союзникам временно и только на военный период»²¹. В 1947 г. эфиопское правительство предложило Англии заключить договор о дружбе и торговле, один из пунктов которого предусматривал бы возвращение Эфиопии провинции Огаден, поставленной под управление британской военной администрации во время военных действий²².

Лондон упорно не отвечал на все запросы правительства Эфиопии, а британская военная администрация в Восточной Эфиопии продолжала срывать работу американской фирмы. В декабре 1947 г. подстрекаемые англичанами вожди сомалийских племен потребовали ухода американцев из провинции Огаден. В январе 1948 г. группа сомалийцев напала на лагерь американцев у деревни Вардер, забросала камнями и повредила два самолета, обслуживавших экспедицию²³. Британской администрации, однако, не удалось изгнать американскую фирму и, уступая совместному нажиму Эфиопии и США, английские войска эвакуировались в 1948 г. из провинции Огаден, оставшись в «резервной зоне», примыкавшей к Британскому Сомали.

Другим чувствительным ударом по британским позициям в Эфиопии была денежная реформа, проведенная в мае 1945 г. В результате реформы английская денежная единица — восточно-африканский шиллинг — был изъят из обращения, а его место занял эфиопский доллар, приравненный к 0,4 американского доллара. Новые деньги чеканились и печатались в США в соответствии с соглашением о ленд-лизе. Правительство Эфиопии обязалось полностью возратить США истраченное на чеканку монет серебро в течение 5—7 лет. Все денежные расчеты по займам и прочие финансовые операции должны были производиться в новой валюте²⁴.

В результате финансовой реформы английский фунт был вытеснен из денежного обращения страны, и эфиопская валюта стала ориентироваться на американский доллар. Управляющим Государственного

банка Эфиопии вместо англичанина Кольтерса стал американец Блауэрс. Для американских монополий открывались новые возможности проникновения в Эфиопию. Этими возможностями не замедлил воспользоваться, в частности, американский банкир Беннет²⁵, сменивший позднее Блауэрса на посту управляющего Государственным банком Эфиопии. Беннет, используя большие полномочия, предоставленные ему правительством Эфиопии, проводил политику поощрения экспорта основных эфиопских товаров (кофе, кожи, шкуры) исключительно в страны долларовой зоны, прежде всего в США, по чрезвычайно заниженным ценам. В то же время цены на товары, ввозимые в Эфиопию из США, оставались чрезвычайно высокими²⁶. Таким образом, Эфиопия подверглась двойному ограблению — и как продавец и как покупатель товаров. Американская политика наносила ущерб экономике страны, подрывала основы торговли Эфиопии с другими странами. В конце концов правительство Эфиопии отказалось от «услуг» американского банкира и освободило его (в конце 1952 г.) от занимаемой должности²⁷.

Не имея ни денежных средств, ни промышленного оборудования, ни квалифицированных инженерно-технических кадров, необходимых для восстановления и развития экономики страны, правительство Эфиопии обратилось за помощью к США. Американские банки, пользуясь затруднительным положением страны, предоставляли займы на кабальных условиях, навязывали правительству Эфиопии порядок и способы расходования и погашения займов и выговаривали себе различные привилегии. Так, экспортно-импортный банк США предоставил Эфиопии в 1946 г. заем в 3 млн. долл. на условии покрытия половины этой суммы предоставлением концессии на разработку полезных ископаемых. На этих же условиях США предоставили Эфиопии и некоторые другие займы²⁸. Заем в 1 млн. долл. в 1947 г. предназначался целиком для закупки машин в США. Займы на сумму 7 млн. долл., предоставленные в 1950 г. Международным банком реконструкции и развития, шли на нужды дорожного строительства и восстановления связи в Эфиопии. Американские фирмы приобретали, таким образом, контроль над путями сообщения и связью Эфиопии. В 1951 г. этот же банк предоставил Эфиопии заем в сумме 1,5 млн. долл. для создания нового банка (директором которого стал американец). В 1953 г. Международный банк ассигновал для Эфиопии еще 5 млн. долл. для дорожного строительства.

По официальным американским данным займы 1950—1955 гг. предоставлялись сроком на 20 лет из расчета 3% годовых и 1% комиссионных²⁹. Фактически же они давались на более кабальных условиях. Так, итальянский журнал утверждает, что займы 1950 г. предоставлялись Эфиопии из расчета 7% годовых³⁰.

Правительство Хайле Селассие не смогло найти иного выхода и приняло эти условия. Министерство финансов опубликовало 26 февраля 1950 г. в «Негарит Газете» постановление о льготах иностранным монополиям, предоставленных в целях привлечения иностранного капитала в эфиопскую промышленность: а) освобождение новых предприятий, основанных иностранцами, от подоходного налога в течение 5 лет с начала выпуска продукции; б) освобождение от таможенных пошлин машин и оборудо-

²⁵ Беннет до этого был финансовым советником генерала Клея — командующего американскими войсками в Западной Германии.

²⁶ «The Economist», 1952, December 27, p. 896.

²⁷ «Заря Востока», Тбилиси, 24 января 1954 г.

²⁸ С. Датлиш. Африка под гнетом империализма. М., 1951, стр. 29.

²⁹ «Foreign commerce weekly», July 30, 1951, vol. 44, N 5, p. 13.

³⁰ «Rivista di politica economica». Anno XLI, ser. I, p. 213.

¹⁹ «New times and Ethiopia news», 3 марта 1956 г.

²⁰ «World oil», June 1948, p. 241.

²¹ «Новое время», 1948, № 19, стр. 30.

²² «Ethiopian herald», 15 сентября 1947 г.

²³ «World oil», June 1948, p. 241.

²⁴ «Journal of political economy», 1946, vol. 46, N 4, p. 35, 362.

вания, импортируемых для строительства новых предприятий; в) правительство, как правило, не будет настаивать на участии эфиопского капитала в новых иностранных предприятиях, а в тех случаях, когда требуется его участие, не настаивать на участии его в больших размерах; г) иностранным капиталистам разрешается вывозить за границу часть прибыли, получаемой ими от новых предприятий, в соответствии с вложенным капиталом; д) иностранцам, имеющим капиталовложения в стране, разрешается изымать их в установленном размере³¹.

Правительство и частные фирмы США заключили серию соглашений и договоров с Эфиопией о «помощи» и «сотрудничестве» в экономической, культурной и военной областях, обеспечивавших американскому капиталу привилегированные позиции в стране.

Американский капитализм стремился захватить важнейшие стратегические позиции в Эфиопии и вовлечь ее в орбиту своей агрессивной политики на Востоке. Монополии США взяли в свои руки не только дорожное строительство и средства связи, но и фактически установили контроль над воздушными путями Эфиопии. В 1946 г. американская авиакомпания «Трансуорд авиэйшен» (TWA) получила (через свой филиал «Этиопиен Эйрлайнз») право на организацию и эксплуатацию авиационных путей в Эфиопии и ее воздушных коммуникаций с внешним миром. По опубликованным данным, 75% капитала компании «Этиопиен Эйрлайнз» принадлежат правительству Эфиопии и 25% — американской фирме³². В ряде городов Эфиопии — Аддис-Абебе, Гондаре, Диредауа, Джимме — сооружены аэродромы; некоторые из них могут принимать даже бомбардировщики³³. Авиалинию обслуживают американские самолеты³⁴. Фирму «Этиопиен Эйрлайнз» возглавил уполномоченный по реализации американских стратегических планов в Африке генерал Г. Б. Вильсон³⁵.

В июне 1951 г. в Аддис-Абебу прибыл с «миссией доброй воли» заместитель начальника штаба американской армии генерал Ч. Болт. В сообщении Белого дома говорилось, что Болту поручено обсудить с императором военные вопросы, представляющие взаимный интерес для Соединенных Штатов и Эфиопии³⁶. Император Хайле Селассие, по сведениям иностранных газетных агентств, согласился на предоставление США привилегий военного характера³⁷, разрешил создавать американские военные базы в Эфиопии³⁸.

Происшедшее в 1952 г. присоединение Эритреи к Эфиопии на правах автономного государства было использовано империалистами США в своих интересах. 22 мая 1953 г. в Вашингтоне было подписано американо-эфиопское соглашение о «взаимной обороне», по которому правительство США обещало предоставить Эфиопии вооружение и оказать помощь в обучении ее армии. «Принимая это решение, — говорилось в коммюнике государственного департамента США, — президент учитывал стратегическое положение Эфиопии в районе всего Ближнего Востока и важное значение оборонительной мощи Эфиопии для безопасности в этом районе и безопасности США (! — Д. В.)». Объединение Эритреи с Эфиопией в сентябре

³¹ «Foreign commerce weekly», August 21, 1950, vol. 40, N 8, p. 15.

³² «Новое время», 1948, № 19, стр. 31—32.

³³ «Новое время», 1950, № 48, стр. 18—19.

³⁴ «New times and Ethiopia news», 18 июля 1946 г.

³⁵ С середины 1947 г. генерал Вильсон стал также председателем американо-эфиопской компании по развитию промышленности и торговли в Эфиопии (см. *Вестник Урибе*. Империализм янки в Испании. М., 1950, стр. 13).

³⁶ «The Department of State bulletin» (в дальнейшем — DSB), vol. XXV, N 627, Washington, July, 1951.

³⁷ «Правда», 15 июня 1951 г.

³⁸ «Красная звезда», 4 августа 1951 г.

прошлого года дало последней побережье Красного моря, что усиливает ее стратегическое значение в районе Ближнего Востока³⁹. Одновременно с соглашением о «взаимной обороне» было подписано соглашение об использовании вооруженными силами США оборонительных сооружений в Эфиопии⁴⁰. Это соглашение устанавливает неравноправные отношения между двумя странами.

США получали право проводить дноуглубительные работы у побережья Эритреи, строить гавани, причалы и дороги, необходимые для передвижения американских воинских частей в Эфиопии. Правительство Эфиопии обязывалось приобретать у частных лиц участки земли, необходимые для американских воинских частей.

Соединенные Штаты получали право вести топографические, гидрографические и геодезические обследования Эфиопии, аэрофотосъемки любой ее территории и прилегающих вод. Американские самолеты могли летать над Эфиопией и пользоваться ее аэродромами. Американские воинские части получали право проводить военное и техническое обучение и за пределами своих военных баз.

Объективно договор открыл большие возможности для подчинения Эфиопии американской военщине, что создавало угрозу суверенитету страны. Уже в 1954 г. в Асмаре (Эритрея) начались строительные работы по расширению радиостанции «Кану». В работе участвовало 1500 человек. По сообщению «Этиопиен Геральд», радиостанцией управляют американские военнослужащие⁴¹. В феврале 1954 г. в Эфиопию прибыли первая партия американского вооружения для эфиопской армии (главным образом огнестрельное оружие) и военная миссия в составе 15 человек⁴².

Усиление экономических и военных позиций США в Эфиопии происходило за счет вытеснения британского империализма. В 1951 г. британская военная миссия покинула Эфиопию. Был закрыт британский пропагандистский центр. Осенью 1952 г. в соответствии с решением ООН о присоединении Эритреи к Эфиопии, британские войска были вынуждены эвакуировать Эритрею. Накануне британская администрация распродала часть оставленного итальянцами портового имущества (Пакистану — плавучий док, Судану — оборудование цементного завода и т. п.)⁴³, а сооружения порта были взорваны, дабы не оставить их правительству Эфиопии и помешать укреплению ее позиций на побережье Красного моря.

Наконец, в 1954 г. английский империализм был вытеснен из своей последней цитадели в Эфиопии. 29 ноября 1954 г., после многократных требований правительства Хайле Селассие, был подписан англо-эфиопский договор об эвакуации английских войск из Восточной Эфиопии и переходе этой территории с 28 февраля 1955 г. под юрисдикцию эфиопского правительства. Однако британское правительство сохранило оговоренное еще договором 1897 г. право кочевья скотоводческих племен Британского Сомали на территории Восточной Эфиопии (а сомалийцам Эфиопии — в Британском протекторате), пользования колодцами и пастбищами для скота. При этом кочующие племена пересекали границу Эфиопии вместе со своей администрацией и отрядом вооруженной полиции, чис-

³⁹ DSB, vol. XXVIII, N 727, 1953, p. 785.

⁴⁰ «Treaties and other international acts» (в дальнейшем — TIA), ser. 2964. Washington, 1953.

⁴¹ World trade information service, part 1, N 56—57. United States Department of commerce, 1957; «Заря Востока», Тбилиси, 24 января 1954 г.

⁴² «United States news and world report», 2 апреля 1955 г.

⁴³ S. Pankhurst. Ethiopia and Eritrea. London, 1953, p. 261—262.

ленностью до 700 человек, которым они и подчинялись, т. е. получали фактические права экстерриториальности⁴⁴.

Сам факт эвакуации британских войск из Восточной Эфиопии (которой они незаконно владели в течение десятилетия после окончания войны) является безусловным успехом правительства Хайле Селассие. Однако британский империализм делал все возможное, чтобы помешать восстановлению в провинции Огаден деятельности эфиопской администрации. В ноябре 1955 г. кочевники Британского Сомали, охраняемые вооруженной полицией, вступили со стадами (в соответствии с условиями англо-эфиопского договора 1954 г.) в провинцию Огаден. Между ними и местными племенами завязалась вооруженная борьба за лучшие пастбища. Депутаты племен провинции Огаден были посланы в Аддис-Абебу с просьбой о защите их пастбищ, имущества и жизней. Прибывшая на место событий эфиопская полиция не смогла навести порядок, так как там разыгралось побоище, в котором участвовало до тысячи человек. В ход были пущены винтовки и автоматы, ножи и пикеты. Около пятидесяти человек было убито, а еще более ранено⁴⁵. Сомалийцы британского протектората избили рабочих американской фирмы «Синклер ойл компани», занятых бурением, подожгли бараки эфиопских полицейских и т. д.⁴⁶.

Британский империализм воспользовался спровоцированным им же самым конфликтом для начала кампании за расторжение англо-эфиопского договора 1954 г. Бывший губернатор Британского Сомали опубликовал 18 апреля 1955 г. статью в «Нью Коммонвелс», в которой требовал отторжения от Эфиопии провинций Огаден и Харар вместе с железнодорожной станцией Диредауа, а также части Французского Сомали, — не останавливаясь в случае необходимости и перед военными действиями. В английском парламенте начались дебаты о пересмотре договора 1954 г. и присоединении восточных провинций Эфиопии к Британскому Сомали.⁴⁷ Администрация Британского Сомали организовала посылку «делегации» из сомалийцев протектората в Лондон, а затем в США с апелляцией в ООН против англо-эфиопского договора 1954 г.⁴⁸.

Правительство и общественность Эфиопии были обеспокоены чрезмерным усилением позиций американского империализма. Под влиянием внутренней оппозиции, а также в результате коренных изменений в международной обстановке, обусловленных ростом сил социалистического лагеря и прогрессирующим распадом колониальной системы, правительство Эфиопии ищет новые пути самостоятельного развития страны.

Эфиопская печать обсуждает вопросы развития национальной экономики, оказания помощи местным предпринимателям и налаживания производства всех необходимых для населения товаров⁴⁹. В 1951 г. был учрежден Эфиопский банк развития с первоначальным капиталом в 13 млн. эф. долл.⁵⁰. В ноябре 1954 г. был создан Совет национальной экономики для формулирования, развития и координации экономической политики Эфиопии⁵¹. Правительство стремится использовать горные реки для развития энергетической базы. Начаты подготовительные

⁴⁴ «New times and Ethiopia news», 17 декабря 1955 г.

⁴⁵ «New times and Ethiopia news», 24 декабря 1955 г. По более поздним данным, число убитых достигло 112 человек (см. «New times and Ethiopia news», 13 марта 1956 г.).

⁴⁶ «New times and Ethiopia news», 17 декабря 1955 г.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «New times and Ethiopia news», 3, 17 декабря 1955 г.

⁴⁹ См. «Voice of Ethiopia», 11 октября 1956 г.; «New times and Ethiopia news», 4 марта 1956 г.

⁵⁰ «Foreign commerce weekly», 1951, vol. 44, N 5, p. 13.

⁵¹ «Negarit gazeta», 30 ноября 1954 г.

работы по строительству плотины и электростанции на р. Аваши, вблизи г. Аддис-Абебы. Это строительство осуществляют итальянцы в качестве частичной компенсации по военным репарационным долгам Эфиопии⁵². Разрабатывается проект сооружения гидроэлектростанции на Голубом Ниле.

Обрабатывающая промышленность значительно расширилась вследствие роста частных капиталовложений. Число предприятий увеличилось со 107 в 1951 г. до 172 в 1954 г., а число рабочих — с 6600 до 11 800 человек. Стоимость валовой продукции промышленности выросла с 28 до 44,5 млн. эф. долл.

Правительство Эфиопии проводит ряд мероприятий для расширения сельскохозяйственного производства. Установлен единый налог на землю и на скот⁵³, часть крестьян получает в провинции Каффа во владение по 20 га земли с правом передачи ее по наследству. Создано несколько образцовых сельскохозяйственных ферм и специализированных учебных заведений для распространения агротехнических знаний среди крестьян. Ведется борьба против саранчи и других вредителей сельского хозяйства и с эпидемическими заболеваниями скота. Правительство поощряет развитие крупного плантационного хозяйства (кофе, хлопок, рис и т. д.), привлекая для этого и иностранный капитал, а также расширяет сбор дикорастущего кофе. Намечено строительство трех шоссе дорог в основные кофейнопроизводящие районы; после ввода этих дорог в эксплуатацию сбор кофе должен увеличиться в 10 раз — с 40 до 400 тыс. тонн⁵⁴.

Желая ослабить зависимость Эфиопии от США, правительство Хайле Селассие стремится расширить и укрепить экономические связи с другими государствами, поощряя капиталовложения деловых кругов этих государств в экономику Эфиопии. Во время поездки императора Хайле Селассие в Индию в конце 1956 г. было заключено эфиопо-индийское торговое соглашение, выгодность которого для обеих сторон эфиопская газета охарактеризовала следующим образом: а) торговля между Эфиопией и Индией не зависит от Суэцкого канала; б) оба государства не имеют неразрывной связи ни с долларовой, ни со стерлинговой зонами⁵⁵.

Укрепляются экономические связи Эфиопии со странами социалистического лагеря. 25 апреля 1956 г. было подписано эфиопо-чехословацкое торговое соглашение, основанное на принципах взаимной выгоды⁵⁶. На торговой выставке 1955 г. в Аддис-Абебе особое внимание привлек навильон Чехословацкой Республики; все экспонаты этого навильона (инструменты, машины, текстиль и т. д.) были закуплены на месте. Правительство Эфиопии предложило чехословацкой миссии начать переговоры о поставках Эфиопии машин для пищевой и строительной промышленности⁵⁷. В 1956 г. правительство Эфиопии установило дипломатические отношения с Народной Республикой Болгарией⁵⁸. В мае 1956 г. Аддис-Абебу посетила делегация деятелей культуры Китайской Народной Республики, дружелюбно встреченная правительством и народом Эфиопии.

Дружественные связи между СССР и Эфиопией возникли еще в период второй мировой войны. 1 июля 1943 г. советское правительство установило дипломатические отношения и обменялось посланниками с правительством

⁵² «Report of United Kingdom trade mission to Egypt, Sudan and Ethiopia». London, 1955, p. 114—115.

⁵³ «Negarit gazeta», 30 сентября 1954 г.

⁵⁴ «Voice of Ethiopia», 13 сентября 1956 г.

⁵⁵ «Journal de la commerce de la Marine», 31 сентября 1956 г.

⁵⁶ «L'Ethiopie d'aujourd'hui», 27 апреля 1956 г.

⁵⁷ «New times and Ethiopia news», 24 декабря 1955 г.

⁵⁸ «Правда», 5 июля 1956 г.

Хайле Селассие, признав суверенные права и независимость Эфиопии⁵⁹. В 1956 г. правительства Советского Союза и Эфиопии преобразовали свои дипломатические миссии в посольства и обменялись послами⁶⁰.

Расширяются культурные связи между СССР и Эфиопией. По просьбе эфиопского правительства советское правительство оборудовало в Аддис-Абебе госпиталь, обслуживаемый советским медицинским персоналом, открыло кинотеатр, библиотеку-читальню и фотовыставку, характеризующую жизнь и успехи СССР. В 1956 г. Советский Союз посетила группа эфиопских журналистов, которые побывали во многих городах, ознакомились с предприятиями и новостройками, культурными и просветительскими учреждениями.

* * *

Американские монополии пользуются более гибкими методами проникновения в экономику Эфиопии по сравнению с теми, которые применяются английскими капиталистами. Колонизаторская сущность экспансии капитала США нашла свое яркое выражение в так называемой доктрине Эйзенхауэра. Используя экономическую «помощь», оказываемую в соответствии с пресловутым четвертым пунктом «программы Трумэна», и заинтересованность эфиопского правительства в получении оружия, США пытаются утвердиться в Эфиопии и вытеснить оттуда Англию.

Эфиопия становится ареной ожесточенной борьбы двух сильнейших империалистических государств, каждое из которых стремится подчинить своему влиянию экономику и политику этой страны. Дальнейшее обострение англо-американских противоречий неизбежно. Англия не проявляет уступчивости и, естественно, стремится сохранить свои позиции, хотя и вынуждена сдавать их под давлением более сильного соперника — США. Изменения в соотношении сил между США и Англией в результате суэцких событий не ослабят соперничества этих государств в Эфиопии, а, надо полагать, усилят его. Как показывает исторический опыт, исход борьбы США и Англии за влияние в Эфиопии будет зависеть не только от соотношения их сил, но и от последовательности политики эфиопского правительства и от народных масс Эфиопии, которые не раз в решающие моменты истории страны выступали в защиту независимости родины.

Принципиально новые отношения, складывающиеся между странами социалистического лагеря и Эфиопией, укрепляют ее международные позиции, усиливают возможности сопротивления империалистическому проникновению, повышают ее способность к осуществлению мероприятий, направленных на развитие национальной экономики.

SUMMARY

British capital penetrated to Ethiopia after the liberation of that country from the Italian invaders in 1941, but it has been supplanted by American capital in the postwar period. In its drive for strategic positions in Ethiopia and for her conversion into one of its bases in Africa, American capital penetrated the transportation and road services of that country, acquired a monopoly of her communications and air lines, by advancing loans for financing her armaments. In order to strengthen economic independence, Ethiopia is extending economic relations with other countries, the socialist countries included. The Government of Ethiopia encourages the development of national industry and agriculture.

⁵⁹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 1, М., 1944, стр. 347.

⁶⁰ «Правда», 2 июня 1956 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНДИЙСКОГО НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1857—1859 годов

Э. Н. КОМАРОВ

Предпосылки народного восстания 1857—1859 гг. сложились в ходе социально-экономических перемен, которые были вызваны установлением английского господства и развитием колониальной эксплуатации на протяжении ста лет, отделявших восстание от начала колониального завоевания Индии.

Завоевание Индии английскими колонизаторами началось во время утверждения капитализма в Англии. Этому периоду (вторая половина XVIII — начало XIX в.) свойственны специфические методы колониальной эксплуатации Индии. «Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII столетия, — писал К. Маркс, — приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации территории и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию»¹.

Главным методом колониальной эксплуатации Индии в это время было налоговое ограбление индийского крестьянства. Из налоговых поступлений Ост-Индская компания расплачивалась за товары, которые вывозились из Индии в XVIII — начале XIX в., содержала гражданских чиновников и военных, переводивших затем в Англию свои накопления. Налоги были также источником финансирования захватнических войн в Индии и за ее пределами. Никакого сколько-нибудь значительного обмена товаров между Англией и Индией не существовало.

Завоевав ту или иную индийскую область, англичане резко увеличивали земельный налог; что означало усиление феодальной эксплуатации крестьянства. Ведь земельный налог, который взимало колониальное государство, являлся в Индии того времени не чем иным, как прибавочным продуктом индийских крестьян, изымавшимся феодальными методами. Этот налог либо составлял часть феодальной ренты, либо непосредственно совпадал с нею, представляя единую ренту-налог. Усиление феодальной эксплуатации достигалось путем прямого (внеэкономического) принуждения, которое осуществляли в первую очередь колониальные власти, и сопровождалось экспроприацией владельческих прав крестьянства. Эта экспроприация выражалась прежде всего в значительном увеличении феодальной ренты и ликвидации прежних традиционных ограничений ее размера, представлявших важный элемент владельческого права крестьянина, а также в усилении власти феодального землевладельца (будь то колониальное государство или частный землевладелец) над личностью и имуществом крестьянина. Права крестьянина на землю резко ослабевали и теряли свой постоянный характер. В то же время усиливалась государственная и частная феодальная собственность на землю.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 359.

В Бенгалии налогом обычно облагались крупные феодальные владения. Этот налог, хотя и установленный в 1793 г. в постоянном размере («постоянное обложение»), составлял тогда большую часть феодальной ренты. Чтобы обеспечить бесперебойную выплату бенгальскими помещиками налога государству, колонизаторы наделили их крепостническими правами в отношении крестьян. На большей части Бомбейского и Мадраасского президентств колонизаторы, как правило, взимали налог непосредственно с крестьян («система райятвари»). Феодальная рента или рента-налог нередко превышала половину урожая, и их сбор осуществлялся при помощи жесточайшего внеэкономического принуждения (вплоть до пыток). К. Маркс называл крестьянина в областях райятвари «крепостным» колониального государства².

Феодальная рента (или рента-налог) взималась в Индии, как и накануне английского завоевания, преимущественно в денежной форме. Это обстоятельство способствовало ростовщическому закабалению крестьянства. Крестьяне почти поголовно были в долгу у ростовщиков. Тем не менее, в первой трети XIX в. товарно-денежные отношения в индийской деревне были развиты еще слабо³. Росту товарного производства в индийской деревне препятствовала усиленная феодально-колониальная эксплуатация крестьянства. Стоило крестьянину перейти к возделыванию более доходных товарных культур, посадить деревья или вырыть колодец, как налоговый чиновник либо помещик увеличивали поборы⁴.

Английские колонизаторы установили за крестьянином в областях райятвари право отчуждать свое владение как частную собственность, что создавало предпосылки для разложения общины. Однако в условиях экспроприации владельческих прав крестьян, когда феодальная рента или рента-налог изымали весь прибавочный продукт и, вероятно, даже часть необходимого, крестьянские владения на деле не становились предметом купли-продажи⁵. Деревня в основном еще сохраняла свою древнюю общинную организацию. В 1859 г. К. Маркс отмечал, что первобытные формы общественного труда в Индии были подорваны лишь отчасти⁶.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 344.

³ В 1853 г. один из фискальных чиновников в Мадраасском президентстве писал: «Он (крестьянин. — Э. К.) редко видит деньги, за исключением тех случаев, когда он берет их у ростовщика, чтобы уплатить налог; обмен в деревнях не велик и обычно производится в натуре» (R. Dutt. The economic history of India in the Victorian Age. London, 5th ed., p. 72).

⁴ Президент Манчестерской торговой палаты Т. Безли сообщал, что крестьяне говорили ему: «Если мы сделаем улучшения, то вы увеличите налог; откуда мы знаем, что вы оставите нам больше того, что оставляете теперь; зачем же нам стараться для вас?» (R. D. Choksey. Economic history of Bombay, Deccan and Karnatak (1818—1868). Poona, 1945, p. 43). Английский налоговый чиновник из Мадраасского президентства сообщал, что нередко «земли лучшего качества, расположенные у водоемов и поэтому всегда обеспеченные водой, остаются невозделанными из-за непомерного обложения, тогда как предпочтение отдается обработке земель худшего качества, но обложенных не столь высоким налогом». («The land revenue of Madras». «Calcutta review», 1859, № 63, p. 90; 1852, № 34, p. 311).

⁵ «Земля была бы продана за недоимки сборщиками налогов, если бы не то существенное обстоятельство, что никто не хочет покупать ее», — писал видный колониальный чиновник Дж. Кэмпбелл о положении в Мадраасском президентстве (G. Campbell. Modern India. London, 1852, p. 359). Если крестьянин не уплатил ренты или налог, помещик или фиск, как правило, конфисковали и продавали с торгов не земельное владение, а урожай и имущество крестьянина. Точно так же не земля, а урожай и имущество служили обеспечением ссуды, которую крестьянин брал у ростовщика. В Бенгалии право крестьянина на отчуждение своего владения не было признано даже юридически.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 20. См. также К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 364—365.

Социальной опорой колониального режима были прежде всего индийские феодалы. Наиболее прочным являлся союз колонизаторов с помещиками Бенгалии, где были установлены постоянные размеры налога с помещичьих владений. Это делало выгодным помещение денег в землевладение. Уже в начале XIX в. большинство бенгальских помещиков составили выходцы из среды торговцев-ростовщиков, которые своим положением в качестве помещиков были целиком обязаны колониальному режиму. В других областях Индии размер налога, который платили феодалы, как правило, подлежал периодическому пересмотру и мог быть увеличен по произволу колониальных властей. Тем не менее, последние в своей налоговой политике в первой трети XIX в. обычно так или иначе учитывали интересы феодальных землевладельцев.

Англичане сохранили в Индии так называемые туземные государства, или княжества, поставив их под свой верховный контроль. Эти княжества занимали примерно половину всей территории страны, а их население достигало одной трети всего населения Индии. Общая сумма налогов в княжествах была к середине XIX в. лишь примерно на $\frac{1}{5}$ меньше той суммы, которую сами колонизаторы получали от земельного налога в непосредственных владениях компании. Это дает некоторое представление о материальной основе союза колониальной власти с индийскими феодалами.

Таким образом, британское завоевание Индии отнюдь не ликвидировало феодальных отношений в стране. Сама колониальная эксплуатация, поскольку главным ее методом оставалось налоговое ограбление, являлась по сути дела феодальной эксплуатацией, которая осуществлялась чужеземной буржуазией-завоевателем и поэтому была более тяжелой и жестокой, чем когда-либо раньше. Общественные отношения в Индии в конце XVIII—первой половине XIX в. следует охарактеризовать как колониально-феодальные.

Награбленные английскими колонизаторами в Индии и других колониях огромные богатства способствовали быстрому росту промышленности и капитализма в Англии. Развитие промышленного капитала породило новые методы колониальной эксплуатации. В первой половине XIX в. Индия стала превращаться в рынок сбыта английских товаров и источник сырья и продовольствия для индустриальной Англии. К старым тяготам колониальной эксплуатации прибавились новые. Эксплуатация Индии английским промышленным капиталом и ее последствия в условиях сохранения жестокого налогового ограбления страны вызвали глубокий хозяйственный и политический кризис в Индии, который привел к восстанию 1857—1859 гг.

В чем состояли эти новые тяготы?

Прекращение вывоза изделий индийского ремесла и ввоз английских тканей фабричного производства, который достиг широкого развития в 30—50-х годах XIX в.⁷, привели к глубокому упадку ремесленного производства в Индии и разорению индийских ремесленников. В первой трети XIX в. были разрушены крупнейшие центры индийского ремесла, в значительной мере работавшие на экспорт (Дакка, Сурат и др.). В 30—50-х годах английские ткани стали вытеснять продукцию местных ремесленных центров, а также начали постепенно проникать в деревню. Индийскому ремесленнику приходилось «конкурировать» с английским промышленным капиталом, который всей своей мощью поддерживало коло-

⁷ С 1832 по 1857 г. стоимость ввозимых в Индию хлопчатобумажных товаров увеличилась с 400 тыс. до 6 млн. ф. ст. в год, или в 15 раз. («Report from the Select Committee on East India produce». London, 1840, p. 274; R. Dutt. Указ. соч., стр. 161).

ниальное государство⁸. Миллионы индийских ремесленников были обречены на голод и мучительное разорение. В Визаганатаме (Мадрасское президентство) с 1815 по 1844 г. «доход ткача сократился на 75%». Коллектор дистрикта Мадурас сообщал в 1844 г., что «очень многие из 5000 семей ткачей в городе Мадурас не имеют средств для того, чтобы питаться чаще, чем один раз в день, и едят только рис»⁹. Еще в 1835 г. генерал-губернатор Индии доносил в Лондон: «Равнины Индии белеют костями ткачей»¹⁰.

Среди разорившихся ремесленников и мелкого городского люда возникло острое возмущение английскими порядками; оно находило свое выражение, в частности, в распространенном среди мусульманского населения городов Северной Индии движении вахабитов¹¹, которые выступили с проповедью священной войны за изгнание англичан из Индии.

В первой половине XIX в. во все возрастающих масштабах стало вывозиться из Индии сельскохозяйственное сырье и продовольствие¹². При этом продукция примитивного хозяйства индийского крестьянина «конкурировала» на мировом рынке с продукцией передового земледельческого хозяйства других стран. Такая «конкуренция» была возможна лишь в результате огромного усиления эксплуатации индийского крестьянства. Английские плантаторы превратили крестьян, разводивших растение индиго, по существу, в своих крепостных¹³. Индийский крестьянин, придавленный колониально-феодальным гнетом, был вынужден продавать свой урожай независимо от цены производства. Говоря о вывозе сельскохозяйственных продуктов из Индии, К. Маркс указывал: «Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег»¹⁴.

Эксплуатация Индии в интересах английского промышленного капитала приводила к вовлечению страны в мировую капиталистическую торговлю и вызывала дальнейшее развитие товарного производства, которое, однако, происходило неравномерно. В силу самих условий индийской внешней торговли, когда импортером выступал английский капиталист, побивавший в Индии индийского ремесленника, а «экспортером» — индийский крестьянин, чья продукция поступала на мировой рынок, импорт товаров в Индию и ее превращение в рынок сбыта развивались относительно быстрее, чем экспорт товаров из Индии и превращение страны в источник сырья. Так, если импорт товаров в Индию увеличился в 30—50-х годах XIX в. в три раза, то экспорт товаров из Индии

⁸ В Англии пошлины на индийские хлопчатобумажные изделия составляли 10%, а в Индии импортные пошлины на хлопчатобумажные товары — всего 3,5%. Транзитные пошлины, взимаемые во внутренних районах Индии, до 40-х годов XIX в. составляли 20% на индийские и лишь 5% на английские ткани «Report from the Select Committee on East India produce», p. 33; J. Dickinson. The government of India under a bureaucracy. «India reform», 1853, № 6, p. 62—63.

⁹ A. Sarada Raju. Economic conditions in the Madras Presidency. 1800—1850. Madras, 1941, p. 180—181.

¹⁰ H. Wadia and S. Merchand. Our economic problem, p. 379.

¹¹ О ремесленниках, участвовавших в этом движении, английский чиновник из Азимгарха писал в 1837 г.: «Это слабые, изможденные люди, но у многих из них есть огнестрельное оружие, и они легко поддаются возбуждению. В последние годы среди них наблюдается особенно сильное брожение вследствие распространения догматов Сейида Ахмада (проповедник вахабизма в Индии. — Э. К.). «Report on the revenue settlement of the North-Western Provinces of the Bengal Presidency under the Regulation IX, 1833» (в дальнейшем — RRSNWP). Benares, 1882, vol. 1, p. 9.

¹² Главное место в экспорте товаров из Индии в первой половине XIX в. занимали индиго, сахар и хлопок, вывозившиеся в Европу, а также опиум, который англичане насильственно ввозили в Китай.

¹³ «Indigo in Lower Bengal». «Calcutta review», 1847, № 13.

¹⁴ К. Маркс. Капитал, т. 3, стр. 738.

за тот же период возрос в два раза¹⁵. Тем не менее, общая стоимость экспорта из Индии не только по-прежнему превышала стоимость импорта, но это превышение продолжало увеличиваться, что отражало усиление колониальной эксплуатации. В 30—50-х годах XIX в. рост превышения общей стоимости экспорта над стоимостью импорта происходил, однако, в основном в результате значительного увеличения вывоза драгоценных металлов¹⁶.

Превращение Индии в рынок сбыта английских товаров, а также ликвидации ряда феодальных государств и разорение значительной части старой феодальной аристократии, роспуск военных контингентов и т. п. — все это приводило к сокращению городского населения и разрушению старого феодального города. Нарушились прежние связи между деревней и городом — потребителем сельскохозяйственной продукции. Поскольку же разрыв старых связей происходил быстрее, чем складывались новые, продукция сельского хозяйства нередко не находила сбыта. В первой половине XIX в. в большинстве районов Индии происходило падение цен на сельскохозяйственные продукты¹⁷. Это еще более ухудшало положение крестьян, так как размеры земельного налога, который английские колонизаторы взимали в денежной форме, не уменьшались. Не снижались также цены на английские товары, и таким образом увеличивалась неэквивалентность обмена между Индией и Англией¹⁸.

Эксплуатация Индии в интересах английского промышленного капитала создавала условия для развития товарного производства, возникновения новых экономических связей¹⁹ и дальнейшего развития индийского торгово-ростовщического капитала.

Компрадорская торговля и ростовщичество являлись основными источниками накопления для индийских буржуазных элементов, формирование которых начинается уже в первой половине XIX в. В 40—50-х годах появляются примитивные мануфактуры, производившие переработку сельскохозяйственного сырья на экспорт, и почти одновременно с ними — фабрики, которые возникали в результате своего рода пересаживания фабричного производства извне. В Индии начинали развиваться капиталистические отношения.

Однако к середине XIX в. в стране еще господствовали феодальные отношения. Различные области ее были мало связаны между собой, и то относительное политическое единство, которое возникло с установлением английского господства, держалось только на штыках колонизаторов. Общий рынок еще не сложился, хотя и появлялись первые новые внутри-

¹⁵ Импорт товаров увеличился примерно с 5 млн. ф. ст. почти до 14,8 млн. ф. ст. в год, а экспорт товаров — с 11,1 млн. ф. ст. до 22,5 млн. ф. ст. в год («The commerce, resources and prospects of India». «Calcutta review», 1857, № 54, p. 406—408). Нами сравниваются пятилетия 1834/35—1838/39 и 1851/52—1855/56 гг.

¹⁶ Вывоз драгоценных металлов из Индии увеличился за тот же период примерно в 8,5 раза — с 250 тыс. до 2,1 млн. ф. ст., тогда как их ввоз в Индию возрос лишь незначительно — с 2,3 млн. до 5,1 млн. ф. ст. (Там же).

¹⁷ Цены на основные сельскохозяйственные продукты в Мадрасском президентстве составили в 1834—1841 гг. — 83%, в 1842—1851 гг. — 69% от уровня 1810—1811 гг. (A. Sarada Raju. Указ. соч., стр. 228—229). Примерно такое же падение цен отмечалось в Бомбейском президентстве (R. D. Choksey. Указ. соч., стр. 84) и несколько меньшее в долине Ганга, хотя оно имело место и там.

¹⁸ «Имеется большой избыток продукции, которая не находит сбыта. Цены падают, тогда как налоги взимаются в прежнем размере, а цены на одежду и другие товары, которые ввозятся в Индию, также остаются прежними» («The commerce, resources and prospects of India», p. 447).

¹⁹ В 50-х годах в Индии начинается железнодорожное строительство. Были восстановлены или построены важные так называемые магистральные дороги с земляным покрытием, пересекавшие Индию из конца в конец: Калькутта — Пешавар, Калькутта — Бомбей, Бомбей — Агра.

индийские связи. Неодинаковой в различных частях страны была и степень тех социально-экономических изменений, которые вызвали дальнейшее развитие колониальной эксплуатации.

Раньше и в большей мере, чем другие области страны, была «освоена» английским промышленным капиталом Северная Индия, явившаяся основным районом восстания 1857—1859 гг. По приблизительным подсчетам, потребление английских товаров на душу населения в конце 40-х годов было в Северной Индии в два раза выше, чем в Бомбейском и Мадраасском президентствах²⁰. Во второй четверти XIX в. Северная Индия была также и основным районом производства сельскохозяйственных продуктов на экспорт (сахар, опиум, индиго, хлопок и др.). Из главных экспортных культур того времени только хлопок производился в основном за пределами долины Ганга — в Махаращре. Неудивительно, что именно в Северной Индии развитие товарного производства и торговли в новых условиях проявлялось более заметно, чем в других местах. Развитие эксплуатации Индии в интересах английского промышленного капитала вызвало важные сдвиги в земельных отношениях. В силу охарактеризованных выше причин эти сдвиги произошли в долине Ганга раньше, чем в других областях страны.

Существовавшая в первой трети XIX в. практика налогообложения, обеспечивая усиленную налоговую эксплуатацию крестьянства, препятствовала росту товарного производства, а следовательно, и дальнейшему развитию эксплуатации Индии в качестве источника сельскохозяйственного сырья. Создание необходимых для этого условий явилось главной целью ряда реформ земельного налогообложения, которые английские колонизаторы стали постепенно проводить в различных областях страны. В Северо-Западных провинциях, занимавших обширную территорию в долине Верхнего и Среднего Ганга, реформа налогообложения была проведена уже в 30-х годах. В Бомбейском и Мадраасском президентствах аналогичные реформы намечалось провести только в конце 40—50-х годов, а их результаты стали сказываться лишь во второй половине XIX в. Между тем в Северо-Западных провинциях последствия налоговой реформы, отражавшие усиление эксплуатации крестьянства в новых условиях, проявились уже к началу 50-х годов и были наиболее важными среди непосредственных социально-экономических причин восстания 1857—1859 гг.

Как и в областях системы райятвари, в Северо-Западных провинциях размер налога с каждого поля определялся в зависимости от выращиваемых культур и других условий. В отличие от районов райятвари здесь была широко распространена круговая порука среди высшей прослойки землевладельцев-общинников, коллективно ответственных за уплату налога со всей деревни. Они назывались паттидарами. В большинстве своем это были крестьяне, которые принадлежали к высоким кастам и занимали привилегированное положение²¹. Были среди них и мелкие феодалы,

²⁰ J. Chapman. The cotton and commerce of India. London, 1851, p. 165—170.

²¹ Обычно они принадлежали к так называемым военно-земледельческим кастам (раджпуты, дикаты, некоторые брахманские касты и др.) и получали свои привилегии в отношении землевладения фактически за службу в войсках феодалов, которые зачастую были выходцами из тех же каст.

Часть пахотных земель в деревне составляли частные владения паттидаров (сир). Сир паттидара равнялся 6—9 акрам пахотной земли и по площади не намного превосходил владения других крестьян (асами). Последним принадлежали остальные возделываемые земли в деревне; большинство асами обладало наследственными правами. Привилегированное положение паттидаров выражалось в том, что сами они платили несколько меньше, чем остальные крестьяне. Вопросы земельных отношений в общине Северо-Западных провинций в первой половине XIX в. более подробно рассматриваются в работах А. М. Осипова. (См., например, «Вопросы истории», 1958, № 6).

в особенности среди так называемых деревенских заминдаров²². В одних местах заминдары и паттидары платили налог непосредственно в казну колониального государства, в других — через вышестоящих крупных феодальных землевладельцев, обычно именовавшихся талукдарами²³.

Согласно новому порядку обложения (Постановление IX, 1833 г.), ставки земельного налога устанавливались сроком не на пять лет, как прежде, а на тридцать лет и в течение этого периода не могли быть изменены. Величина налога определялась теперь в зависимости от качества земли, а не от выращиваемых культур — за лучшую землю взимался более высокий налог. Таким образом англичане принуждали крестьян возделывать более ценные, экспортные культуры²⁴. Устанавливая обложение на длительный срок, колониальные власти стремились увеличить размеры налога, чтобы «не прогадать» в будущем. «Налоговые чиновники, — пишет современный индийский исследователь Б. Р. Мисра, — завышали ставки земельного налога, поскольку они стремились учесть будущее повышение доходов от земли в результате возможного увеличения ее ценности и роста цен на сельскохозяйственные продукты²⁵. Кроме того, во время проведения реформы были обложены налогом и земли, которые ранее не облагались.

В результате перечисленных мер английские колониальные власти добились некоторого увеличения общей суммы земельного налога в Северо-Западных провинциях²⁶.

Прямым следствием реформы налогообложения являлась дальнейшая экспроприация владельческих прав крестьянина и разрушение общины. Как и в других областях Индии, экспроприация владельческих прав в Северо-Западных провинциях началась еще в первой трети XIX в. Однако здесь эта экспроприация имела свои особенности. Поскольку паттидары обычно несли коллективную ответственность за уплату налога, постольку в случае образования недоимок права всех паттидаров данной деревни подлежали немедленной продаже с аукциона. При этом паттидары сохраняли права наследственных владельцев на сир, лишаясь, однако, своих прав на остальные земли в деревне²⁷. Тесная общинная, кастовая, а нередко и родовая спайка у паттидаров и деревенских заминдаров, их военные традиции и готовность в любой момент выступить с оружием в руках — все это сдерживало произвол новых феодальных помещиков, в частности, и английских «плантаторов», покушавшихся владения с аукциона, а порой даже отпугивало покупателей. Так, английский чиновник из Делийского района писал: «Благодаря своей численности, родственными связям и общим правам на землю, которыми обладает весь

²² Деревенский заминдар владел, как правило, одной деревней или ее частью. Члены его семьи являлись совладельцами; иногда они участвовали в полевых работах.

²³ Талукдары получали в свою пользу определенную долю от собранного ими с заминдаров или паттидаров налога. Кроме того, талукдар мог иметь владение на правах деревенского заминдара или паттидара.

²⁴ Предписания администрации в Северо-Западных провинциях устанавливали размер налога в зависимости от качества земли, Совет директоров Ост-Индской компании указывал: «Мы обращаем ваше особое внимание на эту меру прежде всего в связи с разведением хлопка, сахарного тростника, кофе и других культур, соответствующих запросам английского рынка» (C. D. Field. Landholding and the relation of landlord and tenant in various countries. Calcutta, 1885, p. 688—689. Dispatch № 6, 12. IV. 1837).

²⁵ B. R. Misra. Land revenue policy in the United Provinces under British rule. Benares, 1942, p. 83. Некоторое снижение ставок проводилось лишь в тех случаях, когда сбор налога в прежнем его размере не представлялся возможным из-за разорения деревень.

²⁶ D. Bhanu. History and administration of the North-Western Provinces. 1803—1858. Agra, 1957, p. 185.

²⁷ RRSNWP, vol. I, p. 21.

коллектив, общинники могут объединиться, чтобы не допускать отчуждения своих земель в случае образования налоговых недоимок. Лишь немногие решаются покупать такие деревни или брать сбор налога в них на откуп, и нередко им приходится дорого расплачиваться за свое безрассудство... Связанные узами родства, а главное, объединенные общими интересами, эти общинники напоминают тугую связку прутьев, которую трудно сломать»²⁸. Нередко обложение владений паттидаров было столь высоким, что эти владения теряли всякую ценность для покупателей²⁹. В этом случае экспроприация владельческих прав общинников была, как и в областях райятвари, осуществлена непосредственно колониальным государством, но, что очень важно, община формально сохраняла свои права и свою организацию.

В 30—50-х годах XIX в. положение большинства общинников в Северо-Западных провинциях существенно ухудшилось. Владения паттидаров и заминдаров с ростом населения дробились и мельчали. «Их владения, — отмечал в 40-х годах видный колониальный чиновник В. Слимен, — становятся все более мелкими, и они вынуждены либо искать другие средства к существованию, либо голодать»³⁰. Однако возможности своеобразного «отхожего промысла», каким для раджпутских и джатакских крестьян была служба в войсках индийских феодалов, резко уменьшились. В условиях этого «перенаселения» налоговое бремя, которое английские колонизаторы ввели на крестьянство, становилось еще более тяжелым³¹.

По мере роста товарного производства усиливалось также закабаление разорившихся мелких землевладельцев торгово-ростовщическим капиталом³². Реформа налогообложения создавала важные предпосылки для развития частной собственности на землю, поскольку налог был установлен в определенном размере на длительный срок. В этих условиях вследствие начавшегося в 40-х годах роста цен на сельскохозяйственные продукты налог мог уже поглощать не весь прибавочный продукт, а лишь часть его. Таким образом возникла возможность для частного землевладельца эксплуатировать крестьянина в качестве бесправного арендатора, присваивая остальную часть прибавочного продукта. Владения паттидаров превращались в объект купли-продажи³³, чему способствовало так-

²⁸ «Village schools and peasant proprietors in the North-Western Provinces». «Calcutta review», 1850, № 27, p. 156.

²⁹ Налоговый чиновник из дистрикта Амарпур сообщал в 1843 г.: «Бедность, царящая повсюду в дистрикте, и то обстоятельство, что земля полностью утратила свою ценность, неопровержимо свидетельствовали о непомерности налогового бремени» (RRSNWP, vol. II, pt. II, p. 791).

³⁰ W. H. Sleeman. Rambles and recollections of an Indian official. Westminster, 1893, vol. I, p. 226.

³¹ «По мере роста числа общинников-совладельцев, — писал английский налоговый чиновник в дистрикте Майнпури, — владение, получаемое при каждом наследовании, уменьшается, и в конце концов доля каждого из совладельцев становится столь малой, что едва ли обеспечивает существование. Как же он может платить налог?» (RRSNWP, vol. II, pt. I, p. 117).

³² Налоговый чиновник из дистрикта Фатехпур в 1841 г. писал: «Погашение ссуды и выплата процентов производятся в зерне по самым низким ценам в году. Райят, который должен платить огромные проценты и столь невыгодно продавать свой продукт, редко может получить больше голого минимума средств существования» (RRSNWP, vol. II, pt. I, p. 406).

³³ «До введения обложения, на основе Постановления IX от 1833 г., земля и права на нее не имели ценности, и люди зачастую не желали принимать на себя ответственности и обязанности собственников. Однако после установления нового обложения это странное положение перестало существовать». (E. T. Atkinson. Statistical, descriptive and historical account of the North-Western Provinces of India, vol. IV. Allahabad, 1876, p. 337).

же установление права паттидара на выход из общины по желанию. Этим немедленно воспользовались торгавцы-ростовщики, которые держали общинников в долговой кабале, и начали с помощью английского суда отбирать их землю за долги. Экспроприация владельческих прав развивалась теперь в новых формах, отличных от тех, которые наблюдались в предшествующий период, и вела к разрушению общины.

Начиная с 30-х годов XIX в., продажа владений паттидаров и заминдаров за налоговые недоимки почти прекратилась. Зато распространенным явлением стала продажа этих владений по решению суда за частные долги. «Суды бесцеремонно выносят решения о продаже посторонним лицам владений и прав отдельных совладельцев, — писал Дж. Кемпбелл, — а если чужак однажды утвердился в общине, семя ее распада можно считать посеянным»³⁴.

Паттидары, владения которых продавались в порядке взыскания частных долгов, теряли не только свои права совладельцев всех земель в деревне, но и наследственные права на землю сир, превращаясь, таким образом, в бесправных арендаторов покупателя³⁵. Распространению экспроприации мелких землевладельцев в Северо-Западных провинциях способствовало также укрепление колониального аппарата принуждения, который более эффективно, чем прежде, подавлял сопротивление крестьянства³⁶.

О том, каких масштабов достигла эта экспроприация, говорят следующие данные. В дистрикте Маттра с 1833 по 1853 гг. примерно $\frac{1}{3}$ всех облагаемых земель перешла в другие руки, в дистрикте Алигарх с 1838 по 1868 г. — 84%, в дистрикте Фатехпур с 1840 по 1870 гг. — 72%, в дистрикте Канпур с 1801 по 1870 гг. — 62%³⁷. Весьма точное описание того, как происходило разорение крестьянства на новом этапе развития колониальной эксплуатации в условиях сохранения налогового грабежа, дал английский фискальный чиновник в Канпуре, который в 1841 г. писал: «Не проходит и месяца без появления длинного списка продаж по решению гражданского суда. Почти все продажи совершаются в порядке взыскания частных долгов. Это деньги, которые деревенские махаджаны (торговцы-ростовщики. — Э. К.) ссудили заминдарам для уплаты налога правительству. Отсюда следует, что продажа в порядке взыскания частных долгов на деле представляет собой другую форму продажи за налоговые недоимки»³⁸.

Вследствие разорения высшей прослойки общинников-паттидаров, а также деревенских заминдаров ухудшилось положение всего населения деревни. С приходом новых помещиков феодальные отношения утрачивают свои патриархальные черты, эксплуатация усиливается³⁹. Разоре-

³⁴ G. Campbell. Указ. соч., стр. 336.

³⁵ RRSNWP, vol. I, p. 21.

³⁶ «Чувствуя за собой сильную руку наших гражданских властей, один человек может теперь пойти против всей общины, которая при другом состоянии общества без особых церемоний заставила бы его подчиниться своему решению» (RRSNWP, vol. I, p. 28).

³⁷ «The district gazetteers of the United Provinces». Benares, 1908—1913.

³⁸ RRSNWP, vol. II, pt. I, p. 365.

³⁹ «Старые владельцы принадлежали к самой деревне, они были одной касты с земледельцами и зачастую являлись их родственниками... Новые помещики-чужаки добились увеличения ренты там, где это не удавалось их предшественникам» (M. Thornhill. The personal adventures of a Magistrate during the rise, progress and suppression of the Mitiny. London, 1884, p. 34). Новому помещику нередко удавалось лишить владельческих прав также крестьян-асами.

Таким образом создавалась возможность увеличить ренту либо вовсе согнать крестьян с земли. В конце 40-х — начале 50-х годов в Северо-Западных провинциях суды ежегодно разбирали три-четыре тысячи исков о сгоне с земли, обычно за отказ крестьянина платить возросшую ренту, число таких дел увеличилось с 3508 в 1847/48 г. до 3951 в 1852/53 г. («Selections from the records of the government of the North-

ние и экспроприация паттидаров и заминдаров в 30—50-х годах XIX в. вызвали сильное недовольство населения Северо-Западных провинций английским режимом. Губернатор Томасон отмечал, что когда такой земледелец лишается своего владения за долги, «он ненавидит уже не столько своего противника, сколько государство. Он чувствует, что для него нет другого выхода, кроме ликвидации самой системы»⁴³.

Английская колониальная политика 30—50-х годов не только приводила к усилению эксплуатации и разорению трудящегося населения, но и заметно ущемляла интересы старой феодальной аристократии. Завершив завоевание страны и будучи уверенными в прочности своего господства в Индии, колониальные власти провели в 30—50-х годах ряд мер, чтобы увеличить свои налоговые поступления также за счет дохода довольно значительной части индийских феодалов.

Такие меры проводились в Индии почти повсеместно. Это — обложение земель, ранее не облагавшихся налогом, ревизия прав на получение содержания за счет налога, собранного с определенной территории (джагир), сокращение содержания, превращение его из наследственного в пожизненное и т. п. Но особенно серьезно пострадали многие крупные феодалы в ходе реформы налогообложения в Северо-Западных провинциях. Некоторые владения талукдаров в этой области были ликвидированы. Прежним владельцам английские власти определили отчисление в размере 18% от суммы налога, который собирали с их бывших деревень чиновники фиска. Наследникам талукдаров отчислялось 9%. Отдельные наиболее дальновидные колониальные политики, вроде губернатора Робертсона, предупреждали, что возможны опасные для англичан последствия такого рода мер⁴⁴.

В связи с дальнейшим развитием колониальной эксплуатации Индии английские власти начали пересматривать также свою политику по отношению к княжествам. Английская промышленная буржуазия стремилась к более полному «освоению» Индии, к расширению своего прямого, непосредственного господства над ее территорией. В конце 40-х — начале 50-х годов под различными предлогами был ликвидирован ряд княжеств, в результате территория, занимаемая «туземными государствами», сократилась примерно на одну треть.

Установив свою прямую власть на территории княжества, колонизаторы в первую очередь увеличивали налоги. Так, в течение первых двух лет правления английских чиновников в бывшем княжестве Сатара, несмотря на неурожай, налоги были повышены на 17%. Более того, английские чиновники стремились взыскать налоговые недоимки, которые в предыдущие годы не удавалось собрать княжескому фиску. Естественно, что одним из последствий английского управления было «сокращение обрабатываемых площадей»⁴⁵. Ликвидация княжества влекла за собой обеднение феодальной верхушки, роспуск старого войска. Все это приводило к разорению многих ремесленников и торговцев в сто-

western Provinces», Part XXV. Agra, 1856, Art. IV. Report on the frequency of suits for auster, p. 240, 241). Коллектор в дистрикте Канпур писал об этом: «В земледельцах нет недостатка, и людей, готовых взяться обрабатывать землю, можно найти без труда. Заминдары стремятся согнать с земли старых арендаторов, чтобы посадить на их место новых и взимать с последних более высокую ренту (там же, стр. 239).

⁴³ H. Mead. The Sepoy revolt. London, 1857, p. 318.

⁴⁴ «Попытка править страной без помощи каких-либо туземных посредников представляет собой опасный эксперимент», — писал Робертсон. — Тем не менее, как мне представляется, проводимые нами в настоящее время меры ведут как раз к этому» (R. Dutt. Указ соч., стр. 43).

⁴⁵ «Report on the revenue, resources etc. of the lapsed Satara territory. By T. Ogilvy, 1852». «Selections from the records of the Bombay government», 1856, № 61, p. 168.

лице княжества. Достаточно сказать, что после аннексии княжества Сатара немедленно произошло падение цен в этой области⁴⁶.

Наиболее важное значение по своим политическим последствиям имела ликвидация «туземного государства» в Ауде (Северная Индия), который явился одним из основных районов восстания 1857—1859 гг.

После упразднения этого княжества в феврале 1856 г. английские власти начали массовую экспроприацию крупных феодальных владений — талукдов с тем, чтобы организовать сбор налога непосредственно с мелких землевладельцев-общинников, которые в Ауде занимали примерно такое же положение, как и в соседних Северо-Западных провинциях. Талукдарам оставили только те их владения, которые они держали на правах деревенских заминдаров. В 1856 г. из 23 543 деревень, входивших в талук, за талукдарами было оставлено лишь 13 640 деревень⁴⁷. Новое землеустройство сопровождалось и повышением налога с деревенских заминдаров, как это, например, имело место во время проведения налоговой реформы в соседних Северо-Западных провинциях. «Аннексия Ауда, — писал «Калькутта ревью», — должна была глубоко потрясти туземное общество — военный лагерь (бывшего правителя. — Э. К.), двор и базар; среди наших сипаев она была постоянным предметом разговора»⁴⁸.

Дело в том, что так называемая Бенгальская армия, дислоцированная в Северной Индии, рекрутировалась среди тех каст — брахманов, раджпутов, джатов, а также мусульман (патаны, сеиды и др.), которые составляли высшую прослойку землевладельцев-общинников Ауда, Бихара и Северо-Западных провинций⁴⁹. Служба в английской армии являлась для них своего рода отхожим промыслом. Почти каждая крестьянская семья в Ауде — писал генерал-майор Утрэм в 1855 г. — посылает одного из своих членов на службу в английскую армию⁵⁰. Сипаи находились в постоянном контакте с деревней, с той средой, из которой они вышли⁵¹. Возмущение населения, вызванное разорением и экспроприацией мелких землевладельцев-общинников в Северо-Западных провинциях, а также политикой английских властей в соседнем Ауде, непосредственно передалось сипаям. В этом состояла главная причина восстания Бенгальской армии, хотя имелись и другие, специфические для самой армии причины. «... Я считаю, что восстание никогда не могло бы произойти, — писал один из высших английских военных чинов в Индии — лорд Робертс, — если бы чувства недовольства и беспокойства не царили в тех местах, откуда главным образом поступали к нам сипаи-хиндустанцы...»⁵².

Таким образом, в Северо-Западных провинциях и Ауде острое возмущение английскими порядками охватило одновременно самые различные слои населения: крестьян, ремесленников, бедный городской люд, часть феодалов и, наконец, индийских солдат колониальной армии⁵³.

⁴³ Там же, стр. 171—172.

⁴⁴ B. R. Misra. Указ. соч., стр. 101.

⁴⁵ «Lord Dalhousie». «Calcutta review», 1859, № 64, p. 411.

⁴⁶ По данным обследования, в одном из полков Бенгальской армии брахманы составляли около 30% всех сипаев, раджпуты — 25, пидусы из других каст — 17, мусульмане — 17%. «Papers connected with the reorganisation of the army in India». «The sessional papers of the House of Lords», 1859, vol. 8, p. 127.

⁴⁷ «Aude: papers relating to. The sessional papers of the House of Lords», 1856, vol. 13, p. 45.

⁴⁸ «Солдаты, возвращавшиеся из отпуска, приводили рекрутов из своих деревень, родственные отношения и связи преобладали в большинстве полков». «Papers connected with the reorganisation of the army in India», p. 140.

⁴⁹ Lord Roberts. Forty-one years in India. From Subaltern to Commander-in-chief. vol. 1. London, 1897, p. 415.

⁵⁰ То обстоятельство, что восстание мало затронуло или вовсе не распространилось на другие области страны, объяснялось отсутствием общиндийских социально-

События восстания, охватившего прежде всего эти области, ярко свидетельствуют о характере его экономических причин. Восставшие громили английские налоговые учреждения и суды, жгли налоговую документацию. Крестьяне изгоняли или убивали новых помещиков, захвативших их землю, избивали ростовщиков, уничтожали долговые расписки. Экспроприированные англичанами феодалы в Ауде и Северо-Западных провинциях утверждали за собой свои прежние владения. Субъективно повстанцы выступали за восстановление старых порядков. Однако на деле народное восстание 1857—1859 гг. не только наносило удар колониальному режиму, но и подрывало господствующие феодальные отношения. Повстанцы боролись против налогового ограбления страны, являвшегося главной формой феодальной эксплуатации индийского крестьянства, за свои права на землю, против произвола колонизаторов и новых помещиков. В своих прокламациях они обещали безопасность и развитие самостоятельной торговли индийским купцам и работу разоренным ремесленникам.

Восстание не победило, страна не вступила на путь самостоятельного развития, борьба за которое была объективным содержанием восстания, определившим его прогрессивное значение. Однако оно заложило прочные традиции героической освободительной борьбы индийского народа.

SUMMARY

The author analyses the social and economic consequences of India's exploitation by British industrial capital in the first half of the 19th century. India's transformation into a market for foreign goods and a source of raw materials, the plunder of that country by means of a heavy taxation press precipitated a deep economic crisis, caused widespread resentment which culminated in the rebellion of 1857—1859. Northern India was exploited by British industrial capital more intensively than any other area of India, and it was therefore the main region of the rebellion. Resentment against the British rule spread to the widest sections of the population in the North-Western Provinces, Awadh and Bihar and to the sepoys enlisted in the colonial army (who came from the midst of small land holders, peasants in their majority). The expropriation of the small landholders in the North-Western Provinces was therefore one of the main direct economic causes of the popular revolt of 1857—1859.

экономических связей в условиях колониально-феодальной Индии того времени и особенностями существовавшего в каждой из этих областей положения. В Бенгалии на северо-востоке существовал прочный союз колониальной власти с новыми феодальными помещиками, составлявшими там большинство помещичьего класса. В Бенгалии имели место активные антифеодальные выступления крестьянства, однако бенгальских крестьян не было в составе колониальной армии и они не были связаны с сипаями.

В Пенджабе, на северо-западе, который англичане подчинили лишь в конце 40-х годов, английские власти проводили весьма осторожную политику, сохранив и даже расширив привилегии старой феодальной аристократии в отношении землевладения. Уже во время восстания, опасаясь выступления пенджабского крестьянства, английские власти провели там снижение налога до $\frac{1}{3}$ и затем до $\frac{1}{6}$ урожая. Как и бенгальские крестьяне, пенджабцы не были связаны с сипаями бенгальской армии. Более того, последние были привлечены англичанами в Пенджаб как завоеватели, и они, естественно, не пользовались симпатиями населения. Наконец, сикхи в Пенджабе были по традиции враждебны могольскому падишаху, которого повстанцы объявили своим главой. В Бомбейском и Мадрасском президентствах реформа налогообложения стала проводиться лишь в середине XIX в. Поэтому, а также из-за более слабого, чем в долине Ганга, развития товарно-денежных отношений последствия реформы — экспроприация крестьянских владений и усиление эксплуатации крестьянства — сказались здесь гораздо позднее. Они также вызвали подъем борьбы крестьянства, но уже во второй половине XIX в.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛЕННОЙ СИСТЕМЫ В ДЕЛИЙСКОМ СУЛТАНАТЕ В XIV в.

К. З. АШРАФИ

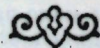
Делийский султанат возник в начале XIII в. на развалинах державы Гуридов, включавшей в свои пределы Восточный Иран, Афганистан и Северо-Западную Индию. В 1206 г. Кутб-уд-дин Айбек, гурийский наместник в Северной Индии, объявил себя независимым правителем. Политическая обстановка способствовала укреплению власти преемников Кутб-уд-дина (1206—1210). Угроза завоевания Северной Индии монголами, которые утвердили свое господство в Средней Азии, Афганистане, Иране и в XIII—первой половине XIV в. неоднократно совершали опустошительные набеги на Северо-Западную Индию, проникая иногда вглубь страны, способствовала консолидации феодальных владетелей Северной Индии и укреплению государства делийских султанов¹. Завоевательная политика султанов Ала-уд-дина Хильджи (1296—1316) и Мухаммеда Туглака (1325—1351), расширивших границы султаната на северо-восток вплоть до Тирхута (Северный Бихар), Лакхнаути (Бенгалия), Джаджнагара (Орисса) и на юг до Девагири (Махараштра) и Тиланга (Теленгана)², пользовалась популярностью среди феодалов и обеспечивала поддержку ими центральной власти.

Наиболее влиятельной группой феодалов в Делийском султанате была пришедшая военная знать — завоеватели Северной Индии, выходцы из Средней Азии, Ирана, Афганистана и их потомки. Из этой знати назначались правители областей и городов; ответственные и доходные должности в войске и административно-налоговом аппарате также принадлежали представителям чужеземной, главным образом турецкой, военной знати.

Местные индийские феодалы были в менее привилегированном положении. Присоединяя к своим владениям новые города и области, султаны обычно отстраняли от управления старые феодальные династии и назна-

¹ Известный историограф и современник нескольких правителей Дели Зия-уд-дин Барани (1286—1356) отмечает, что страх, порожденный кровопролитиями Чингис-хана, заставил многих известных эмиров и маликов (представителей военной знати), имевших большой опыт власти, а также мудрых везиров сплотиться во круг трона делийского султана Шамс-уд-дина Илтутмина (1211—1236). См. *Зия-уд-дин Барани. История Фируз-шаха*. «Bibliotheca Indica». Calcutta, Asiatic society of Bengal, 1862, p. 27.

² Границы султаната не были стабильны из-за частых восстаний и мятежей, приводивших к отпадению тех или иных областей. К концу правления Мухаммеда Туглака от Дели отложились все отдаленные провинции, кроме Гуджарата и Девагири. См. *Барани. Указ. соч.*, стр. 470—471.

чали наместников из своих приближенных³. Некоторые княжества в результате завоевания ставились в вассальную зависимость от Дели. Вассальные князья-раджи были обязаны султану службой (خدمت), состоявшей в ежегодной посылке ему дани и отрядов воинов для участия в походах⁴. Если князья отказывались от исполнения вассальной службы, султаны нередко отбирали их владения, назначая туда своих наместников⁵.

Установление в ряде областей Индии власти чужеземных феодалов не изменило характера общественно-экономического строя страны⁶. Основной социальной системой в Делийском султанате была сельская община — джамийат (جمعیت). В силу некоторых специфических условий производства в Индии, как и в ряде других стран Востока, община, пережиток первобытно-общинного строя, как известно, не утратила своей роли и в феодальном обществе. Кроме того, делийские султаны использовали сельскую общину как фискальную единицу, низшее звено административно-налогового аппарата.

Мелкие и средние феодалы-индусы, феодализировавшаяся общинная верхушка — хута, чаудхри, мукадамы⁷ и другие, в большинстве областей султаната в течение всего XIII в., а в некоторых отдаленных провинциях и в XIV в., были посредниками между государственной казной и крестьянами, продолжали, как и прежде, вводить сбором налогов с подвластной им территории — деревни, группы деревень или округа⁸. Большинство хута, мукадамов, чаудхри в Делийском султанате сохраняли свои земельные владения, которые до начала XIV в. были освобождены от каких-либо

платежей в казну⁹. Эта привилегия рассматривалась султанами как своего рода жалование за службу хута и других феодалов по сбору государственных налогов.

Реформы Ала-уд-дина Хильджи, направленные на укрепление позиций пришедшей феодальной знати, лишали хута и некоторых других феодалов-индусов налоговых привилегий: их земли были обложены поземельным налогом в размере $\frac{1}{2}$ урожая¹⁰. Преемники Ала-уд-дина отменили введенные им реформы и восстановили некоторые привилегии феодалов-индусов¹¹. Однако по мере укрепления власти султанов и совершенствования налогового и административного аппарата права хута, мукадамов и прочих индусских феодалов все больше ограничивались. Это обстоятельство было одной из причин того, что в течение всего XIV в. мелкие феодалы-индусы, феодализировавшаяся общинная верхушка, в частности мукадамы, принимали активное участие в восстаниях против султанов¹².

Вторая половина XIV в. в истории Делийского султаната была временем относительного развития производительных сил. По свидетельству феодального хрониста Аффифа, писавшего свой труд в самом начале XV в., в период правления султана Фируз-шаха (1351—1388) в Двуречье Ганга и Джамны, как и в некоторых других областях государства, ни один клочок земли не оставался невозделанным; на каждый курух¹³ приходилось по четыре цветущие (абадан) деревни¹⁴. «Области стали процветающими и возделанными», — отмечает другой современник, — курух за курухом, фарсах за фарсахом; луга, пустыни и степи были обработаны, и поле слилось с полем, сад с садом, деревня с деревней¹⁵.

В более широких масштабах по сравнению с предыдущими периодами проводились ирригационные работы, сооружались каналы, водохранилища, в результате чего имело место расширение посевных площадей. Так, после постройки в правление Фируз-шаха канала через Карнальский хребет от рек Джамны и Сатледжа к городу Хисар-Фируз на расстоянии 80—90 курухов (около 180—200 км) население близлежащих к каналу местностей получило возможность выращивать не только осенний урожай (хариф) пшеницы, но и весенний (раби)¹⁶.

В связи с увеличением сельскохозяйственной продукции значительно снизились цены на пшеницу, горох, ячмень и другие продукты земледелия. Как отмечает Аффиф, цены были низкими не только в столице, «но и во всей стране»¹⁷.

⁹ Барани приписывает Ала-уд-дину следующие слова: «Хута и мукадамы едят на хороших лошадях, носят прекрасную одежду, стреляют из персидских луков, ведут друг с другом войны, охотятся, но ни джигала (мелкая монета. — К. А.) хараджа, джизии, карай, или чарай (налог за выпас скота. — К. А.) не платят. Они самостоятельно измывают с деревень долю хута (قسمت خوطی), собираются, пьют вино; многие из них вовсе не являются в диван ни по требованию, ни без требования, а также не проявляют никакого уважения к своим чиновникам». Барани. Указ. соч., стр. 291.

¹⁰ См. там же, стр. 292.

¹¹ Согласно указу Гийас-уд-дина Туглака (1320—1325), земли хута и других феодалов не облагались налогами. Правда, в то же время феодалы-индусы лишались права облагать крестьян в свою пользу. См. Барани. Указ. соч., стр. 430.

تا خوطان و مقدمان خارج خراج سلطان قسمتی عایدہ بر رعایا نکنند

¹² См. там же, стр. 252, 273, 515, 516, 519. Влияние местных феодалов вновь значительно усилилось в конце XIV—XV в., в период распада Делийского султаната.

¹³ Курух равен $\frac{1}{3}$ фарсаха; фарсах 6—7 км.

¹⁴ «شمس سراج غنیف تاریخ فیروز شاہی» (Шамс Сирадж Аффиф. Тарих-и Фируз-шахи). «Bibliotheca Indica». Calcutta, Asiatic society of Bengal, 1891, p. 99, 295.

¹⁵ См. Барани. Указ. соч., стр. 574.

¹⁶ См. Аффиф. Указ. соч., стр. 125—128.

¹⁷ См. там же, стр. 294.

³ См. Барани. Указ. соч., стр. 283, 514, 515 и др.

⁴ См. там же, стр. 326, 329, 330, 389 и др. Аналогичное употребление термина *хидмет* встречаем и в других источниках, см., например: *أبو عمر منهاج الدین عثمان* (Абу Омар Минхадже ад-дин Осман бин-Сирадже ад-дин аль-Джаузаджани. Табакат-и Насири). Calcutta, College press, 1864, p. 243.

⁵ См. Барани. Указ. соч., стр. 389 и др.

⁶ Как отмечает К. А. Антонова, некоторые зарубежные историки утверждают, что феодализм в Индию принесли мусульманские завоеватели (см. К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 48). Английский исследователь Морланд считает, что завоеватели создали в Индии «мусульманскую аграрную систему» (см. W. H. Moreland. The agrarian system of Moslem India. Cambridge, 1929, p. 21). Однако данные источников показывают, что формы эксплуатации и землевладения периода правления делийских султанов обнаруживают черты преемственности с формами и институтами периода домусульманских завоеваний. Образование Делийского султаната привело лишь к частичному перераспределению земель между местными и пришлыми феодалами, к некоторым изменениям в структуре господствующего класса.

⁷ *Хут, хута* (خوط، خوطه) — представитель общинной верхушки, синоним термина *ваминдар*, появившегося в конце XIII — середине XIV в. и постепенно вытеснившего термин *хута* (см. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 235). Морланд считает, что этот термин арабского происхождения; впоследствии он встречается в индифицированной форме в Гуджарате и Конкане (см. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 236). Однако мы склонны присоединиться к весьма убедительно обоснованному мнению индийского исследователя Куреша, который полагает, что *хута*, или, вернее, *хут*, происходит от слова *грамхута* (солеский чиновник, упоминаемого в «Арххашастре» Каутилы (см. I. H. Qureshi. The administration of the Sultanate of Delhi. Lahore, 1944, p. 258). *Чаудхри* (چودھری — индийский термин) — старшина округа (паргана); *мукадамы* (مقدم — арабский термин), *мукадам* (индийская форма) — деревенский старшина. Этот термин соответствует индийскому термину *патвар*. См. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 19, 225; *أبو الفضل آئین اکبری* (Абу-л-Фаал. Аин-и Акбари). Calcutta, vol. I, 1867—1877, p. 286; К. А. Антонова. Указ. соч., стр. 53, прим. 3.

⁸ См. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 29—30.

На состояние хозяйства страны оказывала определенное воздействие, в частности, и налоговая политика центральной власти.

Размер государственного поземельного налога, являвшегося в силу преобладания государственной земельной собственности основной формой эксплуатации, в течение XIV в. неоднократно претерпевал изменения. Ала-уд-дином Хильджи был установлен поземельный налог в размере $1\frac{1}{2}$ урожая; в пользу государственной казны взимались также подушная подать, налог за выпас скота и другие поборы. Сбор налогов сопровождался жестокими репрессиями. Результатом податной реформы султана было разорение страны и рост недовольства широких слоев населения¹⁸. В связи с этим преемники Ала-уд-дина — Кутб-уд-дин Мубарак Хильджи (1316—1320) и Гийяс-уд-дин Туглак проводили более умеренную политику в области налогов, что способствовало некоторому подъему хозяйства¹⁹.

Резко увеличились налоги при Мухаммеде Туглаке, который, подобно Ала-уд-дину, вел захватнические войны на территории Индии. По свидетельству источников, страна была разорена «тяжелыми налогами и многочисленными поборами»²⁰. Во многих областях в течение нескольких лет свирепствовал жестокий голод²¹.

Усиление феодальной эксплуатации во второй четверти XIV в. привело к возникновению народных движений, которые нередко принимали форму религиозного сектантства²².

Султан Фируз-шах Туглак, преемник Мухаммеда Туглака, жестоко подавляя народные движения, вместе с тем был вынужден уменьшить размер поземельного налога и упразднить ряд феодальных поборов. Фируз-шах, как и Кутб-уд-дин Мубарак Хильджи и Гийяс-уд-дин Туглак, стремился в интересах феодального класса в целом несколько умерить феодальную эксплуатацию, оградить крестьянское хозяйство от полного разорения.

Одним из результатов относительного развития хозяйства было дальнейшее укрепление экономических и политических позиций феодалов, расширение их привилегий, рост частного феодального землевладения.

Вопрос о развитии и характере феодального землевладения в Индии в рамках государственно-феодальной собственности недостаточно изучен²³. В предлагаемой работе мы пытались раскрыть содержание двух феодальных институтов — икта и инама, которые имели широкое распространение в Делийском султанате.

Земли, захваченные в Северной Индии знатью тюркских и некоторых других племен Средней Азии, Ирана и Афганистана, поступили в распо-

ряжение государства. Верховным собственником всех земель был султан. Государственные земли, или земли казны, известны в источниках под терминами халисе, или дивани (خا لسه دیوانی)²⁴. Земли короны, вероятно, были обособлены от земельного фонда казны²⁵.

Часть земель халисе находилась в непосредственном ведении казны и управлялась чиновниками государственного фиска; доходы с этих земель не были стабильными. Они значительно увеличились при Ала-уд-дине в результате конфискации земель частных феодальных собственников, а также мечетей и других религиозных учреждений и резко сократились во второй половине XIV в. вследствие многочисленных пожалований феодалам²⁶. Большая часть государственных земель была пожалована султанами представителям пришедшей военной знати в качестве икта.

В XIII — первой половине XIV вв. под термином «икта» в Делийском султанате понимали как крупное, так и мелкое пожалование. Барани этим термином определяет наместничества, пожалованные области и округа, а также мелкие держания (отдельные деревни) воинов, которые были обязаны личной службой «конно и оружно» (با اسب و سلاحی)²⁷. Правда, в некоторых случаях владельцы крупных икта, наместников областей этот историк называет мукта (مقتع) в отличие от владельцев мелких пожалований — иктадар (اقتادار)²⁸.

В дальнейшем в источниках проводится более четкое разграничение между крупным и мелким пожалованием. Историки второй половины XIV—XV в., в частности, Шамс Сирадж Афиф, термином «икта» называют только крупные пожалования²⁹; для обозначения пожалования воинам, обязанным личной службой, употребляют исключительно термин «ваджх» (وجه, букв. — пожалование)³⁰. По всей вероятности, во второй половине XIV в. термин «иктадар» выходит из употребления, уступая место термину «ваджхдар» (وجهدار, букв. — имеющий пожалование)³¹.

Икта и ваджх (как разновидность икта) в своем терминологическом значении определяли категории феодального землевладения. Термин «икта» в рассматриваемый период обозначал не только форму пожалования, право на получение доли государственных налогов с данной территории, но и предоставлявшуюся султаном пожалованному лицу территорию вместе с ее населением, которое несло различные повинности в отношении землевладельца³². Хронисты конца XIV—XVII в. неоднократно употреб-

²⁴ См. Барани. Указ. соч., стр. 62, 63 и др.

²⁵ Барани пишет, что Ала-уд-дин имел в своем личном распоряжении два-три округа (دو سه اقالیم بر بسته فرمان خود می یافت; см. Барани. Указ. соч., стр. 262; Шамс Сирадж Афиф. Указ. соч., стр. 128—129).

Об имениях (амлак — املاک) султана Фируз-шаха см. Афиф. Указ. соч., стр. 243.

²⁶ При Ала-уд-дине большие площади земель в Двуречье Ганга и Джамны принадлежали казне и управлялись чиновниками фиска (см. Барани. Указ. соч., стр. 306). Во время султана Фируз-шаха, как и до правления Ала-уд-дина, земли в области Дели и в Двуречье Ганга и Джамны находились во владении феодалов (см. Афиф. Указ. соч., стр. 220, 238).

²⁷ Барани. Указ. соч., стр. 40, 63, 65, 173, 187, 220, 254 и др.

²⁸ См. там же, стр. 61—63, 221, 481—482; К. А. Антонова. Указ. соч., стр. 69.

²⁹ См. Сирхинди. Указ. соч., стр. 5, 16; Афиф. Указ. соч., стр. 395, 455.

³⁰ См. Афиф. Указ. соч., стр. 220, 292 и др.

³¹ Там же, стр. 221 и др.

³² См. там же, стр. 95, 221, 296; Shihab ud-din al-Qalqashandi. *Subh-ul-asha*. In: O. Spies. *An Arab account of India in the 14th century*. Aligarh. Muslim univ., s. a., p. 71—72.

¹⁸ См. Барани. Указ. соч., стр. 334—335, 429—430.

¹⁹ См. там же, стр. 432.

²⁰ См. там же, стр. 429—430.

²¹ См. يحيى بن احمد بن عبد الله السيهري تاريخ مبارک شاهي (Яхья бин-Ахмад бин-Абдулла аль-Сирхинди. История Мубарак-шаха). «Bibliotheca Indica». Calcutta, Asiatic society of Bengal, 1931, p. 113; Ibn-Bathouta. *Voyages d'Ibn-Bathouta*. Texte arabe accompagné d'une traduction par C. D. Défremery et R. R. Sanguinetti. Paris, 1855, p. 290, 299, 342, 372—373.

²² О жестокой расправе султана с «махдистами», «безбожниками-дхарийа» и другими «еретиками», руководители которых были казнены, а написанные ими книги — преданы огню, см. Sultan Firoz-shah. *Futuh-i Firoz-shahi*. Transl. by N. B. Roy. «Islamic culture». Hyderabad, Deccan, 1941, № 4, p. 454—458.

²³ См. И. М. Рейснер. «Хронологические выписки по истории Индии» К. Маркса в свете его ранее опубликованных трудов и высказываний по Индии. «Вестник Московского университета», 1949, № 4, стр. 18.

ляют термин «икта» как синоним слова «область»³³. Свидетельство Афи́фа о том, что Фируз-шах жаловал своим подчиненным «области (иктаат), округа (парганат), селения, деревни, сады...»³⁴, подтверждает положение о том, что обладание икта означало и владение землей. Мукта и ваджх-дары со своими семьями, как правило, жили в пределах пожалованных территорий³⁵.

Мукта и их набы (заместители)³⁶, на условиях икта получавшие в управление отдельные области³⁷, сосредоточивали в своих руках административные, фискальные и военные функции. Это способствовало усилению частной власти мукта и ослабляло их зависимость от султанов. Икта, рассматриваемое центральной властью как владение, пожалованное во временное пользование на условии выполнения определенной, чаще всего военной службы, уже во второй половине XIII в. нередко превращается на практике в наследственное владение.

Однако султаны в интересах укрепления государства стремились предотвратить превращение икта из временных владений в наследственные. Барани передает, что султан Гийас-уд-дин Балбан (1265—1287) во время одного из походов узнал, что деревни в Двуречье Ганга и Джамны, розданные султаном Шамс-уд-дином Илтутмишем в качестве икта двум тысячам всадников, были унаследованы их сыновьями³⁸. Сами же пожалованные иктадары большей частью погибли, другие — состарились; родственники иктадаров не несли военной службы. Некоторые вместо себя отправляли на службу конных и оружных гулямов (рабов), и лишь немногие, да и те кое-как исполняли свои обязанности. «Те иктадары и их дети, — замечает историограф, — считали себя маликами и владельцами инамов и утверждали: „Султан Шамс-уд-дин эти деревни дал нам в инам“»³⁹.

Познакомившись со списком иктадаров, составленным в правление Шамс-уд-дина Илтутмиша, султан Гийас-уд-дин Балбан предоставил старым и помошным воинам пенсии — идрар (ادار) в размере 40—50 танска (денежная единица); определенное довольствие должно

³³ См. Сирхинди. Указ. соч., стр. 5; 16; Афи́ф постоянно упоминает «икта» в одном и том же контексте с «парганат» (округ), см. Афи́ф. Указ. соч., стр. 236, 297, 432, 438 и др.; عبد القادر بن ماولك شاه بداونى منتخب التواريخ (Абд-аль-Кадир бин Мулук-Шах Бадауни. Избранные истории). Calcutta, Asiatic society of Bengal, 1868, p. 65. Историк начала XVII в. Мухаммед Касим Хиндушах Астрабади (Ферришта) также употребляет термин «икта» в значении «область». محمد قاسم هندوشاه

استرابادى تاريخ فرشته (Мухаммед Касим Хиндушах Астрабади. Тарих-и Ферришта), т. I. Б. м., б. г., стр. 65 [экземпляр сочинения, хранящийся в Государственной публичной исторической библиотеке, г. Москва; титульного листа нет]. В ряде других случаев Ферришта под термином «икта» понимает определенную форму пожалования и подменяет его термином «джагир», который, как известно, имел широкое хождение в Могольской Индии и в период жизни автора «Тариха», но не был известен в Делийском султанате в XIII—XIV вв. Нам удалось зафиксировать лишь одно упоминание источниками этих веков термина «джагир». См. Барани. Указ. соч., стр. 40.

³⁴ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 288.

³⁵ См. «Табакат-и Насири», стр. 207—208; Афи́ф. Указ. соч., стр. 221, 270, 292, 414.

³⁶ Набы назначались в случае, если мукта был придворным султана и по своей должности находился постоянно при дворе. См. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 55, прим. 2.

³⁷ См. Барани. Указ. соч., стр. 248, 272, 481—482; см. Афи́ф. Указ. соч., стр. 414 и др.

³⁸ См. Барани. Указ. соч., стр. 61: و فرزندان ایشان به میراث پدران دهمارا فرو گرفتند

Это свидетельство источника приводится в ряде работ индийских и английских исследователей.

³⁹ См. Барани. Указ. соч., стр. 62. В данном контексте под маликом понимается не представитель военной знати, а собственник-феодал, обладатель милка (мулька). Об инаме см. ниже.

было выдаваться малолетним детям и вдовам; деревни же их были отобраны. Лишь в тех случаях, когда иктадары были молоды и несли соответствующую службу, деревни закреплялись за ними. Это распоряжение вызвало недовольство среди старых иктадаров и их родственников. Султану пришлось отменить свой приказ и возратить деревни престарелым иктадарам и их детям⁴⁰.

Более последовательную политику, направленную против усиления влияния и своеволия феодалов, вел Ала-уд-дин Хильджи. Захватив султанский престол в период обострения социальных противоречий, в частности внутри феодального класса, Ала-уд-дин свирепо подавлял крестьянские и городские движения, освободительную борьбу народов Индии против чужеземного господства и вместе с тем стремился укрепить государственную собственность на землю. Во время правления этого султана было введено денежное вознаграждение воинам взамен пожалования им земельных владений⁴¹. Ала-уд-дину приписываются слова о неразумности раздачи воинам деревень в ваджх, потому что «в каждой деревне, конечно, находится 200 или 300 жителей, и все эти жители подчинены одному ваджхдару. Неудивительно было бы, если бы несколько ваджхдаров собрались вместе и от большого честолюбия и безнравственности, войдя в согласие между собой, стали замысливать восстание против государства»⁴². Однако, по свидетельству Барани, реформы Ала-уд-дина были упразднены его сыном и преемником султаном Кутб-уд-дином Мубараком Хильджи⁴³.

В последующие два-три десятилетия центральная власть не предпринимала каких-либо мер для укрепления государственного землевладения и подрыва все растущего влияния военно-феодальной знати. Султан Фируз-шах Туглак провел ряд реформ, касающихся условий и практики держания икта. Эти реформы следует рассматривать как уступку феодалам со стороны центральной власти.

Историки, писавшие о времени правления этого султана, и сам Фируз-шах в своей автобиографии превозносят заботу и великодушие султана по отношению к ханам, эмирам, маликам (представителям военной знати), «людям пера», которые, по словам хронистов, в дни этого правителя пребывали в радости и благополучии, так как каждый из них получал во владение «области (иктаат), округа (парганат), селения, деревни, сады»⁴⁴.

Именно в этот период впервые в истории Делийского султаната центральная власть санкционировала наследственность земельных пожалований воинам. По свидетельству Афи́фа, пожаловав войску «деревни и селения», Фируз-шах «учредил новое правило, по которому в случае, если умирает чей-либо отец, являющийся одним из воинов, его владение (استقامت) утверждается за его сыном; если кто-либо не имеет сына, то за его зятем; если кто-либо не имеет зятя, то его владение утверждается за его рабом; если и раба нет, то за родственником; если и такового нет, то за женой»⁴⁵. Указы Фируз-шаха лишь отражали и в какой-то степени юридически закрепляли уже бытовавший на практике, хотя еще далеко не всегда и не повсеместно, принцип наследственности мелких земельных пожалований — ваджхов.

⁴⁰ См. Барани. Указ. соч., стр. 63—64.

⁴¹ См. там же, стр. 319.

⁴² См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 95; цит. в пер. К. А. Антоновой (К. А. Антонова. Указ. соч., стр. 69—70).

⁴³ См. Барани. Указ. соч., стр. 385.

⁴⁴ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 288; «Futuhat-i Firoz-shahi», p. 386.

⁴⁵ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 94—95, 303.

Постоянно смещая мукта, наместников областей, и назначая на их место новых лиц, султаны XIII — первой половины XIV в. пытались воспрепятствовать созданию в областях династий наследственных владетелей и тем самым предотвратить распад султаната⁴⁶. Однако во второй половине XIV в. факты передачи по наследству крупных земельных владений — икта вместе с титулами и должностями становятся весьма характерными⁴⁷.

Развитие икта как феодального института нашло отражение в процессе превращения его во владение, пользующееся нередко податным иммунитетом. Последний, как известно, первоначально являлся характерным признаком частной феодальной земельной собственности, а в своем развитии — источником расширения феодальных привилегий в отношении населения данной территории. По условиям держания владетель икта пользовался правом присвоения лишь доли ренты-налога; в 20—40-х годах XIV в. эта доля, судя по некоторым данным современников, составляла, вероятно, $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{10}$ урожая⁴⁸. У нас нет каких-либо сведений о размере доли мукта во второй половине XIV в. Однако на основании некоторых косвенных свидетельств можно предполагать, что в рассматриваемый период проявлялась совершенно определенная тенденция к увеличению доли доходов феодала. В подтверждение приведем сообщение Афи́фа об обычае, согласно которому все мукта, ежегодно являясь ко двору «для целования ног» султана, делали ему в соответствии с размерами своих икта подношения. Эти дары состояли из дорогих коней, слонов, верблюдов, украшений из золота и серебра, оружия и пр. Афи́ф называет такие подношения тем же термином, что и дань от вассальных индийских князей, — «хидмет».

Стоимость подарков султану не включалась в причитавшиеся казне с икта налоговые суммы, своевременный и полный сбор которых мукта были обязаны обеспечить⁴⁹. Фируз-шах, по словам историка, учитывая большие расходы (خرج و اخراجات) мукта, решил «освободить их от хидмета (ایشان را خدمتی معافی دارند)». С этой целью он приказал, чтобы впредь «устанавливалась стоимость подношений, которые делают мукта областей (иктаат), и эта сумма засчитывалась бы вместо [соответствующей части] доходов (محصول), [причитающихся казне] с икта»⁵⁰.

В отдельных случаях центральная власть санкционировала иммунитетные (в налоговом отношении) привилегии феодалов-мукта. В этой связи можно привести свидетельство Афи́фа о приказе, посланном Фируз-шахом из Гуджарата везиру Хан-Джехану в Дели о том, «чтобы ни под каким предлогом не причинять беспокойства деревням ваджхдаров, наказывать чиновникам и делопроизводителям двора не беспокоить их

⁴⁶ Барани называет для различных периодов имена нескольких мукта областей Кара, Ауда, Самана и других областей. См.: Барани. Указ. соч., стр. 173, 187, 248, 272.

⁴⁷ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 225, 395, 426, 500; «Sirat-i Firoz-shahi. Aligarh copy of Bankipore library MS», f. 152, in: *Riazul Islam. A review of the reign of Sultan Firoz-shah, 'Islamic culture'.* Hyderabad, Deccan, 1949, № 4, p. 289; *Sirxindi*. Указ. соч. стр. 214, 241; Бадауни. Указ. соч., стр. 251, 285.

⁴⁸ См. Ibn-Bathouta. Указ. соч., стр. 438; Барани. Указ. соч., стр. 431.

⁴⁹ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 267—268. Об аналогичных подношениях султану рассказывает и Ибн-Батута, именую их «подарки, дары» (لهديا), см. Ibn-Bathouta. Указ. соч., стр. 226—227, 370.

⁵⁰ См. Афи́ф. Указ. соч., стр. 267—269. آن مقدار خدمتی که مقطعان اطاعات بیارند آن قیمت کنانند بدل محصول اقطاع مجرا دهند

вплоть до возвращения его величества с тем, чтобы дети ваджхдаров в местах своего жительства пребывали бы в спокойствии и радости»⁵¹.

Владельцы икта все чаще крайне неохотно расплачивались с казной⁵². Своевольные наиболее влиятельных из них оставалось, как правило, безнаказанным. Нередко мукта на свой страх и риск не допускали в свои владения чиновников фиска, не отчитывались перед султаном в доходах и расходах. Чиновники дивана, как сообщает Афи́ф, из страха перед могущественным феодалом, сипахсаларом султана Фируз-шаха, в течение нескольких лет не ревизовали счета его икта⁵³.

Некоторые мукта не присваивали себе права налогового иммунитета, а добивались его получения от центральной власти. Так, для прекращения конфликта между двумя высокопоставленными лицами султан Фируз-шах решил удалить одного из них, Айн-уль-мулька, из столицы. Поэтому он пожаловал этому феодалу икта Мультана, куда Айн-уль-мулька и надлежало отправиться. Однако пожалованный феодал не проявил склонности оставить столицу и согласился на предложение своего патрона лишь после того, как последний сказал, что «икта Мультана я исключил из [ведения] диван-и везарет (т. е. ведомства доходов государства. — К. А.)»⁵⁴.

Таким образом, к концу XIV в. как крупные, так и мелкие икта частично превратились фактически в наследственные и обеленные (в налоговом отношении) владения⁵⁵.

* * *

Рост частного феодального землевладения и феодальных привилегий в рамках государственной феодальной собственности привел к относительно широкому распространению в Делийском султанате с конца XIII в. и в особенности во второй половине XIV в. другого института, неразрывно связанного с феодальной эксплуатацией, — инама.

Историки XIII—XIV вв. под арабо-персидским термином «инам» (انعام, букв. — одаривание, дар) понимали пожалование в широком смысле: денег, одежды, лошадей, чинов, привилегий и пр. Однако чаще всего в источниках этого периода термин «инам» встречается в специальном значении определенной категории феодального землевладения. Инам как феодальный институт был известен уже в середине XIII — начале XIV в.⁵⁶

تا دیهہی وجہداران را بزیج اسمی و رسمی مزاحمت ندهند بر عمل درگاه و کارگزاران بارگاه تاکید کنند کہ ایشان را نرنجانند تا آنکہ آمدن اینجنب شود و فرزندان وجہداران بخاطر فراغ در مقام سکونت خویش بیغم باشند

⁵¹ См. там же, стр. 221.

⁵² См. там же, стр. 441.

⁵³ См. там же, стр. 415.

⁵⁴ См. там же, стр. 415.

⁵⁵ Как известно, аналогичный процесс происходил почти одновременно в Иране, Армении и Азербайджане. Исследования проф. Н. П. Петрушевского, в частности, показали, что в этих странах под термином «икта» в различные эпохи понимали различные формы землевладения от своеобразного бензифиция, пожалование которого означало лишь временную передачу государством отдельным лицам права на взимание доли земельного налога (харадж), до военного лена, владение которым было наследственным и распространялось на обрабатываемые и необрабатываемые земли, ирригационные сооружения, а сам владетель пользовался правами налогового иммунитета. Завершение процесса превращения икта в военный лен происходило в этих странах в эпоху монгольского владычества (1239—1340). См. Н. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 153—155.

⁵⁶ В Иране, Азербайджане и Армении институт, аналогичный инаму в Делийском султанате, был известен под термином «суюргал». Первые упоминания о суюргале в тех-

Как и икта, инам являлся земельным держанием, обусловленным службой⁶⁷, но, в отличие от икта, инам был наследственным владением.

Инамы в Делийском султанате, как и суюргал в Иране, Армении, Азербайджане в XV в. и Могольской державе, были двух родов: 1) военные лены⁶⁸ и 2) земли мусульманских религиозных учреждений⁶⁹, а также придворных поэтов, ученых⁶⁰.

Военачальникам и другим представителям знати⁶¹ могли жаловаться деревни или группа деревень, округа и области⁶². Деревни в качестве инама жаловали своим приближенным султаны Шамс-уд-дин Илтутмиш, Джелал-уд-дин (1290—1296), Ала-уд-дин в первые годы своего правления⁶³, а также их преемники, в частности Мухаммед Туглак⁶⁴.

Как фактически, так и согласно официальной точке зрения инам являлся наследственной и обеленной формой землевладения. Для подтверждения этого положения, не перегружая текста примерами, напомним, что выше мы уже говорили о потомках воинов-иктадаров Шамс-уд-дина Илтутмиша, которые, отстаивая унаследованные от своих отцов земельные владения от посягательств султана Гийас-уд-дина Балбана, утверждали, что эти деревни были пожалованы в инам⁶⁵, т. е. в качестве наследственных владений.

Приведем еще одно свидетельство Барани. Джелал-уд-дин Хильджи, сообщает хронист, до вступления на султанский престол владел икта Котхала и был набом Самана. Он взыскал харадж с деревни, принадлежавшей одному из известных поэтов Самана — Моулана Сирадж-уд-дину Сави. Несправедливо, как отмечает историк, он поступил в отношении и других «владельцев деревень».

Поэт написал сатиру на Джелал-уд-дина, назвав ее «Хильджи наме». Когда же Джелал-уд-дин стал султаном, Моулана Сирадж-уд-дин явился к нему с повинной. Султан простил поэта и, более того, «утвердил его (поэта). — К. А.) деревню за ним и присовокупил еще одну деревню в качестве инама и распорядился, чтобы написали указ относительно обеих деревень на все времена и переправили бы в Самана его (поэта). — К. А.) детям...»⁶⁶.

В Делийском султанате конца XIV в. развитие упомянутых выше форм условного, служебного землевладения привело, по-видимому, к некоторой поземельной и личной зависимости между самими феодалами. Существование поземельной зависимости между феодалами в султанате

ническом значении особого вида ленного пожалования относятся лишь к последней четверти XIV в. (см. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 147). В индийских персоязычных источниках XIII—XIV вв. термин суюргал, получивший весьма широкое хождение в Могольской Индии, не упоминается.

⁶⁷ См. Афиф. Указ. соч., стр. 288, 438; Барани. Указ. соч., стр. 67 и др.

⁶⁸ См. Барани. Указ. соч., стр. 248, 250, 271, 334; Афиф. Указ. соч., стр. 438 и др.

⁶⁹ См. «Futuh-at-i Firuz-shahi», р. 484; Барани. Указ. соч., стр. 558—561; Афиф. Указ. соч., стр. 180, 344, 349—360.

⁶⁰ См. رشيد الدين (Рашид-эд-дин. Переписка). Lahore, 1947, р. 166; Барани. Указ. соч., стр. 67, 145 и др.; Сирхинди. Указ. соч., стр. 77; «Табакат-и Насири», стр. 211, 295—296.

⁶¹ См. Барани. Указ. соч., стр. 145, 194—195.

⁶² См. Афиф. Указ. соч., стр. 76, 438.

⁶³ См. Барани. Указ. соч., стр. 145, 194—195, 271.

⁶⁴ См. «Epigraphia Indo-Moslemica», Calcutta, 1939—1940, р. 23—24. Барани. Указ. соч., стр. 426 и др.; Ibn-Bathouta. Указ. соч., стр. 135, 324;

⁶⁵ См. Барани. Указ. соч., стр. 61—64.

⁶⁶ См. Барани. Указ. соч., стр. 195: *دیه اورامسام داشت و دی دیگر بوجه انعام با آن ضم کرد و فرمود تا مثال هر دو دیه در زمان بنویسند... و بر فرزندان او در سامانه فرستند*

в середине XIV в. отрицается некоторыми зарубежными историками, в частности Морландом⁶⁷, который в этом вопросе ссылается на авторитет арабского автора аль-Умари (XIV в.), систематизировавшего и записавшего сведения, собранные арабскими путешественниками, которые посещали Индию⁶⁸. Из сочинения Афифа мы узнаем, что в ряде случаев не только воины, но и крупные мукта держали свои земли не от султана, а от других феодалов, подданных султанов.

Приближенные султанов, получая от них в инам огромные массивы земель, выделяли определенные территории в икта своим подчиненным⁶⁹. Как передает Афиф, султан Фируз-шах пожаловал много областей своему приближенному Наиб-и Барбаку, который назначил от себя в эти области и округа (иктаат ва парганат) мукта⁷⁰. Счета этих мукта тщательно проверял сам Наиб-и Барбак и в случае нехватки тех или иных сумм строго карал провинившихся⁷¹. Наконец, в фактической зависимости от наместников-мукта были многие местные феодалы-индусы, владения которых входили в территорию данного икта⁷².

Инам рассматривается феодалными хронистами и некоторыми исследователями исключительно как результат пожалования государством земли феодалу. Однако особенность развития инама состоит в том, что он как реальная категория феодалного землевладения возникал в процессе роста феодалных привилегий и личной власти феодала (первоначально как представителя центральной власти) над населением своего владения. Попытки укрепления государственного землевладения, предпринятые Ала-уд-дином Хильджи и одним из его предшественников — Гийас-уд-дином Балбаном, как известно, не имели успеха. Провал централизаторской политики этих султанов свидетельствовал о все растущем могуществе феодалов и ослаблении султанской власти.

Одним из первых мероприятий султана Фируз-шаха Туглака было возвращение феодалам земель, конфискованных его предшественниками⁷³. По свидетельству историка Ахмада Ядгара, в XV в. «большинство эмиров в провинциях сделались удельными феодалными владельцами»⁷⁴.

⁶⁷ Морланд утверждает, что пожалования этого периода отличались от пожалований эпохи Моголов тем, что они представляли собой лишь личное жалование правителя области, военачальника и не включали средств на оплату войска. См. W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 51—52.

⁶⁸ Аль-Умари, как и упоминавшийся уже другой арабский автор Аль-Калкашанди, сообщает, что ханы, малики и другие представители военной знати получали земельные пожалования от дивана; доходы с этих земель составляли их личное жалование и не тратились на содержание воинов. Воины же не имели якобы земли и получали деньги из султанской казны (см. Al-Umri. Masalik ul-absar fi mamalik ul-amsar. Ed. by O. Spies. Aligarh, s. a., p. 29; Al-Qalqashandi. Указ. соч., стр. 71). Однако эти свидетельства неточны и противоречат данным такого авторитетного хрониста, как Афиф. См. Афиф. Указ. соч., стр. 220, 296, 438 и др.

⁶⁹ Афиф говорит о приближенном Фируз-шаха Имад-уль-мульке Башир-и Салтани, по желанию которого султан назначал или смещал должностных лиц. Войско, находившееся под его командой, насчитывало 5 тыс. всадников; «по приказу его величества шахан-шаха несколько великих ханов и знатных маликов служили в этом войске; он имел от его величества несколько областей (иктаат) и округов (парганат) в качестве вадиха для воинов и инама для себя лично». См. Афиф. Указ. соч., стр. 437—438.

⁷⁰ См. там же, стр. 432.

⁷¹ См. там же, стр. 431—433.

⁷² См. там же, стр. 37—38 и др.

⁷³ См. Барани. Указ. соч., стр. 559; Афиф. Указ. соч., стр. 295.

⁷⁴ احمد يادگار تاريخ شاهي معروف به تاريخ سلاطين افغانه (Ахмад Ядгар. История шахов, известная как история афганских султанов). Calcutta, Royal Asiatic Society, 1929, p. 5.: اکثر امرا که بصوبها بودند ملوک طوايف شدند.

Крупным, фактически независимым землевладельцем-феодалом этого времени был Бахлул (1451—1489), афганский хан из рода лоди, основатель династии Лоди, правившей в Делийском султанате в течение 1451—1526 гг. Он обещал султану Ала-уд-дину Алам-шаху (1445—1451) из династии Сайидов передать сорок округов (паргана) в халисе, если султан Дели назначит везиром его ставленника. Когда султан удовлетворил это требование, Бахлул явился к нему на службу и передал в халисе тридцать паргана⁷⁵.

В конце XIV — первой половине XV в. Делийский султанат фактически распался на отдельные наместничества. Ахмад Ядгар писал в своей хронике, что во владении султана «Ала-уд-дина [Алам-шаха] ничего не оставалось, кроме города Дели и двух-трех округов. Люди по этому поводу говорили, что шаху принадлежит мир от Дели до Палама»⁷⁶.

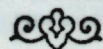
* * *

Расширение привилегий отдельных феодалов в отношении эксплуатируемого крестьянства и ослабление их зависимости от центральной власти привели к дальнейшему развитию частного феодального землевладения. Основной формой служебного землевладения в Делийском султанате в XIII в. был икта, представлявший собой юридически временное владение, не пользующееся правами податного иммунитета. В XIV в. происходит процесс превращения икта в наследственное и обеленное (иммунитетное в налоговом отношении) владение, хотя еще и обусловленное службой. Таким образом, постепенно стирается грань между икта и инамом, который как по условиям пожалования, так и практике держания являлся наследственной и обеленной формой землевладения.

Частичное превращение икта в наследственное и обеленное владение, широкое распространение инамов — подрывало государственную собственность на землю, стимулировало феодальный сепаратизм и явилось одной из предпосылок упадка и политического распада государства делийских султанов в конце XIV — первой половине XV в.

SUMMARY

Feudal land ownership, connected with a certain degree of economic progress, with the greater incomes and greater privileges accorded to some of the feudal lords, was flourishing at the Delhi Sultanate in the 14th century. That was the time when the iqtā, a temporary possession which was not exempted from taxation, was being converted into a hereditary estate, and in some cases into a possession which was granted exemption. The in'am was becoming widespread. The growth of private feudal ownership of the land tended to undermine state feudal holdings and to bring about the disintegration of the Delhi Sultanate at the end of the 14th and middle of the 15th centuries.

⁷⁵ См. Ахмад Ядгар. Указ. соч., стр. 6—7.

⁷⁶ См. там же, стр. 5. Палам — городок в девяти милях от Дели. См. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. История Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 185.

ХАКАНИ.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСТВА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЭТА

О. Л. ВИЛЬЧЕВСКИЙ

«Самым важным и без сомнения единственным верным источником для биографии персидских поэтов служат их стихи».

В. А. Жуковский

Выдающийся поэт, ширванец Афзаль-эддин Ибрагим Хакани¹ (514/1120 — 593/1198) был одописцем феодальных владетелей Восточного Закавказья, восхвалению которых посвящена наиболее известная часть его дивана.

Хакани писал на персидском языке. Однако вопрос о том, к культурным достижениям какого народа относится творчество поэта, невозможно решать на основании одного лишь языка его произведений. Процесс становления и развития персидского литературного языка, в котором, как показали советские лингвисты, большую роль играли поэты Средней Азии и Закавказья², значительно шире процесса становления и развития отдельных переднеазиатских народностей.

Хакани, пожалуй, больше, чем кто-либо из его современников, может быть назван азербайджанским поэтом, хотя без примеров из его произведений не обходится ни одна персидская поэтика. Понять Хакани можно, лишь учитывая специфические особенности общественно-политической жизни и культуры его родины — Восточного Закавказья, игравшего в ту эпоху крупную роль в политической и культурной жизни Передней Азии и являвшегося, в частности, центром культурных связей христианских и мусульманских народов. Последнее обстоятельство также необходимо принимать во внимание при характеристике личности поэта.

Изучение творчества Хакани сильно затруднено тем, что большинство дошедших до наших дней рукописей его дивана относится к XV—XVIII вв. Только наиболее старая, правда, имеющая значительные дефекты рукопись из собрания Института востоковедения АН СССР (шифр С-1424) переписана, судя по почерку и бумаге, не позднее XIII в. в Средней Азии.

¹ В статье всюду сохраняется транскрипция автора (Ред.).

² См. Е. Э. Бертельс. Персидский — дар — таджикский. «Советская этнография», 1950, № 4; А. Н. Волдырев. Из истории развития персидского литературного языка. «Вопросы языкознания», 1955, № 5; Б. В. Миллер. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929; его же. Талышский язык. М., 1953, стр. 254 сл.

При решении вопроса нет смысла, на наш взгляд, прибегать к воскрешению забытых терминов «дари», «азери» и т. п., вносящих только путаницу, как отмечал еще В. А. Жуковский (В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, ч. I, СПб., 1888, стр. II—III).

В ряде случаев она дает более удовлетворительный текст и, что главное, сохраняет старую, современную Хакани орфографию. Однако и в ней имеется уже немалое количество искажений и вставок.

Первой попыткой дать критический текст является печатный диван Хакани, изданный профессором персидской литературы Али Абд-ар-Расули³. В дальнейшем мы будем цитировать Хакани по этому изданию с необходимыми конъектурами и исправлениями по рукописям ленинградских книгохранилищ.

В настоящей статье автор стремился подвести некоторые предварительные итоги имеющей почти столетнюю давность⁴ деятельности русских и советских иранистов, которым принадлежит ведущая роль в изучении творчества Хакани⁵.

I

Наиболее известная часть поэтического наследия Хакани — пышные оды, адресатом которых с одинаковым успехом мог быть и ширваншах и любой другой феодальный владетель тогдашнего переднеазиатского мира. К этим, написанным прекрасным языком и изобилующим разным рода намеками на придворные события и сплетни произведениям полностью относится характеристика В. А. Жуковского, данная им придворной литературе того времени: «Государь косвенно являлся правителем в изящной литературе и золотом удерживал в рабском повиновении молодые понятия и юные порывы таланта, указывал темы, или, точнее выразиться, представлял собой неистощимую тему... Чем роскошнее были «нити жемчуга хвалы», расточаемые пиитами, чем менее соответствовали они действительным качествам меценатов, тем осязательнее, конечно, была награда авторам»⁶.

Желая польстить своим адресатам, Хакани уподобляет их легендарным миродержцам вплоть до Дария и Александра Македонского, именует их «шахами Востока и Запада», «царями царей»⁷ и т. д.

В числе этих парадных од имеется группа произведений, близких к литературным традициям Закавказья, резко выделяющая Хакани из числа других описцев переднеазиатского мира. Это — более десяти од, посвященных восхвалению «прекрасных дам» — жен и сестер шир-

³ دیوان افضل الدین ابراهیم بن علی خاقانی شروانی (Тегеран, 1316 г. х. — 1937 г. н. э.). Это издание является наиболее полным собранием поэтического наследия автора, за исключением его поэмы «Тухфат аль-Иракайн», не включенной в диван издателем. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются буквой К.

⁴ Первое письмо Н. Ханькова академику Дорну относительно творчества Хакани отправлено в сентябре 1856 г. (*Mélanges Asiatiques*, т. III, СПб., 1857, стр. 50 сл.).

⁵ N. Khanykoff. *Mémoire sur Khâcâni, poète persan du XII S.* «Journal Asiatique», VI serie, t. IV, 1864; t. V, 1865; «Четверостишия Хакани». Изд. и перев. Карл Залеман. СПб., 1875; В. А. Жуковский. Али Аухадэдин Энвер. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883; Сб. «Хакани — Незами — Руставели», I, Л., 1935; Ю. Н. Марр. Грузинские слова в изданиях К. Г. Залемана о четверостишиях Хакани (Бюлл. КИАИ, 1930, № 6); К. И. Чайкин. Из грузинско-иранских связей (сб. «Руставели». Тбилиси, 1938); Е. Э. Вертельс. Политические взгляды Низами. Литература эпохи Низами («Известия АН СССР», Отд. лит.-ры и языка, 1941, № 2).

⁶ В. А. Жуковский. Али Аухадэдин Энвер, стр. XVI—XVIII.

⁷ Термин «царь царей» (шаханшах) может быть применен к владетельным восточным Закавказьем ширваншахам примерно с таким же основанием, с каким титул «великий царь» применялся к владетельным Западным Закавказьем Багратидам. Ср. слова эмира Картли Абуль-Хасана об Андрее Боголюбском, отце Юрия, первого мужа Тамары: «Я знаю сына русского владетеля Андрея, великого царя, которому подчиняются триста царей тамошних мест» («Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 573).

ваншахов, в том числе матери ширваншаха Ахситана и жены ширваншаха Минучихра грузинской царевны Тамары, дочери грузинского царя Давида IV и сестры Димитрия I⁸. Пройдет несколько десятков лет и воспевание «прекрасных дам» станет при внучке Тамары и Димитрия — грузинской царице Тамаре основным содержанием грузинской придворной поэзии⁹. Вот почему такое значение приобретает установленный Ю. Н. Марром факт, что Хакани был знаком не только с соседней Грузией и ее культурой, но и с грузинским языком. Можно добавить к этому, что Хакани сам рассказывает о посещении им вместе с своим повелителем Тбилиси¹⁰.

В диване Хакани мы находим произведения, адресованные не только грузинской царевне Тамаре, но и другим Багратидам. Мне удалось обнаружить отрывок, адресованный поэтом грузинскому царю Димитрию I в тот небольшой отрезок времени, когда последний снова взошел на престол после смерти своего сына Давида V, т. е. в 1155 — 1156 гг. н. э. (550 г. х.). В этом отрывке, опубликованном в диване Хакани в искаженном виде¹¹, поэт просит адресата походатайствовать за него перед «названным братом», т. е. перед Минучихром, мужем Тамары. За это Хакани, в духе известного стиха Руставели «Ведь известно, давши взятку, даже через ад пройдеши», обещает адресату соответственное вознаграждение. Поскольку Хакани совершил свой первый хадж в следующем 551 г. х., можно полагать, что он обратился к Димитрию с просьбой помочь ему получить разрешение на эту поездку, и ходатайство Димитрия увенчалось успехом.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что мусульманин Хакани обратился к христианину Димитрию с просьбой ходатайствовать за него перед мусульманином Минучихром, не разрешавшим своему придворному совершить обязательное для каждого мусульманина паломничество. Ведь, по свидетельству современников, Димитрий I каждую пятницу посещал мечеть, а Минучихр, по словам Хакани, столь же усердно посещал христианский храм¹². Тамара, жена Минучихра и сестра Димитрия, рожденная христианкой и закончившая свою жизнь в христианском монастыре, находясь на ширванском троне, судя по обращенным к ней одам Хакани, была мусульманкой. Такое же переплетение христианства и ислама наблюдается мы и в творчестве Хакани, считавшего себя потомком Алиа, «происходящим из рода пророка», и одновременно, «как и Иисус Христос — сыном плотника».

Специфически христианские образы и символика, наполняющие диван Хакани, причудливо переплетаются со столь же характерными мусульманскими образами и символами. Если, с одной стороны, Хакани обнаруживает глубокое знание мусульманской теологии, то, с другой, например, в своей «Оде о хлебе» или в одах византийским императорам, он цитирует фразы из христианских священных текстов и молитв, называет имена христианских святых и, как мы увидим далее, обнаруживает глубокое знание вопросов, волновавших современную ему христианскую церковь. Этот христианский аспект творчества Хакани делал его произведения непонятными для позднейших мусульманских комментаторов и перепис-

⁸ К, стр. 73—77, 77—79, 152—156, 170—172, 181—183, 289—293, 411—412, 414—417, 592—593, 597, 685.

⁹ Н. Марр. Древнегрузинские описцы (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. IV). СПб., 1902; его же. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсевой коже» (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. XII). СПб., 1910; *Чакрухадзе*. Тамарини. Пер. III. Нуцубидзе. Тбилиси, 1942.

¹⁰ К, стр. 770.

¹¹ К, стр. 661—662.

¹² См. К. И. Чайкин. Указ. соч., стр. 22; К, стр. 565.

чиков, приводил к многочисленным вставкам и искажениям текста, превращавшим многие произведения поэта в явную бессмыслицу. Между тем, диван Хакани, правильно прочитанный, дает достаточно оснований для утверждения, что в его эпоху в Восточном Закавказье и прилегающих к нему районах юго-западного побережья Каспийского моря существовала христианская церковь с традициями, близкими к константинопольской церкви. Богослужение здесь осуществлялось на языке местного населения, на который были, по-видимому, переведены и христианские священные тексты.

Только в Закавказье, в культуре которого своеобразно сочетались элементы Востока и Запада, где ислам мирно уживался с христианством, мог быть создан диван Хакани, отобразивший специфические черты общественной и культурной жизни его родной страны.

II

Мы мало знаем, чем занимался Хакани, отправившись в свой первый хадж. Известно лишь, что вскоре после возвращения из хаджа он был брошен в темницу. О своих муках в тюрьме и о том, как его пытали, загоняя под ногти кусочки тростника, Хакани рассказал в «Тюремных элегиях»¹³, «Клятвенной оде» и некоторых отрывках. «О причинах, вызвавших гнев ширваншаха, — пишет Е. Э. Бертельс, — источники упоминают глухо. По большей части говорится о высокомерии поэта, рассказывают даже, что он якобы требовал себе в жены дочь ширваншаха. Из всего этого, однако, ясно проглядывает стремление свалить вину на Хакани, ибо составители тезкире, писавшие для посетителей власти, попросту не смели взглянуть правде в лицо»¹⁴. В действительности, заключение Хакани в тюрьму связано с известным лишь по его произведениям «смутным временем» в Ширване (554/1159—556/1161 гг.), когда после смерти ширваншаха Минучихра его вдова Тамара и их младший сын Мухаммед Руки-эддин Туган Йозак, опираясь на кыпчаков, пытались объединить Ширван и Грузию. Однако прибывший в Ширван с войсками атабека Ильдегиза старший сын Минучихра Ахситан заставил свою мать бежать в Грузию к ее воспитаннику и племяннику грузинскому царю Георгию III, где она и закончила свою жизнь в монастыре.

Побывав во время хаджа в ряде крупных культурных центров, где он встретился с ценителями своего таланта, Хакани уже не мог удовлетвориться Ширваном. С этого времени жалобы на тяжелое положение при ширванском дворе и поиски иного применения своим силам наполняют стихи поэта. Одним из таких произведений является ода Хакани, адресованная, на первый взгляд совершенно необычно, «византийскому императору» и начинающаяся словами

«Небо движется более превратно, чем письмо христиан,
Оно держит меня закованным в вериги, словно монаха...»¹⁵

Позднейшие мусульманские комментаторы, не понимая откровенно христианского характера этой оды, с одной стороны, считали, что Хакани якобы написал ее в тюрьме в состоянии крайнего иступления, а с другой стороны, всемерно искажали и фальсифицировали текст оды, стремясь при-

¹³ Стихотворный перевод первой части одной из этих элегий см. А. Н. Болдырев. Два ширванских поэта — Низами и Хакани. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 134—136.

¹⁴ Е. Э. Бертельс. Литература эпохи Низами, стр. 52.

¹⁵ К, стр. 19—25.

дать ему мусульманский облик. Это им удалось до такой степени, что Н. Ханьков, впервые опубликовавший текст и перевод оды византийскому императору, видел в ее адресате перешедшего в 1139 г. на сторону мусульман, принявшего ислам и женившегося на дочери иконийского султана Масзуда севастократора Иоанна Комнена, старшего брата Андроника Комнена.

С 1928 г. над одой работал Ю. Н. Марр, готовя в сотрудничестве с К. И. Чайкиным критический ее текст и новый перевод с широким историко-лингвистическим комментарием¹⁶. Ю. Н. Марр показал, что Хакани, прекрасно знавший христианство, был близок к Закавказью и проявлял большой интерес к общественно-культурной и политической жизни всей Передней Азии. В адресате оды исследователь видел прошедшего несколько лет в Закавказье Андроника Комнена — двоюродного брата и соперника византийского императора Мануила Комнена.

В 1945 г. В. Ф. Минорский опубликовал английский перевод этой оды с вводной статьей и обширными комментариями¹⁷. В вводной статье, посвященной творчеству Хакани и пребыванию Андроника Комнена на Кавказе, В. Ф. Минорский также считает адресатом оды Андроника Комнена и полагает, что эта ода была написана в период пребывания последнего на Кавказе.

В процессе работы над творчеством Хакани¹⁸ мне удалось выяснить ряд моментов, по-новому освещающих вопрос об адресате оды и ее содержании. Прежде всего, удалось расшифровать заключенную в стихе 16 хронограмму¹⁹, которая, с учетом ошибки Хакани при пересчете лунного летоисчисления на солнечное, указывает на 1168 г. н. э. в период, когда ему соответствовал 564 г. х., а это было с 5 октября по 31 декабря 1168 г. н. э. Тем самым бесспорно устанавливается дата написания оды, являющейся, таким образом, старейшим памятником на персидском языке, датированным не по хиджре, не от сотворения мира, а от рождения Христова²⁰. Этим же устанавливается и адресат оды — Мануил Комнен, находившийся на византийском престоле с 1143 по 1180 г.

Стержнем оды является пространное заявление Хакани о том, что, прибыв из Ширвана через Грузию в Константинополь, ко двору византийского императора, он сумеет разъяснить все спорные и темные места христианской религии и объяснить, «в каком смысле сказал Иисус перед распятием: «Иду к отцу...»²¹. Зная дату написания оды, нетрудно увидеть в этих словах Хакани отзвук события, которое как раз в эти годы глубоко взволновало всю Византию. Речь, несомненно, идет о церковном соборе, созванном в 1166 г. в Константинополе по приказу Мануила Комнена. Вот что говорит об обсуждавшемся на этом соборе вопросе современник

¹⁶ Ю. Н. Марр. Статьи, сообщения и резюме докладов, I. М.—Л., 1936, стр. XIV; сб. «Хакани — Незами — Руставели», стр. 5—6.

¹⁷ V. Minorsky. Khāqāni and Andronicus Comnenus. Bulletin of the School of Oriental and African studies. University of London. 1945, vol. XI, part 3.

¹⁸ В 1938 г. С. М. Марр передала мне обнаруженные в архиве Ю. Н. Марра черновики его работ над одой, по которым, с привлечением рукописей Хакани, принадлежащих Институту востоковедения АН СССР, я попытался восстановить утраченные в бумагах К. И. Чайкина критический текст оды и комментарий. Работа эта, намного превысившая по объему первоначальный труд Ю. Н. Марра, в настоящее время подготавливается к печати.

¹⁹ К, стр. 20. Стих этот всегда привлекал внимание исследователей оды от Н. Ханькова до Ю. Н. Марра, видевших в нем ключ к разгадке оды. Ю. Н. Марр был убежден, что в данном стихе содержится хронограмма и наметил путь к ее расшифровке.

²⁰ О другом произведении Хакани, также указывающем в хронограмме дату смерти Мануила Комнена от рождения Христова, см. ниже.

²¹ К, стр. 24; «Евангелие от Иоанна», гл. XIV, ст. 28.

и летописец Мануила Никита Акоминат в своем труде «Сокровищница православия»:

«В двадцать третий год Мануила родился церковный вопрос, который... увлек не только высшие духовные чины, но и низшие, коснулся сената и дворца и перешел к простым людям. Вопрос был о словах Христа, сказанных ученикам в ночь перед страданиями: Иду ко Отцу, ибо Отец мой больше Меня,— в каком смысле нужно понимать эти слова?— Одни толковали эти слова так, другие иначе. После уразумения истинного смысла этого вопроса, неправильные мнения были преданы осуждению»²².

«Средние века,— по характеристике Энгельса,— присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму»²³.

В этой связи существенно, что опиравшийся на крупных землевладельцев и высшую военную и административную знать, Мануил Комнен не только явился инициатором собора, но, как утверждает тот же Никита Акоминат²⁴, заставил собор согласиться со своей точкой зрения. Под внешней схоластической оболочкой отвергалась та сторона христианской догматики, которая была связана с возникновением христианства как «религии рабов», и утверждались те моменты, которые превращали христианство в господствующую религию византийской империи.

Соперник Мануила, его двоюродный брат Андроник, политических взглядов которого мы коснемся ниже, резко отрицательно относился к попыткам такого толкования слов Христа, а однажды с возмущением пообещал бросить в реку лиц, затеявших при нем спор на эту тему²⁵. Именно в эти годы взаимоотношения между Андроником и Мануилом обострились настолько, что последний приказал задержать Андроника, находившегося в Палестине, и лишить его зрения. «И верно глаза Андроника обагрились бы кровию и щеки его покрылись бы бледностью в узах и заключении, или даже он крестился бы кровавой смертию»²⁶, если бы он, следуя примеру своего старшего брата севастократора Иоанна, не убежал со своей женой Феодорой, племянницей Мануила, к сельджукскому султану. Намекая на это событие, вызвавшее сильный гнев Мануила, Хакани говорит в своей оде: «Я не прошу помощи у аббасидов, я не ищу милости у сельджуков»²⁷. В конце оды содержится просьба Хакани помочь ему прибыть ко двору адресата под видом паломничества в Иерусалим, который считался в те годы «священным городом» и христиан и мусульман.

Итак, это казавшееся столь непонятным позднейшим комментаторам произведение Хакани является развернутым изложением политических взглядов императора Мануила Комнена в той схоластической оболочке, в которой они были сформулированы им на церковном соборе в 1166 г. в Константинополе, и одновременно содержит в себе косвенное осуждение деятельности его политического соперника Андроника Комнена. В этом состоит важное значение оды и как произведения, характеризующего Хакани, и как неизвестного до сих пор документа по средневековой истории Византии.

²² См. Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 225.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 674—675.

²⁴ См. «Никиты Хониата история», т. I, СПб., стр. 274—276.

²⁵ Там же, стр. 417.

²⁶ Там же, стр. 180.

²⁷ К, стр. 21.

III

Мысль Ю. Н. Марра о том, что Андроник, посетивший в своих скитаниях Закавказье, должен был оставить след в творчестве Хакани, совершенно правильна. Слишком много общего у этих двух колоритных фигур XII в., чтобы они, встретившись, не обратили внимания друг на друга. Как сообщают грузинские летописи, Андроник, прибывший на Кавказ в царствование грузинского царя Георгия III (1156—1184), сына Димитрия I, был встречен с большим почетом и получил резиденцию по соседству с владениями ширваншахов. Впоследствии он, находясь во главе грузино-ширванских войск, принял активное участие в отражении набега русов на Закавказье²⁸. Вполне естественно поэтому искать сведения об Андронике в тех произведениях поэта, в которых нашел свое отражение поход русов. Несколько больших од Хакани, посвященных этому походу, подверглись критическому анализу Н. Ханькова, А. Куника и Б. Дорна²⁹. К сожалению, переводы Ханькова сделаны с неисправных текстов и содержат много ошибок.

Оды эти, поднесенные ширваншаху Ахситану, сыну Минучихра и Тамары, с подозрительной настойчивостью утверждают, что никто кроме ширваншаха не смог бы одержать победу над русами и что эта победа выше подвига Александра Македонского, разбившего в районе Дербента легендарных Гогов и Магогов³⁰. Одна из этих од содержит хронограмму, датирующую поход русов в Закавказье 570 г. х.³¹, что соответствует 1174—1175 г. н. э. и совпадает с датой похода, установленной по грузинским и другим источникам Куником³².

К этому же периоду должна быть отнесена одна из сатир Хакани на его родной Ширван, в которой мы встречаемся уже с упоминанием если не Андроника, то его жены Феодоры, сопутствовавшей ему во всех его странствованиях:

«Чего ради находиться в таком городе, в котором,

Кроме семи деревень, ни одного селения не найдешь,

[А] если окинешь взором весь город и деревни, то, кроме Сеновала для скотины, ничего не найдешь.

По ночам в городе слышны крики Гогов и Магогов,

[А] днем в нем никого, равного по уму Александру

[Македонскому], не найдешь.

[Только] жена византийца приходит и сооружает бумажные укрепления, Ведь в городе ни одной постройки из индийского железа не найдешь.

Завтра ночью город захватят Гоги и Магоги,

Ибо в укреплениях, [сооруженных] женщинами, прочности не найдешь»³³

Строки эти отражают обстановку, которая сложилась в Ширване в те дни, когда Андроник, Георгий и Ахситан во главе войск выступили против русов и в городе, где оставались одни женщины, в том числе и Феодора, царил вполне понятное смятение.

Наконец, к этому же времени относится вторая ода Хакани «византийскому императору», на которую вскользь обратил внимание В. Ф. Минорский, сопоставляя ее без достаточных оснований с первой одой визан-

²⁸ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 389.

²⁹ Там же, стр. 524 сл.

³⁰ См. хотя бы К, стр. 482.

³¹ К, стр. 36. Правильное чтение этого стиха см. прим. 5.

³² Б. Дорн. Указ. соч., стр. 390.

³³ К, стр. 448.

тийскому императору и «Тюремными элегиями»³⁴. По своим поэтическим достоинствам эта ода принадлежит к числу лучших произведений поэта. В соответствии с введенными Хакани в литературу на персидском языке поэтическими приемами, эта ода имеет два зачина (матлаб) и богатый рефрен³⁵. Ее небольшая первая часть является весьма поэтичным лирическим введением:

«Дни мои склонились от горя, я же никого, с кем [мог бы] разделить
печаль, не имею.
Тайна моя вышла из сердца, я же никого, в кого [мог бы] влюбиться,
не имею.

...Я подолаз в море любви, [но] на берегу желания
Сколько раковин я ни открывал, я ни одной жемчужины не имею.
...У всех, у кого я ищу справедливости, я лишь несправедливость вижу, увы!
Возвесилось сердцем от насилия, если я справедливости не имею,
Оберну сердце к врагам, если друзей не вижу,
Полажу с худшим, если лучшего не имею.
Ни в одном горшке я цветка без скорпиона не вижу,
Ни у одного врача я лечения без ланцета не имею.
Я, Хакани, одинокий в теснине Ширвана —
Имею я тысячу печалей, а никого, кто бы разогнал [мою] печаль, не имею.
Что разобьет козьи врагов? Для предотвращения их козней,
Кроме защитника Христа, я ни одного избавителя не имею³⁶.

В центральной части оды Хакани сравнивает адресата с Александром Македонским, который только один в состоянии разбить Гогов и Магогов, как обычно Хакани именует русов. После этого поэт мастерски рисует образ семи планет, посылающих имена богов греко-римского пантеона и облаченных в одежды иерархов христианской церкви, которые единогласно заявляют, что не знают лучшего кандидата на византийский престол, чем адресат оды, т. е. Андроник Комнен, столь страстно его добивавшийся.

Кроме того, в оде содержится откровенный отказ Хакани от службы при ширванском дворе — «я узник любви к тебе, а не к эмиру Ширвана»³⁷. В конце же оды поэт, обращаясь к адресату, говорит:

Я твои птица, дай мне приказ лететь и отправь в полет,
Ведь зоб [свой] я ни для чего, кроме твоих зерен, приспособленным не
имею.

Сердцем я в Ираке, но разумом — в Мекке, следуя в хадж,
[Ведь] достойнее твоего позволения я ничего достойного не имею³⁸.

Таким образом, заключительные строки оды содержат совершенно недвусмысленное предложение Хакани отправиться с каким-то поручением Андроника в Ирак под видом паломничества в Мекку. И действительно, как это установил К. И. Чайкин, Хакани совершил свой второй

³⁴ V. Minorsky. Указ. соч., стр. 563. Основанием для такого сближения В. Ф. Минорский считает общую титулатуру адресатов обеих од и то, что в них, как и в тюремных элегиях, Хакани жалуется на свою судьбу и просит о помощи. Однако общая титулатура в одах ширваншахам Ахситану и Минучихру еще не служит доказательством того, что они адресованы одному лицу; жалобами же на свою тяжелую участь в Ширване и просьбами о помощи наполнены почти все произведения Хакани, независимо от их адресата.

³⁵ К, стр. 272—276. Эти же принципы Хакани пытался ввести и в арабскую литературу. См. его арабский диван — К, стр. 929 сл.

³⁶ К, стр. 272—273.

³⁷ К, стр. 275 (стих искажен).

³⁸ К, стр. 275.

хадж в том же 570 г. х.³⁹, опять-таки по ходатайству и настоянию христианского монарха. Таким образом, у нас есть все основания считать, что эта поездка носила не столько религиозный, сколько политический характер. Совершая второй хадж, поэт провел много времени в Багдаде, при дворе тогдашнего аббасидского халифа Мустади, который даже предлагал Хакани остаться у него на службе, на что последний не согласился.

Кроме того, Хакани во время второго хаджа познакомился с меликом Сейф-аддином Арсланом Музаффаром Мухаммедом, правителем «государства-города» Дербента, в котором было, как это сейчас выясняется, своеобразное государственное устройство, несколько напоминающее древнерусский Новгород⁴⁰. В оде, адресованной правителю Дербента и содержащей много интересных материалов для биографии Хакани и для истории Дербента, мы встречаемся со следующим, необычным на первый взгляд, но безусловно искренним заявлением поэта —

[Все] шахи [нашего] времени, кроме тебя, — тираны по профессии.
На этом свете — белоручки, а на том свете — с темными свитками
[грехов].

Девять месяцев пищей ребенка [находящегося в утробе] служит
кровь его матери,

За это он заболевает оспой и лицо его становится щербатым.
Тот же человек, который тридцать лет потребляет пищу из крови людей,
Разве лицо его в конце концов не будет обезображено проказой?
Ведь если девять месяцев [питания] материнской кровью
приводят к оспе,

То что же должны дать тридцать лет [пожирания] крови народа?⁴¹

Ода эта написана в течение тех нескольких лет, которые Хакани после возвращения из второго хаджа в 570 г. х. (1174—1175 г. н. э.) провел еще в Ширване до переезда в Тавриз⁴². Таким образом, заключенная в ней мысль Хакани о том, что царя питаются человеческой кровью, могла быть подсказана случаем, происшедшим в 1177 г. с Мануилом Комненом, когда последний, после неудачной битвы с сельджуками, захотел напиться воды из протекавшей реки. По словам Никиты Акомината, «Хлебнув воды гортань неохотно принимала ее. Рассмотрев эту воду и заметив, что она смешана с кровью, царь заплакал и сказал, что по несчастью отведал христианской крови. При этом один из бывших тут, человек, очевидно, дерзкий и наглый, превосходивший своей жестокостью самое тогдашнее время, бесстыдно заметил: „Ну, нет, царь, это неправда. Не теперь только и не в первый раз, но давно, и часто, и до опьянения, и без примеси ты пьешь чашу с христианской кровью, обирая и ошпыливая подданных, как обирают поле или ошпыливают виноградную лозу“»⁴³.

³⁹ Сб. «Хакани — Незами — Руставели». Л., 1935, стр. 30. В. Ф. Минорский также связывает эти строки со вторым хаджем Хакани (V. Minorsky. Указ. соч., стр. 564).

⁴⁰ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. Acta Orientalia. Будапешт, т. III, вып. 3 [1953], стр. 209.

⁴¹ К, стр. 194—195. Хакани использует здесь представление средневековой медицины о том, что ребенок, находясь в утробе матери, питается ее кровью и в наказание заболевает неизбежной в то время оспой.

⁴² К. И. Чайкин (Указ. соч., стр. 30) и В. Ф. Минорский (Khāqāni and Andronicus Comnenus, стр. 560) относят эту оду к периоду первого хаджа Хакани, полагая, что под шахом, питавшимся 30 лет человеческой кровью, он разумел Минучихру. Однако наиболее резкие высказывания Хакани относятся не к Минучихру, а к Ахситану; кроме того, нельзя понимать дословно встречающиеся у Хакани круглые цифры лет.

⁴³ «Никиты Хониата история», стр. 238—239.

Вскоре Хакани оставил Ширван и переехал на постоянное жительство в Тавриз. Из Тавриза Хакани неоднократно выезжал в Багдад, Ревандуз, Хой, Эрджинш, Ахлат и другие города близ Ванского озера. В эти годы какая-то иная, не совсем еще ясная для нас деятельность занимала поэта больше, чем писание од. Следы этой деятельности нашли отражение в небольших «отрывках», сохранившихся в конце его дивана. Один из этих отрывков говорит о том, что интерес Хакани к адресатам од «византийским императорам» не прекращался.

В этом отрывке, опубликованном в печатном диване в искаженном виде⁴⁴, содержится столь характерная для Хакани хронограмма, указывающая на 1180 г. н. э. — год смерти Мануила, и зашифрованная фраза «младший подыхает». Мануил, как известно, принадлежал к младшей ветви Комненов, а Андроник — к старшей. Андроник в эти годы находился в ссылке в одном из городов на Черноморском побережье, и весть о тяжелой болезни и смерти Мануила дошла до него только в следующем 1181 г.⁴⁵ После этого он немедленно начал активные действия по захвату императорской власти, опираясь на восточные окраины империи и на широкие слои населения Византии, недовольные политикой Мануила. За короткое время царствования, закончившегося его трагической смертью, Андроник (1183—1185 г.) провел ряд реформ — «податная тягость была облегчена, покупка должностей отменена; роскошные и дорогие придворные празднества прекратились; судьями он назначал честных и неподкупных людей; податным и таможенным чиновникам он повысил жалованье, чтобы сделать их менее доступными подкупу»⁴⁶.

Как ни скудны приводимые выше данные о взаимоотношениях Хакани с Андроником, они по-новому освещают одну из увлекательнейших страниц истории Византии. Подводя итог, мы должны констатировать, что за период между написанием первой и второй оды «византийским императорам» во взглядах Хакани произошла эволюция: от признания политических взглядов Мануила Комнена до утверждения, что он пьет кровь народа; от осуждения бегства Андроника к сельджукам и аббасидам до принятия поручения Андроника к тем же аббасидам и, наконец, до извещения Андроника о смерти Мануила.

IV

Приведенные выше мысли Хакани на первый взгляд как будто не вяжутся с основным направлением его творчества. Ведь именно Хакани, больше чем кто-либо из его современников, безудержно восхвалял феодальных владык, наделял адресатов своих од всевозможными неподобающими им титулами, в чем упрекал поэта еще его учитель Абуль-Ала⁴⁷.

Однако Хакани писал панегирики не от чистого сердца, не потому, что был идеологом феодального строя, а ради заработка, ясно осознавая все ничтожество большинства своих венценосных адресатов. Вот что пишет сам поэт по этому поводу в минуту откровенности:

Я дал шаху хвалебный венец и не хочу его забирать обратно,
[А если] шах требует обратно тот хлеб, который он мне дал, то так ему
и положено [поступать].

⁴⁴ К, стр. 662. В первом полустишии последнего стиха вместо ξ (айи) следует читать ξ (гайн).

⁴⁵ Ф. И. Успенский. История византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 294.

⁴⁶ Г. Гельцер. Очерк политической истории Византии. «Очерки по истории Византии», Под ред. В. Н. Бенешевича, вып. 1. СПб., 1912, стр. 148; ср. также «Никиты Хониата история», стр. 408 сл.

⁴⁷ См. К. Залеман. Указ. соч., стр. 59.

Шах имел венец одной-двух областей, но по моему слову
Он стал венценосцем семи областей от тех венцов, которые заключены
в моей хвале.

Шах дал мне хлеб, а я ему дал душу, то есть слово.
Хлеб его — тленное зерно, [а] душа моя — вечное сокровище.
Я-то для него имею сокровищницу восьми раев и девяти небес,
[А] что его дар для меня — пияток деревенских лиц!

В другом месте Хакани еще яснее говорит о своем отношении к профессии одописца:

Воздержись, о Хакани, от восхваления ничтожеств,
Чтобы не искать тебе храбрых львов среди собачьих душ,
Чтобы такими словами не именовать тебе подлецов,
Чтобы живой водой не омыwać тебе пасть гадюки!
Пустословием была каждая хвала, которую ты до сих пор говорил,
Дай же теперь обет не говорить больше пустых слов⁴⁸.

В этой связи становится понятным, что только ненавистью к существующим на его родине порядкам следует объяснить стремление Хакани вырваться из захолустного Ширвана, который он презрительно называл Шарваном, т. е. «градом зла».

Вместе с тем Хакани горячо любил свой родной город. Переселяясь под конец своей жизни в Тавриз, он писал:

В ночь отъезда, когда я прощался с Ширваном,
Раскаяние было моим доходом, а боль — моим уделом.
От пламени разлуки пошел я [и] бросился в воды Аракса —
Аракс застонал от муки моего положения и моего рассказа⁴⁹.

Переезд из Ширвана ничего не изменил в положении поэта. Феодальный мир везде был одинаков:

...Я от судьбы убегаю.
Я был тем сердцем, что дрожит от горя, подобно ртути.
Потому-то я и бегаю с места на место, подобно ртути⁵⁰, —

говорит поэт в одном из отрывков, написанных в Эрджинше, а в другом, как бы подводя итог своим бедствиям, пишет:

Дурак перед тем, как убить птичку, заставляет ее побегать,
Говоря, что от такого беганья она станет нежнее.
Мы совсем, как та птица, Хакани, ибо нас судьба
Заставляет бегать, а этот бег в сущности и есть убийство!⁵¹

Под влиянием таких настроений Хакани создал исключительную по силе воздействия «Оду о хлебе»:

Впредь я не буду позориться ради хлеба,
Я раздую пламень своего духа вместо хлеба.
Буду питаться кровью своего сердца, но не стану есть хлеб с
подлецами.

⁴⁸ К, стр. 88; К, стр. 425.

⁴⁹ К, стр. 665.

⁵⁰ К, стр. 660.

⁵¹ К, стр. 588.

Пусть у меня будет в крови душа, но я не стану заводить
дружбы из-за хлеба...

Я дал обет отвергнуть белый хлеб людей с черным сердцем,
Хотя бы до последнего издыхания довело меня отсутствие хлеба.
Хлеб ваш обилён, как снег, но речи ваши холодны, как зимняя
стужа,

Я же — из рода халифа и не буду побираться ради хлеба.
Я просил хлеба у шаха. За это да будет вырван язык
У меня грешного, в то время как мне подают хлеб.
Адам был изгнан из рая из-за пшеницы,
Я же удален от дверей промысла божьего из-за хлеба.
Адам из рая вышел, а я в ад пойду,
Он — искушенный пшеницей, я — соблазненный хлебом.
О боже, ты ведаешь о делах Адама и о моих страданиях.
Осуди же себя самого за пшеницу и накажи себя самого за хлеб.
Ведь ангел на небе, таков уж мой удел,
Отверг мою молитву «Хлеб наш насущный...».
О, Хакани! низость и заблуждения твои продолжают слишком
долго.

Пока не сбили тебе цену, отгони соблазняющий тебя аромат хлеба.
Хлеб же, который ты требуешь от подлецов, записи на господа,
Ибо господином твоей души является хозяин хлеба⁵².

Хакани считал эту оду своим кредо. В конце другого своего стихотворения он пишет:

Помни наречение, сказанное тобою (в другом) стихе:
Виредь я не буду позориться ради хлеба...
Сегодня ты мастер в искусстве, но при условии,
Что ты председательствуешь, а прочим предназначено служить при
дворе.

Даже жители Ирака изумлены происходящим с тобой.
Шарван [град зла] от твоего имени стал градом чести и градом
добра.

Твои стихи еще лучше в этой дикой стране оттого,
Что они посеяны на навозе, а попали в сад.
О тот, кому опорой служит мать, и покинутый отцом,
«Освободись от родителя своего!» — Чтобы тебя узрели с семьей⁵³.

Заключенный в последних строках намеков на то, что у Хакани не было отца, — не случаен. Горькими словами о сиротстве, о тяжелой доле ребенка, которого упрекают в том, что он «материн, мол, да божий», наполнена написанная им в честь матери глубоко лиричная ода, в которой он, в частности, говорит о себе:

До каких же пор, как на Христа, на тебя будут навешивать
Вследствие безотцовства ярлык матери!⁵⁴

В одной из своих «Тюремных элегий», намекая на то, что он был приемным сыном плотника Али так же, как, согласно евангелию, Иисус Христос был приемным сыном плотника Иосифа, Хакани пишет:

А с другой стороны, я, как сын божий, — сын плотника,
Была названною сестрою [девы] Марии моя мать — христианка⁵⁵.

⁵² К, стр. 320—321.

⁵³ К, стр. 319.

⁵⁴ К, стр. 640.

⁵⁵ К, стр. 330 (текст искажен).

Подобного рода намеки часто встречаются и в других произведениях Хакани. Не случайно, по-видимому, предшественник Хакани в должности «царя поэтов» — Абуль-Ала, несомненно хорошо знавший биографию и происхождение своего ученика и зятя, после ссоры с ним язвительно писал:

Хакани, хотя ты и умеешь красно говорить,
Дам тебе мудрый совет, слушайся его одного:
Не осмеивай никого, кто старше тебя годами,
Быть может, это — твой отец, а ты и не знаешь!⁵⁶

Хакани высоко ценил мастерство своего приемного отца и отзывался о нем с большой теплотой. Вот например несколько строк из большой оды Хакани в честь «Столяра Али Ширванца»:

Старец, именуемый инженером, старый столяр Али!
Ведь перед его доводами бессильны и Азар и Евклид.
Высокоблагородный старший мастер, мастер прекрасных работ,
Волшебными руками стали его работающие руки!
Кем были бы Иосиф-плотник и кем был бы Ной-столяр,
Если бы они стали хвалиться своим искусством у дверей его
мастерской!⁵⁷

С такой же теплотой отзывался Хакани о своих многочисленных родственниках — ремесленниках и простых людях Ширвана и, в частности, о своём «дяде» мирзе Кафи, враче и аптекаре, воспитавшем его и, возможно, являвшимся его фактическим отцом⁵⁸.

Итак, Хакани — незаконный сын христианки, приемный сын плотника, воспитанник аптекаря — принадлежал по происхождению к простым людям Ширвана, к низам тогдашнего феодального общества. Даже «выбившись в люди», став придворным поэтом ширваншахов и женившись на дочери придворного, Хакани никогда не порывал с простыми людьми и гордился своей близостью к ним. Этим определяется многое в его мировоззрении. Если для Руставели, принадлежавшего к господствующему классу, — «мудрец сказал: родится от подобного подобный», то для Хакани, всегда болезненно ощущавшего презрительное отношение к своему «подлому» происхождению,

Господь ведает смысл того, куда он закладывает семя.
От мужчины же не зависит ничего, кроме испускания семени.
Знай, что семена получают свой рост от солнца и погоды,
А что происходит от хлебопашца, кроме разбрасывания семян?
Законнорожденному что пользы от его облика, если его поступки
В испытании заложенных в них зачатков будут сочтены в родстве
со змеей.

Незаконнорожденного, зачатки которого имеют признаки идеальности,
Подобает, чтобы всевышний считал не иначе, как законнорожденным.
К мутной воде можно отнести по происхождению жемчуг,
Но посмотри, что осталось у сверкающего жемчуга от мутной воды?⁵⁹

Мы вкратце рассмотрели те причины, в силу которых диван поэта распадается на две диаметрально противоположные части. Одна из них, роднящая Хакани со всем сонмом больших и малых одописцев того времени, состоит из произведений, в которых сам поэт ценил не содержание, не

⁵⁶ См. К. Залеман. Указ. соч., стр. 57.

⁵⁷ К, стр. 374.

⁵⁸ См. К. Залеман. Указ. соч., стр. 15.

⁵⁹ К, стр. 612.

идейную направленность, а доведенную до виртуозности форму — результат его блестящего поэтического мастерства. Именно эту сторону своего творчества он подчеркивал, говоря о своих многочисленных поэтических соперниках и подражателях:

Я ткач по происхождению, но продукты ремесла моей мысли
Созданы только на основе и утке ума, а не являются
одеждой для тела.

Я плотничьего рода, но обтесанные бревна моей натуры
Были только под топором моего собственного отца.

А эти невежды — позолотчики и плагиаторы,

С момента испытания всего лишь экзаменующиеся.

Концом своего пера я так исчершу тетради их сердца,

Что они будут лишь чесать подбородок, ибо все они даже пера
отточить не умеют⁶⁰.

Другая, гораздо менее известная и обычно замалчиваемая часть дивана поэта, это — многочисленные оды, послания и траурные элегии в честь близких и друзей — ремесленников, торговцев, поэтов и прочих простых людей Ширвана. Произведения эти, написанные уже не ради заработка, а от чистого сердца, проникнуты глубоким чувством к их героям. В них Хакани, так же как и в своих интимных, глубоко лиричных газелях, четверостишиях и отрывках, часто поднимаясь до высот подлинного гуманизма, донес до наших дней мысли и идеалы населения средневекового города Востока, —

О Хакани, почти тайны мироздания.

В рисунке каждого минерала движение, которое ты и не замечаешь.

Не гляди с презрением на атом любой вещи,

Ибо и там есть говорящее сердце, язык которого ты не замечаешь.

(А) в каждом сердце есть страдание, (как) в каждой земле
есть роза,

Будь осторожен, ведь, презирая и то и другое, ты их не
замечаешь⁶¹.

В этой, второй части дивана выражены те идеи, за признание которых всю жизнь боролся непонятый при дворах феодальных владык одописец Хакани, презиравший тунеядцев и бездельников, которых ему приходилось восхвалять ради куска хлеба, и, как всякий человек труда, гордившийся своим профессиональным мастерством и талантом.

Дальнейшее изучение этой стороны творчества Хакани не только полнее раскроет его облик, но и даст обильный материал для освещения идеологии городского населения Передней Азии в период расцвета феодализма.

SUMMARY

The works of Khaqani, outstanding Azerbaijan poet of the 12th century, have many features akin to the Christian world of Asia Minor of that time. Of special interest in this connection are the works of Khaqani which appeal to the Christian monarchs; their analysis shows that they were prompted by political motives and that they were directly connected with the poet's biography.

Khaqani came from the midst of the lower strata of the feudal society, and he had never broken his ties with the common people even when he was a court poet.

Along with flowery odes in honour of the feudal rulers, most of whom were looked upon by Khaqani with sincere contempt, his divan contains many less known productions which have brought down to us the feelings, hopes and ideals of the ordinary man in Medieval Asia Minor.

⁶⁰ К, стр. 113.

⁶¹ К, стр. 683.

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ НАРОДНОСТИ В ИНДИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

В. Г. ЭРМАН

В санскритской драматургии первых веков нашей эры культура древней Индии нашла особенно высокое и совершенное выражение. Драматические поэмы Калидасы, воспевающие бессмертную красоту человека и человеческое чувство в слиянии с прекрасной природой Индии; пьесы Бхасы и Шудраки, в которых сквозь известную условность форм бурно пробивается полнокровная жизнь и искрится чудесный народный юмор; вдохновленная патриотической идеей драма Вишакхадатты — все эти произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы, занимают чрезвычайно важное место в богатом культурном наследии великого народа.

К ним спустя много столетий обращались и обращаются многие писатели и деятели культуры Индии, стремящиеся к созданию на новоиндийских языках самобытной драматургии и театра. История классического театра вызвала особенный интерес и у западноевропейских ученых. Немало усилий потратили европейские и индийские исследователи, пытаясь разрешить сложные проблемы происхождения индийского театра и датировки отдельных литературных памятников. Однако крайняя недостаточность достоверного исторического материала, относящегося к изучаемой эпохе, и сравнительная малочисленность дошедшей до нас драматической литературы обусловили главный недостаток многих научных работ об индийском театре — пренебрежение исторической перспективой в исследовании предмета.

Сохранившиеся до нашего времени несколько десятков санскритских пьес свидетельствуют о том, что в первом тысячелетии н. э. в Индии была создана высоко развитая по форме драматическая литература. Главными характерными чертами ее — по определению европейских авторов — являются строгая традиционность и изысканность художественных средств, язык, понятный только образованной аудитории, склонность к фантастическому, преобладание лирического и описательного элемента за счет непосредственного развития действия и т. п. Эти особенности, действительно, достаточно определенно выступают в большинстве пьес; они узаконены в древнеиндийских канонических трактатах по драматическому искусству. На основании этого в европейском востоковедении издавна утвердилось мнение, будто в истории литературы нет ничего более чуждого народности и реальной жизни, чем санскритская «придворная» драма¹.

¹ Это мнение было обосновано в конце XIX в. знаменитым французским индологом С. Леви в его капитальном труде (см. S. Lévi. Le théâtre indien. Paris, 1890). Взгляды С. Леви разделяют многие известные востоковеды (А. Гавронский, М. Винтерниц и др.).

Рассматривая индийскую драматическую литературу вне ее исторического развития, европейские исследователи обычно не обращают внимания на тот факт, что подавляющее большинство найденных до сих пор драм относится к позднейшим векам классического периода, когда культура древней рабовладельческой Индии уже приходила в упадок, и поэтому черты, характерные прежде всего для санскритского театра этого периода, приписываются индийскому искусству вообще. Между тем, в тех, к сожалению, немногих литературных памятниках, которые сохранились от I—V вв. н. э. (эпоха высшего расцвета классической драматургии), упомянутые особенности проявляются вовсе не так отчетливо.

Правда, уже в самых ранних из дошедших до нас произведений санскритской драматургии мы замечаем следы воздействия определенных ненародных, аристократических тенденций, все более возрастающих в литературе последующего периода. Эти тенденции — сознательно или бессознательно — вели к прямому ограничению общественного значения театра, к отрыву его от народной почвы и от окружающей жизни. Особенно отчетливо они проявились в трактате о драматургии и театре — «Натьяшастре» Бхараты, относящемся к IV в. н. э. Индийская классическая теория драматургии и театра, изложенная в этом трактате, производит во многом противоречивое впечатление².

Несомненно, что такой труд, как «Натьяшастра», мог быть создан только в стране высокой и древней цивилизации, где искусство театра, развиваясь в течение столетий, достигло высокого совершенства. В отдельных главах этой книги мы находим глубокое проникновение во внутреннюю природу сценического искусства, тонкий анализ творчества актера и эмоциональных связей между сценой и зрителем, тщательную разработку сложной и изощренной актерской техники. Но в то же время авторы трактата пытаются регламентировать это удивительное искусство безжизненной теорией, задушить его в тисках косной традиции и абстрактных формул. Запрещается выводить на сцене все, что может слишком сильно воздействовать на зрителя; безусловно исключается всякий элемент трагического. Нельзя показывать на сцене сражение, борьбу, смерть, изгнание, лишение власти, народные бедствия и т. п. Санскритская драма предназначена лишь услаждать слух и взор аудитории, и ничто неприятное не должно мешать этому наслаждению. Той же цели служит и предписанная традиционность сюжета. Зритель должен заранее знать все, что произойдет, чтобы волнение за судьбу героев не отвлекло его от безмятежного восприятия поэтических красот пьесы. Иными словами, индийская теория отрицает именно те элементы, которые составляют самое существо европейской драматургии, продолжающей античную традицию.

Обычно отсюда делают вывод, что индийская драма по своему характеру прямо противоположна европейской. При этом указывают, что в ней отсутствует драматический конфликт, действие развивается вяло, персонажи нарисованы по строго заданным схемам теоретических трактатов. Эти недостатки в глазах европейских критиков искупаются лишь предельной отточенностью и изяществом художественной формы, непосредственностью чувств и глубоким лиризмом. Существует мнение, что и недостатки эти и достоинства соответствуют якобы духу индийского народа, что индийскому художественному творчеству вообще свойственны «любовь к чудесному, презрение к действию, однообразие интриги, боязнь тра-

гических катастроф, вкус к приглушенным эмоциям»³. Сравнивая санскритскую поэзию с греческой и отмечая более действенный характер последней, многие исследователи считают, что якобы самый характер индийского народа — мечтательный и бездеятельный — и есть причина того, что санскритская классическая драматургия не могла создать ничего равного по силе трагедиям Эсхила и Софокла. На самом деле существующее различие объясняется не духом народа, а тем, что в греческой литературе народный характер проявился более свободно. Это, в свою очередь, обуславливалось более высоким уровнем развития общественной жизни в древней Греции. Античный мир не знал, в частности, того засилия жречества в политической и идеологической сферах, которое питало консервативные течения в общественной жизни Индии и других стран древнего Востока.

Влияние религиозной идеологии, несомненно, способствовало заглушению в санскритской драматургии темы борьбы человека с судьбой, темы трагического, имеющей столь большое значение в античной драме. Но в то же время в произведениях многих драматургов явно чувствуется противоречие между ограниченной религиозной идеей мировоззрением автора и его художественным видением действительности. Обращаясь к истории классического театра, мы видим, что строгим правилам «Натьяшастры» неукоснительно следовали только в пьесах позднего периода.

В произведениях же крупнейших санскритских драматургов, творивших в эпоху расцвета, эти предписания очень часто не соблюдаются, и народные элементы отчетливо выступают на первый план.

Из всех видов литературы драма является наиболее действенным. Нигде не проявляется столь непосредственно связь художественного творчества с народными массами, для которых оно предназначено и в которых черпает свою силу. Нигде так определенно не выступает народность, как необходимое условие подлинной ценности литературного произведения.

Оторванная от широких кругов общества, придворная поэзия никогда не могла бы подняться на ту высоту, которой достигла в период своего расцвета индийская классическая драматургия.

Внутреннее единство с народным творчеством определяется, прежде всего, самими истоками индийского театрального искусства. При всех существующих и поныне разногласиях по вопросу о характере индийского

³ S. Lévi. Указ. соч., стр. 8. Что касается его мнения о чуждом народу характере индийской классической литературы и культуры, то здесь на Леви оказали несомненное влияние декадентские идеи о природе художественного творчества, модные в европейском литературоведении конца XIX в. (см. высказывания Леви о неспособности народа к творчеству на стр. 4 упомянутого труда). Мнение это разделялось, однако, не всеми исследователями. Крупнейший русский ученый Н. П. Миняев считал, например, что памятники древнеиндийского искусства знаменуют «блестящую историю народного творчества на протяжении двадцати с лишком веков» (Н. П. Миняев. Буддизм, т. I, вып. I. СПб., 1887, стр. 98). Позднее М. Я. Калинин, защищая санскритскую драматургию от упреков в схематичности и нереальности изображаемых лиц и событий, утверждал, что в индийской классической драме «... даже краткий диалог показывает, что лица, ведущие его, настоящие индусы, а не отвлеченные схемы характеров с индийскими только именами, что обстановка, условия и место действия свидетельствуют о подлинной Индии» (М. Я. Калинин. Природа и быт в древнеиндийской драме. Киев, 1916, стр. 6). Протесты против предвзятого и поверхностного определения характера санскритской литературы раздавались и в самой Индии. Большой интерес в этом отношении представляет работа известного индийского ученого С. Дасгупты. В предисловии к 1-му тому нового курса истории классической литературы («A History of Sanskrit literature. Classical period. Contributors to this volume S. N. Dasgupta and S. K. De, vol. I. Calcutta, 1947, p. LII»). С. Дасгупта дает серьезный анализ исторического развития индийской классической литературы.

² Отдельные части «Натьяшастры» (नट्यशास्त्र) были написаны, несомненно, разными авторами и в разное время. В дальнейшем все ссылки даются на издание The Nāṭyaśāstra of Bharata Muni. Ed. by Sivadatta and K. P. Parab. Bombay. 1894.

театра народное происхождение его в настоящее время признается всеми⁴. Развившись из народных обрядовых игр и пантомим, искусство театра процветало первоначально в народе⁵. Бродячие труппы актеров, танцоров и певцов скитались по стране, устраивая в дни праздников и торжеств представления в селах и городах — на площадях или в храмах, иногда и в царских дворцах. Репертуар этих представлений составляли, очевидно, инсценированные народные предания и отрывки из эпоса, а также сатирические сценки, в которых высмеивались глупые и жадные брахманы и высокомерные кшатрии. Положение бродячего актера в древней Индии было бедственным и презираемым. Любопытна старинная легенда, объясняющая это проклятием, которое наложено было свыше на профессию актера за осмеяние на сцене священных мудрецов — риши (т. е. жреческой верхушки)⁶.

Элементы социальной сатиры можно видеть в перешедшем с народной сцены в классическую драму традиционном образе «видушак» — брахмана-шута. Наличие этого комического персонажа в классической драме — одно из доказательств народного происхождения санскритского театра⁷. По всей видимости, та же преемственность обусловила и другие особенности классической драмы: простоту сценического устройства, сочетание диалога с пением и танцем, употребление местных и социальных диалектов и т. д.

К сожалению, материалы, на которых можно было бы проследить переход от более простых форм народного искусства к театру классическому, не сохранились. Самыми ранними из дошедших до нас индийских драматических произведений — пьесы известного буддийского поэта Ашвагхоши⁸ — относятся к I в. н. э. Однако они представляют собой уже настолько совершенные образцы классической драмы, что неизбежно вызывают предположение о нескольких веках предшествовавшего развития драматического и театрального искусства.

Считают, что санскритская драматургия начинается свое существование в середине первого тысячелетия до н. э. Это было время больших социальных сдвигов и политических потрясений в истории Индии; впервые была поколеблена неограниченная и деспотическая власть жречества над народом. В IV в. до н. э. индийский народ поднимается на борьбу против греческих завоевателей; разрозненные области страны сплавиваются и образуют единое могущественное государство. С общим подъемом в политической и культурной жизни страны складываются условия для создания высокоразвитого искусства театра. «Драматическая поэзия, — говорит Белинский, — является у народа уже с созревшей цивилизацией в эпоху пышного цвета его исторического развития»⁹.

Вот как рассказывает о возникновении театра древняя брахманская легенда в «Натьяшастре»:

⁴ S. Lévi. Указ. соч.; A. Hillebrandt. Über die Anfänge des indischen Dramas. München, 1914; S. Konow. Das indische Drama. Berlin — Leipzig, 1920; A. B. Keith. Sanskrit drama in its origin, development... Oxford, 1924; A. Gawroński. Początki dramatu indyjskiego a sprawa wpływów greckich. Kraków, 1946.

⁵ Об этом периоде в развитии индийского театра подробнее всего см. A. Hillebrandt. Указ. соч., а также A. Мерварт. Элемент народного творчества в классической драме древней Индии (Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, 1928, № 7).

⁶ См. A. Мерварт. Указ. соч., стр. 267.

⁷ В свое время А. Б. Кейт пытался опровергнуть в этом вопросе Гиллебрандта и Конова и доказать ритуальное происхождение роли «видушак» (A. B. Keith. Указ. соч., стр. 50—51).

⁸ शरिपुत्राकरण (Шарипутрапракарана) и две другие пьесы, относительно которых авторство Ашвагхоши оспаривается.

⁹ В. Г. Белинский. Разделение поэзии на роды и виды (В. Г. Белинский. Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 58).

«Предводимые Индрой боги сказали прародителю игр: Мы хотим развлечения для слуха и для взора. Да будет оно не Ведам подобно — и для слуха шудр (доступно), да будет сотворено пятой Ведой для всех сословий»¹⁰. При всей наивности жреческого толкования, утверждающего здесь «божественное» происхождение искусства, на первый план, как мы видим, выдвигаются два основных момента, несомненно отражающие реальные условия развития театрального искусства в Индии. Это, во-первых, воспитательная и образовательная роль театра: он приравнивается к Ведам, священным источникам знания; во вторых — его общедоступность. Театр в древней Индии был доступен для представителей всех сословий, не исключая и низшее — шудр, что видно, в частности, из содержащихся в той же «Натьяшастре» указаний о распределении мест в зрительных залах¹¹. Этими двумя основными чертами и должен был определяться характер индийского театра с первых веков его существования. Обращавшийся к достаточно широкой аудитории, театр, несомненно, играл значительную роль в общественной жизни.

В самом начале периода расцвета санскритской драмы, незадолго перед тем, как империя Гупта вновь после Маурья и Кушанов объединила области древней Индии, жил и создавал свои замечательные произведения знаменитый драматург Бхаса¹² (очевидно, в III в. н. э.).

В творчестве Бхасы нашла широкое отражение предшествовавшая литературная традиция, с большим мастерством претворенная в драматической форме. Фантастическая пьеса, построенная на мотивах народных сказок и легенд («Авимарака» अविमरक, «Пьеса о среднем брате» मध्यमवययोग), тонкая и поэтическая комедия любовной интриги («Обет Яугандхараяны» प्रतिज्ञायौगन्धरायण, «Пригрезившаяся Васавадатта» स्वप्नवासवदत्ता), бытовая комедия («Чарудатта в бедности» दरिद्रचारुदत्त), героическая драма («Подвиги мальчика» बालचरित, «Помазание» अग्निषेकनाटक) и даже трагедия, существование которой в санскритском театре отрицается европейскими литературоведами, — все эти жанры блестяще представлены в драматургии Бхасы.

Интересна его драма «Подвиги мальчика», источником для которой послужил популярнейший в Индии цикл легенд о Кришне, — излюбленная тема народных спектаклей. Народные игры и зрелища, изображающие отдельные эпизоды истории о Кришне, по мнению ряда исследователей, и явились в свое время зародышем драматического искусства в Индии¹³. Произведение Бхасы, однако, уже далеко отошло от своих народных прообразов. Литературная форма пьесы искусно разработана, язык и стиль представляют образцы, характерные для классической драмы.

Этой пьесе, так же как и другим произведениям Бхасы, присущее несомненное с каноническими требованиями стремление к изображению драматических коллизий. Если образы традиционных героев, Кришны и Баларама, объединенные религиозной трактовкой, в пьесе бледны и безжизненны, то значительно ярче и выразительнее обрисован антаго-

¹⁰ «Натьяшастра», гл. I, шлока 11—12.

¹¹ Там же, гл. II.

¹² До последнего времени Бхаса был известен лишь по упоминаниям в санскритской литературе. Только в 1910 г. в Тривандруме, на юге Индии, Гапапати Шастри нашел рукопись десяти пьес, принадлежащих, по всей видимости, Бхасе. Позже были найдены еще три его пьесы. Принадлежность всех этих пьес Бхасе была в свое время подвергнута сомнению (Р. Шарма, Л. Д. Барнет, Э. Джонсон и др.). Однако А. Б. Кейт весьма убедительно доказывает авторство Бхасы в отношении всех тринадцати пьес, исходя из высоких художественных достоинств найденных произведений и несомненно-го единства языка и стиля (A. B. Keith. Указ. соч., стр. 91—93).

¹³ См., например, A. Gawroński. Указ. соч.; A. B. Keith. Указ. соч.

нист Кришны — Канса. Он и придает главный интерес драме; сцена во втором акте, где ночные призраки преследуют порочного царя, — одно из самых сильных и драматических мест в произведении Бхасы.

Живой и яркий героический образ Бхаса создает лишь тогда, когда ему представляется возможность свободного проявления своего художественного таланта, не стесняемого требованиями брахманской поэтики и религиозной морали. Такую возможность драматург получает, обращаясь к образам, с брахманской точки зрения, отрицательным, как это имеет место в его маленьких пьесах, посвященных теме великой битвы при Паталипутре, описанной в Махабхарате. В них отразился героический дух народной поэзии, составляющей основу индийского эпоса.

В драмах «Сломанное бедро» (उद्धत) и «Задача Карны» (कर्णभार) Бхаса не показывает самой битвы; но напряженная атмосфера происходящего вблизи жестокого и кровопролитного сражения пронизывает действие, чувствуется в каждом слове и поступке действующих лиц — могучих воинов, без колебания устремляющихся в бой. Самое замечательное в обеих пьесах — их трагический характер. Герои пьес принадлежат к лагерю Кауравов; их противниками выступают воплощенные боги — грозные и непобедимые Пандавы. Заранее очевидно, что у Кауравов нет надежд на победу. Тем ярче обрисовано мужество воинов, вступающих в неравную борьбу.

Бестрепетно встречает Дурьодхана (герой «Сломанного бедра») своего страшного врага Бхимасену, самого могучего из Пандавов. Бхимасена поклялся убить предводителя Кауравов, некогда нанесшего тяжкое оскорбление Драупади, жене Пандавов. Но в ожесточенном поединке Дурьодхана сбивает с ног своего доселе непобедимого противника. «Не бойся, Бхима, — восклицает Дурьодхана, — ни один витязь не нанесет удара поверженному врагу!» Насмешка приводит Бхимасену в ярость, оправившись, он поражает врага ударом, запрещенным правилами честного боя. Короткая пьеса Бхасы кончается прощанием Дурьодханы с родными и его смертью. Бхаса нарушает здесь строжайший закон брахманской поэтики, которая запрещала не только показывать смерть героя на сцене, но даже упоминать о ней¹⁴.

Бхаса вкладывает в уста умирающего Дурьодханы слова раскаяния и прощения своему убийце; возможно, что он действительно (как утверждают некоторые критики) хотел показать здесь заслуженное наказание злодея. Но мужество и благородное презрение к смерти, которым проникнуты речи Дурьодханы, сообщают всей сцене высокий трагический пафос. Независимо от собственных намерений Бхаса показал в пьесе смерть героя, человека с сильным характером и волей, не дрогнувшего перед неминуемой гибелью¹⁵.

Если Дурьодхана из «Сломанного бедра» все же во многом напоминает традиционного злодея эпоса, то в другой пьесе Бхаса с нескрываемым сочувствием рисует образ мужественного Карны, верного союзника Кауравов,

¹⁴ Правила, предписываемые «Натьяшастрой», Бхаса нарушает и в «Драме о статуе» (प्रतिमानाटक), где умирает на сцене царь Дашаратха, и в «Помазании», где Рама убивает отважного Бали, и в «Подвигах мальчика», где, свержение и смерть Кансы показаны на сцене. Впрочем, «Натьяшастра» была написана уже после Бхасы.

¹⁵ На трагический характер пьесы указывал уже Людерс (H. Luders. Die Saubhikas. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1916, № 3, S. 718), позднее и А. Вульнер (A. C. Woolner and L. Sarup. Thirteen Trivandrum plays attributed to Bhasa, vol. II. London. 1931, p. 43). Кейт возражал Людерсу, отмечая, что Бхаса не мог сочувствовать Дурьодхане, будучи правоверным виньунтом (см. A. B. Keith. Указ. соч., стр. 38). Тем не менее, сочувствие автора мужественному воину, пусть даже невольное, в пьесе ощущается.

не покинувшего их перед лицом смерти и разделившего их трагическую судьбу. Вообще в своих драмах Бхаса изображает поборников дела Кауравов в значительно более благоприятном свете, чем они представлены в дошедшей до нас редакции эпоса¹⁶. Возможно, что он пользовался более древними и более близкими к своим народным источникам интерпретациями «Махабхараты».

Широкое использование предшествующей литературной традиции, построенной на фольклоре, характерно для Бхасы, как и для других драматургов раннего периода. Позднее выбор источников ограничился исключительно каноническими редакциями «Махабхараты» и «Рамаяны»¹⁷.

Вершиной творчества Бхасы считается его драма «Пригрезившаяся Васавадатта». Пьеса эта представляет собою проникнутую тонким поэтическим чувством историю чистой и самоотверженной любви. В «Пригрезившейся Васавадатте» так же, как и в сюжетно примыкающем к ней «Обете Яугандхараяны», большую роль играет юмор — отличительная черта дарования Бхасы. Недаром через несколько столетий поэт Джаядева, оценивая предшествующую литературу, назвал Бхасу «улыбкой» поэзии, а Калидасу «грацией» ее¹⁸. В юморе Бхасы проявилась его близость к народному творчеству; это не изощренное остроумие, не виртуозная игра слов, как у поэтов позднего периода, но именно народный юмор, простодушный, лукавый и жизнерадостный. Им полны комические интермедии, которыми Бхаса любит перемежать действие своих пьес.

Суровые и воинственные картины в «Пяти ночах» (पञ्चरात्र) Бхасы прерываются красочной сценой народного праздника (интермедия ко второму действию). Весело пляшут пастухи и пастушки. Старый пастух не выдержал и тоже пустился в задорную пляску. «Эй, дедушка, ты поднимаешь слишком много пыли!», — со смехом кричат ему остальные. Но не он поднял тучи пыли над горизонтом; то приближаются идущие в набег отряды Дурьодханы; и в страхе разбегаются мирные пастухи.

В «Авимараке» лирическая сцена любовного свидания сопровождается комическим диалогом брахмана и служанки. Лукавая служанка ловко выпроваживает со сцены простака-брахмана, мешающего влюбленным. Яркие образцы юмора Бхасы представляют собой разговор привратника с погонщиком слонихи в четвертом действии «Обета Яугандхараяны», диалог между царем и царицей во втором действии той же пьесы и другие. Сочетание серьезного с комическим в пьесах Бхасы — черта, вообще свойственная индийской драматургии и, несомненно, связанная с ее народным происхождением.

Произведения Бхасы отличаются стремительным развитием драматического действия, простотой и изяществом стиля. Бхасе чужды столь характерные для драматургов позднего периода длинные описания и отступления, тормозящие развитие действия. Нет у него витиеватых метафор, пышных и вычурных изречений; зато он любит и часто употребляет простые и ясные сентенции, близкие по духу к народным пословицам, которыми так богат индийский фольклор. Сравнения у Бхасы метки и выразительны и не так громоздки, как у позднейших авторов¹⁹. Соответственно прост

¹⁶ Впрочем, и в «Махабхарате», в сцене поединка Бхимы с Дурьодханой, проглядывает сочувствие к Каураву (गदः युद्ध-पर्व. кн. IX, гл. LXXXII).

¹⁷ Это отмечает Дасгупта в предисловии к первому тому упомянутой книги «A history of Sanskrit literature».

¹⁸ भासो हासः कविकुलगुरुः कालिदासो विलासः (प्रसन्न-राघव). См. S. Lévi. Указ. соч., стр. 158.

¹⁹ Эти особенности языка и стиля Бхасы отмечены А. Б. Кейтом (A. B. Keith. Указ. соч., стр. 114—122).

и выразителен язык его действующих лиц. Это — разговорный язык образованных классов индийского общества. Во времена Бхасы он не был еще «мертвым» языком, каким обычно принято считать классический санскрит. Очень много места занимают в пьесах Бхасы пракриты, которые позднее также превратились в мертвые литературные языки, но в III в. оставались еще, очевидно, близкими к народным разговорным языкам.

Творчество Бхасы, богатое и разнообразное по своему содержанию, имело большое значение для развития индийской классической драматургии. Оно оказало несомненное влияние на крупнейших санскритских драматургов эпохи расцвета. Мягкий лиризм и грациозная красота любовных сцен и описаний природы в «Пригрезившейся Васавадатте» оказали, очевидно, большое влияние на Калидасу и, в частности, на его знаменитую «Шакунталу». Суровый драматизм героических пьес Бхасы возрождается в творчестве Вишакхадатты и Бхатта Нараяны. Но демократические тенденции лучших произведений Бхасы более всего были развиты и продолжены великим индийским драматургом Шудракой.

При рассмотрении наиболее характерных и значительных пьес Бхасы мы намеренно не касались до сих пор произведения, представляющего самое замечательное и совершенно исключительное явление в его драматургии. Речь идет о его незаконченной комедии «Чарудатта в бедности», которая впоследствии была переработана, продолжена и закончена безвестным автором, скрывшим себя под именем мифического царя Шудраки. В результате создано было произведение, признанное одной из вершин мировой драматургии, в котором индийская жизнь и дух индийского народа отразились в высокохудожественных ярких образах и блестящей смене картин, исполненных глубокой жизненной правды.

«Глиняная тележка» (मृच्छकटिक) — так назвал Шудрака свою драму — явилась высшим воплощением народной тенденции в классической литературе Индии. Жизнь городских низов, положение женщины в обществе, нравы придворной знати, политические движения, судопроизводство, религиозные обряды и народные обычаи — все нашло место в этой замечательной драме. Но особенно интересно отношение Шудраки к изображаемым лицам и событиям, очень ясно заметное во всей пьесе. Оно определяется любовью писателя к простому народу, горячим сочувствием, с которым он рисует образы и судьбы обездоленных людей, их борьбу с произволом царя и вельмож. Это сочувствие звучит уже в словах грустного двустишия в прологе, которое определяет настроение пьесы: «Пуст дом человека, не имеющего детей, и подолгу пуст дом человека, не имеющего друзей; глазам безумца пустой кажется вся окрестность; но весь мир пуст для бедняка»²⁰.

В центре пьесы — образ Чарудатты, купца, разорившегося вследствие своей щедрости и покинутого неблагодарными друзьями (один из любимых героев народных сказок во многих странах). Но главную роль в развитии сюжета играет истинная героиня пьесы — прекрасная Васантасена, любящая бедного, но честного Чарудатту и отвергающая домогания знатного негодяя Самстханаки. Содержание драмы составляет борьба Васантасены, обреченной бездушным законом на положение куртизанки, за свою любовь и человеческое достоинство.²¹

²⁰ शून्यमपुत्रस्य गृहं चिरशून्यं नास्ति यस्य सन्निभम् मूर्खस्य दिशः शून्याः सर्वं शून्यं दरिद्रस्य (मृच्छकटिक. Bombay, 1896, p. 6).

²¹ В древней Индии профессия гетеры была обязательной для женщины определенного происхождения; как сообщает об этом «Артхашастра» (Mṛcchakaṭikā, transl. by R. P. Oliver. Urbana, 1938, p. 235).

Среди образов простых людей, помогающих героям пьесы, самым выразительным является образ нищего брахмана Майтрейи, верного друга Чарудатты. Наряду с образом Мадхавьи в «Шакунтале» Майтрейя Шудраки — одно из наиболее жизненных и художественных в санскритской драматургии воплощений традиционной маски «видушаки» (в классической драме «видушака» значительно отличается от своего прообраза на народной сцене — алчного и глупого жреца, жестоко осмеиваемого народом). В нем почти ничего не осталось от служителя культа. Сам Майтрейя говорит о себе в первом действии: «У меня все обязанности брахмана перевернулись как у образа, отраженного в зеркале, так что правое стало левым и наоборот»²². И далее он заявляет беспечно: «Поклонение богам бесполезно и не делает их благосклонней». Майтрейя — человек из народа, простодушный, но честный и благородный, не покидающий друга в беде. Даже когда Чарудатту, ложно обвиненного в убийстве Васантасены, ведут на казнь, преданный Майтрейя не оставляет его.

Сочувствие и уважение, с которыми автор «Глиняной тележки» относится к беднякам и простолюдинам, сменяется гневным сарказмом и презрением, когда он выводит на сцену представителя высших классов. Создавая образ царского родственника Самстханаки, Шудрака достигает большой остроты сатирического обличения. Глупый и порочный родственник царя — тоже традиционная роль, обозначенная в «Натьяшастре» термином शक्ता и тоже ведущая происхождение от народного театра. Тем не менее, Самстханака у Шудраки, как и Майтрейя, не мертвая маска, а в высшей степени живой образ, явно взятый из современной автору индийской действительности²³. Великолепно очерчен в пьесе его характер: смесь глупости, трусости, подлости и хвастливого чванства; характер человека ничтожного, силою своего богатства и связей получившего власть над другими людьми. Знаменательно, что Самстханака одинок среди враждебного к нему народа. Даже его нахлебник и раб относится к нему с отвращением и действуют против него²⁴. Но за спиной Самстханаки стоит царь Палака. И только с падением власти этого царя, которая служит источником всех злоключений героев пьесы, становится возможной благополучная развязка «Глиняной тележки».

Пьеса Шудраки полна жизни и движения. Юмором и остроумием проникнуты многочисленные сценки и эпизоды, с исключительной живостью отражающие быт и нравы древнего индийского города: столкновение Самстханаки и его приспешников, преследующих Васантасену, с Майтрейей и служанкой Раданикой (в первом действии); уличная драка между содержателем игорного дома и гуляками (третье действие), ссора между полицейскими офицерами у повозки, в которой укрылся от преследователей мятежник Арьяка и т. п. Своей динамичностью, реалистическим и народным характером эти сценки во многом напоминают драматургию Шекспира, и в то же время они типично индийские по своему колориту.

Шудрака жил, по-видимому, значительно позже Бхасы (вероятнее всего, в IV в.²⁵). Стиль Шудраки сложнее и местами более условен, чем у Бхасы. Вместе с тем живописной красочностью сцен и характеров, богатством языка и выразительных средств Шудрака далеко превзошел своего предшественника.

²² В подлиннике эта фраза содержит игру слов: दक्षिण значит одновременно «правый» и «правильный, хороший», वाम — «левый» и «плохой».

²³ Образы Майтрейи и Самстханаки в основном созданы Бхасой в «Чарудатте». Шудрака, однако, развивает и углубляет намеченные Бхасой черты.

²⁴ Замечательна сцена десятого акта, где раб Стхаварака самоотверженно выступает в защиту Чарудатты, не страшась неминуемо грозившей ему расправы со стороны Самстханаки.

²⁵ См. «Mṛcchakaṭikā», стр. 26.

Из контуров, намеченных Бхасой в Чарудатте, он создал высокохудожественную картину жизни индийского общества, замечательное произведение, проникнутое глубокой человечностью.

Совершенно иначе, чем у Шудраки, но с неменьшей художественной силой представлена индийская жизнь в творчестве великого поэта Калидасы. Выработанное Бхасой, Шудракой и поколениями предшествующих драматургов мастерство доведено в драмах Калидасы до предельного совершенства. Гений Калидасы проявился в необыкновенной красоте, изяществе и гармоничности поэтической формы, в безукоризненном чувстве художественной меры, в искусстве изображения тончайших оттенков человеческих чувств и переживаний.

В отличие от произведений Бхасы и Шудраки, где полная движения и действия жизнь бьет через край, в драмах Калидасы мы встречаем иную атмосферу. Действие развивается в них медленно, без бурных драматических столкновений. Перед зрителем возникают мирные картины чудесной и далекой от повседневности жизни; на фоне вечно цветущей прекрасной природы разворачиваются проникнутые неизъяснимым очарованием сцены нежной и возвышенной любви; «...мчатся кони и колесница царя, слышны приветные клики, пышно цветут цветы, шелестят деревья, мелькают между ними птицы, в напоенном благоуханием воздухе, раскатом полдневным зноем, жужжат пчелы, струятся тихие и горячие любовные речи... и все это Калидаса сплетает в чудный и нежный рассказ, в котором при каждом новом чтении открывается что-нибудь, дотоле незамеченное, какой-нибудь намек, вызывающий сложное душевное переживание, какой-нибудь красивый образ, рисующий целую картину...»²⁶.

Калидаса является одним из величайших лирических поэтов в мировой литературе. Но не случайно, что именно в области драмы достиг он вершины своего поэтического творчества. Очевидно, что во времена Калидасы, когда индийский театр переживает эпоху расцвета, драматургия становится ведущим и преобладающим жанром в литературе. И Калидаса с изумительным мастерством использует этот жанр для развития самых сильных и характерных сторон своего художественного гения. Драматическая форма дает ему возможность особенно ярко и полно раскрыть самые тонкие оттенки человеческих чувств, сокровенные душевные движения, возможность поэтически изобразить внутренний мир человека в единении с таинственной и многообразной жизнью природы.

В последнее время все более подвергается сомнению и разоблачается созданная в европейском литературоведении легенда о Калидасе — придворном поэте, замкнувшемся от жизни и от народа в узком кругу избранных ценителей²⁷. Ее опровергает уже та не угасающая в течение столетий любовь, которую поныне питает индийский народ к своему великому поэту. В лучших произведениях Калидасы более всего проявляется его связь с народным творчеством. Его юношескую пьесу «Малаявика и Агнимитра» (मलविकाग्निमित्र) можно еще рассматривать как придворную «гаремную» комедию, хотя и в ней можно проследить образы, несомненно, навеянные фольклором (например, ашока, расцветающая от прикосновения ног юной девушки). Что же касается шедевров классической драматургии — пьес Калидасы «Шакунтала, признанная по кольцу» अभिज्ञानशकुन्तल

²⁶ С. Ольденбург. Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии. В кн.: Калидаса. Драммы. М., 1916, стр. IX.

²⁷ См. предисловие И. С. Рабиновича к новому изданию «Шакунталы» (Калидаса. Шакунтала, Пер. К. Бальмонта. М., Гослитиздат, 1955), а также статью С. Паниккара «Калидаса — наш бессмертный бард» («В защиту мира», 1956, № 59, стр. 83).

и «Мужеством обретенная Урваши» (विक्रमोर्वशी), то они целиком построены на материале древних преданий, широко популярных в народе.

До Калидасы сказание о Шакунтале было по меньшей мере дважды использовано в санскритской литературе: в первой части «Махабхараты» и в «Падма-Пуране». Мы не знаем, откуда заимствовал Калидаса сюжет для своей драмы: из эпоса, из пураны, или из какого-то третьего, неизвестного нам источника. Во всяком случае, эпическая версия была ему, несомненно, знакома. Сравнение драмы Калидасы с повестью о Шакунтале в «Махабхарате»²⁸ показывает, насколько «глубже и совершеннее... обработка темы в драме»²⁹, насколько она ближе к своему народному первоисточнику. Введенная Калидасой в действие пьесы тема проклятия отшельника и кольца Шакунталы воскрешает прелесть поэтических образов легенды, утраченную в эпической повести. Не может быть никакого сомнения в народном происхождении темы кольца — талисмана, напоминающего о возлюбленной зачарованному герою, поскольку эта тема встречается не только в индийском фольклоре.

Народность «Шакунталы» не только в ее сюжете, но и в ее образах, в картинах родной природы, в поэтическом мировоззрении автора, с гениальным проникновением выразившего в своем творчестве индийский народный характер.

Широко распространена в народных преданиях многих стран и тема любви смертного к неземному существу, составляющая содержание другой замечательной драмы Калидасы. История любви царя Пурураваса к небесной деве Урваши встречается уже в Ригведе. Позднее мы находим варианты этой легенды в «Шатанатха-Брахмане» и в «Матсья-Пуране».

«Урваши» Калидасы представляет собой произведение высокого художественного достоинства, почти не уступающее «Шакунтале» по глубине и поэтичности своих образов. В «Урваши» Калидаса широко использует пракриты; обилие необыкновенно музыкальных пракритских стихов придает особенную красоту этой драме, по своей форме более напоминающей оперу. Замечателен в этом отношении четвертый акт пьесы. По глухим лесным тропам бродит, тоскуя, безутешный Пуруравас в поисках потерянной Урваши. Вокруг него пышно цветет прекрасная природа и всюду чудятся ему следы утраченной возлюбленной; он видит ее глаза в цветах бананового дерева, ее одежды в зеленой траве лужайки. Пуруравас обращается к птицам, пчеле, горе, слону, реке, оленю — не видел ли кто-нибудь из них Урваши? И горько сетует, не получая ответа. Наконец, в порыве горя он обнимает лесную лиану и обретает Урваши, обращенную заклятием в лиану.

Музыка и пение за сценой в продолжение всего акта сопровождают слова и движения царя; он выражает свою любовную тоску в звучных напевных стихах и в танце. Здесь особенно ярко и убедительно проявляется связь классической драмы с традициями народной поэзии и народного театра. Исследователи усматривают в художественной форме четвертого действия «Урваши» прямую связь с древними народными обрядовыми празднествами в честь Кришны³⁰.

Творчество Калидасы знаменует собой вершину в развитии классической драматургии. Вместе с тем время его жизни совпадает с периодом высшего могущества великой империи Гупта. Но уже в различных областях индийской жизни намечаются в то время признаки грядущего заката. Со второй половины V в. (т. е., очевидно, вскоре после Калидасы) древне-

²⁸ महाभारत «Mahābhārata», т. I, гл. 69—74.

²⁹ С. Ольденбург. Указ. соч., стр. X.

³⁰ A. Gawronski. Notes sur les sources de quelques drames indiens. Kraków, 1921.

индийское государство начинает определенно клониться к упадку. Империя ослабевает под ударами вражеских нашествий и распадается. Меняется характер общественной жизни. Все жестче становятся сословные перегородки. Эпоха свободомыслия и религиозной терпимости постепенно отходит в прошлое³¹. Классический театр все более ограничивает свою сферу деятельности дворцами царей и богатых вельмож, становясь искусством для немногих.

Однако в индийской литературе еще некоторое время идет борьба за естественность и простоту поэзии против упадочных формалистических течений. Живший, очевидно, в V—VI вв. н. э.³² крупнейший индийский критик и теоретик поэзии Бхамаха выступает против сторонников искусства для избранных, признавая истинно поэтическим только такое произведение, которое понятно всем, даже и непосвященным³³.

Вероятно, современником Бхамахи был последний по времени великий драматург древней Индии Вишакхадатта³⁴. В годы, когда вражеские нашествия и набеги разоряли страну и разрушали индийское государство, когда высшие классы общества перед лицом грозившей Индии опасности замыкались в своих роскошных дворцах и искали забвения в утонченных эстетических наслаждениях, Вишакхадатта выступил со своими историческими пьесами «Перстень Ракшасы» (मुद्राराक्षस) и «Девы и Чандрагупта» (देवीचन्द्रगुप्त). В них драматург воскрешает славное прошлое родной страны и ставит в пример своим современникам деятельность их мужественных предков, боровшихся за единство и независимость Индии³⁵.

Уступая Шудраке и Калидасе в яркости и богатстве языка, в глубине поэтических и философских обобщений, Вишакхадатта превосходит их в мастерстве изображения характеров. С удивительным искусством нарисованы им образы Ракшасы, Чанаки, Чандрагупты Маурья и другие в «Перстне Ракшасы». В «Девы и Чандрагупте» (сохранившейся, к сожалению, только в отрывках) интересен образ Чандрагупты II Гупта, которого драматург наделяет чертами идеального правителя и народного героя. Язык и стиль Вишакхадатты отличаются сравнительной простотой и лаконичностью. Незаурядно его искусство в развитии драматической интриги. Вишакхадатта недаром пользуется славой самого «сценического» — в европейском понимании этого слова — из драматургов древней Индии. Ясно чувствуется предназначенность его произведений для театра, для активного воздействия на зрителя.

После Вишакхадатты чувство сцены исчезает из произведений санскритских драматургов. Нагромождением длиннейших монологов и описа-

³¹ Об этом см. S. N. Dasgupta. Указ. соч.

³² Согласно С.Н. Дасгупте и С.К. Де (Указ. соч., стр. 532—533).

³³ कव्यालंकर, гл. 2, шлока 3.

³⁴ С. Конов предполагает, что Вишакхадатта был младшим современником Калидасы (S. Конов. Указ. соч., стр. 71). О датировке жизни Вишакхадатты см. также Mrcchakatika, стр. 25.

³⁵ Мысль о злободневности и патристичности основной идеи творчества Вишакхадатты была развита шведским востоковедом Я. Карпентьером (см. J. Charpentier. Some remarks on the Hindu Drama. «Journal of the Royal Asiatic Society», October 1923, p. 585). Высказывалась она и раньше, С. Леви протестовал против нее, утверждая, что «Перстень Ракшасы» написана исключительно в качестве иллюстрации к теоретическим трактатам по искусству политической интриги. Следуя своей предвзятой идее об антиреалистическом характере индийской драматургии, С. Леви отрицает связь с окружающей действительностью даже у таких авторов, как Шудрака и Вишакхадатта (S. Lévi. Указ. соч., стр. 203, 226). К мнению С. Леви присоединяется современный исследователь творчества Вишакхадатты В. Рубен (W. Ruben. Der Sinn des Dramas «Das Siegel und Rakshasa». Berlin, 1956, S. 149). Однако уже А. Б. Кейт убедительно опроверг С. Леви в этом вопросе (А. Б. Кейт. Указ. соч., см. главы о Шудраке и Вишакхадатте).

ний авторы сводят на нет действие. Герои пьес превращаются в статичных декламаторов; все внимание обращается на изысканность языка и стилистические ухищрения. Наступает период торжества принципов «Натьяшастры». Эти особенности отчетливо проявляются в творчестве Бхатты Нараяны, Бхавабхути, Раджашекхари и других драматургов позднейшего периода³⁶. После Вишакхадатты мы не находим в санскритской драматургии имени, достойного сравнения с блестящими представителями эпохи расцвета. Как исключение можно рассматривать только Бхавабхути (VIII в.), но его действительно незаурядный поэтический талант не мог проявиться в полной мере в период упадка классической культуры. Растянутые и композиционно нестройные драмы Бхавабхути рассчитаны на узкий круг высокообразованных знатоков санскритской поэзии; несмотря на несомненные частные достоинства, они имеют относительную ценность.

После VIII в. классический театр теряет всякое общественное значение. С падением последних независимых княжеств Ганга и завоеванием Индии иноземными войсками он окончательно перестает существовать, хотя отдельные опыты написания санскритских драм по классическим рецептам продолжают вилоть до XX в.

SUMMARY

A careful review of the best Sanskrit dramas does not confirm the opinion current in European Orientalology about the complete isolation of Indian classical dramaturgy from the people and from real life. Equally wrong is the notion about the dreamy and inept character of the Indian people which is allegedly reflected in the classical drama; that is refuted best of all by the highly dynamic plays of Bhasa and Śudraka.

It was only during the period of decline, at the end of the first millenium of our era, that the Sanskrit theater had lost contact with the people, and Sanskrit dramaturgy did really lose its vital substance.

³⁶ Несколько дольше, чем драма, сохраняет жизненность санскритская комедия-фарс, сатирически рисующая быт и нравы разлагающегося общества. Наиболее значительным произведением в этом роде является मत्तविलास Махендравикрамавармана (VII в.), высмеивающая пороки жречества и буддийского духовенства.

МУНАЗАРЭ «СТРЕЛА И ЛУК» УЗБЕКСКОГО ПОЭТА XV в. ЯКИНИ

Э. РУСТАМОВ

Муназарэ (букв. 'спор') — одна из древних жанровых форм литератур Востока; обычно это диалог, представляющий собой диспут между двумя сторонами. Принимать участие в споре могут олицетворенные силы природы, неодушевленные предметы; кончается он признанием поражения одной из сторон или вмешательством третьего лица. Иногда победитель приписывает свое торжество своему покровителю, какому-либо высокопоставленному лицу. Затем обычно следует вторая, значительно меньшая, панегирическая часть муназарэ.

Некоторые исследователи, изучавшие этот жанр, ссылаясь на панегирическую часть, приходили к выводу, что муназарэ является лишь своеобразной формой восточной классической касыды. Однако с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку панегирическая часть не является обязательной для муназарэ. Последнее подчас заканчивается не восхвалением лица, содействовавшего разрешению спора, а определенной «моралью» или изложением в эпическо-поэтической форме взглядов автора на современную ему действительность.

Немецкий ориенталист Г. Эте сравнивал персидские муназарэ по жанровым признакам с провансальскими тензонами, представлявшими в своем первоначальном виде спор-состязание между двумя поэтами¹. Советский же востоковед К. И. Чайкин считал, что эти персидские прения имеют большее сходство с распространенными во французской средневековой литературе «*débats et disputes*»². Однако в данном случае это сходство также незначительно и выражается главным образом в некоторой внешней близости поэтической формы. И персидским прениям — муназарэ, и старофранцузским «*débats et disputes*» присуща своя специфика, которая определяется родными для них древними литературными традициями.

Одним из наиболее ранних дошедших до нас произведений этого жанра является пехлевийское муназарэ «Драхти асурик», где спорщиками сторонами выступают пальма и коза, причем каждая пытается доказать, что именно она приносит большую пользу человеку³.

¹ См. H. Ethé. Ueber persische Tenzonen. Abhandlungen und Vorträge des V internationalen Orientalisten-Congresses, II Theil, I Hälfte. Berlin, 1882, S. 48—135. (См. также H. Ethé. Neupersische Litteratur. Grundriss der iranischen Philologie, II. Strassburg, 1896—1904, S. 223—229).

² См. К. И. Чайкин. Асади старший и Асади младший. Сб. «Фердовси». Л., Изд. АН СССР, 1934, стр. 133.

³ См. J. M. Unvala. Draxt-i-Asurik. BSOAS, 1923, vol. II, part IV, p. 637, сл. Поэму «Драхти асурик» коротко разбирает М. Бехар в своей известной «Стилистике» (سبکشناسی, т. 1, Тегеран, 1942, стр. 16). Пехлевийский текст ее с переводом на таджикский и русский языки приводится в кн.: И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии (М., АН СССР, 1956, стр. 223—226 — русский перевод текста; стр. 417—421 — транскрипция и таджикский перевод).

Впоследствии (XI в.) этот жанр возродил известный таджикско-персидский лексикограф и поэт Асади Туси. Известны пять его прений: 1) «Прение дня и ночи» (منظرهٔ رومج و قوس); 2) «Прение коня и лука» (منظرهٔ شب و روز); 3) «Прение неба и земли» (منظرهٔ آسمان و زمین); 4) «Прение гебра и мусульманина» (منظرهٔ عرب و عجم); 5) «Прение араба и перса» (منظرهٔ گبر و مسلم). Первые три были изданы Г. Эте⁴ с приложением немецкого перевода. Четвертое муназарэ имеется в известном тезкире Риза-Кули-хана «Маджма'-ул-фусаха»⁵. Пятое муназарэ, текст и перевод которого подготовлен Е. Э. Бертельсом, в скором времени должно быть издано. Все эти муназарэ по своему содержанию и по форме представляют большую ценность для исследователей персидской и таджикской классической литературы. Наибольший интерес представляет пятое муназарэ, отражающее до некоторой степени борьбу представителей персидской и таджикской литературы против господствующего положения арабского литературного языка. В нем доказываются древность и самобытность иранской культуры, поэтическое богатство и совершенство персидского литературного языка.

Как видно из тезкире Алишера Навои, после Асади Туси муназарэ увлекались и поэты тимуридского периода, писавшие на фарси. Но ни Навои, ни Давлатшах Самарканди, ни другие авторы не упоминают, обращались ли к этому жанру поэты, писавшие на тюркских языках. Однако до нас дошли рукописи трех муназарэ узбекских поэтов первой половины XV в. Это муназарэ поэтов Ахмади «Тамбур и чанг» (طنبور و چنگ), Юсуфа Амири «Вино и банг» (چاغیر و بنگ) и Якини «Стрела и лук» (اوق و یای). Эти три небольшие по объему произведения представляют исключительную ценность для изучения узбекской классической литературы XV в. В них в своеобразной форме осуждаются произвол и нравственное падение господствующей тимуридской верхушки. В этом отношении особый интерес представляет муназарэ Якини «Стрела и лук», в котором поэт открыто выражает свое недовольство господством тимуридского племени барлас и крупных землевладельцев-тарханов. В этом произведении стрела является символом правды и справедливости, лук — символом кривды и зла. Интересно отметить смелую и острую концовку муназарэ, в которой в сатирическом тоне подчеркивается тесная связь барласов и тарханов с кривдой-луком в борьбе против справедливости-стрелы.

Муназарэ Якини примечательно не только своим содержанием, но и художественными достоинствами, оригинальностью формы. Во-первых, оно написано не в стихах, как обычно пишется муназарэ, а прозой, перемежающейся со стихами; во-вторых, оно отличается простотой изложения. В языке, порой очень близком к разговорной речи, встречаются идиоматические выражения. Диалог, насыщенный народным юмором и иронией, украшают также игра слов и «сади» (рифмованная проза). Стихи написаны на языках староузбекском и фарси. Часть их, как подчеркивает сам автор (муаллиф айтур 'автор говорит'), принадлежит ему, часть — другим авторам, имена которых, за редким исключением, упоминаются.

В отличие от Навои, Якини крайне скуп в употреблении арабских и персидских слов: он как бы сознательно избегает их, приспособляя свое муназарэ к более широкому кругу читателей. По сравнению же с предшествовавшей староузбекской прозой арабские и персидские заимствования используются значительно шире. Таким образом, по муназарэ «Стрела и лук», которое является своеобразным промежуточным звеном, можно про-

⁴ H. Ethé. Ueber Persische Tenzonen.

⁵ رضا قای خان هدايت. مجمع الفصحا (Риза-Кули-хан Ходайат. Собрание красноречивых), т. I. Тегеран, 1284 (1867) г. х., стр. 107—110.

⁶ Рукописи этих муназарэ хранятся в Британском музее вместе с рукописями произведений узбекских поэтов XV в. — Сахкаки, Лутфи и других (№ 7914). (См. Ch. Rieu. Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. London, 1888, p. 290—291.)

следить процесс развития прозы на староузбекском языке конца XIV — начала XV в. Если оценивать это произведение с точки зрения развития муназарэ вообще, то «Стрела и лук» также представляет собой чрезвычайно интересный образец этого замечательного, но не слишком широко распространенного в таджикской и узбекской классической литературе жанра.

Рукопись муназарэ Якини из коллекции Британского музея переписана красивым почерком насх. Начальные строки отсутствуют. Местами размазаны отдельные слова и пропущены буквы. Даты сочинения и переписки, а также имя переписчика не указаны.

Установить примерно время сочинения муназарэ может помочь следующий интересный факт. Якини в муназарэ упоминает Амира Касыма Анвара, которому Навои посвятил первые страницы своей антологии «Маджалис ун-нафанс»⁷. После его имени Навои приводит специальную молитву (قلنس سرده) — «да обрадует аллах его душу!»⁸, которая пишется всегда, когда речь идет об умерших. Здесь же он отмечает, что Амир Касим Анвар умер в 835 (1431/32) г. х. Якини, говоря о нем, также употребляет эту формулу. Следовательно, муназарэ Якини «Стрела и лук» было написано после смерти Амира Касима Анвара, т. е. после 1431/32 г., приблизительно в конце первой половины XV в. Если муназарэ было бы написано во второй половине XV в., т. е. при жизни Навои, то последний едва ли не отметил бы это произведение в своей антологии при упоминании имени Якини.

О самом Якини мы не имеем никаких сведений, если не считать сообщения в «Маджалис ун-нафанс» и «Мухаккamat ул-лугатайн», где его имя упоминается наряду с именами Саккаки, Атаи и Лутфи⁹. В «Маджалис ун-нафанс» Навои говорит о двух поэтах по имени Якини. Один из них, по его словам, был хорошим поэтом, служил при дворе султана Хусейна Байкара и погиб от ранения во время военных походов⁹. О другом поэте по имени Якини Навои оговаривается более сдержанно и не упоминает о том, имел ли он какие-либо связи с двором¹⁰.

Ч. Риё в своем каталоге считает автором муназарэ «Стрела и лук» второго Якини¹¹. Однако содержание муназарэ, взятое из военной жизни, намеки автора на произвол и интриги, царившие среди «кривящих душой» людей его времени, говорят о том, что автором данного произведения скорее является тот Якини, который был связан с придворной и военной средой. По всей вероятности, именно автора «Стрелы и лука» ставит Навои (в «Мухаккamat ул-лугатайн») в один ряд с крупными мастерами узбекской поэзии первой половины XV в. Саккаки, Атаи и Лутфи, ибо художественное совершенство муназарэ свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве его автора.

Ниже приводится полный текст муназарэ и перевод его на русский язык. Встречающиеся в тексте отдельные староузбекские слова и термины, относящиеся к стрельбе из лука, точное значение которых мы не могли установить, остаются без перевода.

Перевод текста

...¹ Однажды прославившийся среди красавцев, сидящий на сером коне приятный юноша, взяв в руки стрелу и надев через плечо лук, направился в поле для стрельбы по тыкве². Стих:

Тот, сидящий на сером коне юноша, который своей красотой озарил весь мир,

⁷ А. Навоий. Таълифган асарлар, т. III. Ташкент, 1948, стр. 27.

⁸ Там же, стр. 205.

⁹ А. Навоий. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 57.

¹¹ Ch. Riou. Указ. соч., стр. 290.

¹ Начало муназарэ отсутствует.

² Лучники, тренируясь в стрельбе, обычно в качестве мишени пользовались тыквой, насаженной на шест.

РУКОПИСЬ МУНАЗАРЭ «СТРЕЛА И ЛУК»

ایردیم ناکاه خوب لارجر کاسیدین است جیتارغان پر بخشی بوز آلیق
 بیکت حج لان قلیب الیکنا اوق ایب الیکنا یا سالیب قبق اتعالی
 میدان باشیغ غزم قیلدی غسم بوز آلیق اول بیکت که جهان بیک صفای
 عاشق کیشی نیک آلیغ و چاولیغ لاسیدور : نده شوق تیکت قان نیلای
 دیدیم که آیا بونی خورشید تور که قوس بر جیدا طلوع قلیب نور و یانی
 کوب تور کیم جرخ نیک اوقی دیک پایری لک کاستی تور اتی نیک
 یوروشیکا باقیم ایرسا دیدیم کیم اگر بو است مونونکدیک حدین آشا
 جالبی بولما ساییر گوته مونونک تناسی بوق اردی بوسوزنی جلوداری
 ایشیب جلوری بیک پدا قیلدی ایتیم که بومیداندا باری سپکاپنی
 قویشتون که غضب قلیب حاوجی جانیا رپسین آخ سوز و مکا جواب
 تنابه المای دمی قوتوردی القصه بو خیال دانتگر و بو احوال دانتخیر ایردیم

چون اول بکیت نیک یابی نیک سوزی تنبهدا و اوقاتی نیکت خالی آید
ایکاج کو کخلو داکت بکنیم و کو کخلو دیکر و کج سر تر کنی نیک جبرین
و قاری انامل نیک کورین ترکیب قلب اوقای نیک لار پسیندا
نامل ترتیب قلماید و کوب و دین عالم الدین نشاء کافانی
چون او شو سوز غریب و دوا بشت محراب کور و رونی بو نامل و تهنید
شروع قلمیم و اسید اولیم خوش طبع لار تا بو غیا استیول و
طبع و اوانای انشا یا اللعالی نامل نیک اندای پر کون چرخ
صاحب خرن اقل فیض انجی هاد بکیت لار یا دیک مجلس اسباب
و اوقای نیک کخلی نور سب کرورش و اکثر کتک بربلا ناکا
نیکستان غریبین پر ایکی کو ککلان قرنی پر لارن چرخ و بو طبع
تیشتلار قویو عزت بو لیدین اولنک قول سامی بکیت کاسواق

[illegible]

مادی پورت پر ملا دار سکیت تندر پو لیندین کیلک صدق پر نر نر نر
 حقیقت و قوی حبیب توب سوال قولین جوانان و نر نر نر
 ناسوسین باغبین نر پس پیکیت تین سوال قبلدیم کی سیمین
 جهت تین قونی عزت تو نامی اولنگ قول نر حقیقتیک یکیت جان
 بیردی کی سیمین چکنر خان باغبدا صداق و چیر کا نر نر باغبین
 تیکیک لیکال یکلاری پور و کان و چون سیر و نر بر نر نر جنار
 قوی بس کس کس یکیک قلب کیکرتا رتفان او چون الی باز نر
 جوانان و بیاری و یا نیک فار نر باغبین او سیر و نر نر
 یککلچ اغری سلیم و یکیک یلما شیب و نر یکیک سیر الی آبی کیم
 سیمین لینی قوی کور و یک کیم سیر باغبین یکیک لیکیک نر و نر
 پور و کورای و نر یکیک پور سیر نر نر یکیک و نر یکیک یلما نر سیمین

تحقیق اوجوان اشارت اوقتی پر احوال دیش و واحدیت قوی دا
کیرلای و نامحرم لادین بولانی شیک آئینو انب فتن قلیله ی
نیه عبادت طریقتی لاکیکه دیک اول عزم بین آخر غ دیکو رکوع
دورسین قوی طوری اکثر اوقات طه دورسین نینا زمندان
بخشی برین غرقو قوی تو مارمین سرخ منکا قولا قوی تا سار و درخان
غزت سلطان خطاب قبله لاری لاری و اگر طرافت پر لایتمی لور
سالار محبوب فاشینه منکازیت ای دیر لاریست
یانکی ای اوشنار کناریم فاشینه : بلکه اول هم کم کور و نور فاشینه
نیاها در لوق میداند اسیر کم منیک قوروم ساغید ابولسام اوزونی
قربان قیلا بین دورسین کسیر کم منیک پر لای خیر خیرتی و زشت قلیله
دین دنیا دار خور دار لور نیه لولان نمود سزادی دیکه قدر ادا داز

سحر
سحر
سحر

سرکامیخ دلی بالکش بدی کمال :: کمان که شست ابد و سواش از دانه
بهر اوق بوسه زلانی ارشاد شکلاچ آتشی که نمی نادان که سبک بین
که تو خفایا جسته تن خرف بولوب سبک که از دونه کنی تیا تو کاشی
بهر ششخ ضاحت که کلک تاندا ایلدیک نزار ارسطانی بارود
مبین کلندار قاسته تیشیه قلیق ایتور علم برود دلم در جمن سرور دانی
ز دین کمری تیر قوی بود میانی :: به خواجه حافظ شیرازی میی ستخت
الدوله لادنیکه عامی سبک ایتور نظم از کرانه تیر واکرد الم دان
باشد کران میان که کج کار کردود :: به خواجه کمالک لطافت و
طرافت بایند اصاحب کمال روی منی ناردون فاست لیتیم
اندام لاد قده تیشیه قلیق ایتور سحر که بر تیر قدش خمی نمی دند کمال
دانی راراست باده و خوش شش تیر :: به خواجه سیلان شاد دینک

باروی تو که در عین دلبری قست :: کمان که شست ابد و سواش از دانه
بیشک که سبک ایلدین قلیق تیر لاسوس بین دینک سوزنی
خود راست ایشک که جبهه ایلدی بین عین راست آما تیر لاسوس
سج فوج جنیت یوقور که دمام واصلیت بولغای دیب بولغانی اوقدی
بایدیشین ورم مرو خانداو :: دمام سیتی جو خوری دارلو
تیر از سر راستی کازاچ دید :: دیدی که کجور جسته از خانداو
بهرای اوق و نک ایتور کونوز لاریش ایشیک کمال پیلای
حایت اوجون اوزین کریش کابله دی و کچیکان ناظر و سب
نی تیر قلیق ایشیک که اوق سپی دین مونو نکد یک کولوب
تور سین و سلال در دیم که سکر سر که باش قوشوب سینی بولاس
ند میکانا تیر نور پز ایلدی سبکی اوجون پز نیک ارا میرزا حکم کولوب

لیغنی کور و سب سینی دشا و غریبه سبک زنی ایتور سب
تیر نکد غنات از طاق کشت :: بر از غریبه تو کجور جسته کمال کشت
نینه سکا که ترک شاعر لاریشک مجتهدی دوز نیکه ناسط ایلد ایتور
جانیم ذرا بوسون نیکه نیکه ایلدیم :: سرخ قاشیک که کیر لاریشک ایلد
نینه سلالا طغی کر لطف طبع سر لار خاندا ارسند ایتور ایلد سینی خاجی
محجوب لاریشک غریبه سب ایتور :: نیکه غریبه سینی کور کالاج ایتور
سبک بایند اوست سلالان اوقین :: به مولف که شاق ارا
محبت اوقیز نشانه بولدی بی ایتور سب قلیق ایتور سب
نورل بر سبک صدناوک آه :: کر از جان کندن دیر تو کاکام
نینه سب ز یاد سب لیت قلیق ایتور نکد خیلار قاشیه سبک ایتور
اوجون موافق ما لیکه سب سب مولف ایتور سب

Есть бедствие для влюбленных, которое, сидя на коне, ловит их в свою петлю³.

Сей раб (т. е. Якини. — Э. Р.), подобно нечерней заре, проливая кровавые слезы, сказал: «О, что это за солнце, которое сияет на горизонте! Или что это за светило, которое, подобно оси колеса⁴, задело своим краем синеву неба!». А когда я увидел, как гарцует его лошадь, сказал: «Если бы она не была слишком горячей, то не было бы равной ей ни на земле, ни на небе». Стремянный, услышав мои слова, вмешался в разговор. Тогда я сказал ему: «Что тебе надо здесь, что, злясь на шлею, грызешь джавудж (или чавуч. — Э. Р.)?!»⁵ Тогда он, не находя ответа, немного притих. Короче говоря, когда я был охвачен этой мыслью и был изумлен красотой этого юноши и так как мои слова о луке этого юноши были на моих устах, а думы о его стреле были в моей голове, я про себя сказал, что никто до сих пор, нанизав жемчужины тюркских и персидских слов, не составил муназарэ между луком и стрелой, дабы осталась об этом какая-нибудь в мире память. Так как понравились мне эти слова, и такая причина возбудила во мне желание писать, я приступил к сочинению этого муназарэ и надеюсь, что, если пожелает всевышний бог, оно заслужит одобрение и признание добрых людей.

Начало муназарэ. Однажды несколько метко стреляющих из лука смелых юношей приготовили, подобно луку⁶, необходимое [для проведения] маджлиса и, собравшись, подобно стрелам, в [маленький] кружок, пошли на прогулку в [тихое] место. Вдруг со стороны Туркестана появились сгорбленный старик и стройный, как кипарис, юноша. Старик из уважения определили место с правой стороны, молодому — с левой. [Но] юноша с колчаном, идя прямо, вышел на правую сторону, а старик, оставшись в стороне, очутился на левой стороне и спросил: «Почему ты, не уважая старика, перешел на правую сторону?». Молодой ответил: «Потому что, когда во времена Чингиз-хана я, выстроив свои ряды в колчан⁷ для встречи с врагом, пошел [смело] вперед, Чингиз-хан поощрил меня и поставил на правую сторону, и так как [один] старик, проявив низость, отступил назад, [Чингиз-хан], обвинив [в трусости], направил его на левую сторону». И когда дошли эти слова до слуха старика — лука, его уста сомкнулись от них, как клей, и, не имея сил перенести эти слова, он сказал: «Ты [стрела], считая меня за старика, лишившегося силы, и гордясь своей молодостью и не считаясь с моими преклонными годами, выразилась так бесстыдно, а разве не известно тебе, что в настоящее время никто не посмеет тревожить меня, и если я разозлюсь, то на состязаниях и играх я [быстро] усмирю и устыжу [таких] юнцов [как ты], а в отношении терпеливости я такой, что, несмотря на то, что в течение веков лучники растягивали мои жилы, я переносил [это] страдание [молча] и никому не рассказывал о боли своей души. К тому же никто не был столь близок благословенному и всевышнему богу среди любимых им, да будет над ними мир,

³ Этот бейт принадлежит поэту Лутфи. См. دیوان لطفی. Диван. Рукопись. Института востоковедения АН УССР, инв. № 818, л. 236). Якини, соответственно контексту муназарэ, вместо слова صنم 'идол, кумир, предмет поклонения, возлюбленная' написал 'юноша'.

⁴ Т. е. подобно оси колеса, которая своим концом задевает конец ступицы.

⁵ Приводимое Якини выражение близко к народной поговорке «куюшкон думига кисилди» 'шлея попала под хвост'. Произношение и значение слова «джавудж» мы не могли установить; по-видимому, оно означает 'удила'.

⁶ Автор имеет в виду приготовления к стрельбе из лука.

⁷ Здесь Якини сравнивает ряды выстроивших войск с рядами стрел в колчане.

ما كمل لار ديك دخت نى ايرت قىل كريرمى سوزنى شيشيچام
يئيدىن چ وقاب اوروب سمن بىن لاسيچىلىك كىلىك كىلىك
توبىك كىلىك لاسيچىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
دكسىن دوا بولماي سوكىم ياكىچ قىلماي اوياي كىلىك كىلىك
سولماي اول دوكىم انى انداق اراقى شلاي كىلىك كىلىك
توتايلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
كوسايتىك برماغ كوزىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
حقىق تارتىلا راقى لادى اوى ديك دىك سالت سالت سالت
كريريش توتىلا انداق تىچى كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
دك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك

قاف

يراقى دىك دىك دىك دىك دىك دىك دىك
يراقى دىك دىك دىك دىك دىك دىك دىك
كريريش توتىلا انداق تىچى كىلىك كىلىك
دكسىن دوا بولماي سوكىم ياكىچ قىلماي اوياي كىلىك كىلىك
سولماي اول دوكىم انى انداق اراقى شلاي كىلىك كىلىك
توتايلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
كوسايتىك برماغ كوزىك كىلىك كىلىك كىلىك
حقىق تارتىلا راقى لادى اوى ديك دىك سالت سالت
كريريش توتىلا انداق تىچى كىلىك كىلىك كىلىك
دك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك
كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك كىلىك

دلىك

как я. Потому что каба кавсайни⁸ — упоминание обо мне в стихах Корапа, а его высочество, предводитель благородных, Амир Касим Анвар⁹, да освятит и обрадует его Аллах, ставя меня выше тебя и показывая меня способным людям, ищущим [тайн единобожия], говорит. *Стих:* Дугообразные брови сразили меня стрелой, от наслаждения стрел ее ресниц

Я упал головой к ее ногам и сказал: «Да будет твоей жертвой моя душа!».

К тому же Маулана Мухаммед Магриби¹⁰, который, подобно солнцу, осветил просвещенный Восток, прославляя меня, составил круг, называемый «чаша отражения мира», а в дуге хадисов [о пророке] и единстве божием начертал стрелой объяснение тайны единобожия ищущим [божественную истину] и их (т. е. чашу отражения мира и тайну единобожия. — Э. Р.), [укрыв] от посторонних, назвал моим именем и приблизил [ко мне]. К тому же я проводил в молитвах всю жизнь и в благочестии я [такой, что] постился большую часть своего времени. К тому же в трудное время я прислушиваюсь к хорошему и плохому, несмотря на то, прислушивались или не прислушивались ко мне, и каждый раз, когда люди обращаются ко мне с уважением, [они] называют меня «лук», а если произнесут мое имя [еще более] нежно, то, сравнивая меня с бровями возлюбленной, назовут меня луной. *Бейт:*

Молодая луна похожа на брови моей любимой.

Даже и сравнение с молодой луной недостаточно для определения красоты бровей ее.

К тому же на поле сражения, если окажусь я в чем-либо колчане, я готов пожертвовать собой. К тому же каждый, кто будет упражняться со мной в раннем вставании¹¹, будет счастлив в вере и мирской жизни. К тому же, подобно пахлану Махмуду Сабзавари¹², имею я большой авторитет, и разве подобает тебе лезть вперед и оспаривать правую сторону¹³.

Когда стрела услышала эти слова, [она] начала прыгать и в гневе сказала: «Разве ты имеешь две головы, чтобы столь [нагло] затевать со мной спор, подобно тому, как говорит Маулана Юсуф Амири¹⁴».

Если лук считает себя таким красивым, как твои брови,

То какое счастье представить его кривизну, вероятно, его кривизна имеет две головы!

⁸ Т. е. расстояние, равное длине двух луков. Это выражение употребляется в Коране и означает расстояние, на которое Мухаммед приблизился к богу при своем восшествии на небо (معراج).

⁹ Амир Касим Анвар — поэт, один из почитаемых людей Хорасана. В антологии «Маджалис уи-нафакс» Навои упоминает его первым (см. А. Навоий. Таълиғат асарлар, т. III, стр. 10—11).

¹⁰ О нем никаких сведений мы не имеем. А. Навои в своем произведении «Зефиры любви, доносящиеся от ароматов благородства» (نسائم المحبة من شوائم الفتوة; рукопись Института по изучению восточных рукописей АН УзССР, № 5420, л. 436—44а), упоминая некоего Абу-Абдаллаха Магриби, по имени Мухаммед, отмечает, что он относился ко второму разряду суфиев и носил титул шейх-ул-ислама. О поэте шейхе Мухаммеду Ширише Магриби говорится в قاموس الاعلام (Dictionnaire universel d'histoire et de géographie par Ch. Samy-Bey Frascbery, t. VI, Constantinople, 1898, p. 4347).

¹¹ Одно из занятий суфиев, предписанное тарикатом.

¹² Мы не могли установить, кто он.

¹³ По восточному обычаю правая сторона считается самым почетным местом и предоставляется людям преклонных лет, старшим по чину или имеющим большой авторитет.

¹⁴ Маулана Юсуф Амири — автор муназарэ «Вино и банг», один из известных узбекских поэтов первой половины XV в.

И каждый раз, когда ты попадешь в руки язданбахша¹⁵, он, заметив твою кривизну, будет подносить тебя, подобно уду¹⁶, к огню и, так же, как он поступил с рубабом, закрутит твои уши, а если ты опьянеешь от чашки гордости и голова твоя повернется в одну сторону, то гушагир¹⁷, ударив по твоим ушам, задушит тебя [посредством] бугачи¹⁸, а если допустишь ошибку, то, подобно осужденному на смерть, накинут на твою шею гириш¹⁹. [А еще] ты, не стесняясь, претендуешь на храбрость. Ты не тот ли, который, пожелтев от страха, укрылся в тусе²⁰, когда я во время битвы вышел вперед, чтобы сразиться с богатырями, и я, где бы ни появился, проливая алую кровь оставшихся [там] людей, один одолевал сотню их.

К тому же, если кто справедливо судит, тот безошибочно поймет, что я могу разрезать [вдоль] даже волос. К тому же я такая птица, что ласкаю [сердца] влюбленных и гоню прочь врагов их, и от моего имени автор говорит. *Стих:*

Каждый, к ногам которого я склоняю свою голову,

Избегает меня до судного дня [и] не бросит назад хотя бы один взгляд.

К тому же, как говорит поэт, зовут меня кайбуром²¹. *Стих:*

Черное пятно, которое имеет [в своем] сердце враг, расколется на две [части]

Та острая сверкающая стрела, которую зовут кайбур.

К тому же, где бы [я], подобно сивир²², ни взмахнул своими крыльями, от страха предо мной беглец испустит дух, а если я встречу с тугдаром²³ на ровном месте, то он от страха предо мной испачкает степи, а если встречу я в горах со стадом диких баранов, я воткну в их животы, как стрела джай-раноглазых монголов и китайцев, подобно тому, как говорит автор. *Бейт:*

Хотя твоя стрела воткнулась в [тело] газели,

Она нисколько не боится [несмотря на то], что она совершила тяжелое преступление.

К тому же своей добротой, как [стройный] алиф, радуя души влюбленных, а если иногда, как стрела и пика, воткну в кому-либо [в сердце], то от моего яда он не останется живым. К тому же я такая птица, что влюбленные ловят меня в небе, подобно тому, как говорит автор. *Бейт:*

Если твоя стрела, ища добычу, будет летать по небу,

[То] выловит ее в небе птица моего сердца.

Если будут летать твои стрелы, чтобы пронзить сердце,

[То] охотно выловит их с неба мое сердце, о моя царица.

К тому же [те] молодые люди, подобно джарасун²⁴, на моих крыльях будут летать по майдану. К тому же, подобно [птице] хумай²⁵, я имею такую славу, что если полечу, [то] спокойные душою благородные люди будут радоваться подобно тому, как говорит ходжаки Атан²⁶. *Бейт:*

Оперение стрелы арбалета той бойкой всадницы

¹⁵ Т. о. в руки созданного богом — человека.

¹⁶ Уд — музыкальный инструмент.

¹⁷ Мы не могли уточнить значения этого слова в данном контексте. По-видимому, гушагир означает какую-то принадлежность, необходимую при натягивании тетивы.

¹⁸ Здесь автор имеет в виду, очевидно, часть тетивы, привязанной к концу лука.

¹⁹ Гириш — тетива лука.

²⁰ Тус — березовая кора. Здесь — футляр лука, который изготавливается из березовой коры. Якани, пользуясь первым и вторым значением, прибегает к игре слов.

²¹ Кайбур — особый вид стрелы.

²² Мы не могли уточнить значения слова «сивир»; по-видимому, это название какой-нибудь птицы.

²³ Тугдар — степная птица. Это слово часто встречается в газелях Навои.

²⁴ Значения этого слова уточнить не удалось.

²⁵ Хумай, феникс — мифическая птица, по поверью, приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень.

²⁶ Атан — один из известных узбекских поэтов первой половины XV в.

Выврано заживо из крыльев птицы-души.

К тому же, если погонщики каравана без проводника заблудятся в пути, то я без проводника могу найти путь. К тому же везде, где я буду использована в качестве весов²⁷, тот, кто пожелает что-нибудь на мне взвесить, взвесит свою душу, подобно тому, как сказал Ходжа Хусроу Дехлави, когда опостылело ему кокетство возлюбленной:

Твои стрелы в моем сердце превратились в весы,

Так что они из груди вынимают (бар кашад) [мою] душу²⁸.

К тому же тот самый сахарный тростник, который является сладкоречивыми словами сладостных удовольствий молитвы, вырос вместе со мной на одном месте²⁹. О, бесстыдный лук, когда ты увидишь меня, испугаешься и преполнишься ужаса предо мной».

Лук, услышав эти слова [стрелы], хохотал до упаду, но несколько не смягчился. Он начал произносить резкие слова [и] говорил подобно тому, как сказал поэт Джунуни³⁰. *Бейт*:

Я не из тех, кто пугается упреков стрелы,

Я раб [чуждого] лица тех злонаправных красавиц, имеющих дугообразные брови.

К тому же до тех пор, пока лучники, разрубив тебя на куски, не разорвут тебя пополам³¹, ты не могла быть вместе со мной. К тому же так как ты была собеседником воров, разрезают твою одежду, сделанную из покровов тростника и разрывают тебе нутро. О презреннейшая из презренных, зачем ты так мучаешься! О, неусердная, ты ради одного башака³², подобно тем, которые подбирают с земли колосья, лезешь под каждый куст и, вымазавшись в грязи, бросаешь свой хирман³³ на ветер. К тому же в присутствии богатырей убежала ты из моего дома и, запыленная, бродишь в знойной степи. Теперь откуда ты набралась такой смелости, что, выпрямившись передо мной, произносишь слова, колючие, как твое острие. Ведь всегда, сравнивая меня с бровями красавиц, говорят. *Стих*:

Те две дугообразные брови — два таких больших лука,

Что в течение сотни лет нельзя сделать подобных.

К тому же любящие, так как меня постоянно сравнивают с бровями возлюбленных, читают. *Бейт*:

Куда бы ни полетела птица сердца, тут же

С [высоты] своего полета падает к луку — в уголок бровей красавицы.

Когда стрела услышала эти слова, сказала: «Ты стал настоящим невеждой. От старости, что ли, ты стал таким придирчивым, что не можешь остановиться? К тому же шейх красноречия³⁴, у которого, подобно соловью, имеется тысяча дастанов в цветнике³⁵, сравнивая меня со станом розоволикой [красавицы], говорит. *Стих*:

Покорила мое сердце в цветнике одна красавица.

²⁷ Якини обыгрывает здесь двойное значение слова «стрела»: в первом случае оно означает стрелу лука, во втором — проверочную стрелу весов.

²⁸ Игра слов; глагол «кашида» значит не только «взвешивать на весах», но и «тянуть, вынимать».

²⁹ Стрела изготавливается из особого тростника, который растет вместе с сахарным тростником.

³⁰ Джунуни — один из персоязычных гератских поэтов, упоминаемых в «Маджалис-у-нафис». Как подчеркивает Навои, он был склонен к сочинению сатирических стихов (см. А. Навои. Танланган асарлар, стр. 24).

³¹ Автор имеет в виду процесс изготовления стрелы.

³² Башак — колос пшеницы. Означает также острый железный наконечник стрелы. Якини сравнивает стрелу с людьми, которые после сбора урожая подбирают оставшиеся на поле колосья.

³³ Хирман — куча зерна или необмолоченного хлеба.

³⁴ Автор имеет в виду поэта Са'ди.

³⁵ Якини обыгрывает название произведения Са'ди «Гулистан» (Цветник).

Пояс у нее золотой, стан у нее прям, как стрела, [а] талия у нее узка, как у муравьи.

К тому же Ходжа Хафиз Ширази, считая меня молитвой людей, моления которых услышаны богом, говорит. *Стих*:

За каждую [ее] драгоценную стрелу я послал [ей] благословение, Думая, что [хоть] одна из них принесет пользу.

К тому же Ходжа Камол³⁶, который в изяществе [своих газелей] и остроумии обладает совершенством, сравнивая меня со стройными белотелыми красавицами, говорит. *Стих*:

Каждый, кто не устремляет свой взор на стрелу ее стана, о Камол,

Должен, чтобы [понять], что такое прямота, смотреть прямо на стрелу.

К тому же Ходжа Сальман³⁷, заметив мою, как у бука, прямоту, сравнивает меня с кокетством красавиц, радующих сердце, [и] говорит. *Бейт*:

[Когда] стрела твоего кокетства пронзила насквозь мою душу,

Что сказать о том, что стало со мной от твоего кокетства.

К тому же Саккаки³⁸, который является муджтахидом турецких поэтов, о моем положении (т.е. о положении стрелы) говорит. *Стих*:

Да будет моя душа столько раз жертвой стрелы твоего кокетства,

Сколько бы твои дугообразные брови ни сгибали, как лук, мой, подобный стреле, прямой стан.

К тому же Маулана Лутфи³⁹, который своей тонкой натурой известен среди любителей изящной словесности, называя меня кокетством жестокых вероломных возлюбленных [говорит]:

Когда увидел стрелу ее кокетства, я сказал,

Тот, кто зажег огонь в моей душе, — это ты, стрела.

К тому же автор, который среди влюбленных стал мишенью для стрел любви, сравнивая меня с [горьким] вздохом [влюбленных], говорит. *Бейт*:

Я вытаскиваю из сердца так много стрел горьких вздохов,

Что порой твоя стрела пронзает [даже] мою душу.

К тому же так как ты, вознышав свою персону, сравнил себя с бровями красавиц, соответственно твоему положению, автор говорит. *Стих*:

Если лук склонен к сомнению по поводу [изящества] твоих бровей,

Которые являются единственными в мире красоты,

То это он делает [только] из-за своей гордости.

К тому же ты сказал, что я, убежав из твоего дома, оспариваю правую сторону. Ты правильно сказал эти слова, хотя ты крив, а я пряма. Но между нами нет никакой связи, которая была бы настоящей и длилась бы постоянно».

Произнеся эти слова, она прочла следующее четверостишие:

Не садись вместе с плохим человеком и не ходи в дом его.

Попадешь в западню, если съешь ты даже [только] зернышко у него.

Стрела, будучи прямой, подметила кривизну лука.

И видишь, как она [тут же] вылетела [за это] из его дома.

Лук, услышав резкие слова стрелы, не мог перенести их и, чтобы защититься от нее, привязал себя к гиришу и, [подробно] изложив происшедший между ними спор и диспут, сказал [гиришу]: «Видишь, как я от упреков стрелы согнулся вдвое, и вот уж сколько лет мы, подружившись с зихгиром⁴⁰, служим тебе, как барласу⁴¹. Теперь ради Аллаха, стань

³⁶ Камол Худжанди — известный таджикский поэт XIV в.

³⁷ Ходжа Джамалиддин Сальман Саваджи — известный персидский поэт XIV в.

³⁸ Саккаки — известный узбекский поэт первой половины XV в.

³⁹ Маулана Лутфи — известный узбекский поэт первой половины XV в.

⁴⁰ Зихгир — кольцо, надеваемое лучниками на большой палец правой руки при натягивании лука.

⁴¹ Барлас — племя, из которого происходил Тимур.

ты между нами судьей и, подобно судьям, разреши этот спор». Гириш, услышав эти слова, из-за своего легкомыслия начал кружиться из стороны в сторону и, извиваясь, подобно локонам благоухающих, как жасмин, красавиц, выйдя из терпения, сказал зихгирю: «Если я барлас, ты являешься тарханом⁴². Разве допустимо, чтобы стрела напрягла силы раньше, чем напряг силы лук. Давай теперь выбросим ее так далеко, чтобы ей тур⁴³ лука был недоступным, как тутю⁴⁴. Зихгир, услышав и сказав «Да будет так», как слуга оказал ему [соответствующую] почесть и приложил свои пальцы к глазам⁴⁵. Заключив союз с гиришем, поманили они стрелу. [Когда] стрела, думая, что они такие же правдивые, как и она, приблизилась [к ним], гириш так сильно ударил ее ногой по рту, что рот стрелы наполнился кровью, и ушла она в глубь темной, как ночь, земли.

И мораль из [сочинения] этого муназарэ заключается в том, что каждый, кто, как лук, будет кривить душой перед нечестными людьми этого времени, тот [всегда] будет находиться возле них, а если кто, как стрела, будучи прямым, пойдет по правильному пути, тот, как поэт Якини, попадет далеко. Подтвердить это может следующая кыт'а поэта Аси⁴⁶:

Каждый, кто окажется правым на поле [брани],

Тот, куда бы ни пошел, не найдет себе места.

Из-за своей кривизны лук оказался на боку у шаха,

А стрела из-за своей прямооты упала далеко [от шаха].

Хотя сейчас как раз время продолжать эти речи, но, чтобы не показались они дерзкими, мы решили сократить их. Есть надежда, что махаки⁴⁷ честных и разумных людей точно определит эту драгоценность, и к тем [глубоко] почитаемым персонам, которые прочтут и осмыслят эти страницы, вместо приношения дара за эту книгу, следующая просьба.

Пусть они обрадуют [молитвами] душу Якини.

Пусть они добрыми молитвами благословят его.

Диспут «Стрелы и лука» закончен.

Богу лучше знать!

SUMMARY

The *munāzarah* «Bow and Arrow» is a remarkable example of ancient Uzbek prose of the early 15th century. Yaqini expresses in it in metaphorical form his resentment against the dominating position occupied by the representatives of the Timuride *Bārlas* tribe and by the *tarkhān* land holders. It is of great value as an interesting specimen of the *munāzarah* literary genre in Uzbek classical letters.

⁴² Тарханы — землевладельцы, имеющие грамоты, которые освобождали их от всяких налогов. Выдача тарханских грамот широко практиковалась в эпоху тимуридов.

⁴³ Тур — почетное место в доме, которое предоставляется хозяином почитаемым людям, гостям, старшим в семье или человеку преклонных лет.

⁴⁴ Тутю — кристалл окиси меди. В древности его использовали в качестве лекарства против болезни глаз. Ценился он очень дорого.

⁴⁵ Широко распространенный обычай на Востоке. Означает полную готовность выполнить поручение вышестоящего лица.

⁴⁶ Аси — персидский поэт. Подробности о нем установить не удалось.

⁴⁷ Махаки — специальный камень, с помощью которого определяли, не фальшивая ли монета.

КИТАЙСКИЕ ИСТОРИКИ О ЗАРОЖДЕНИИ КАПИТАЛИЗМА В КИТАЕ

Ю. М. ПАРФИОНИЧ

До недавнего времени среди китайских историков было распространено мнение, что капитализм в Китае проник извне, что его принесли с собой иностранцы, вторгшиеся в страну.

Несколько лет назад историки Люй Чжэн-юй, Хоу Вай-лу, Ху Шэн выдвинули положение о зарождении капиталистических отношений в недрах китайского феодального общества. Эти историки считают, что в конце XVI — начале XVII в. в китайском обществе уже существовали зачатки капитализма.

Новая постановка вопроса вызвала оживленную дискуссию по таким проблемам, как: время появления в Китае зачатков капиталистического производства, степень развития их до начала вторжения иностранного капитала, влияние зачатков капиталистического производства на феодальную экономику и общественный строй страны, характер городских движений в Китае в начале XVII в., причины застойности феодализма в стране. Следует отметить статьи Хоу Вай-лу «Особенности общества, классовых отношений и просветительских течений на грани Мин и Цин»¹, Цзянь Бо-цзяня «О характере экономики китайского общества в первой половине XVIII века»², Лю Тяня «Городские движения в условиях развития экономики городов в конце Мин»³, Цянь Хуна «Развитие капитализма в некоторых отраслях ремесленного производства в Китае до опиумных войн»⁴, Ли Шу «Об исследовании зачатков капитализма в Китае»⁵, У Да-куи «К вопросу об уровне развития зачатков капиталистического производства в Китае в начале Цин»⁶, У Хай-жо «Зарождение капиталистического производства в Китае»⁷. В 1956 г. вышла в свет книга Шан Юэ «К вопросу о возникновении и развитии капиталистических отношений в Китае»⁸.

Все историки пришли к единому мнению, что ростки капитализма появились в китайском феодальном обществе задолго до опиумных войн. Однако на остальные проблемы развития капитализма в стране их взгляды расходятся и подчас довольно резко.

В центре дискуссии стоят два вопроса: 1) о времени появления зачатков капитализма в Китае и степени их развития в конце XVI и начале XVII в., а также степени их влияния на экономический и социальный строй китайского общества в эту эпоху; 2) о причинах, обусловивших застойность феодализма в Китае.

¹ 侯外廬·論明清之際的社會，階級關係和啓蒙思潮的特點·新建設一九五五年五月號。

² 翦伯贊·論十八世紀上半期中國社會經濟的性質·北京大學報（人文科學）一九五五年第二期。

³ 劉炎·明末城市經濟發展下的初期市人運動·歷史研究·一九五五年六期。

⁴ 錢宏·鴉片戰爭以前中國若干手工業部門中的資本主義萌芽·中國科學院歷史研究所第三所集刊·第二集。

⁵ 黎澍·關於中國資本主義萌芽問題的考察歷史研究一九五六年第四期。

⁶ 吳大琨·關於中國清初資本主義生產萌芽發展水平問題·教學與研究一九五六年第五期。

⁷ 吳海若·中國資本主義生產的萌芽·經濟研究·一九五六年四號。

⁸ 尚鉞·中國資本主義關係發生及演變的初步研究·北京一九五六年。

Дискуссия выявила следующие точки зрения.

К наиболее раннему периоду относят возникновение элементов капитализма Кун Цзин-вэй. Он приводит запись из сборника времен Сунской династии «Тайпин гуицзи», в которой сообщается, что некий Лю Цин-шэнь в Танскую эпоху в период правления Тиньбао (742—755) основал в уезде Шоусянь провинции Аньхой мастерскую по переработке чайного листа, где работало 20 подмастерьев. По мнению Кун Цзин-вэй, это была уже крупная мастерская типа капиталистической простой кооперации. Автор сообщает также, ссылаясь на источник, что во время правления У-дзуна (845—846) в районе Цзинчжоу некоторые женщины выполняли на дому пошивочные работы по заказам представителей торгового капитала. На основании этого он считает, что со второй половины эпохи Тан в отдельных местах, возможно, существовала уже ранняя форма капитализма, характерной чертой которой была связь торгового капитала с ремеслом. Основываясь на данных, приводимых Марко Поло, и на других документах, Кун Цзин-вэй делает вывод, что в период Южной Сунской династии (1127—1279) ростки капитализма получили дальнейшее развитие.

Фу Чжи-фу и Ли Цзин-ли предполагают, что элементы капитализма начали зарождаться во время Южной Сунской династии в районах с развитым товарным хозяйством (например, в Сучжоу и Ханчжоу) и в отраслях хозяйства с развитым товарным производством (например, в шелкоткацкой).

Многие китайские историки разделяют точку зрения Шан Юэ и Хоу Вай-лу. Шан Юэ считает, что элементы капиталистического производства в Китае появились в XIV—XV вв. в районах сравнительно развитого товарного хозяйства: сначала в районе дельты Янцзы, где образовался центр внутреннего рынка, а затем — в большом районе, охватывающем бассейн Янцзы, провинцию Цзянси и приморские провинции.

Возникновению зачатков капиталистического производства способствовало раскрепощение крестьян и ремесленников после падения Юаньской династии (1280—1367). Благодаря этому стало возможным появление свободной рабочей силы и применение наемного труда. При династии Мин (1368—1644) были проведены мероприятия, направленные на восстановление хозяйственной жизни страны, развитие торговли и ремесла. Так, например, была унифицирована денежная система, уменьшены налоги, разрешена частная разработка недр, что прежде являлось монополией казны.

Развивающаяся торговля требовала новых рынков сбыта. Чжэн Хэ совершил в 1405—1430 гг. семь морских экспедиций, он разведывал морские пути к островам Южных морей, в Индию, арабские страны. Во время правления Хунси-Сюаньдэ (1425—1435) в Китае насчитывалось 33 крупных торговых города, между которыми были оживленные торговые связи. Китайский шелк и фарфор вывозились не только в соседние азиатские, но и в далекие европейские страны. В результате развития торговли, товарно-денежных отношений, а также дальнейшего углубления общественного разделения труда, пишет Шан Юэ, в шелкоткацком и фарфоровом производствах возникли довольно крупные для того времени мастерские. Так, например, в шелкоткацкой мастерской некоего Чжэн Хао были «рабочие, которые сучили нить» и «рабочие, которые изготавливали ткань», причем «каждая группа составляла несколько десятков человек»⁹. Шелкоткацкое производство было хорошо развито в Сучжоу, здесь «шум станков не умолкал до поздней ночи... Каждый мастерской имел свою специальность и получал почасную плату, у него был постоянный хозяин. Ремесленники, приходившие из деревни и не имевшие хозяина, с рассветом собирались в определенных (для данной специальности) местах и ожидали работодателя»¹⁰. В г. Шэньцзечжэне в период правления Цзяцзиня (1522—1566) шелкоткацкое производство находилось в расцвете, «мастерские делились на крупные и мелкие, издалека и из окрестностей наезжало множество купцов». Торговые сделки были сосредоточены в руках маклеров, которые рекомендовали купцам крупные мастерские, где можно было сделать оптовые закупки, и непосредственно продавали им продукцию, взятую на комиссию у владельцев мелких мастерских¹¹. Исходя

⁹ 陸榮·庚巳編·卷四

¹⁰ 古今圖書集成職方典·卷六七六·蘇州府俗考·

¹¹ 西星世恒言·

из этих данных, Шан Юэ, Лю Тань и другие авторы делают вывод, что в то время существовали рынок рабочей силы, капиталистическая простая кооперация и, в некоторых случаях, разделение труда внутри мастерских. По своему характеру наемный труд, как полагают эти авторы, был свободным, хотя и они признают, что даже в шелкоткацком, хлопчатобумажном и фарфоровом производствах еще сохранялись полунатуральные формы оплаты рабочей силы: работник «получал от хозяина одежду и еду»¹².

По мнению Шан Юэ и Хоу Вай-лу, перелом в образовании элементов капитализма произошел во второй половине правления династии Мин. С этого периода начался быстрый рост новых общественных отношений. В шелкоткацком производстве увеличилось число рабочих и количество ткацких станков, возникли мануфактуры. В то время, говорит Шан Юэ, прослеживались два пути возникновения капиталистических форм производства: превращение производителя в купца и капиталиста или непосредственное подчинение производства купцом. В хлопчатобумажном производстве появились скупщики, которые покупали готовые ткани и поставляли хлопок. Большое число наемных рабочих было в фарфоровом производстве Цзиндэчжэня. Здесь, кроме казенных, имелись также и частные мастерские, в которых трудился пришлый люд. За работой наблюдали старшинки, существовали определенные сроки выплаты заработной платы (три раза в год). За плохую работу вычитали часть заработной платы.

Развитие зачатков капиталистического производства в ремесле, отмечает Шан Юэ, оказало существенное влияние на сельское хозяйство. Все больше и больше крестьянских хозяйств переключалось на производство сырья для шелкоткацкого и хлопчатобумажного промыслов. Посевы технических культур расширялись за счет сокращения посевов зерновых, хлопчатник в Хуанпи и сахарный тростник в Фудзяни вытесняли рис.

Шан Юэ приводит такие сведения из источников: «...его (хлопок.— Ю. П.) сеют по всей Поднебесной; земли как на севере, так и на юге годны для этого, как бедные, так и богатые живут за счет этого»¹³. «Прибыль от посевов риса мала, прибыль от посевов сахарного тростника велика, сплошь и рядом рисовые поля отводятся под посевы тростника»¹⁴. Быстро развивалось товарное производство чая, тутового листа, индиго.

Закон об унификации налогов и повинностей (Итлю биньфа)¹⁵, введенный в 1581 г., способствовал отмиранию системы трудовой повинности, ускорил переход от натуральной ренты к денежной. Быстро росли площади частновладельческих земель, причем, пишет Шан Юэ, концентрация земель происходила в основном уже путем скупки их или отчуждения за долги. Между владельцем земли и непосредственным производителем все более распространялись договорные отношения. Появились помещики, которые вели хозяйство с привлечением наемной рабочей силы. Об этом говорит следующая запись из «Синши хэн янь»: «У Лу Жэня много полей и имущества. Кроме домочадцев у него было 100 батраков. Ежегодно в двенадцатом месяце батракам выдавался аванс на будущий год. С наступлением дня выдачи все батраки собирались, чтобы получить деньги. Лу Жэнь, боясь, что члены семьи, если им доверить выдачу, могут обсчитать батраков, сам выкликал имена и выдавал деньги»¹⁶.

Развитие зачатков новых производственных отношений, подчеркивает Шан Юэ, породило новые противоречия и новые формы классовой борьбы. Это нашло свое выражение в городских движениях, направленных против феодального гнета. Шан Юэ и другие историки, разделяющие такую точку зрения, считают, что в конце XVI в. в результате развития товарного хозяйства политическая, экономическая и правовая система китайского феодального общества оказалась накануне краха. Ограбление народа правящей феодальной кликой тормозило развитие ремесла, торговли и сельского хозяйства. Старые феодальные отношения тяжким бременем легли на производительные силы страны. Назревал революционный кризис.

¹² 明實錄·

¹³ 農政全書·卷三五

¹⁴ 泉南雜誌卷上

¹⁵ Согласно этому закону, натуральный налог и различные повинности исчислялись в денежном выражении.

¹⁶ 醒世恒言卷二八

Волнения горожан в самом конце XVI и начале XVII в. вспыхивали в Линцине, Учано, Сучжоу, Сяпхане, Цзиндэчжэне и ряде других городов. Волнения были непосредственно вызваны увеличением налогов для покрытия расходов на войну с Японией. Тяжесть налогового обложения усугублялась самовольными поборами, которые допускали многочисленные налоговые чиновники. Они грабили главным образом городских торговцев, хозяев мастерских, ремесленников.

Шан Юэ отмечает, что борьба городских масс имела характер выступлений плебейской оппозиции. Она велась уже не ремесленниками отдельных цехов, а рабочими крупных мастерских и мануфактур. В отличие от средневековых ремесленников наемные рабочие, связанные единым трудовым процессом, были организованы и дисциплинированы. На историческую арену вышли предшественники китайского пролетариата. Городские движения свидетельствовали о сильнейшем обострении основного противоречия феодального общества, о начале его распада и утверждении зачатков капиталистического способа производства.

Конечно, в Китае того времени, оговаривается Шан Юэ, феодальные отношения по-прежнему господствовали, наемный труд все еще был скован системой трудовой повинности, торговцы не освободились от связей со старыми формами производства. Основным противоречием китайского феодального общества по-прежнему оставалось противоречие между помещиками и крестьянами. Но это противоречие приобрело новое содержание. Антифеодальная борьба крестьян теперь была направлена главным образом против особых феодальных прав, и было выдвинуто требование об уравнивании земельных наделов. Поэтому политический курс Ли Цзы-чэна, вожди крупнейшего крестьянского восстания, отвечал требованиям не только крестьянства, но и городского населения, которое поддерживало восставших крестьян. Шан Юэ и У Хай-жо делают вывод, что широкое движение горожан, с одной стороны, а антифеодальная борьба крестьянства — с другой, свидетельствовали об остром кризисе феодальной системы китайского общества в конце правления династии Мин. В кульминационный момент борьбы, когда массовая крестьянская революция уже свергла феодальную клику, мешавшую развитию производительных сил, а новые органы власти лишь начинали оформляться и еще не окрепли, феодалы позорно капитулировали перед маньчжурами. Войдя с ними в сговор, они жестоко расправились с революционной крестьянской армией и широкими городскими массами. Производительным силам был нанесен удар, общественное развитие приостановилось. Китай был отброшен на много лет назад.

Примерно такой же точки зрения придерживается и историк Ли Сюнь в своей монографии «Истории Минской и Цинской династий» (Пекин, 1956). Правда, появление зачатков капитализма в Китае Ли Сюнь относит не к XIV в., а к середине XV в.

Подобная оценка экономического состояния общества конца династии Мин, которую дали Шан Юэ, Хоу Вай-лу, У Хай-жо и другие, встретила возражения со стороны других китайских историков. Цзинь Бо-цзань, Ли Шу, У Да-кунь полагают, что названные исследователи переоценивали степень развития зачатков капитализма в XVI—XVII вв., ошибочно считают, что в XVII в. феодальная система переживала кризис, была на краю гибели. Они не отрицают наличия зачатков капитализма в XVI в., однако, по их мнению, это явление возникло спорадически и не было характерным для того периода.

Исследуя данный вопрос, Ли Шу говорит, что Шан Юэ, Дэн То и некоторые другие историки смешивают нетоварное производство с товарным, считая товаром весь продукт, производившийся в частных мастерских, и не считая товаром только продукт, производимый в казенных мастерских. По его мнению, это не так. Шелкоткацкое производство, как и другие отрасли кустарного производства, находилось под контролем правительства и в первую очередь обслуживало императорский двор. В Сучжоу и Ханчжоу не было казенных мастерских, но там имелись чиновники, контролировавшие работу частных мастерских. Ли Шу приводит такую фразу из «Хроники Сучжоу»: «Население восточной части города в большинстве занималось ткачеством. Хозяева мастерских были внесены в казенные реестры. Потребности двора в цзиннаньском шелке оказались очень велики. Кроме установленных ежегодных приношений», были еще «дополнительные приношения» и «чрезвычайные приношения». Согласно записям в главе «Шихо-

чжи» «Истории Минской династии (Минши)», в 1460 г. «дополнительные приношения» составили 7 тыс. кусков атласа, в 1506 г. — свыше 17 тыс., к 1600 г. — 150 тыс. кусков атласа ежегодно. С течением времени «дополнительные приношения» превратились в постоянные. Таким образом, заключает Ли Шу, частные мастерские должны были тратить очень много времени на работу для императорского двора, и трудно судить, насколько продукт их производства являлся товаром.

Другую ошибку этих историков Ли Шу усматривает в том, что они неправильно определяют кабальный труд как наемный. Понятие «наемный труд» в XV—XVII вв. резко отличалось от современного. В то время продававший свой труд был свободным лишь до совершения акта продажи. Но, продав свой труд, он фактически продавал самого себя, закабалялся и из свободного человека на определенный срок превращался в крепостного, однако его не имели права продать.

Далее Ли Шу утверждает, что Шан Юэ и другие авторы ошибочно рассматривают подсобные промыслы в деревне и цеховое производство как мануфактуру. Ли Шу считает, что хлопчатобумажное производство было сосредоточено не в городах, а в сельских местностях и представляло собой подсобный промысел. Он отрицает существование крупных купцов-скупщиков хлопчатобумажной ткани, якобы приезжавших из других мест и устанавливавших непосредственный контакт с крестьянами. По его мнению, в деревнях и местечках имелись небольшие скупочные лавки (бухао), куда крестьяне продавали ткань — продукт домашнего производства. Здесь же располагались и красильни. Затем хлопчатобумажные ткани через маклеров попадали к крупным оптовикам-купцам, которые не имели контакта не только с непосредственными производителями — крестьянами, но и с местными купцами. Ли Шу приводит следующее высказывание: «В начале правления династии Мин сотни скупочных лавок действовали в местечках Фэнцзин и Чжуцзин близ г. Сунцзяна. Красильные же предприятия располагались поблизости»¹⁷. Ли Шу подчеркивает, что скупочные лавки и красильные предприятия находились в деревнях и местечках, а не в городе, т. е. хлопчатобумажное производство было сосредоточено в деревне и представляло собой домашний промысел.

Наконец, замечает Ли Шу, указанные авторы слишком преувеличивают роль торговли и товарного хозяйства в развитии капитализма, забывая, что это только одна из его предпосылок.

Ли Шу сомневается в существовании зачатков капиталистического производства в ряде важных отраслей, как, например, в горнорудном деле, где труд фактически был кабальным, в фарфоровом производстве Цзиндэчжэня, подчиненном цеховым регламентам, в хлопчатобумажном производстве, которое даже в развитом районе Сунцзяна фактически было подсобным промыслом деревни.

Говоря о китайских городах, Ли Шу отмечает, что в отличие от европейских они возникали не как важные экономические, а главным образом как административные центры и в меньшей степени как центры торговли (например, Кантон) или ремесла (как Сучжоу). Крупные города были потребителями, они поглощали продукцию сельского хозяйства, почти ничего не давая деревне. Ли Шу подчеркивает также, что наличие и индивидуальных крестьянских хозяйств подсобного промысла очень сильно ограничивало развитие городского ремесла. Городские ремесленники в то время производили главным образом предметы роскоши для феодалов, а предметы широкого потребления являлись продуктами подсобных промыслов деревни и сбывались на местных сельских рынках. Новые производительные силы в то время еще не развились, поэтому торговля и торговый капитал не стимулировали перехода от старых производственных отношений к новым. Поскольку натуральное хозяйство не претерпело никаких изменений, фундаментом общественной экономики в эпоху Мин по-прежнему оставалось сельское хозяйство в сочетании с домашним ремеслом. Ли Шу утверждает, что никакого разделения их, а тем более формирования самостоятельной городской мануфактуры не было.

Интересно здесь также отметить точку зрения Дэн То¹⁸, который занимает промежуточную позицию между Шан Юэ и Ли Шу. Он считает, что в XIV—XV вв. зачатки капитализма в Китае еще не появляются. Хотя в то время и отмечается существование нескольких частных мастерских с 4—5 станками и десятком рабочих в каждой, однако, по его мнению, это явление случайного порядка, которое наблюдалось и в период Танской династии (618—907). Дэн То не согласен также и с теми, кто отрицает наличие зачатков капиталистического производства в Китае в конце правления династии Мин и начале правления династии Цин.

Исследование ряда документов привело Дэн То к выводу, что благоприятные условия для появления зачатков капитализма в экономически развитых районах Китая сложились только в годы правления императора Шэньцзуна (1573—1620). Помимо более высокого уровня развития производительных сил в этих районах, стимулирующую роль сыграли также экономические мероприятия китайского правительства: введение закона об унификации налогов и повинностей и сведение их к единому налогу в денежной форме с земли, что способствовало развитию товарно-денежного обращения, расширение горнорудных работ, которые были начаты китайским правительством с целью изыскать средства для покрытия расходов на войну с Японией.

В это время в горнорудной промышленности появляется ряд частных предприятий. Дэн То называет период с царствования императора Шэньцзуна и до конца Минской династии периодом возникновения элементов капиталистического производства.

В отличие от Шан Юэ он неоднократно подчеркивает, что, несмотря на появление новых особенностей в развитии общественного производства, это развитие, скованное феодальными путями, по-прежнему шло крайне медленно.

Вторжение маньчжур в Китай в какой-то мере приостановило развитие общественного производства. Однако Дэн То считает, что в целом народное хозяйство в Китае не подверглось очень сильным потрясениям, о чем свидетельствует довольно быстрое его восстановление и дальнейшее развитие. Период с начала Цинской династии и до правления Цяньлун (1736—1795) включительно Дэн То считает периодом упрочения элементов капиталистического производства и утверждает, что к концу XVIII в. зародышевый период капитализма в экономически развитых районах Китая был в основном завершен.

Свои выводы Дэн То иллюстрирует примерами из истории развития угольных разработок в районе Мэньтоугу (близ Пекина), о которых он собрал большой документальный материал. Из этого материала следует, что во времена династии Юань (1280—1367) в районе Мэньтоугу имелись только казенные шахты. Эти шахты представляли собой крупные правительственные предприятия, которые управлялись присланными чиновниками и основывались на применении крепостного труда. С середины правления династии Мин здесь появляются частные шахты, а в годы правления императора Шэньцзуна число частных шахт превышает число казенных, которые приходят в упадок. Автор цитирует запись, говорящую, что в 1603 г. были только одна-две «казенные шахты», а остальные принадлежали частным лицам.

Дэн То подчеркивает следующие особенности частного предпринимательства в этой области, которые он считает специфическими для Китая.

1. Все разработки велись на паевых началах, не было ни одного предпринимателя, который бы обладал достаточным капиталом, чтобы самостоятельно организовать разработки. Наряду с предпринимателями паи имели и помещики как собственники земли, на которой велись разработки.

2. В ряде документов в числе пайщиков встречаются знатные феодалы. Деятельность частного капитала подвергалась большим ограничениям со стороны феодального государства, поэтому многие предприниматели вовлекали в участие в предприятиях феодальную знать, стремясь за ее спиной найти защиту. Так, в одном договоре 60 паев предприятия распределяются следующим образом: 30 паев тому, кто предоставил капитал,

20 паев — высокопоставленному чиновнику из министерства финансов, 10 паев — собственнику земли¹⁹.

3. Вследствие значительных ограничений частные предприятия не расширялись; а в течение длительного времени в лучшем случае сохраняли свои первоначальные масштабы.

На шахтах существовало довольно детальное разделение труда. Был управляющий, счетоводы (обычно два), которые вели счета, отпускали оптом и в розницу добытый уголь, получали деньги, отвечали за сохранение инструмента, а также руководитель подземных работ. Шахты работали круглосуточно, в две смены. Каждая смена состояла из группы забойщиков (свыше 20 человек) и группы носильщиков (свыше 100 человек). Все рабочие жили в бараках и питались из общего котла. Среднесуточная добыча шахты составляла две-три тонны угля. Работа на шахтах велась не круглый год, а с августа и по май следующего года. Дэн То показывает, что уголь, добываемый на частных шахтах, представлял собой товар, производимый с помощью наемного труда. Правда, он отмечает, что факты жестокого обращения с рабочими, зафиксированные в документах, говорят о существовании системы внеэкономического принуждения и личной зависимости, но в этом не было ничего странного, ибо процесс перехода от эксплуатации феодальной к эксплуатации капиталистической только совершался.

Существование частных угольных разработок оказывало большое влияние на окрестные деревни. Документы показывают, что большое число крестьян уходило на шахты на заработки. Тем самым подрывалась основа феодального натурального хозяйства. Многие крестьяне, из поколения в поколение работая на шахте, существовали уже не за счет возделывания своего клочка земли, а за счет заработка.

С начала Цин и особенно в период Цяньлун в области частного предпринимательства на угольных шахтах наблюдаются некоторые качественные изменения. Они выражались главным образом в тенденции к концентрации паев в одних руках. Так, например, семья Янь, из поколения в поколение хозяйничавшая на угольных шахтах этого района, в 1724 г. приобрела 30 паев. Эта семья покупала паи также в 1747, 1763, 1782 гг.²⁰ В прилегающих к шахтам деревнях наследственные арендаторы небольших участков земли переуступали право аренды на срок или навечно и уходили работать на шахту. На основании всего этого Дэн То делает вывод об упрочении зачатков капиталистического производства при династии Цин. Однако феодальные силы сдерживали общественное развитие, элементы капитализма еще не достигли степени зрелости, достаточной, чтобы они могли разрушить феодальные отношения. Таковы взгляды китайских историков на возникновение и развитие зачатков капитализма в Китае.

Точки зрения различных авторов на причины застойности феодализма также расходятся. Продолжая последовательно развивать свой взгляд на общество конца династии Мин, Шан Юэ полагает, что застойность феодализма в Китае, хотя в какой-то мере и обуславливается внутренними причинами (существование патриархального мелкокрестьянского сельского хозяйства в сочетании с домашним ремеслом), однако это не является определяющим. Подобно тому, как татарское иго, пишет Шан Юэ, ссылаясь на советских историков, задержало развитие России на 200 лет, развитие китайского общества было приостановлено нашествием монголов в XIII в. и маньчжурским завоеванием в XVII в. Покорение Китая маньчжурами означало не только победу отсталого племени маньчжуров над Китаем, но и, что еще хуже, победу феодальной клики над народной революцией.

Эти два фактора вызвали небывалые разрушения производительных сил страны. Так, согласно кадастровым книгам, в 1623 г. в Китае насчитывалось 51 650 459 податных душ, а в 1660 г. только 19 087 752 податные души²¹. Посевная площадь в начале периода династии Цин сократилась по сравнению с началом периода династии Мин

¹⁹ «Лиши яньцзю», 1956, № 10 стр. 27.

²⁰ «Лиши яньцзю», 1956, № 10, стр. 27.

²¹ Шан Юэ. К вопросу о возникновении и развитии капиталистических отношений в Китае, стр. 80.

¹⁸ См. «Лиши яньцзю», 1956, № 10, стр. 1—33.

более чем на 3 млн. га²². Маньчжурские правители, стремясь подавить сопротивление китайских патриотов, возглавлявшихся Чжэнь Чэнь-гуном, проводили в приморских районах политику «выжженной земли», что привело к сильным разрушениям и вызвало упадок сельского хозяйства, кустарного производства и торговли в этих прежде самых развитых районах товарного хозяйства. Боясь скопления населения и возможных волнений в районах, удаленных от административных центров, маньчжуры запретили разработку новых месторождений полезных ископаемых. Они сильно ограничили внешнюю торговлю, обложили огромными налогами купцов и кустарей. Все это, по мнению Шан Юэ, отсрочило гибель феодальной системы, ввергло китайское общество на длительное время в состояние застоя.

Несмотря на колоссальные разрушения, производительные силы страны в период правления Канси (1662—1722), Юнчжэна (1725—1735) и Цяньлуна (1736—1795) постепенно стали восстанавливаться и развиваться. В ряде работ подробно описывается зарождение капиталистического способа производства в сельском хозяйстве, текстильном, металлургическом, металлообрабатывающем производствах, солеварении. Дэп То пишет, что правители маньчжурской династии, стремясь привлечь на свою сторону военную аристократию, крупных чиновников и помещиков, дали им возможность захватывать земли, монополизировать торговлю и кустарное производство, заниматься ростовщичеством. Все это привело к увеличению концентрации крестьянских земель в эпоху династии Цин в руках военной и чиновной аристократии и помещиков, отходу большого количества безземельного населения из деревни, усилению классовой дифференциации. Оживилась деятельность торгового капитала, ускорился процесс товаризации сельского хозяйства, кустари стали производить все больше товаров для рынка.

Шан Юэ отмечает, что если в период династии Мин зачатки капиталистического способа производства имели место главным образом в юго-восточных прибрежных районах, то к середине правления династии Цин они наблюдались повсеместно. В эпоху династии Мин капиталистические отношения зарождались лишь в шелкоткацком, хлопчатобумажном и фарфоровом производстве, а к середине правления династии Цин они отмечались в любой из отраслей. Полная отмена системы трудовой повинности, уравнение в правах четырех сословий (служилых, крестьян, ремесленников и торговцев) в начале правления династии Цин также сыграли определенную роль в развитии зачатков капитализма.

Анализируя китайское общество периода правления Канси, Юнчжэна и Цяньлуна, Шан Юэ делает вывод, что в это время в Китае происходил процесс первоначального накопления капитала, складывались все материальные условия (исключая необходимый уровень развития техники) для перехода на стадию машинной индустрии. Вместе с развитием общественного производства, все более росло несоответствие между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. Крестьянство разорялось, теряло землю и уходило в города. Однако слабая городская промышленность не могла поглотить массы разоренных крестьян. Классовая борьба усилилась из-за национального гнета и приняла форму национальной борьбы. Все это породило новый (второй) кризис феодального общества в Китае.

В этот период возникли тайные общества, как, например, «Байланьцзяо», «Саньхэхой» или «Тяньдихой», с разветвлениями «Циншуйхой», «Бишуйхой» и другими. В них входили представители самых различных слоев населения. Шан Юэ считает, что тайные общества охватывали в основном городское население, а не крестьянство. Отношения между членами тайных обществ были построены на основе равноправия. Демократизм и дух патриотизма, пронизывавшие тайные общества, не являлись случайными: они были свойственны представителям нового, зарождающегося капиталистического общества.

Деятельность тайных обществ имела национальную окраску. Борьба городских слоев населения против старых феодальных отношений по форме была борьбой против

двойного гнета — классового и национального. По мнению Шан Юэ, тайные общества являлись новыми, необходимыми формами борьбы, которые приняли городские движения, особенно движения ткачей в конце династии Мин. Без этих новых форм борьба в условиях существования мощного бюрократического и военного аппарата Цинской империи была бы просто подавлена. Восстания тайных обществ в первой половине XIX в. поставили старую систему феодальных отношений в Китае на грань краха. Однако вторжение иностранного капитала превратило Китай в полуколониальную, полуфеодальную страну.

Несколько по-иному решает вопрос У Хай-жо. Он пытается выяснить, почему развитие капиталистического производства в Китае не вступило в стадию машинной индустрии. У Хай-жо, так же как и Шан Юэ, считает, что в период правления династий Мин и Цин появились простая капиталистическая кооперация и мануфактурное производство, удельный вес которых в экономической жизни Китая был очень большой. Однако мануфактурное производство не переросло в машинную индустрию. С точки зрения У Хай-жо основная причина заключалась в том, что буржуазии не удалось добиться политической власти, а капиталистическое производство может вступить в стадию машинной индустрии только при условии свержения феодализма и установления власти, которая проводила бы политику в интересах развития капитализма. Такая власть могла утвердиться в результате победы восстания Ли Цзы-чэна, говорит У Хай-жо. Однако вторжение отсталого племени маньчжуров отбросило Китай в его экономическом развитии назад, укрепило феодальные отношения. Китайская буржуазия в условиях феодализма не смогла использовать государство в целях сосредоточения в своих руках денежных средств путем эксплуатации крестьянства, колоний, получения граничных займов, развития внешней торговли, введения выгодной налоговой системы, заградительных пошлин и т. д. Богатства концентрировались в руках феодальной аристократии, чиновников и помещиков, и поэтому они почти не использовались в интересах развития промышленности.

Другие историки иначе оценивают влияние зачатков капитализма на экономику китайского общества периода династии Цин и причины застойности феодализма. Так, Ли Шу считает, что в то время отделение домашнего ремесла от сельского хозяйства было явлением редким и незначительным. Цзянь Бо-цзянь полагает, что зачатки капитализма, хотя и оказали какое-то разлагающее влияние на экономику феодального общества первой половины XVIII в., но не смогли поколебать ее основ. Он подтверждает, что в первой половине XVIII в. горожане начали вести борьбу против феодалов. Однако их силы были незначительны, горожане не привлекли на свою сторону крестьянских масс. Поэтому нельзя утверждать, что их борьба серьезно подрывала феодальное господство.

По мнению У Да-куня, довольно крупные кустарные мастерские существовали не только в период правления Цяньлуна, но и задолго до него. Однако в основном это были казенные мастерские. Частные мастерские в условиях засилия казенных развивались только в некоторых районах Китая. Вот почему о зачатках капитализма можно говорить только применительно к этим районам (Сучжоу—Ханчжоу). Считать же, что в XVII в. существовали элементы капитализма, способные поколебать экономическую основу феодального общества, значит, вступать в противоречие с историческими фактами. У Да-кунь отрицает также наличие процесса первоначального накопления в период правления Цяньлуна. Он говорит, что «этот процесс, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и средства жизни в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей в наемных рабочих», не возник в Китае до вторжения туда иностранного капитала.

Что же касается причин застойности феодализма в Китае, то в противоположность Шан Юэ такие историки, как Ли Шу и Цянь Хун, считают определяющим следующие внутренние причины, специфические для китайского общества.

1. Феодально-помещичья собственность на землю и жесточайшая эксплуатация крестьян помещиками. Крестьяне были вынуждены отдавать столь значительную часть своего урожая, что остатка его

²² У. Хай-жо. Зарождение капиталистического производства в Китае. «Цзинцзи яньцзю», 1956, № 4, стр. 127.

не хватало и на полугодичное существование. Чтобы изыскать какие-либо дополнительные средства, они занимались различными подсобными промыслами.

Широкое развитие подсобных промыслов в деревне ограничивало кустарное производство в городе. Крестьяне сами производили предметы первой необходимости. В кустарном производстве в городах изготавливались главным образом предметы роскоши, потребляемые феодалами. Так, в шелкоткацком производстве существовали крупные мастерские, поскольку шелковые ткани потреблялись не крестьянами, а феодалами. И наоборот, в хлопчатобумажном производстве крупных мастерских не было, так как феодалы не покупали хлопчатобумажные ткани, а крестьяне для своих нужд ткали их сами. Все это обусловило очень устойчивое сочетание мелкокрестьянского хозяйства с домашней промышленностью.

2. Приток в город дешевой рабочей силы. Это отрицательно влияло на развитие техники кустарного производства, на усовершенствование орудий труда.

3. Свободная купля-продажа земли. Многие купцы, хозяева мастерских или владельцы мануфактур, накопив деньги, покупали на них землю, превращаясь в той или иной степени в помещиков.

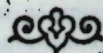
4. Феодалы и надстройка. Феодалы правители системой налогов, монополиями, казенными мануфактурами, ограничением внешней торговли и т. д. препятствовали развитию капиталистических отношений в различных отраслях производства.

Историки, придерживающиеся изложенной выше точки зрения, считают наличие зачатков капитализма в товарном производстве и их неуклонный рост предпосылкой развития в Китае капиталистического общества. Однако этот процесс шел очень медленно. Вторжение иностранного капитала в Китай не могло привести капитализма, ибо зачатки его уже существовали, но ускорило развитие капиталистических отношений.

Таковы в общих чертах взгляды китайских историков на возникновение и развитие капиталистического способа производства в Китае.

SUMMARY

The article deals with the debate among Chinese historians on the question of the origin of capitalist social relations, the nature and degree of their development. It gives an account of the views entertained by various historians (Shang Yüeh, Wu Hai-jo, Teng Toh, Li Shu and others) on the social and economic relations prevailing in the Chinese society in the given period, and appraises the development of these relations.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ И ЯЗЫКОВ КИТАЯ

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО*

Китай — многонациональное государство. Вместе с китайским народом в социалистическом строительстве активно участвуют десятки других национальностей. К сожалению, советская этнографическая литература, посвященная Китаю и его национальным меньшинствам, пока еще скудна, а в опубликованных работах нередко можно обнаружить досадные неточности. Это относится даже к такому капитальному изданию, как Большая советская энциклопедия. См., например, главу «Население» в статье «Китай».

В главе говорится, что китайские этнографы разбивают все население Китая на шесть групп: «хань-китайцы, цзан-тибетцы, мэн-монголы, мань-маньчжуры, хуэй-группа тюркских и других народов, исповедующих ислам, прочие — включая народы группы мон». На самом деле, никто из китайских этнографов и языковедов не включает в настоящее время тюркские народы, исповедующие ислам, в группу хуэй. Термины «хуэй», хуэйцзу» (回, 回族) в китайской литературе применяются в основном к той части населения, которая говорит на китайском языке и исповедует ислам. Каждый из тюркских народов Китая — уйгуры (維吾爾), казахи (哈薩克), киргизы (柯爾克孜), салары (撒拉), узбеки (烏孜別克) и татары (塔塔爾), частично сара-уйгуры/сали-уйгуры (裕固), имеют свои наименования, а в целом тюркские народы в настоящее время именуются в КНР «ту-чэ» (突厥), но отнюдь не «хуэй». Никто в Народном Китае не назовет «прочими» многочисленные народности Южного и Юго-Западного Китая, принадлежащие к различным языковым группам и составляющие в количественном отношении преобладающую массу национальностей КНР. Ни китайские этнографы, ни китайские языковеды, исходя из реальных языковых фактов, не включают сейчас народы мяо (苗), яо (瑤) и таньцзя (живут на воде) в группу мон. Население, именуемое в статье таньцзя, точнее — даньцзя (瑤家), давно уже говорит на гуандунском диалекте китайского языка, а языки мяо-яо, по единодушному мнению китайских специалистов, относятся к китайско-тибетской семье языков, а не к группе языков мон-кхмер. В настоящее время в Китае не принято называть монголов «мэн». Их китайское наименование (蒙古人, 蒙古族), двояко транскрибируемое в русском письме — «мынгужэнь, мынгучэу» и «монгужэнь, монгучэу», отражает современное китайское литературное произношение. Транскрипция «мынгужэнь» дана в широко распространенном сейчас «Русско-китайском словаре» Чэнь-Чан-хао, А. Г. Дубровского и Б. С. Исаенко. Более близка к путунхуа форма «монгужэнь».

* При написании настоящей статьи автор опирался на различные материалы, опубликованные в специальной литературе, на отчеты лингвистических экспедиций в КНР в 1955 и 1956 гг., а также на те сведения, которые были собраны им в различных национальных районах Китая в период 1954—1957 гг. Все цифровые данные заимствованы из опубликованных в печати материалов Всекитайской переписи 1953—1954 гг.

Обзор населения Китая дается в главе по указанным выше шести группам, причем в каждом разделе обзора также встречаются неточности. В разделе о тай-китайской группе (точнее было бы «китайско-тайская» группа, ведь китайцы являются основной и ведущей нацией в Китае, а собственно тайского населения в КНР всего лишь около 480 тыс. человек) неверно сказано, будто бы все хуэйцзю (в русской терминологии — дунгане) в Китае говорят на шаньсийском и ганьсуйском говорах китайского языка. Хуэйцзю в КНР говорят, как правило, на различных китайских говорах: живущие в провинции Шаньдун говорят на шаньдунском говоре; живущие в Юньнане — на юньнаньском; хуэйцзю, постоянно проживающие в провинции Гуандун, говорят на гуандунском диалекте, ничем в этом отношении не отличающемся от китайцев. Известны и такие случаи, когда хуэйцзю, живущие в районе распространения народности байцзю (白族), иначе миньцзян (民家), говорят на языке байцзю, а живущие в районе тайских поселений говорят на одном из тайских диалектов.

Далее в главе говорится также о народности «пантай», причем указывается численность этой народности (до 500 тыс. человек) и места ее поселения — «в провинции Юньнань и частично вне пределов Китая». В действительности такой народности не существует. Когда-то термином «пантай», по-видимому, называли тех же хуэйцзю, история которых в Южном Китае связана с Тайпинским восстанием.

О народности и этнических группах тай (тайцзю) сообщается, что общая численность их в Китае равна 6—7 млн. человек. Но, как уже было сказано выше, собственно тай в КНР, по данным переписи 1953—1954 гг., насчитывается 478 тыс. человек; наиболее же крупным национальностью в КНР, по языку близким к тай, являются чжуанцы (侗), которых насчитывается, по данным 1954 г., более 6611 тыс. человек. Они даже не упоминаются в главе, нельзя в ней найти упоминаний и о других крупных национальностях КНР, входящих в ту же группу: буи (布依) — 1420 тыс. человек; дун (侗) — 712 тыс. человек; шуйцзян (水家) — 133 тыс. человек и некоторых других. Народность Ли (黎) на острове Хайнань насчитывает 360 тыс. человек.

При обзоре тибето-бирманской группы народностей упоминаются только собственно тибетцы — по-китайски цзяцзю (藏族), и совсем ничего не сказано о таких тибетских народностях, как цин (羌), ну (怒), сифань (西番) и других. Не соответствует действительности утверждение о том, что народность И расселена, в частности, в провинции Гуандун. Самоназвание «носун» (諾蘇) встречается только у сычуаньских И (ицзю, 彝族), но отнюдь не у населения И, живущего в провинциях Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси. И (ицзю), которые живут за пределами Сычуани, имеют иные самоназвания, отражающие их родо-племенной общественный уклад, причем, например, в провинции Юньнань эти самоназвания насчитываются десятками. Тибето-бирманские народности Юго-Западного Китая называются в главе «качин», «мосо». Но эти термины не приняты в современном Китае. Народности, названные европейскими миссионерами «качин», в КНР в соответствии с самообозначениями двух основных частей этой народности обозначаются двумя терминами: «цзинно» (景頗), их численность около 20 тыс. человек, и «цзайна» (载瓦) — 81 тыс. человек. Термин «цзинно» широко применяется и в Бирме. Вместо устаревшего термина «мосо» (摩梭) в Народном Китае употребляется самоназвание данной народности — «наси» (納西), насчитывающей более 143 тыс. человек. Народности «люцзю», указанной в главе, в действительности не существует. Но зато существуют такие довольно крупные народности тибето-бирманской группы, как хани (哈尼) — 401 тыс. человек, лаху (拉祜) — 130 тыс. человек, ачан (阿昌) — около 20 тыс. человек и другие, которые в БСЭ даже не упоминаются.

К монгольской группе в главе отнесены «собственно монголы» и «другие этнографические группы». Среди последних указаны торгуты, хонуты, дагуры, баргуты, чахары, чипчинь, тумуты и другие. Здесь многое может вызвать недоумение. Ведь дагуры/дауры (达斡尔) в КНР являются самостоятельной народностью. Для них создана сойчинь и самостоятельная письменность (на основе славяно-русской графики). Что же касается чахаров, баргутов, чипчиней, тумутов и других, то нет ни малейших оснований отрывать их от «собственно монголов». Торгуты и хонуты относятся, бесспорно, тоже к монголам, хотя диалект их несколько и отличен от других монгольских

диалектов в КНР. Следовало бы уточнить и положение о том, что монголы в КНР говорят на западном и юго-восточном диалектах монгольского языка. Как установлено в последнее время большими монголоведческими экспедициями, монгольский язык в КНР распадается на пять диалектов: баргу-бурятский, восточный, центральный, западный и ойратский. Авторы главы «Население», видимо, не располагали еще сведениями о наличии в КНР таких монгольских народностей, как дунсян (東鄉, исповедуют ислам) — 1155 тыс. человек; монголы — по-китайски «туцзю» (土族) — 53 тыс. человек и баоань (保安, частично ламансты, частично мусульмане) — около 5 тыс. человек.

Вообще в статьях БСЭ, посвященных монголам и монгольским языкам (главы «Население» в статьях «Монголия Внутренняя» и «Монгольская Народная Республика», статьи «Дауры», «Монголы», «Монгольские языки», «Монгольский язык», «Ойраты» и некоторые другие), много противоречий. Так, если в статье «Китай» сказано, что монголы в КНР говорят на западном и юго-восточном диалектах монгольского языка, то в статье «Монгольский язык» сообщается уже о наличии, в частности у монголов Китая, чахарского, харачинского, туметского и ордосского диалектов. Чахары в этой статье, по-видимому, включаются в группу «собственно монголов». В статье «Монголия Внутренняя» солонь — народность тунгусо-маньчжурской группы — неожиданно характеризуется как особая этническая группа; из контекста статьи «Монгольские языки» можно заключить, что дагуры являются такими же монголами, как ойраты, бурят-монголы и другие. В статье «Синьцзянский Уйгурский автономный район» дагуры отождествлены уже с солонями. Неверно встречающееся в статье «Дауры» утверждение о том, что письменность у дагуров монгольская. До последнего времени дагуры не имели своей письменности, и лишь в мае 1956 г. на совещании в г. Хух-хото (столица Внутренней Монголии) было решено создать самостоятельную дагурскую письменность, а в декабре 1956 г. на специальной конференции в г. Хух-хото был обсужден и принят дагурский алфавит на славяно-русской графической основе.

Не точны в статьях БСЭ характеристики маньчжуро-тунгусской группы народностей Китая. В главе «Население» («Китай»), в статьях «Маньчжурский язык», «Маньчжуры» сообщается, что число маньчжур, говорящих на маньчжурском языке в Китае, составляет около 100 тыс. человек. Между тем для подавляющей массы маньчжур в Китае, — а всего их здесь, по переписи 1953—1954 гг., насчитывается более 2400 тыс. человек — китайский язык стал уже родным. Только в единичных селах Северо-Восточного Китая, где маньчжуры живут компактно, сохранился еще в быту маньчжурский язык, и то им пользуется преимущественно старшее поколение. (Можно указать, в качестве примера, на два таких маньчжурских села в уезде Лунцзян и в уезде Фу-юй провинции Хэйлуцзян. В первом селе живет, по данным 1954 г., 82 семьи, во втором — 62.) Неверно и сообщение о том, что маньчжуры в КНР сохранили свою письменность; наоборот, растворившись в массе китайцев, они забыли свой язык и перестали пользоваться своей письменностью. Маньчжурская система письма до последнего времени сохранилась лишь у сибинцев (по-кит. «сибоцзю» — 锡伯族), живущих в количестве около 13 тыс. человек в Чапчалском Сибинском автономном уезде и в прилегающих к нему пунктах Синьцзяна. Солонь (索伦) в КНР всего лишь 6700 человек. При перечислении тюркских народностей Китая в главе «Население» (статья «Китай»), по непонятным причинам, выпали салары и сали-уйгуры (сара-уйгуры) — эти своеобразные по культуре и языку народности, живущие только в КНР.

Характеристика населения Южного и Юго-Западного Китая, данная в главе, не соответствует фактическому положению вещей и совершенно не отражает современных взглядов китайских ученых. Прежде всего неправильно указание на то, будто бы все мяо сами себя называют «мон». Лишь так называемое белое мяо, живущие в провинции Сычуань, имеют самоназвание «мон-ань-чжин». «Мяо черные» (по цвету носимой ими одежды) из восточной части провинции Гуйчжоу называют себя «му». «Мяо красные» из западной части провинции Хунань зовут себя «го сюн». Мяо из северо-восточной части провинции Юньнань, так называемое да-хуа-мяо («большие цветные мяо»), именуют себя «а-мао-чакао». Есть еще «зеленые мяо» (из Гуйчжоу), также со своим само-

обозначением. Наличие у сычуаньских мяо в самоназвании элемента «мон», видимо, и дало повод авторам главы безоговорочно отнести языки группы мяо-яо к мон-кхмерским языкам. Эта же ошибка повторена и в статье «Моны» (т. 28 БСЭ). Причем здесь к монам причислена даже народность миньцзя, вернее, байцзу, язык которой относится большинством китайских ученых (проф. Ло Чан-пэй, Фу Мао-цзи, Ло Цзи-гуан и др.) к тибето-бирманской группе, к ветви пцзу.

В статье «Моны» народность и язык мяо отнесены к мон-кхмерской группе, а в статье «Мяо» — к китайско-тибетской. Последнее правильно. Но, к сожалению, и в статье «Мяо» в качестве самоназвания всех мяо указывается «мон», что, как мы показали выше, неверно. Классификация диалектов, приведенная в статье «Мяо язык», нуждается уже в уточнении. На конференции по языку народности мяо, проходившей в г. Гуйчжоу в октябре-ноябре 1956 г., на основе работ специальной экспедиции, изучавшей язык мяо, установлены четыре резко отличных друг от друга диалекта мяо: восточный (северо-западная часть Хунани и восточная часть Гуйчжоу), центральный (север центральной части Гуйчжоу), западный (западная часть Гуйчжоу и отчасти юго-восточная часть Сычуани), северо-восточный юньнанский (северо-восточная часть Юньнани). Особые говоры мяо имеются еще и на юге центральной части провинции Гуйчжоу, изучение их пока не закончено. Но по имеющимся сведениям можно судить, что ни к одному из указанных выше диалектов они не относятся. Расхождения между диалектами мяо в области фонетики и в отношении словаря столь существенны, что говорящие на различных диалектах мяо друг друга не понимают. Имеются между мяо диалектами и грамматические различия. Для каждого из перечисленных выше диалектов создана своя письменность, намечено и развитие четырех литературных языков мяо, официально именуемых все же диалектами. В силу всего этого нам представляется возможным говорить не о диалектах, а о языках группы мяо, к которым фактически относится и язык населения яо из местности Дуань. В главе неправильно указаны и места расселения народностей мяо и яо. Мяо живут главным образом не в Гуанси, а в провинции Гуйчжоу. В провинции Гуанси живет большинство народности яо, значительные группы яо имеются и в юго-восточной части провинции Юньнань.

Ни в статье «Китай», ни в статьях «Моны», «Кхмеры» и других не упоминаются живущие в КНР народности мон-кхмерской группы: кава (卡瓦) — около 170 тыс. человек, булун (布隆) — 11 тыс. человек, булан (布朗) и другие. Все они живут в провинции Юньнань. К этой группе надо отнести и некоторые племена и народности о. Тайвань, именуемые в литературе «гаошань» (高山). Следует иметь в виду, что гаошань представляют собой по крайней мере семь народностей или этнических групп: амэй, байвань, тайсэр, шанст(ы), чжуо, бунун, емэй.

Языки гаошаньцев, насколько можно судить по материалам, собранным в КНР в последнее время, относятся, по-видимому, к различным языковым группам. Надо также учесть, что самый термин «гаошань», применяемый к нацменьшинствам о. Тайвань, не совсем удачен. Этим термином именуют не только жителей высоких гор (гао 'высокий', шань 'гора'), но и жителей равнины прибрежных районов, занимающихся рыбной ловлей. По данным переписи, проведенной на Тайване в январе 1957 г.¹, гаошаньцев, живущих в горах, насчитывается 103 415 человек, а живущих на равнине — 87 911 человек.

Требуют также серьезных уточнений и дополнений характеристики общественно-экономического уклада и производственной деятельности различных нацменьшинств Китая. Приведем несколько примеров. Неверно, что у народностей миньцзя (вернее, байцзу) и мяо якобы сохраняются значительные пережитки родо-племенных отношений. Экономика и культура района провинции Юньнань, населенного народностью байцзу — миньцзя, очень мало отличается от экономики и культуры районов, заселенных китайцами. Уже задолго до освобождения среди байцзу полностью были изжиты родо-племенные отношения; то же самое и в отношении народности мяо. О яо сказано, что, угнетенные феодалами, они были вынуждены селиться в горах, где, в частности,

¹ См. «Гуанминьжибао», 26 марта 1957 г.

занимались охотой и рыбной ловлей. Последнее утверждение не соответствует действительности. Китайские специалисты, изучающие их язык, в словаре яо не нашли даже слов, обозначающих рыбу, так как большинство населения не только никогда не занималось рыбной ловлей, живя высоко в горах, где нет больших озер и рек, но и не видело рыбы. Основным занятием народности яо является земледелие.

К сожалению, ошибки в области этнографии Китая, отмеченные в главе «Население» и статье «Китай» (т. 21), частично повторяются и в последующих томах. В разделе «Население» статьи «Синьцзянский Уйгурский автономный район» (т. 39) после сообщения о том, что наиболее многочисленными в Синьцзянском Уйгурском автономном районе являются народы тюркской группы — уйгуры, казахи, киргизы, говорится: «...кроме них, здесь живут: монголоязычные ойраты и дунсяне, китайцы и близкие к ним по языку дунганы (по-китайски, хуэй-цзу); маньчжуры и близкие к ним по языку татары, русские и др.». Неудачно прежде всего выражение «монголоязычные ойраты»: ойраты были и остаются монголами, они всегда говорили и продолжают говорить на одном из монгольских наречий. Наряду с ойратами в состав коренных групп населения Синьцзяна включены дунсяне — народность, говорящая на монгольском языке и исповедующая ислам. Однако известно, что компактно (150 тыс. человек) дунсяне живут в провинции Ганьсу, в Синьцзяне же имеются лишь отдельные семьи дунсян. Если узбеки, которых в Синьцзяне около 13 600 человек, татары, которых здесь около 7000 человек, и т. д., не рассматриваются авторами статьи как коренные национальности Синьцзянского Уйгурского автономного района, то, конечно, нельзя в их состав включать и дунсян. Солонь — народность тунгусо-маньчжурской группы — отождествлены в статье с дагурами. В эпоху своего господства в Синьцзяне гоминьдановские сатрапы, действительно, приказывали именовать дагуров солонями, но от этого, конечно, дагуры не стали солонями. Они сохранили свои особенности культуры, быта и языка. По языку дагуры Синьцзяна близки не к маньчжурам, а к дагурам Внутренней Монголии, говорящим на диалекте бутха, положенном сейчас в основу письменности и литературного языка дагуров.

Авторы статьи «Китай», разумеется, не могли еще ознакомиться с данными последней переписи, проведенной в КНР в 1953—1954 гг. Однако нельзя было пренебрегать ими при написании статьи «Синьцзянский Уйгурский автономный район» (т. 39, вып. 1956 г.). Казахов в КНР 509 тыс. человек, а не 350 тыс. человек, как сообщает БСЭ; монголов в Синьцзяне около 59 тыс. человек, а не 180 тыс. человек, дагуров в Синьцзяне около 2 тыс. человек, а не 17 тыс. человек, сибирцев около 13 тыс., а не 20 тыс. человек и т. д.

К сожалению, неточности и ошибки в материалах по этнографии и языкам Китая встречаются не только в БСЭ, но и в других изданиях и, в частности, в лингвистической литературе. Об этом можно судить хотя бы по двум вышедшим в последние годы учебникам языкознания для вузов: книге проф. А. С. Чикобава «Введение в языкознание» (т. I, 1952; именно это издание переводилось на китайский язык) и учебнику проф. А. А. Реформатского «Введение в языкознание» (1955).

Проф. А. С. Чикобава, вопреки фактам и совершенно ясной политике, проводимой в КНР в отношении единой китайской национальности и единого китайского национального языка, считает, что надо говорить не о китайском языке, а «точнее — китайских языках» (1 изд., стр. 228). Для характеристики грамматической структуры китайского языка проф. Чикобава приводит искусственно надуманные построения. Так, например, сочетание «хао дагвях» в смысле «очень дорогой» нелепым для китайского языка, поскольку звуковое сочетание «дагвях» противоречит основным законам китайской фонетики.

Вызывает недоумение утверждение проф. Чикобава о том, что «и тибетский, и бирманский (языки) используют индийский алфавит» (стр. 229). Тибетский и бирманский алфавиты резко отличны друг от друга, происхождение их связано с различными письменностями, существовавшими когда-то в Индии; вообще же одного индийского алфавита в истории не существовало и не существует. Неудовлетворительно изложены

в учебнике разделы о монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. При перечислении монгольских языков проф. Чикобава «язык основного населения Внутренней Монголии» противопоставляет хайха-монгольскому — «государственному языку» МНР, хотя и современный литературный язык Внутренней Монголии является также государственным языком и строится на той же халха-монгольской основе, что и «государственный язык» МНР. О наличии тюркских языков в КНР в учебнике нет даже упоминания. Не названо большинство монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, имеющих в Китае.

Совершенно правильный термин «австро-азиатская», иначе «аустро-азиатская», в смысле «южно-азиатская» группа языков проф. Чикобава считает необходимым заменить неверным термином «австрало-азиатская» группа языков, предполагая, очевидно, что эти языки имеют какое-то отношение к Австралии (стр. 229). Но, конечно, ни к Австрии, ни к Австралии данный термин никакого отношения не имеет.

Учебник проф. А. А. Реформатского тоже, к сожалению, не дает ясного представления о языках и народах Китая. К китайско-тибетским языкам в нем отнесены лишь китайский, дунганский, вьетнамский, сиамский (тайский), тибетский, бирманский и ассамский языки. Число людей, говорящих на китайском языке, ошибочно сведено к 450 млн. человек, хотя по данным переписи в Китае, опубликованным и в советской печати, на китайском языке говорит 573 млн. человек. Термин «дунганский язык» оправдан, если речь идет об СССР, но говорить об особом языке дунган в КНР, конечно, не приходится. Численность дунган (вернее было бы говорить о хуэйцзу) в КНР не 10 млн., а всего лишь 3560 тыс. человек, и живут они не только в Западном Китае, как предполагает А. А. Реформатский, но и в других его районах. Письменность у хуэйцзу в Китае та же, что и у китайцев, т. е. иероглифическая, а не арабская, как сообщается в учебнике. Будучи мусульманами, они имеют дело с арабским письмом лишь при чтении Корана. Тайские языки нельзя сводить только к сиамскому языку (устаревший термин), распространенному в Таиланде. Тайских языков в действительности значительно больше. Они имеются также в Бирме, Лаосе, Вьетнаме, Южном Китае. Все уйгуры в СССР и КНР неправильно отождествляются со сравнительно небольшой их группой, поселившейся в Илийской долине и по основному занятию земледелием получившей наименование «таранчи». В КНР уйгуров по 1,5 млн. человек, как сообщает А. А. Реформатский, а 3660 тыс. человек.

Говоря о монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, А. А. Реформатский даже не упоминает ряда языков КНР — дагурского, монгорского, сибирского, саларского, сара-уйгурского. Нахайский, иначе — гольдский, язык в китайской литературе называется хэцжэ. Народность и язык хэцжэ имеются в Северо-Восточном Китае. Но об этом в учебнике не упоминается.

Таким образом, наша лингвистическая литература не может еще похвалиться хорошей осведомленностью о языках и народах Китая.

При освещении вопросов, касающихся населения и языков современного Китая, сейчас уже нельзя опираться на старую этнографическую и языковедческую литературу. Нужно иметь в виду, что и цинские (маньчжурские) правители и сменившие их северные и другие милитаристы, а также реакционное крыло гоминьдана, захватившее власть в Китае в 1927 г., проводя насильственную ассимиляторскую политику в отношении многочисленных народностей страны, фактически отрицали существование в Китае большого количества различных по своей истории, культуре, быту и языкам национальностей. Так, Чан Кай-ши в своей книжке «Судьбы Китая» все национальности, населяющие Китай, кроме самих китайцев, именует «родовыми объединениями». Естественно, что правители старого Китая и не считали нужным поощрять более или менее серьезное изучение многочисленных наций Китая, их истории, культуры, быта и языков. Поэтому, за весьма редкими исключениями, в китайской литературе до 1949 г. нельзя найти серьезных трудов по этнографии Китая.

Пользоваться сейчас при описании народов и языков КНР только работами западноевропейских авторов тоже нельзя, так как в подавляющем большинстве они не отражают современного состояния и не учитывают тех громадных сдвигов, которые про-

изошли за последние годы в жизни нацменьшинств КНР, в развитии их языков. В них не учтены также новые материалы по этнографии и языкам, накопленные за годы после образования КНР.

Новая эпоха в жизни многочисленных нацменьшинств, населяющих Китай, началась только после освобождения Китая от внешней и внутренней реакции. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая и Центральное народное правительство КНР, осуществляя в стране национальную политику, построенную на марксистско-ленинских принципах, большое внимание уделяют развитию этнографических и лингвистических исследований. Лишь в 1956 г. в КНР работало семь больших этнографических и семь больших лингвистических экспедиций. Этнографические экспедиции организованы Комиссией национальностей при Всекитайском собрании народных представителей. Перед ними стояла задача — собрать материалы по истории, быту, культуре и общественно-экономическим особенностям нацменьшинств, живущих в Дунбэе (Северо-Восточный Китай), Гуйчжоу, Гуанси, Гуандуне, Юньнани, Сычуани, Тибете, Синьцзяне и Внутренней Монголии.

В состав лингвистических экспедиций, организованных Академией наук КНР и Центральной Академией нацменьшинств в Пекине, входило более 700 специально подготовленных участников, которые изучали тибетские и монгольские языки Китая, в частности, монгорский, дунганский и баоань, тюркские и другие языки (сибирский, таджикский) Синьцзяна, исследовали языки группы мяо-яо, группы И, разнообразные языки Юньнани и языки чжуан-тайской группы, включая язык Ли на о. Хайнань.

Основы общепринятой сейчас в КНР классификации языков нацменьшинств Китая были изложены в статье проф. Ло Чан-пэя и Фу Мао-цзи «Краткий обзор языков и письменностей нацменьшинств нашей страны»², Институтом языкознания Академии наук КНР в конце 1953 г. были составлены и затем изданы «Таблицы», характеризующие состояние языков и письменностей нацменьшинств КНР.

За истекшие после опубликования этих работ три года в результате систематически проводящегося в КНР изучения национальных языков Китая сведения о различных монгольских, тюркских языках и некоторых языках Южного и Юго-Западного Китая во многом пополнены и уточнены. Но все же основа классификации языков народов КНР, предложенная Ло Чан-пэем и Фу Мао-цзи, может быть в целом сохранена. В настоящее время можно было бы принять следующую классификацию языков Китая.

I. Китайско-тибетские языки. В их состав входит прежде всего китайский язык и три языковые группы: чжуан-тайская, тибето-бирманская и мяо-яо.

1. Чжуан-тайская группа в свою очередь делится на три подгруппы: а) собственно чжуан-тайских языков; б) языков дун-шуйцзя и в) языка Ли.

Чжуан-тайские языки: чжуан, бун, нун, ша; таи-сингуанбанья, таи-дэхун.

Дун-шуйские языки: дун, шуй, маонань.

Третья подгруппа представлена языком Ли, распространенным в основном на о. Хайнань и частично в провинции Гуандун.

2. Тибето-бирманская группа включает в себя три языковых подгруппы: тибетских языков, языков И и цзинпо.

Тибетские языки: собственно тибетский, цзялун, цян, сифань, дулун, ну; ло-юй. Языки И: И, байцзу (миньцзя), лису, лаху, наси, хани, ачан; тудзя.

Языки цзинпо, цзяйва.

3. Языки группы мяо-яо состоят из двух подгрупп: мяо-языков, яо-языков.

Уточнение состава и наименований этих языков будет закончено в течение ближайшего года.

II. Алтайские языки представлены в КНР тремя группами — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

1. Тюркские языки: уйгурский, казахский, киргизский, саларский, узбекский, татарский; сара-уйгурский (по-китайски «юй-гу»).

² См. «Чжунго Юйвэнь», № 3, 1957.

Следует заметить, что в настоящее время лишь часть сара-уйгуров сохранила тюркскую речь. Другая часть говорит сейчас на языке монгольской системы.

2. Монгольские языки: монгольский, дагурский, монгорский, дунсянский, баоань.

Вопрос о взаимоотношении языков монгорского, дунсянского и баоань в настоящее время уточняется.

3. Тунгусо-маньчжурские языки распадаются на две подгруппы: а) тунгусская подгруппа — оро(н)чонский, солонский; б) маньчжурская подгруппа — маньчжурский, сибирский, хэчжэ (гольдекий, нанайский).

III. Мон-кхмерские языки делятся на три подгруппы:

1. Ва-булунская подгруппа: кава(диалекты-праок, вэ, ва), булун;

2. Подгруппа булан представлена одним языком того же наименования — булан.

3. Подгруппа гаошань: языки — амэй, байвань и некоторые другие.

IV. Индоевропейские языки имеют в КНР двух представителей:

а) русский язык и б) таджикский язык (шугнанский и ваханский диалекты).

V. Корейский язык.

Ряд языков гаошань, некоторые языки в провинциях Гуйчжоу, Гуандун, Сычуань, Ганьсу и другие еще детально не изучены и поэтому не включены нами в классификационную схему.

Продолжающиеся сейчас исследования, несомненно, внесут коррективы в существующие описания языков и народов КНР. Советские этнографы и лингвисты должны внимательно следить за той большой и напряженной работой, которая ведется в Народном Китае по этнографии и лингвистике.

SUMMARY

More accurate and concrete information about the population and languages of China is available thanks to the ethnographical and linguistic research conducted regularly in the Chinese People's Republic.

On the basis of new information, the author of the article reconsiders many theses advanced in the works of Soviet ethnographers and linguists.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТАРАКНАТХА ДАСА ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Автор этой заметки обнаружил в библиотеке Института марксизма-ленинизма брошюру редактора «Фри Хиндустана» Таракнатха Даса «Открытое письмо графу Льву Толстому» в ответ на его «Письмо к индусу»¹.

Это письмо — один из немногих имеющихся в распоряжении советских историков памятников бесцензурной патриотической индийской печати.

Документ написан в яркой полемической форме, причем автор письма полемизирует с человеком, перед которым он преклоняется, которого он глубоко уважает. В письме обосновывается необходимость насильственной борьбы против тирании. Автор, выступающий от имени патриотических кругов индийской интеллигенции, от имени «крайних», подчеркивает необходимость сопротивляться тирании. Однако Таракнатх Дас отмечает, что девиз о сопротивлении не является абсолютной доктриной: «Если нет признаков агрессии и тирании, нет выражения нашего догмата. Но поскольку добро и зло существуют, поскольку права слабых узурпируются сильными и поскольку в природе сохраняется разница среди людей, наш принцип остается истинным и он останется действительным как активное выражение и проявление любви к человечеству до тех пор, пока не придет тысячелетнее царство» (стр. 4—5).

Отрицая абсолютный характер толстовской догмы о непротивлении, автор провел разграничение между его взглядами и общественно-политической значимостью его произведений. «По нашему мнению, наше простое существование есть борьба, — писал он. — И, сэр, мы верим, что Вы являетесь сильной опорой, ибо поддерживаете нашу доктрину своими действиями... Вы поднимали свой мощный голос протеста против угнетения большинства меньшинством народа, своими выступлениями и статьями решительно сопротивлялись идее особых привилегий, которые являются основой тирании, и проповедовали неприкосновенность равных прав... Ваши действия являются насилем по отношению к тем людям, против чьих интересов они направлены» (стр. 5).

Автор приводит следующий аргумент против толстовской идеи непротивления: «Идея абсолютного непротивления не всегда порождает любовь, но часто, наоборот, вялость и слабость, ведущие к фатализму» (стр. 5).

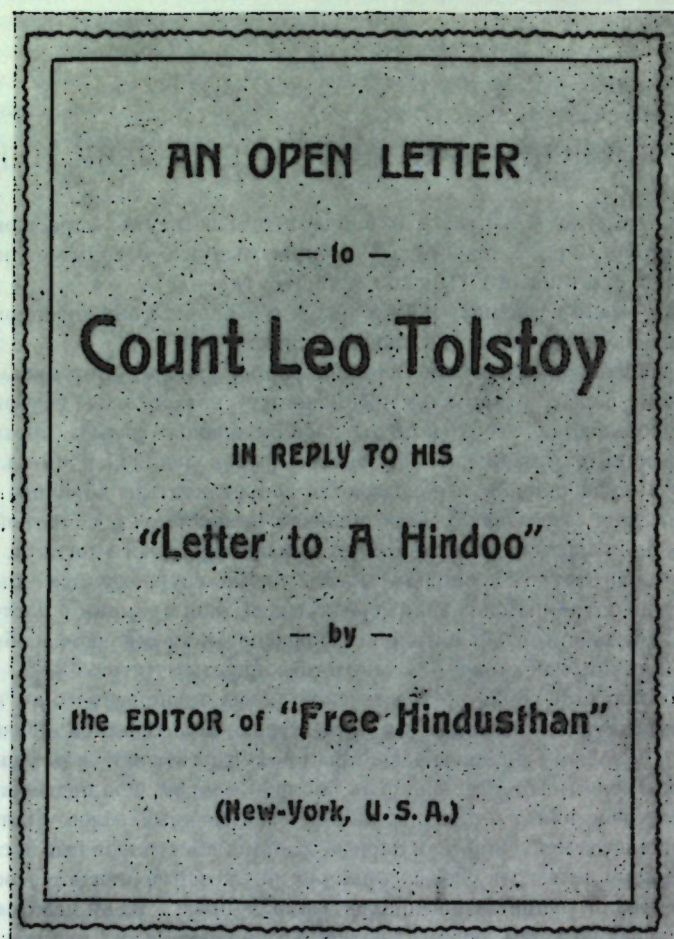
Выражая согласие с мыслями Л. Н. Толстого об обществе, в котором господствуют чувства братства и любви, автор писал: «Мы верим во всеобщее братство, но мы нетерпимы ко всяким действиям, направленным на эксплуатацию какой-либо нации, расы, общества, семьи, индивидуума другими». Он писал, что их цель «никогда не поддерживать низменные инстинкты или преднамеренные действия по ограблению одной нации

¹ Письмо помечено двумя датами. На титульном листке 14 декабря 1908 г. и в конце брошюры — 16 октября 1909 г. «An open letter to count Leo Tolstoy in reply to his „Letter to a Hindoo“ by the editor of „Free Hindustan“». New York City, USA [14 th December 1908].

Об этом письме ничего не упоминает и П. Бирюков, поднявший еще в 20-х годах вопрос о связях Л. Н. Толстого с Востоком (см. П. Бирюков. Толстой и Восток. «Новый Восток», 1924, №6). О нем не удалось найти никаких отзывов и в современной прессе.

другой, как это делает сегодня британское правительство в Индии, но разоблачить и, если возможно, уничтожить его...» (стр. 5).

В письме говорится далее, что индийцы вынуждены прибегать к насилию: «Мы думаем, что пассивное сопротивление часто более эффективно, чем активное. Мы будем просить наших соотечественников прибегнуть к мерам активного сопротивления только тогда, когда они увидят, что пассивное сопротивление ведет к тюремному заключению»

и ссылке без всякого суда, как это сейчас в Индии». «Во имя самосохранения как индийского, так и других народов, во имя гуманизма нам нужна активность в сопротивлении агрессии извне и изнутри». «...Если индийский народ хочет жить, он должен избавиться от британского правительства» (стр. 40—41).

В заключительной части письма содержится краткая формулировка программы «крайних». «Наша программа», — писал Таракнатх Дас: — 1) абсолютное самоуправление; 2) национальное образование (т. е. просвещение в национальном духе. — А. Р.); 3) развитие индийской промышленности, сельского хозяйства и торговли; 4) уничтожение голодовок, вызванных иностранной эксплуатацией» (стр. 46).

А. В. Райков

SUMMARY

This item recounts the substance of a booklet discovered in the library of the Institute of Marxism—Leninism. It contains the «Open Letter to Count Leo Tolstoy» by Taraknath Das in reply to Tolstoy's «Letter to a Hindoo» (1908). Taraknath Das argues against Leo Tolstoy's philosophy of nonresistance and insists on the need for violent struggle against tyranny.

ФЕРМАН ШАХА СУЛТАН-ХУСЕЙНА ВАХТАНГУ VI

Среди материалов рукописного отдела Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина имеется документ, обозначенный в каталоге как «шахский ферман» (шифр — В перс. 15). В кратком его описании сказано, что это «указ пранского шаха Хусейна правителям Карабаха и Ширвана», из чего можно заключить, что составитель описания совсем не понял содержания указа. Документ представляет собой лист бумаги 49 × 19 см; наверху, в 12 см от края, — печать шаха Султан-Хусейна с арабско-персидской надписью: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Ничтожнейший пес повелителя правоверных Султан-Хусейн. 1125». Именованье себя «ничтожнейшим псом Алия» или «псом его могилы» было вообще в обычае у Сефевидов, приписывавших себе происхождение от Алия. 1125/1713 г. на печати никакого отношения к содержанию фермана не имеет и является лишь датой ее изготовления. Текст указа написан красивым, узорчатым почерком та'лики. Приводим дословный перевод этого интересного документа:

«Приказ того, кому повинуются мир. Убежище султаната, власти и великоденя, вместилище пышности и славы, неуспяная доблесть и мужество, высокосановный потомок великих султанов, достойный шахского одобрения, совершенство султанской власти, управления, величия, славы, пышности и богатства Хусейн-Кулихан, правитель Грузии Картли, да будет осчастливлен шахской милостью и пусть знает, что донесение, которое он в настоящее время послал во дворец убежища мира относительно возникшего в Ширване происшествия и необходимости назначения мудрого и опытного военачальника, обладающего умом и распорядительностью; о совершении необходимых приготовлений по причине упомянутого происшествия и о недопустимости какой-либо задержки в этом деле, ибо это вызовет беспорядки во всем Азербайджане; о движении высокосановной особы с восемью тысячами человек в направлении Кахетии и об уходе на расстояние двух фарсах¹ от Тифлиса, [в расчете на то, что] лезгинские разбойники, может быть, не осмелятся прийти в Кахетию и Карабах и прочие сообщения и, в частности, о том, что до прибытия известий от великого султанского двора его высокосановная особа будет находиться на расстоянии двух фарсах от упомянутого города и ждать какого-либо распоряжения, чтобы согласно ему и поступить, — были рассмотрены солищеподобным взором и содержание донесения высокосановной особы стало известно мир украшающему рассудку. Да будет светло лицо потомка великих султанов! Он очень хорошо поступил, совершив это движение, и поступок его оказался весьма достойным похвалы. Убежище величия и блеска, вместилище пышности и славы, высокосановного эмира великих эмиров, старинного суфия — питомца святой семьи, умножающего власть, могущество, величие, пышность и благоденствие Мухаммед-хана Бикдани Шамлу, служителя священной, светлой, благословенной, подобной небу, недостижимой могилы, который является братом высокосановного везира высочайшего дивана, старинного суфия — питомца и слуги этой правосудной семьи на пути истинной веры, и которого мы удостоили ранга командующего войском и бегтербега Азербайджана, мы в настоящее время назначили для отражения и уничтожения упомянутых

¹ Около 13 км.

МИССИЯ МЕХТИ РАФАИЛОВА К РАНДЖИТ СИНГХУ

В настоящем сообщении приводятся новые документы первой четверти XIX в. о миссии, отправленной российским министерством иностранных дел в государство сикхов.

Свободолюбивые и воинственные сикхи, объединенные в конце XVIII— начале XIX в. под властью выдающегося вождя Ранджит Сингха, представляли внушительную силу на севере Индии. Ранджит Сингх в короткий срок подчинил себе весь Пенджаб, отобрав земли у эмиров Синда и правителя Афганистана. Талантливый организатор, он сумел обеспечить поддержку народов завоеванных земель, разобщенных ранее этническими и религиозными особенностями. Ему удалось создать централизованную систему управления и прочную, для Индии того времени, государственность.

Английские колонизаторы стремились заручиться дружбой Пенджабского Льва, как звали Ранджита Сингха, так как шестидесятитысячная хорошо обученная армия сикхов могла служить надежным барьером против всяких неожиданностей с северо-запада, где французская дипломатия пыталась создать опасную для английских владений в Индии коалицию, ведя переговоры в Тегеране и Кабуле. По определению Маркса, «калькуттские „торгаши“ трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан»¹.

Создание на севере Индии суверенного индийского государства сделало возможным для России установление с ним непосредственных отношений. 4 августа 1808 г., по заданию министерства иностранных дел, из крепости Семипалатинская в Северную Индию выехал русский посланец Мехти Рафаилов. Через Среднюю Азию, Кашгар, Яркенд и Тибет он прибыл в Кашмир.

Мехти Рафаилов оказался наблюдательным путешественником: он дал подробное описание природных условий и климата Северной Индии, состояния ее дорог и уровня экономического развития. В Кашмире, по его словам, «стечение народов чрезвычайное из разных держав, как-то: из Турции, из Персии, из Индии, из Яркенда и Бухарии»². По словам Мехти Рафаилова, в городе насчитывалось до ста тысяч домов и имелось развитое ремесленное производство, особенно ткачество; он писал, что в городе не менее двадцати тысяч ткацких станков.

Ворнувшись в Россию, Мехти Рафаилов доложил об итогах своей поездки, причем особое внимание министерства иностранных дел обратил на рост могущества государства Ранджит Сингха.

Царское правительство не оставило без внимания развитие событий на севере Индии. В 1820 г. с разрешения Александра I к Ранджит Сингху выехал с письмом от министерства иностранных дел уже знакомый с дорогой в Индию Мехти Рафаилов, получивший за свои прошлые заслуги титул надворного советника. В этом письме к «Высочествовному, Могущественному, произшедшему из древнего, славного и великого дома, пре-

¹ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.) [Л.], Госполитиздат, 1947, стр. 105.

² АВПР, Главный архив, 1819 г., II—11, оп. 50, д. № 4, л. 13.

изряднейшему Радже над Раджами, обладателю всех Пенджабских областей Радже Раджет Дсингу» управляющий министерства иностранных дел сообщал, что «Его императорское величество по Высочайшей своей благодати, желая видеть в наивысшем счастье и спокойствии не только неисчислимые народы, от Всевышнего Бога управлению его вверенные, но и обитающих самые далекие края, известился с особенной благоугодностью обо всем до вас касающемся и для того указать соизволил мне вступить в дружественное сношение с вами, чрез верных и усердных чиновников, дабы поданные купцы Российские и ваши имели свободный проезд во взаимные области; и так по Высочайшему соизволению долгом себе вменяю, писать к Вам сие письмо с верным и усердным нам Надворным Советником Ага Мехтием Рафаиловым, который столь много вас превознес похвалами, надеясь на дружелюбие Вашего Высочества, что по приезде оного удостоите его благосклонным принятием и предпринимите оказывать ему всякое пособие в торговых делах. За что удостоверяю Ваше Высочество, что взаимно все от вас отправляемые купцы или другого звания люди в Россию будут приняты со всей благосклонностью; каждый соответственно его достоинству и по всем делам их будет оказываема им защита и покровительство»³. Предложения, содержащиеся в письме, которое вел Мехти Рафаилов, предусматривали полное равноправие в установлении взаимовыгодных связей.

Второе путешествие Мехти Рафаилова окончилось печально: спустя несколько месяцев после его отъезда министр иностранных дел Нессельроде получил от сибирского губернатора показание спутников русского посланца, что «Надворный Советник Рафаилов был в Китайском городе Яркенте, следовал до города Кашемира чрез Владение Тибета и не доходя до оного за три дни езды, от приключившейся ему болезни помер, где и похоронен»⁴.

Хотя царскому правительству и не удалось установить непосредственные связи с вождем синхов, предпринятая попытка свидетельствует об интересе к Индии в России и стремлении к установлению экономических связей между двумя странами.

П. Шаститко

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ *

(Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.)

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

Дипломатические, экономические и культурные связи между Россией и странами Дальнего Востока, существовавшие с давних пор, в конце XIX в. становились все более тесными. В связи с этим возникла настоятельная необходимость в подготовке чиновников, хорошо владеющих восточными языками, и знакомых с экономическим и политическим положением этих стран.

В феврале 1896 г. было принято решение открыть во Владивостокской гимназии класс китайского языка. Для подготовки учителей этого класса было выделено 6 тыс. руб.¹ Позднее вместо класса китайского языка во Владивостоке открыли высшее учебное заведение — Восточный институт, с четырехгодичным сроком обучения. Открытие Восточного института состоялось 21 октября 1899 г.

В Институте имелись четыре отделения: китайско-маньчжурское, китайско-монгольское, японо-китайское и корейско-китайское. На всех отделениях изучали китайский язык, историю, географию и этнографию Китая. Преподавание на всех кафедрах Института, за исключением одной, вели выпускники факультета восточных

языков Петербургского университета, которые не имели еще звания профессоров. Для подготовки к профессорскому званию их направляли на два-три года в страны Дальнего Востока.

В первые годы существования Института в деле научной направленности его исследований и разработке учебных планов большую роль сыграл профессор-монголовед А. М. Позднеев (1851—1920), директор Института с 1899 по 1903 г.

А. М. Позднеев, выдающийся ученый, стремился так поставить учебную и научно-исследовательскую работу, чтобы обеспечить глубокое и всестороннее изучение стран Востока. На заседании Конференции Восточного института в августе 1900 г. А. М. Позднеев говорил, что необходимо изучать последствия «вторжения европейцев в жизнь Китая», хотя это и не главное, ибо влияние европейцев «ближайшим образом касается лишь самого незначительного уголка жизни всего Китая, вне которого продолжает действовать и развиваться громадный, самобытный Китай, с его своеобразной культурой, истолкование коей также точно требуется для студентов». А. М. Позднеев требовал, чтобы профессора Института «стояли как можно ближе к современности» и иллюстрировали свои теоретические положения фактами и примерами из текущей жизни Востока².

При этом он отмечал, что сделать это сложно ввиду недостатка или даже полного

* Статья написана в основном по материалам архива Владивостокского восточного института. Архив Института, насчитывающий более шестисот единиц хранения, находится в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (Томск).

¹ Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока (в дальнейшем — ЦГАДВ), ф. 226, оп. 1, д. 36, л. 32.

² ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 20, л. 34.

³ АВПР, Главный архив, л. 138

⁴ Там же, л. 137—138, 150.

отсутствия исследовательской и учебной литературы по истории, языкам и географии стран Дальнего Востока, имеющиеся же исследования, по его мнению, «разрознены, неполны и часто тенденциозны». Вот почему, говорил А. М. Позднеев, «решительно для всех профессоров и преподавателей Восточного института представляются безусловно необходимыми их почти ежегодные поездки на Восток с целью подготовки, составления и исправления читаемых ими в институте лекций»³.

Основную часть времени студенты Института отдавали изучению восточных языков, хотя они овладевали также английским и французским языками⁴.

Особенность занятий восточными языками заключалась в том, что, как указывалось в отчете Института за 1902 г., «Восточный институт представляет собой единственное в России высшее учебное заведение, преследующее цель научно-практического изучения языков Дальнего Востока, причем японский и корейский языки могут изучаться только здесь»⁵.

Основная цель обучения сводилась к тому, чтобы студент к окончанию Института мог свободно говорить на одном из восточных языков, переводить и интерпретировать тексты, хотя бы с помощью словаря, и ознакомиться с историей, экономикой, географией, этнографией и правовыми отношениями государств Восточной Азии.

Для проведения практических занятий со студентами по языку и переводам на всем протяжении существования Института сюда приглашались образованные китайцы, корейцы, японцы. Их называли «лекторами». Первыми лекторами китайского языка были Ци Шань-цин и Ван И-чи. Ци Шань-цин имел степень

магистра классической литературы и поэзии, присвоенную ему государственной китайской комиссией⁶.

В 1900 г. лектором корейского языка был назначен кореец Хан Киль Мен. Он не только имел хорошее образование по корейской словесности и владел сеульским наречием, но знал и русский язык⁷. В том же году лектором японского языка был назначен японец Маеда Киоцугу, окончивший Институт иностранных языков в Токио⁸. Первым лектором монгольского языка был бурят Рабдан Намдаков из Селенгинского округа Забайкальской области, окончивший в Урге цантскую школу и прошедший курс тибетской медицины.

Ежегодный прием студентов на первый курс Института был установлен в 60 человек. Однако такое число студентов обычно не набиралось. К тому же часть из них из-за неуспеваемости, по материальным и другим причинам отсеивалась на первом и втором курсах, поэтому число студентов, вместе с офицерами, прикомандированными для изучения языков, на всех четырех курсах в среднем составляло 120—190 человек.

Характерен состав слушателей Восточного института, необычный для высших учебных заведений дореволюционной России. Так, в 1912 г. из 179 студентов детей дворян и чиновников насчитывалось 30, купцов — 7, духовенства — 14, мещан и цеховых — 22, крестьян — 99 и казаков — 7⁹.

Уже с самого начала деятельности Института было признано необходимым направлять студентов старших курсов на практику в ту страну, язык которой они изучали. Однако средств, отпускаемых министерством

⁶ Там же, д. 36, л. 36.

⁷ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 20, л. 7. Хан Киль Мен работал в Восточном институте до февраля 1908 г., когда он покончил самоубийством в знак протеста против закабаления Кореи Японией (см. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 2).

⁸ Маеда Киоцугу работал в Восточном институте семь лет. В 1904 г. он принял русское подданство. В 1907 г. был убит в Токио, где проводил свой отпуск, японским шовинистом (см. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 103, л. 50, 57).

⁹ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 310, л. 13.

народного просвещения для командировок студентов за границу, было недостаточно, и только 20—25 студентов мог командировать Институт ежегодно за границу, тогда как необходимо было посылать до 40—50 человек¹⁰.

Недостаток средств сказывался и на условиях учебы и жизни студентов. В отчете за 1904—1905 гг. указывалось, что в Институте имеется для чтения лекций всего лишь семь комнат «самого жалкого по отношению к кубическому содержанию воздуха размера», нет ни профессорской, ни лекторской, ни студенческой читальни¹¹.

Положение студентов, большинство которых сильно нуждалось, ухудшалось высокими ценами на продукты питания во Владивостоке, а также тяжелыми условиями быта в интернате Института. Последнее обстоятельство привело в 1903 г. к коллективному выступлению студентов, требовавших улучшения условий их жизни¹². Хотя эти требования были справедливыми и умеренными, они привели к конфликту. А. М. Позднеев учинил допрос с целью выявить зачинщиков, а затем исключил из Института трех человек, что вызвало новый протест всех студентов. Они подали петицию приамурскому генерал-губернатору¹³. По ходатайству военного министра Куропаткина, который в то время находился во Владивостоке, министр народного просвещения разрешил исключенным студентам продолжать занятия на правах вольнослушателей. Эти события явились причиной ухода А. М. Позднеева с поста директора Восточного института. В июне 1904 г. директором Восточного института был назна-

¹⁰ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 310, л. 83.

¹¹ См. там же, д. 113, л. 1.

¹² См. там же, д. 69, л. 12.

¹³ См. там же, л. 7. Студенты Восточного института принимали участие в революции 1905—1907 гг. За участие в революционных выступлениях в 1906 г. были преданы суду 23 студента. Революционные настроения студенчества проявились между прочим и в активном выступлении против нового директора института Д. М. Позднеева. К этому времени в связи с русско-японской войной Институт был эвакуирован в Верхнеудинск, что тяжело отразилось на материальном положении студентов.

чен брат А. М. Позднеева — Д. М. Позднеев.

В качестве приват-доцента Д. М. Позднеев с 1896 по 1898 г. читал лекции по истории Китая на Восточном факультете Петербургского университета, а затем по 1904 г. жил в Китае, где выполнял различные дипломатические поручения царского правительства, работал в правлении КВЖД и был директором Русско-Азиатского банка¹⁴.

Д. М. Позднеев на посту директора Института ничем себя не проявил, но впоследствии стал известен как автор ряда востоковедческих трудов («Иероглифический словарь», переводы японских работ и др.). В связи с конфликтом со студентами в 1906 г. он ушел с поста директора, и с этого времени до апреля 1917 г. директором Института был известный ученый-китаист А. В. Рудаков (1871—1949).

В основном научная работа профессоров Восточного института, особенно в первые годы его существования, была направлена на создание учебных пособий для изучения восточных языков. В отчете Института за 1903 г. отмечается, что «В первые семь выпусков „Известий Восточного института“ входили почти исключительно пособия к изучению различных восточных языков и литератур»¹⁵. Наибольшее внимание уделялось изучению Китая, Маньчжурии, Монголии и Тибета.

Изучение китайской филологии в Восточном институте связано прежде всего с именами А. В. Рудакова и П. П. Шмидта.

После окончания факультета восточных языков Петербургского университета А. В. Рудаков и П. П. Шмидт в 1896 г. были направлены в Пекин на три года. Как отмечалось в отчете Восточного института, они во время пребывания в Китае «не только имели возможность в совершенстве овладеть живым китайским языком и письменностью китайцев, но и, во исполнение возложенной на них задачи, детально ознакомились как с важнейшими, почти неизвестными дотоле в России, практическими пособиями на иностранных языках, так и с теми методами преподавания главенствующими».

¹⁴ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 101, л. 18—40.

¹⁵ Там же, д. 84, л. 64.

³ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 20, л. 4.

⁴ Кроме языков, истории и географии стран Востока, студенты слушали курсы истории политической экономии, политической организации современного Китая, торгово-промышленной деятельности стран Востока, государственного устройства России и западноевропейских держав, гражданского и торгового права и судопроизводства, а также счетоводство и товароведение.

⁵ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 20, л. 84; д. 36, л. 102—103.

щего на Дальнем Востоке китайского языка, которые вырабатывались и применялись на месте лучшими знатоками Китая из среды иностранцев»¹⁰.

А. В. Рудаков составил учебные пособия для изучения китайского языка. Он подбирал и издавал образцы официальных бумаг, образцы современной китайской литературы по истории, политическим вопросам, философии, а также художественные произведения и т. д.¹⁷

Научные интересы А. В. Рудакова не ограничивались вопросами китайской филологии. В 1899—1902 гг. он читал лекции в Восточном институте по истории и географии Востока. В 1901 г. ученый приступил к переводу на русский язык новейшей

¹⁶ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 1а.

¹⁷ См. работы А. В. Рудакова, изданные в «Известиях Восточного института». (В дальнейшем наименование «Известий» и номер выпуска не будут указываться, так как обычно каждый выпуск содержал работу одного автора.)

«Бумаги императорских китайских таможен» (на кит. яз.). Владивосток, 1901; «Гуань-хуа, чжи-нань. Руководство к изучению китайской мандаринской речи». Владивосток, 1904; «Образцы китайской драматической литературы. Китайские повести». Литограф. Владивосток, [б. г.]; «Образцы официальных бумаг на китайском языке. Пособие к изучению официального китайского языка для студентов Восточного института», вып. 1. Верхнеудинск, 1905; вып. 4. Владивосток, 1907; «Практическое руководство к изучению мандаринского наречия по системе Т. Ф. Вэда. Обработано по английскому изданию A progressive course designed to assist the student of colloquial Chinese, by T. F. Wade, с изменениями и дополнениями для студентов Восточного института», ч. 1, вып. 1. [Китайский текст]. Верхнеудинск, 1905; ч. II. [Слова, перевод и примечания]. Литограф. Владивосток, 1905—1906; «Руководство к изучению наиболее употребительных в общении начертаний китайской скорописи, составленное для студентов Восточного института». Владивосток, 1907; «Собрание писем на китайском языке. Пособие к изучению китайской скорописи», 2 изд. Владивосток, 1908.

китайской энциклопедии «Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции», изданной в Китае в 1899 г. в ста экземплярах¹⁸.

А. В. Рудаков не ограничился переводом энциклопедии. Для того чтобы разобраться в вопросах социально-экономических отношений в Гиринской провинции, он посетил Гирин и на месте изучал состояние сельского хозяйства, ремесел, денежного обращения и т. д.¹⁹ За эту работу Петербургский университет в 1903 г. присвоил А. В. Рудакову звание магистра китайской словесности. Изданная А. В. Рудаковым работа представляла собой единственное в то время описание Гиринской провинции на европейском языке. Ученый познакомил русских читателей также с официальными китайскими данными о событиях, связанных с антиимпериалистическим восстанием китайского народа в 1900 г.²⁰

После ознакомления в 1901 г. с архивами и книгохранилищами Мукдена А. В. Рудаков указывал на «громадное историческое значение литературных памятников, императорских хроник и наставлений, заключенных в мукденской Чун-мо-гэ»²¹. С большим уважением относился А. В. Рудаков к истории и культуре великого китайского народа. От отмечал, в частности, что в связи с восстанием китайского народа и вмешательством иностранных держав во внутренние дела Китая создалась угроза для памятников китайской культуры и цивилизации, в том числе и для книгохранилищ и архивов в Мукдене и что надо «позаботиться о сохранности этих драгоценных для науки документов»²².

¹⁸ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 28, л. 11.

¹⁹ Там же, д. 36, л. 153; см. также А. Рудаков. Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с ее заселением, вып. 2, 4, 5, 1901—1902.

²⁰ См. А. В. Рудаков. Общество И-хэ-Туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным. Владивосток, 1901.

²¹ См. А. В. Рудаков. Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене (Результаты командировки летом 1901 г. в Мукден). Владивосток, 1901, стр. 40.

²² Там же; см. также А. Рудаков. Библиография китайских государственных дейте-

П. П. Шмидт основное внимание в своих научных трудах уделял грамматике китайского языка²³. В 1902 г. Петербургский университет присвоил П. П. Шмидту степень магистра китайско-маньчжурской словесности²⁴ за написанный им учебник китайского разговорного языка «Опыт мандаринской грамматики...»²⁵. В 1909 г. Конференция Восточного института следующим образом определила научную значимость работ этого ученого: «Лингвистическое введение в изучение китайского языка, составляющее теоретическую часть „Опыта мандаринской грамматики“ проф. П. П. Шмидта, точно так же, как и практическая часть указанного труда, представляющая собой впервые изложенный на русском языке систематический курс китайской грамматики, являются первым опытом приложения филологического метода к изучению основ китайского языка»²⁶.

Кроме научных командировок в Китай, П. П. Шмидт в 1912 г. совершил поездку в Германию, Францию и Англию, где ознакомился с состоянием научной работы в этих странах в области синологии²⁷.

А. В. Рудаков и П. П. Шмидт успешно продолжали работу в области маньчжуроведения, начатую в Восточном институте А. М. Позднеевым²⁸. В отчете Института

лей. Владивосток, 1907; *его же*. Трактаты, заключенные между Россией и Китаем. Владивосток, 1907.

²³ П. Шмидт. Китайская хрестоматия для первоначального преподавания. Владивосток, 1902; *его же*. Изучение Китая за границей. Владивосток, 1909.

²⁴ См. ЦГАДВ, ф. 266, оп. 1, д. 36, л. 155.

²⁵ П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия, 2 изд. Владивосток, 1915.

²⁶ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 30.

²⁷ См. там же, д. 310, л. 37.

²⁸ А. Позднеев. Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфавита. [По поводу хранящейся в Парижской национальной библиотеке Маньчжурской рукописи], вып. II. Владивосток, 1901; *его же*. Опыт собрания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1903; А. В. Рудаков. Поли-

за 1909 г. указывалось, что А. В. Рудаков и П. П. Шмидт «Одновременно с изучением китайского языка продолжали уже в новом для них практическом направлении занятия языком маньчжурским, и, явившись, впоследствии первыми профессорами Восточного института, оказались, таким образом, основателями научно-практической школы современной синологии и маньчжуроведения»²⁹.

Значительный вклад в изучение тунгусо-маньчжурских народов и маньчжурского языка внес А. В. Гребенщиков. Он окончил Владивостокский восточный институт в 1907 г. и был оставлен при Институте для подготовки к преподавательской работе³⁰. В 1908 г. А. В. Гребенщиков посетил важнейшие центры распространения маньчжурского языка в окрестностях Айгуни и Цицикара, а также на нижнем течении р. Сунгари, где собрал большой лингвистический, этнографический и фольклорный материал, а также приобрел маньчжурские рукописи³¹. В конце 1908 г. А. В. Гребенщиков был направлен в Пекин для ознакомления с постановкой преподавания маньчжурского языка в Китае³². После сдачи экзаменов при Петербургском университете в 1911 г. А. В. Гребенщиков был назначен и. д. профессора по кафедре маньчжурской словесности. В 1912 г. он предпринял новую поездку в район расселения маньчжур, посетив населенные пункты прибрежной полосы между Айгуном и Сахалином. Здесь им были собраны материалы по маньчжурскому и родственному ему языкам, об экономическом и политическом положении

тическая организация Маньчжурии. Литограф. Владивосток, [б. г.]; *его же*. Образцы официального маньчжурского языка. Владивосток, 1908; *его же*. Маньчжурские разговоры с китайским переводом. Пособие к лекциям по маньчжурскому языку. Владивосток, 1910; П. Шмидт. Учебник маньчжурского языка в трех частях. Владивосток, 1907—1908.

²⁹ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 1.

³⁰ См. «Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1907 г.». Владивосток, 1908, стр. 13.

³¹ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 6; д. 189, л. 18.

³² См. там же, д. 189, л. 18.

маньчжур. Из своей поездки А. В. Гребенщиков привез сборник маньчжурских народных песен и коллекцию предметов шаманского культа³³.

Наиболее значительной работой А. В. Гребенщикова является труд «Маньчжуры, их язык и письменность». В ней, на основе личных наблюдений, изучения им китайских и других источников, освещается прошлое тунгусо-маньчжурских народов, населявших Маньчжурию и Приамурский край, исследуется история развития письменности маньчжуров. А. В. Гребенщиков первым из лингвистов обратил внимание на фонетические особенности маньчжурского языка³⁴.

Из профессоров Восточного института наибольший вклад в изучение истории, географии и этнографии стран Дальнего Востока внес Н. В. Кюнер (1877—1955).

Н. В. Кюнер владел китайским, японским, корейским, маньчжурским, монгольским и тибетским языками. В 1902 г. он был назначен и. д. профессора Восточного института по кафедре истории и географии. У своих слушателей Н. В. Кюнер стремился воспитать любовь и уважение к культуре великого китайского народа. Он говорил, что «эта культура не только с самого начала явилась наиболее совершенной на всем обширном пространстве Восточной Азии, но и служила вплоть до появления здесь европейской цивилизации общим и почти единственным источником, откуда почерпали жизненное содержание как сами творцы этой культуры — китайцы, так и все многочисленные соседи их»³⁵.

³³ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 310, л. 38—40.

³⁴ См. А. В. Гребенщиков. Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912; его же. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1909; его же. В Бутху и Мергань по р. Нонни. Харбин, 1910; его же. Очерк изучения маньчжурского языка в Китае. Владивосток, 1913.

³⁵ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 324, л. 7; см. также основные работы о Китае, написанные Н. В. Кюнером в период его работы в Восточном институте: «Экономическая география Китая» (Владивосток, 1903); «География Китая» (Владивосток, 1904); Лекции по коммерческой географии стран

В своей научной деятельности Н. В. Кюнер постоянно обращался к первоисточникам, которые он хорошо знал. Китайская классическая литература, и особенно «китайская историческая литература», — говорит ученый в своих лекциях, — уже по самому ее назначению должна давать нам прямой ответ, насколько это оказывается в ее силах, на все вопросы, возникающие у иностранного исследователя при изучении китайской истории и прошлого китайской культуры»³⁶.

Крупным вкладом в изучение географии, этнографии, истории и социально-политического строя Тибета явилась магистерская диссертация Н. В. Кюнера «Описание Тибета»³⁷, написанная на основе европейских, китайских и тибетских источников и материалов. Об этой работе Н. В. Кюнера акад. В. В. Бартольд писал: «... о Тибете, в особенности об истории изучения его европейцами, в этом труде собраны сведения, которых нельзя найти ни в одном из западноевропейских сочинений»³⁸. Работал Н. В. Кюнер и над географией, экономикой и историей Кореи. В его работе «Статистико-географический и экономический очерк Кореи», написанной по японским и корейским источникам, собран обширный фактический материал.

Дальнего Востока, читанные в Восточном институте в 1908—1909 акад. годах, «Коммерческая география Китая». Литограф. (Владивосток, 1909); «Исторический очерк развития китайской материальной и духовной культуры. Обзор источников» (Владивосток, 1909); «Новейшая история стран Дальнего Востока», 5 выпусков (Владивосток, 1912); «Лекции по истории развития китайской материальной и духовной культуры» (Владивосток, 1912); «Современный Китай и современная Япония в истории нашего времени» (М., 1917).

³⁶ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 324, л. 77; см. также исследование преподавателя Восточного института Н. Кохановского «Землевание и земледелие в Китае». Владивосток, 1909.

³⁷ Н. В. Кюнер. Описание Тибета, ч. 1, 2, 3, 4. Владивосток, 1907—1909.

³⁸ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, 2 изд. Л., 1925, стр. 275.

Изучение языка и культуры Монголии и Тибета во Владивостокском восточном институте связано с именем Г. Ц. Цыбикова³⁹, который после А. М. Позднеева читал там курс монгольского языка и литературы. Г. Ц. Цыбиков, по национальности бурят, учился в Читинской гимназии, а в 1899 г., успешно окончив факультет восточных языков Петербургского университета, был оставлен при университете для «приготовления к профессорскому званию»⁴⁰. По поручению Русского географического общества, Г. Ц. Цыбиков совершил путешествие по Тибету.

В августе 1900 г. Г. Ц. Цыбиков прибыл в Лхассу⁴¹. Здесь он жил полтора года, «усердно изучая тибетский язык и литературу тибетцев»⁴². Результаты поездки Г. Ц. Цыбикова в Тибет были высоко оценены крупнейшими учеными-востоковедами. По представлению С. Ф. Ольденбурга, Русское географическое общество присудило Г. Ц. Цыбикову премию им. Н. М. Пржевальского. В. В. Бартольд отметил, что наблюдения Г. Ц. Цыбикова «благодаря полученной им специальной подготовке... могли охватить все стороны местной жизни и в этом отношении выгодно отличаются от наблюдений участников английской военной экспедиции 1903—4 гг.»⁴³. Г. Ц. Цыбиков собрал и опубликовал материалы по географии, этнографии, экономике, политическому и государственному устройству Тибета, а также о роли ламаистской религии. Ученый констатировал тяжелое положение тибетского народа. Он отмечал, что вследствие малого развития промышленности человеческий труд там «ценится весьма дешево. Чернорабочий в день получает 4—6 коп., а в городах развито нищенство...»⁴⁴.

³⁹ Фамилию ученого иногда пишут Цыбиков, однако сам он писал Цыбиков.

⁴⁰ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 36, л. 72.

⁴¹ В Лхассу и прилегающий к ней округ доступ европейцам был закрыт. Г. Ц. Цыбиков был первым европейским ученым, которому удалось побывать в Лхассе (этому он обязан тем, что был буддистом).

⁴² ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 239, л. 5.

⁴³ В. Бартольд. Указ. соч., стр. 275.

⁴⁴ Г. Ц. Цыбиков. О центральном Тибете. Предварительное сообщение. (Читано 7 мая

В 1902 г. Конференция Владивостокского восточного института приняла решение о необходимости изучения в Институте тибетского языка, поскольку он «является важнейшим из неизучаемых у нас языков Восточной Азии...»⁴⁵.

Так как Г. Ц. Цыбиков, прибывший на научную работу в Восточный институт, мог преподавать не только монгольский, но и тибетский язык, Конференция ходатайствовала об открытии в Институте кафедры тибетского языка⁴⁶. Однако средств на эти цели отпущено не было, и лишь с 1907 г. Г. Ц. Цыбиков стал читать курс тибетского языка как необязательный для студентов⁴⁷.

В 1909 г. Г. Ц. Цыбиков предпринял поездку с научной целью в Забайкалье и Китай. В Забайкалье он посетил Агинский и Цугольский дацаны (монастыри). В монастырских библиотеках с помощью ученых-лам он систематизировал и собрал материалы, которые были необходимы ему для комментариев к начатому переводу сочинения основателя ламаизма Цзонхапы «Лам-рим чен-по»⁴⁸. Затем Г. Ц. Цыбиков выехал в Китай. Он поселился в монастыре Юн-хо-гун (Пекин), куда стекалось множество лам из монгольских аймаков. Здесь Г. Ц. Цыбиков изучал диалекты восточных и юго-восточных монголов, собирал коллекции книг на тибетском и монгольском языках⁴⁹. Изданный им перевод упомянутого выше сочинения Цзонхапы на русский язык был первым переводом этого сочинения на европейский язык⁵⁰.

1903 г. в общем собрании Императорского русского географического общества. «Известия ИРГО», т. XXXIX, СПб., вып. I—V. Владивосток, 1903, стр. 198; см. его же. Буддист паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. Пг., 1919.

⁴⁵ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 36, л. 77.

⁴⁶ Конференция отмечала, что в России, кроме В. П. Васильева и Г. Ц. Цыбикова, тибетский язык знал только А. М. Позднеев.

⁴⁷ В 1906 г. Г. Ц. Цыбиков был назначен и. д. профессора.

⁴⁸ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 190, л. 62.

⁴⁹ См. там же, д. 239, л. 88.

⁵⁰ Г. Ц. Цыбиков. Лам-рим чен-по (Степени пути к блаженству). Сочинение Цзонха-

В введении Г. Ц. Цыбиков дал биографию Цзонханы, написанную по первоисточникам, и снабдил перевод обстоятельными комментариями. Ученый разработал также учебные пособия для изучения монгольского и тибетского языков⁵¹. Изданные им «руководства к изучению живого монгольского и тибетского языков», — отмечается в отчете Института за 1908 г., — являются первыми попытками такого рода не только в России, но и за границей⁵². Во Владивостокском восточном институте впервые в России и даже раньше, чем в какой-либо другой европейской стране, было организовано систематическое изучение японского и корейского языков⁵³. Первым русским японологом стал Е. Г. Спальвин.

В отчете Восточного института за 1899—1900 гг. указывалось, что Е. Г. Спальвин, изучив европейские пособия по японскому языку, выработал «свой собственный взгляд

ны в монгольском и русском переводах, т. I. Низшая ступень общего пути. Владивосток, 1910 (вып. I, монг. пер.); Владивосток, 1913 (вып. II, русск. пер.).

⁵¹ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 241, л. 9.

⁵² Г. Ц. Цыбиков. Монгольские тексты. Образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения студентов III курса Восточного института. Литограф. Владивосток, 1908; *его же*. Пособие для практического изучения монгольского языка. Владивосток, 1909; *его же*. Пособие для изучения тибетского языка. Упражнения в разговорном и литературном языке и грамматические заметки. Ч. I. Разговорная речь. Литограф. Владивосток, 1908.

⁵³ В. В. Бартольд писал, что в период с 1736 по 1816 г. в Петербурге, а затем в Иркутске функционировала школа японского языка, однако «...она не подготовила никаких знатоков японского языка и не оставила никаких следов в истории русского востоковедения» (В. Бартольд. Указ. соч., стр. 201). Надо сказать, что первым европейцем, окончившим (в 1912 г.) Токийский университет по курсу японской словесности, был русский — Сергей Елисеев (см. «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения», вып. 1, Хабаровск, 1912, стр. 300).

на японскую грамматику и подготовил систематические курсы к ее познанию. Так как при изучении японского собственно книжного языка представляется делом чрезвычайной важности знание усвоенных японцами чтений китайских иероглифов, то Спальвин собрал богатейшие материалы по этому вопросу и подготовил словарь иероглифов, с показанием массы их различных, но постоянных сочетаний⁵⁴. Кроме того, ученый собрал фольклорный материал и подобрал библиотеку из японских изданий.

В 1903 г. и в 1906—1907 гг. Е. Г. Спальвин вновь был в Японии. Первую из двух этих командировок он провел в Осацком районе, вторую — в районе Киото. Накануне новой поездки в Японию в 1909 г. Е. Г. Спальвин писал, что он заканчивает составление грамматики японского языка, над которой работает уже десять лет, и намеревается в следующем году приступить к ее изданию. Для завершения работы ученому необходимо было собрать дополнительные материалы по фонетике и диалектологии Северной и Южной Японии. Учебные пособия для изучения японского языка⁵⁵, разработанные Е. Г. Спальвиным, получили высокую оценку. Директор Института А. В. Рудаков писал: «Один из лучших пока в России и обширных

⁵⁴ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 20, л. 46.

⁵⁵ Е. Г. Спальвин. Очерк основ языка и письменности японцев. [Вступительная лекция, произнесенная в Восточном институте 2 сентября 1900 г.]. Владивосток, 1900; *его же*. Хрестоматия разговорного японского языка, ч. I. Японский текст в японском слоговом письме. Владивосток, 1903; ч. II. Японский текст в смешанном иероглифическом письме. Владивосток, 1907; *его же*. Нихонго-токухон. Японская хрестоматия (12 выпусков). Литограф. Владивосток, 1908; *его же*. Разбор японских азбук катакана и хирагана, ч. I, 1908; ч. II, 1909. Литограф. Владивосток; *его же*. Практические японские разговоры. Пособие для изучения простейших форм японского разговорного языка и для введения в японскую письменность, ч. I. Японский текст; ч. II. Подстрочный иероглифический словарь. 1908—1909. Владивосток; *его же*. Библиографические заметки по японоведению. Владивосток, 1909.

курсов японского языка издан и. д. профессора Е. Г. Спальвиным»⁵⁶.

В области японской филологии известен также ученик Е. Г. Спальвина — В. М. Мендрий. Он окончил Владивостокский восточный институт в 1906 г. и был оставлен при Институте.

Во время двухгодичной командировки в Японию в 1908—1909 гг. В. М. Мендрий занимался исследованием различных стилей японского языка и изучал японскую грамматику. Результаты этих исследований были им опубликованы в ряде работ⁵⁷. Одновременно он перевел много японских сочинений по истории. Так, им переведена и прокомментирована многотомная работа японского историка Рай Дзю Сисей «История Сиогуната в Японии». К 1916 г. В. М. Мендрий перевел и издал шесть книг этого сочинения⁵⁸. Значительный интерес и до настоящего времени представляет оригинальная работа В. М. Мендрия «Сиогун и Сией Тайсиогун. Бакуфу», построенная на большом лингвистическом и историческом материале⁵⁹.

Преподавателями и студентами Восточного института был также опубликован ряд исследований по географии, истории и различным отраслям культуры Японии⁶⁰.

⁵⁶ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 195, л. 51.

⁵⁷ В. М. Мендрий. Сбѣбун. Анализ японского эпистолярного стиля: Частная переписка, ч. I. Введение и японский текст в полном начертании и скорописью. Владивосток, 1910; ч. II, кн. I, вып. I: Объяснительная часть: лексикон и перевод к японскому тексту. Владивосток, 1914; ч. II. Историко-описательная часть. Очерк стильного и начертательного ритуала японского эпистолярного стиля. Владивосток, 1914.

⁵⁸ В. М. Мендрий. История Сиогуната в Японии. Нихон Гайси. Сочинение Рай Дзю Сисей (в XII книгах). Владивосток, 1910—1915.

⁵⁹ В. М. Мендрий. Сиогун и Сией Тайсиогун. Бакуфу. Лингвистические и исторические очерки с приложением хронологического перечня сиогунов и двух алфавитных указателей. Владивосток, 1916.

⁶⁰ Н. В. Кюнер. Географический очерк Японии. Владивосток, 1904; *его же*. Современное состояние японской исторической

Корейский язык в России изучался только на факультете восточных языков Петербургского университета, где существовал необязательный курс корейского языка для обучавшихся там корейцев. Этот курс прослушал и Г. В. Подставин, ставший первым в России специалистом по корейскому языку⁶¹. После окончания факультета восточных языков Г. В. Подставин в 1899 г. выехал в годичную командировку в Корею. Жил он в основном в Сеуле и занимался изучением корейского языка под руководством образованных корейцев. Г. В. Подставин собирал также образцы корейской литературы и лингвистические материалы. Для лучшего ознакомления с Кореей, ее культурой и условиями жизни народа Г. В. Подставин совершил поездки и в другие крупные центры страны. Обратный путь на родину ученый совершил пешком, пройдя весь Корейский полуостров от Сеула до Гензана (Вонсана) и далее побережьем Японского моря до русской границы. Г. В. Подставин собрал в Корее еще мало изученные в те времена материалы по ее географии, экономике, политическому устройству, а также этнографическую коллекцию предметов корейского быта, насчитывавшую до 300 предметов⁶².

В записке «О постановке преподавания на кафедре Корейской словесности» (1913 г.) Г. В. Подставин указывал, что корейская фонетика и грамматика крайне сложны, что корейский язык является одним из самых трудных к надлежащему овладению.

науки. «Исторические известия», Изд. Исторического общества при Московском университете. М., 1917, № 1, 2; *его же*. Лев Толстой в японской литературе. «Вестник Азии». Харбин, 1920; Н. И. Козановский. Очерк экономического положения Японии. Владивосток, 1909; Д. Позднеев. Японская историческая хрестоматия, ч. 1. Токно, [Изд. автора], 1906. (Правда, Е. К. Спальвин в своей брошюре «К характеристике трудов и направления Д. Позднеева в области японоведения», Владивосток, 1908, критиковал Д. А. Позднеева за плохое знание японского языка. Д. А. Позднеев в специальной брошюре решительно против этого возражал.)

⁶¹ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 177, л. 70.

⁶² См. там же, л. 45—46.

нию как в устной речи, так и в смысле интерпретации корейских текстов»⁶³.

Для углубления своих знаний в корейском языке Г. В. Подставин побывал и в Японии. Здесь он изучил «метод и программы преподавания» корейского языка в Токийском институте иностранных языков, единственном учебном заведении, по заявлению Г. В. Подставина, кроме Восточного института, где практически изучался корейский язык⁶⁴. Г. В. Подставин разработал и перевел с других языков ряд учебных пособий для изучения корейского языка, занимался также изучением колониальной политики Японии в Корее⁶⁵.

Таким образом, мы видим, что Владивостокский восточный институт оставил заметный след в развитии русского востоковедения. Возможно, что А. В. Рудаков несколько преувеличивал, когда писал в 1901 г. о Восточном институте: «В силу особенно сложившихся обстоятельств, это учреждение должно почитаться ныне в Рос-

сии единственным пока рассадником знаний о Дальнем Востоке»⁶⁶.

Несмотря на стремление царского правительства превратить Владивостокский восточный институт в учреждение, готовящее лишь чиновников, способных проводить политику царизма в странах Дальнего Востока, Институт стал научным центром изучения языков и культуры дальневосточных стран. Для научно-исследовательской работы Института был характерен ясно выраженный практический подход, стремление к изучению восточных языков. Труды профессоров Восточного института, хорошо знавших Дальний Восток, помогали студентам овладевать языками. Институт поддерживал тесные культурные связи со странами Дальнего Востока. В превосходную библиотеку Института поступали научные издания и периодическая печать из Китая, Кореи, Японии и Монголии⁶⁷. Издания Восточного института⁶⁸ выписывались учеными дальневосточных стран, Западной Европы и США.

SUMMARY

The article reviews the work conducted in 1899—1916 at the Vladivostok Institute of Oriental Studies which had done much to advance Russian Orientology.

⁶³ ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 177, л. 70.

⁶⁴ См. там же, л. 72.

⁶⁵ См. Г. В. Подставин. Хрестоматия литературного корейского языка. Владивосток, 1905; его же. Образцы сатирических произведений современной корейской литературы. Литограф. Владивосток, 1907; его же. Собрание образцов современного корейского официального стиля, ч. I. Корейский текст. Литограф. Владивосток, 1908; «Корейская грамматика», Изд. французских миссионеров. Перев. и д. проф. Восточного института Г. Подставина. Литограф. Владивосток, 1908; Г. Подставин. Очерк административных реформ в Корее. Отчет Японской генераль-

ной резиденции в Сеуле. Владивосток, 1909.

⁶⁶ А. Рудаков. Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдени. Владивосток 1901, стр. 3.

⁶⁷ См. ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 177, л. 8.

⁶⁸ За 16 лет деятельности Восточный институт издал 60 томов «Известий Восточного института» более чем в восьмидесяти выпусках. При Институте имелась одна из лучших в то время типографий. Работы печатались на семи языках стран Дальнего Востока. Были созданы торговно-промышленный и этнографический музеи.

Х. Г. ГУЛАНИН. Очерки истории армянской экономической мысли XIX века. М., Госполитиздат, 1955, 350 стр.

Характеризуя историю экономической мысли Армении, автор привлекает большой фактический материал экономического и политического характера. Заслугой автора является и то, что особое место он отводит характеристике тех экономических связей, которые существовали между Арменией и граничащими с нею Грузией и Азербайджаном.

В центре исследования Х. Г. Гуланина находятся два основных направления экономической мысли Армении XIX в. — революционно-демократическое (Налбандян) и либерально-буржуазное (Назарян, Арцруни, Аракеханян и др.). Истоки этих двух основных направлений автор прослеживает в предшествующем периоде (конец XVIII и начало XIX в.) — во взглядах Шаамириана и Эмина, Зарояна и Абоняна. Автор рецензируемой книги ставил перед собой задачу «дать марксистский анализ армянской экономической мысли определенного исторического периода ее развития» (стр. 3).

В основном работа посвящена истории экономической мысли Армении XIX в. Однако автор выходит за рамки этого периода. Х. Г. Гуланин начинает свое исследование с конца XVIII в., а в заключении дает краткую характеристику отдельных, наиболее крупных представителей экономической мысли начала XX в. Таким образом, в книге представлена подробная история армянской буржуазной экономической мысли со времени ее зарождения.

Исследование общественно-политической и экономической мысли Армении представляет известные трудности, связанные с особенностями исторических судеб армянского

народа. В течение многих веков Армения находилась под игом чужеземных угнетателей: до 1828 г. она была разделена между Турцией и Персией, после 1828 г. Восточная Армения вошла в состав России. Кроме того, начиная с XVIII в., вне Армении находилось значительное число армянских эмигрантов, осевших во многих странах (Индия, Италия и т. д.).

Экономическое развитие отдельных частей Армении проходило, таким образом, в различных условиях, что весьма затрудняет задачу исследования армянской экономической мысли. Эти трудности успешно преодолены Х. Г. Гуланином благодаря тому, что развитие армянской экономической мысли показано им в тесной связи с конкретной исторической обстановкой, характерной для отдельных частей Армении.

Работа Х. Г. Гуланина начинается с анализа экономической обстановки в Восточной и Западной Армении в конце XVIII—XIX в.

Основываясь на изучении литературы и источников (главным образом армянских), автор дает в основном правильное, хотя и одностороннее, объяснение причин экономического застоя в Османской империи, в состав которой входила Западная Армения. Односторонность этого анализа заключается в том, что автор принимает во внимание лишь внутренние факторы, упуская из виду внешние причины, препятствовавшие экономическому развитию Турции: неограниченные льготы, предоставляемые иностранному капиталу, кабальные займы за рубежом, отсутствие единой таможенной

политики, иностранная конкуренция и пр. Автор довольно подробно исследует экономические и политические последствия присоединения Восточной Армении к России. Опираясь на документальные материалы, он убедительно показывает прогрессивное значение этого исторического акта, подробно говорит о давнишних культурных и торговых связях Армении с Россией. Последним уделено, на наш взгляд, даже слишком много места, так как именно этот вопрос наиболее исследован: русско-армянским связям посвящено немало монографий, статей, диссертаций на русском и армянском языках.

Во второй главе исследования Х. Г. Гулянян характеризует экономические взгляды представителей армянских колонистов, главным образом находившихся в Индии и Италии. Наиболее подробно автор останавливается на экономических воззрениях кружка Шаамиряна (Иосиф Эмин, Мовсес Баграмян, Акоп Шаамирян и др.). Читатель «Очерков...» может получить полное представление об экономических воззрениях членов этого кружка. Надо отметить, что этот вопрос почти не изучен (за исключением взглядов Эмина) другими исследователями, обращавшимися к истории общественно-политической мысли Западной Армении. В том же разделе автор пытается охарактеризовать экономические воззрения мхитаристов — основателей венецианской армянской конгрегации. Однако Х. Г. Гулянян ограничивается общей характеристикой реакционной сущности их воззрений, экономические же взгляды мхитаристов в книге почти не освещены. Он упоминает лишь о том, что специально занимались экономическими проблемами только Папазян и Тертерян и что они в своих трудах отразили «действия (I? — Е. К.) армянского купечества» (стр. 86).

Затем Х. Г. Гулянян обращается к первому крупному представителю буржуазного просветительства в области экономики Западной Армении — Зарояну, и обстоятельно рассматривает его основной труд «Сведения о политической экономии» (Константинополь, 1849). Значение труда Зарояна, пишет Х. Г. Гулянян, заключается в том, что, отталкиваясь от трудов Адама Смита, Зароян в ряде вопросов (определение предмета политической экономии, история товарного хозяйства, история появления де-

нег, сущность стоимости как общественной категории, организация товариществ в области сельского хозяйства) приходит к самостоятельным выводам, основанным на изучении особенностей армянской экономики.

Одновременно с Зарояном в Восточной Армении выступал Хачатур Абовян — виднейший представитель армянского просвещения, деятельность которого оказала «большое влияние на развитие передовой, прогрессивной общественной мысли Армении» и подготовила почву для «развития революционно-демократической мысли, выразителем которой был Миках Налбандян» (стр. 124—125).

Абовяну посвящено много общих и специальных научных исследований. Социально-политические, педагогические, литературные взгляды Абовяна достаточно изучены, экономические же взгляды Абовяна наиболее полно изложены впервые в рецензируемой книге.

Соответственно общему просветительскому направлению мировоззрения Абовяна, в основе его экономических взглядов лежала критика той экономической системы, на которой покоился феодализм. Наиболее подробно Х. Г. Гулянян останавливается на высказываниях Абовяна о разложении натурального хозяйства и развитии товарно-денежных отношений, характеризующих его как демократа-просветителя. Характеристика экономических взглядов Абовяна не является исчерпывающей, но автор и в данном случае сделал интересное и плодотворное начинание.

На рубеже 50—60-х годов XIX в. происходит углубление социальных противоречий в России. С этого времени отмечается более резкая поляризация в общественном движении России и ее окраин. Начиная с 50-х годов XIX в. армянская торговая буржуазия значительно расширила свою деятельность. В этот же период в Закавказье и Армении появились первые капиталистические предприятия. Армянская торговая и зарождающаяся промышленная буржуазия начинают играть все большую роль в общественной жизни страны. Вместе с тем обостряются классовые противоречия, ухудшается положение народных масс. В армянском общественном движении этих лет окончатель-

но оформляются два наметившихся еще ранее направления: либерально-буржуазное — Назарян, Арцруни, Арасханян и революционно-демократическое, представленное Налбандяном.

Деятельность представителей армянского либерализма развивалась во второй половине XIX в. Назарян, Арцруни и Арасханян осуществляли в основном одну и ту же программу — программу торгово-промышленной буржуазии. Однако экономические и социально-политические воззрения каждого из них имели свои специфические особенности, соответственно тем конкретным условиям, в которых протекали их жизнь и творчество.

Литературная деятельность Назаряна началась еще до реформы 1861 г. Его работы появляются главным образом на страницах созданного им прогрессивного журнала «Северное сияние».

Х. Г. Гулянян критически оценивает развитие общественно-политических и экономических взглядов Назаряна. В своей книге автор охарактеризовал Назаряна как типичного представителя нарождающейся армянской буржуазии, который, выступая против феодальной формы собственности, ростовщичества, отсталости промышленности и сельского хозяйства, вместе с тем отрицает революционные методы борьбы и не идет в своей положительной программе дальше идеала буржуазного общества.

Однако характеристике буржуазной ограниченности Назаряна в работе уделено непропорционально мало места. Автор обходит молчанием позиции, занятые Назаряном в национально-освободительной борьбе, и не упоминает даже, что редактор «Северного сияния» отрицал необходимость этой борьбы. Ничего не говорится в книге и о крайне отрицательном отношении Назаряна к Французской буржуазной революции и ее идеологам. Несколько односторонняя характеристика социально-политических позиций Назаряна мешает автору более глубоко показать буржуазно-либеральную сущность его экономических позиций.

Полнее и ярче показана в книге деятельность Арцруни и Арасханяна. При рассмотрении их взглядов автор исходит из ленинской характеристики капиталистического развития Кавказа.

Х. Г. Гулянян утверждает, что бурное капиталистическое развитие, которое имело место в Армении 70—80-х годов в результате ломки «старинной патриархальной замкнутости», обусловило экономические воззрения буржуазных идеологов — Арцруни и Арасханяна.

Главы, посвященные Арцруни и Арасханяну, автор строит почти исключительно на мало известных материалах, почерпнутых из прессы, мемуаров и переписки тех лет. Подчеркивая вклад, внесенный Арасханяном и Арцруни в историю армянской экономической мысли, и показывая прогрессивные и рациональные стороны их учения, Х. Г. Гулянян вместе с тем более убедительно, чем в главе о Назаряне, вскрывает их принципиальное отличие от представителя революционно-демократической мысли Армении — Налбандяна. Но, проводя водораздел между Налбандяном, с одной стороны, и Арасханяном и Арцруни, с другой, автор вместе с тем отмечает и разницу, которая существовала между этими двумя представителями лагеря либерализма. Арасханян занимал во многом более левую позицию, чем Арцруни. Так, Арасханян, как отмечено в книге, первым начал переводить «Капитал» на армянский язык, хотя и не сумел довести эту работу до конца. На страницах своего журнала «Мурч» (1889—1907) он нередко помещал отдельные отрывки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Журнал откликнулся на смерть Ф. Энгельса и поместил его биографию. Тем не менее, как справедливо замечает Х. Г. Гулянян, «испытывая влияние великого учения Маркса, Арасханян, подобно всем другим буржуазным либералам, выступает против его революционной сущности» (стр. 291).

Большое место в книге занимает раздел, посвященный Налбандяну. В этом разделе автор прослеживает путь Налбандяна от просветительно-демократических позиций к революционно-демократическим, показывает его связь с русской революционной демократией, подчеркивает то большое влияние, какое имели на мировоззрение Налбандяна Чернышевский, Добролюбов и их соратники.

В противоположность деятелям либерального направления, Налбандян, отвергал освобождение крестьян сверху, призывал массы к вооруженной борьбе. Подобно рус-

ским революционным демократам, Налбандян ясно видел язвы капитализма — кризисы, безработицу, крайнюю поляризацию богатства и нищеты. Вместе с тем Налбандян, так же как Чернышевскому, был свойственен утопизм в оценке крестьянской общины. Налбандян считал, что именно община должна оградить армянское крестьянство от надвигающегося капитализма.

Экономические взгляды Налбандяна Х. Г. Гулянян пытается показать в тесной связи с другими сторонами его многогранной деятельности, и этот способ изложения нельзя не признать правильным, ибо экономические взгляды революционного демократа Налбандяна были целиком подчинены его политическим и общественным идеалам. При этом автор книги должен был все же так расположить и организовать свой большой материал, чтобы экономические взгляды Налбандяна стояли в центре его исследования, а все остальные вопросы были подчинены этой основной теме книги. Но Х. Г. Гулянян не до конца справился с этой задачей. За многими и разнообразными фактами, сообщаемыми о Налбандяне, читателю иногда трудно уловить сущность его экономических воззрений. В книге недостаточно обобщено экономическое учение Налбандяна, не определено четко место, которое занимает Налбандян в истории армянской экономической мысли. Это усугубляется и тем, что сама

композиция книги не вполне удачна: глава о Налбандяне помещена между главами, в которых дан анализ взглядов деятелей либерально-буржуазного направления (Назаряна и Ардруни). Таким образом, взгляды Налбандяна рассматриваются в отрыве от взглядов его прямого предшественника — Абовяна и представителей марксистской мысли XX в., о которых автор кратко говорит в заключении.

Работа Х. Г. Гуляняна не свободна и от отдельных неточностей.

Далеко не сразу читатель может понять, например, следующую формулировку: «эти причины и вынудили Налбандяна смотреть на рабочих как на разорившихся крестьян» (стр. 220). Казалось бы, речь идет здесь о пополнении рядов пролетариата за счет разорившихся крестьян. Однако из контекста следует, что автор имеет в виду уровень классового самосознания рабочих Закавказья в период формирования капитализма. Не всегда достаточно четко употребляет автор книги некоторые общепринятые термины. Например, «Джуге», вместо утвердившегося «Джульфа», «хуруши» — вместо «куруши» и т. д.

Все же отдельные недостатки книги Х. Г. Гуляняна не снижают безусловно положительной общей оценки, которой заслуживает эта работа.

Е. А. Кургиян

SUMMARY

K. G. Gulanyan's book represents the first attempt to give a systematic survey of the history of economic science in 19th century Armenia.

Т. MENDE. *Conversations avec Nehru*. Paris, Éditions du Seuil, 1956, 205 p.

Видный французский публицист Менд, автор многих книг о современном Востоке¹, был пригласен Джавахарлалом Неру в Нью-Дели и имел с ним несколько бесед по вопросам, которые интересуют европейского наблюдателя исторических событий в Азии. Беседы строились примерно по такому плану: каковы судьбы дальнейшего развития национально-освободительного движения на азиатско-африканском континенте; взаимоотношения бывших колониальных стран с образовавшимися двумя лагерями — капиталистическим и социалистическим и роль Индии в величайшем историческом процессе, переживаемом ныне на Востоке. Вопросы и ответы были записаны компанией Олл-Индия-Редьо на магнитофоне и затем прокорректированы самим Дж. Неру. В рецензируемой книге собраны эти беседы, излагающие взгляды Дж. Неру на взаимоотношения Востока и Запада.

В первой беседе Дж. Неру изложил свою точку зрения на историю и движущие силы национально-освободительного движения на Востоке и о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на формирование идеологии и тактики национальных, антиколониальных сил стран Азии и Африки. Во второй беседе в основном были затронуты внутренние экономические и политические проблемы, возникшие в бывших угнетенных странах в связи с уходом колонизаторов. В третьей беседе Дж. Неру более подробно остановился на принципах внешней политики Индии, которые определены Т. Мендом как «нейтралитет», «страны вне блоков», «зона мира» и «сосуществование». Во время четвертой беседы были затронуты вопросы общественно-политического развития стран Азии сообразно их национальным и историческим особенностям, а также борьбы против тенденции некоторых кругов Запада реставрировать в той или иной форме колониализм. Рецензируемая книга в основном предназначена для европейского читателя. Поэтому Дж. Неру

попутно касался многих бытовых и культурных вопросов современной Индии.

По мнению Дж. Неру, решающими факторами для происходящего ныне в Азии процесса разрушения старого колониального мира и кристаллизации новых общественных отношений на Востоке являются движение народных масс против колониального режима и Октябрьская революция 1917 г., которая дала угнетенным народам идеологическое оружие в борьбе против империализма. Дж. Неру говорит, что первые мероприятия в Советской России по проведению в жизнь национальной политики В. И. Ленина произвели революционный переворот в сознании народных масс Востока. Отказ от экстерриториальности и неравноправных договоров с Китаем, поддержка турецкого народа в его борьбе против империализма и т. п. были тем светочем, который указал колониальным народам путь к независимости. Победа социализма в России была, отметил Дж. Неру, контрблансом против усилившихся тенденций империализма в Азии: «После первой мировой войны г-н Черчилль разработал проект громадной британской империи на Среднем Востоке от Индии до Константинополя. И, действительно, после первой мировой войны англичане практически были хозяевами в этих странах. Мне все это не нравилось. Я был очень доволен тем, что произошло в России, и что вышло противовесом этим планам. Нет никакого сомнения, что революция в России сыграла в это время важнейшую роль для Ирана, Турции и других стран Среднего Востока» (стр. 26).

Великая Октябрьская социалистическая революция стимулировала рост внутреннего антиколониального движения в Индии, имевшего уже опыт и традиции многолетней борьбы против английского империализма. Руководителем этого движения на последнем этапе борьбы, по мнению Дж. Неру, был Ганди. Дж. Неру опровергает распространенное в Европе мнение о Ганди как о принципиальном стороннике только пассивного сопротивления. В подтверждение своей мысли, высказанной в «Открытии Индии», Дж. Неру говорит, что Ганди не исключал необходимости и вооруженных

¹ Т. Mende. *L'Inde devant l'orage*, Paris, 1950; *его же*. *La révolte de l'Asie*, Paris, 1951; *его же*. *L'Asie du Sud-Est entre deux mondes*, Paris, 1954.

форм борьбы для осуществления вековых чаяний индийского народа, но в условиях колониальной Индии тактика Ганди — мирный отказ от сотрудничества с англичанами — была правильной, оказавшей революционизирующее влияние на массы. Бойкот выборов, пассивное сопротивление английским властям, игнорирование кучих английских реформ для туземного населения и т. п. создали общественный вакуум между колониальными властями и всем индийским народом, изолировали верхушечные слои «коллаборационистов», на которые опирались колонизаторы.

На фактах из своей личной биографии Дж. Неру демонстрирует процесс формирования национальных политических деятелей в колониальном мире. После недолгого увлечения теософией, Дж. Неру испытывает сильное влияние Шоу, Расселя, Кейнса; политическим идеалом молодого Неру были Гарибальди и фени в Ирландии. Но вот началась социалистическая революция в России, и «наша симпатия обратилась к Ленину и его последователям, хотя мы и понятия не имели тогда о марксизме». Дж. Неру принялся за изучение К. Маркса и пришел к убеждению, что «в будущем будет создано коммунистическое общество в различные периоды времени» в разных странах.

Единый фронт бывших колониальных стран против западного господства и общее стремление к социальному прогрессу исключают, как считает Дж. Неру, раскол между «коммунистическими» и «националистическими» державами Востока, на который так рассчитывают колонизаторы. «Коммунизм» и «национализм» являются закономерностями внутреннего развития, и в этом их сила². Два события последнего времени

² Вице-президент Индии философ С. Радхакришнан в своей книге «Recovery of faith» (London, 1956) пишет: «Коммунизм в Китае популярен, так как он не является чужеродным элементом. Национализм здесь также мощное чувство. Как бы мощны и плодотворны ни были идеи иные, они не могли бы акклиматизироваться и пустить глубокие корни, если бы не отвечали чаяниям самой страны. Мы не могли бы развивать общественные движения только по программным линиям, занесенным извне» (стр. 64).

в Азии и Африке подтвердили нерушимость единого фронта стран Востока против колониализма: провозглашение пяти принципов мирного сосуществования (панча шила) в Пекине в 1954 г. в бытность там Дж. Неру и резолюция Бандунгской конференции, являющиеся дальнейшим развитием пяти принципов. Документы Бандунгской конференции Дж. Неру считает чем-то вроде политической хартии народов Азии и Африки.

Т. Менд, отражая настроения определенных кругов, рассматривает Бандунгскую конференцию как некую попытку внутреннего «нивелирования» в странах Востока, т. е. навязывания им народам единых форм внутреннего политического и экономического развития. Дж. Неру возражал против этой мысли, но указывал, что во внешней политике Индии есть тенденция, общая для всех государств Востока. Это в первую очередь исключение войны как средства решения межгосударственных конфликтов. Применение этого принципа делает возможным разоружение, и страны Азии могут сыграть важную роль в его осуществлении, отказываясь принимать от империалистических держав средства взаимного истребления или участвовать в военных блоках. Вовлечение стран Востока в военные пакты не увеличивает, говорил Дж. Неру, военный потенциал великих держав, а создает почву для обострения отношений между ними. Отрицательное отношение Дж. Неру к блокам тесно связано с идеей невмешательства в дела других стран.

Касаясь проблем Индо-Китая, Дж. Неру говорил, что империалисты ушли из Индо-Китая по той причине, что им нанес поражение вьетнамский народ.

Принцип взаимного невмешательства Дж. Неру рассматривает не только как отказ от военной интервенции, а в более широком плане. Принцип этот означает также отказ от идеологического, экономического, расового и тому подобных видов вмешательства во внутренние дела других народов. Пропаганда американцев в Индии против «коммунистических» стран Азии является типичным проявлением идеологического вмешательства. Западные круги должны отказаться от этих «рефлексов обороны», как их охарактеризовал Т. Менд, и понять, что нельзя решать судьбы Азии, не считаясь с волей ее народов.

Поскольку Т. Менд крайне неполно представляет себе вопрос о внутреннем экономическом развитии Индии и считает, что она нуждается в «конструктивной помощи» со стороны более развитых в промышленном отношении стран, в ответах Дж. Неру даны необходимые разъяснения. Дж. Неру говорит, что использование внутренних ресурсов является основой хозяйственного развития Индии. В условиях Индии такая политика лучше всего обеспечивается децентрализацией крупных частных предприятий и одновременным усилением и расширением государственного сектора; она направлена против создания монополий, особенно в ключевых отраслях индустрии. «Что касается тяжелой промышленности, то мы, — говорил Неру, — желаем избежать образования монополий в руках частных лиц, так как это, мы думаем, помешало бы как принципу эгалитации, так и общему прогрессу... Мы думаем, что те отрасли индустрии, которые являются основными, должны находиться под государственным контролем» (стр. 135).

В этой связи Дж. Неру критиковал американскую систему экономической помощи, предпочитающую делать ставку на частный капитал. В этом, по мнению Дж. Неру, кроется опасность для нормального экономического развития Индии как демократического государства. Здесь таится также одна из причин тех антиамериканских чувств в индийском народе, на которые любят жаловаться американцы. Старая ставка на компрадорскую буржуазию, вопреки линии правительства на поощрение государственного сектора, является типичной формой экономического вмешательства. По определению Дж. Неру, «невмешательство — это позволить каждой стране развиваться по своему собственному образу жизни» (стр. 144), в том числе и в экономической области.

Большой интерес представляют высказывания премьер-министра Республики Индии о конкретных путях развития индийской экономики. Перед Индией, как и перед Китаем, в первую очередь стоит задача — создать тяжелую промышленность, провести индустриализацию страны. Ирригационные работы, освоение новых земель, разработка недр земли, использование гидроэнергетических ресурсов, в том числе рек, стекающих с Гималайского хребта, — все это

открывает широкие возможности для хозяйственного развития Индии. Дж. Неру говорит, что Индия готова принять помощь со стороны более развитых в экономическом отношении держав, в первую очередь от Советского Союза и США, если эта помощь не будет сопровождаться условиями, нарушающими суверенитет Индии. В противном случае, говорит Неру, «лучше двигаться вперед медленнее и рассчитывать на себя; это лучше, чем впасть в зависимость» (стр. 97).

На вопрос Т. Менда, действительно ли Запад настаивает на развитии легкой промышленности, в то время как «коммунистические страны» строят индийскую тяжелую промышленность, Дж. Неру дал разъяснение о принципиальном различии между помощью, оказываемой Индии капиталистическими державами и социалистическим лагерем. Страны социализма, сказал Дж. Неру, помогают Индии развивать ее естественные богатства, строить машиностроительную промышленность, заводы, а капиталистические державы хотели бы ограничиться экспортом машин для текстильной промышленности и т. п. Тот же различный подход существует и в оказании технической помощи. Техническая консультация со стороны СССР является всесторонней. Американские монополии, ссылаясь на право частной собственности и законы о патентах, отказываются развивать индийскую тяжелую промышленность. Но Индия пойдет на ограничение внутреннего потребления на первых порах, чтобы высвободить средства для строительства крупной промышленности. «Мы, например, убеждены, — заявил Дж. Неру, — что вся индустриализация должна строиться на тяжелой промышленности; под такой промышленностью я понимаю машиностроительную, не говоря уже о черной металлургии» (стр. 165).

Естественно, что отношение индийского народа к США и их экономической помощи сильно занимало Т. Менда. Западный публицист, на основании своих наблюдений среди населения Индии, привел следующие причины, вызывающие, по мнению рядовых индийцев, антиамериканские чувства: склонность американцев идентифицировать свои интересы с интересами бывших колониальных держав; непонимание американцами политики нейтралитета Ин-

дик; оказание помощи на политических условиях и предпочтение военной помощи экономической; усиление военных угроз со стороны США и, наконец, распространенный среди американцев лозунг «если Индия не с нами, то она против нас».

Дж. Неру подтвердил это впечатление Т. Менда, но с оговоркой, что «В Индии совершенно нет настроения подобного рода по отношению к американцам» (стр. 134), а лишь к некоторым формам американской активности на Востоке. Народы Азии убеждаются на практике, что американский «антиколониализм», осуждая на словах методы старых колониальных держав — Англии, Франции, Голландии, на деле поддерживает остальные политические режимы, консервативные силы на Востоке и тормозит прогрессивное общественное развитие в бывших колониальных странах. «Определенным образом, — говорил Неру, — требования холодной войны привели Америку к косвенному поощрению колониализма. Непосредственно, я думаю, США не признают колониализма как такового, но косвенно его поощряют... Это вызывает сильную реакцию в общественном мнении страны» (стр. 136). Именно такая политика США, продолжал Дж. Неру, укрепляет мнение среди народов Востока, что коммунизм является «освободительной силой в колониальных странах» (стр. 136).

Более того, так называемый антиколониализм американских монополий переносит на Восток методы «латиноамериканизации» небольших стран Азии и Африки, т. е. методы насаждения неrepresentативных правительств из верхушечных слоев населения, особенно в местах, богатых залежами нефти, урана и т. п. Такой процесс развития является, по мнению Дж. Неру, большой опасностью для мира на Востоке. «Их (эти страны. — С. М.) будут контролировать политически и экономически; их окрестят автономными или независимыми странами, но в действительности они будут находиться в руках этого ничтожного меньшинства Европы или Америки» (стр. 190). Латиноамериканизация особенно опасна для Африки «в силу расизма, сегрегации и тому подобного» (стр. 191).

Никакие интриги извне не могут нарушить мирное сосуществование между народами Азии, приобретшими независи-

мость. Дж. Неру иллюстрирует эту мысль обзором политического положения в государствах юго-востока Азии и Дальнего Востока. Китай твердо пошел по социалистическому пути развития. В Бирме социалистические идеи оказали большое влияние на формирование политических и экономических институтов страны. Передовые партии находятся у власти в Индонезии. В Индо-Китае коммунизм опирается на национальные чувства народа против колонизаторов. В Индии, сказал Дж. Неру, победил национализм, но это национализм с глубоким социальным содержанием и широкой программой общественных реформ. Различие политических систем в этих странах не является препятствием для их мирного сосуществования, так как все они объединены не только историческими традициями борьбы против колониализма, но и возникшими новыми общими проблемами экономического развития и повышения материального уровня населения.

Социальный прогресс — общая программа для всех этих стран. Различие между «коммунистическими» и «демократическими» державами Азии. Дж. Неру видит в том, что первые двигаются к этой цели более быстрыми темпами. Вопрос о темпах, о методах борьбы за экономическую независимость определяется внутренним развитием, национальными и историческими особенностями каждой страны.

Различие темпов внутреннего экономического развития в странах Азии не исключает, однако, более быстрого развития экономики Азии в целом по сравнению с тем процессом, который имел место в старых капиталистических странах. Использование атомной энергии в мирных целях, система планирования с учетом опыта Советского Союза открывают слабым в экономическом отношении странам «прогрессивную эгализацию шансов» для достижения уровня развития старых промышленных держав. Это именно то, что Т. Менд сформулировал в своем вопросе как «новый общественный строй, который предвещает новую, более конструктивную фазу в истории» (стр. 66).

С большой откровенностью Дж. Неру остановился на проблеме китайско-индийских отношений, которую Т. Менд сформулировал таким образом: не намерена ли Индия «соперничать в ритме развития

с Китаем», что могло бы создать в будущем напряженность в отношениях между этими двумя крупнейшими державами Азии.

Дж. Неру неоднократно на протяжении всех бесед подчеркивал идентичность основных политических и экономических интересов Китая и Индии. Исторически Индия и Китай всегда жили в добром соседстве; отношения между ними еще более укрепились в общей борьбе за независимость — широкое планирование, строительство тяжелой индустрии, техническая революция в сельском хозяйстве, развитие коммуникаций и т. п. — являются основой для тесного экономического сотрудничества. Хотя по своему политическому строю, говорит Дж. Неру, Индия более приближается к формам демократии в США и Западной Европе, но в экономической, культурной и других областях жизни у Индии больше общего с Китаем, чем с Англией, Францией или США. Равноправное экономическое сотрудничество не означает идеологического воздействия Китая на Индию или наоборот. «Если мы строим плотину, то это именно плотина. Это не коммунистическая плотина, а сооружение в долине, наподобие американской плотины Т. В. А., независимо от того, строится ли она в Китае или в Индии» (стр. 142). Далее Дж. Неру заявил, что пять принципов мирного сосуществования являются

доминирующими для разрешения как внешних, так и внутренних проблем Индии.

Во время последней беседы Т. Менд спросил у Дж. Неру об общих перспективах развития Азии на ближайший период и, в частности, «какого рода Азию увидят наши дети и внуки на картах?» (стр. 196).

В этом вопросе, как пишет Т. Менд, Дж. Неру усмотрел два аспекта: политический и экономический. В политическом отношении премьер-министр Республики Индии не предвидит больших изменений в существующей ныне системе национальных государств Дальнего Востока и юго-востока Азии, за исключением, может быть, небольших исправлений существующих границ. Но в экономическом отношении, как думает Дж. Неру, Азия стоит перед большой технической революцией, она вступает в полосу широкого индустриального развития. Борьба за повышение жизненного уровня населения будет общим процессом для всех бывших колониальных стран. Впервые после полутысячелетнего западного господства в Азии история Индии и других стран Востока не будет деградировать, а идти по восходящей линии, по пути прогресса и национальной независимости. Эта мысль проходит красной нитью через все ответы Дж. Неру.

С. М. Мирный

O. LATTIMORE. *Nationalism and revolution in Mongolia*. New York, Oxford university press, 1955, 186 p.

Американский ученый Оуэн Латтимор известен как крупный монголовед, интересующийся преимущественно проблемами новейшей истории Монголии, но уделяющий в своих трудах немало места и более ранним периодам монгольской истории. В США Латтимор считается также специалистом в области истории международных отношений на Дальнем Востоке.

Откладывая на дальнейшее рассмотрение

вопрос о вкладе, внесенном Латтимором в востоковедную науку за три десятилетия его научной деятельности, мы хотим в данной статье ознакомить советских читателей с его новой книгой, озаглавленной «Национализм и революция в Монголии», вышедшей в свет в Нью-Йорке в 1955 г. Книга состоит из двух частей. В первой части исследуются проблемы национализма и революции в Монголии; во второй дается

перевод с монгольского на английский язык биографии Сухэ-Батора, изданной в Улаан-Баторе в 1943 г.¹

Для Латтимора как историка характерен широкий подход к изучаемым явлениям. Говоря о национализме и революции в Монголии, он затрагивает обширный круг важных вопросов, относящихся как к прошлому Монголии, так и к ее современному положению. Но из всех затронутых им вопросов мы хотим остановиться на четырех наиболее существенных, а именно: об исторических связях Китая и Монголии, о нациях и национальных движениях в Монголии, о так называемом сателлитизме и, наконец, о едином национальном фронте в истории монгольской революции 1921 г.

Латтимор считает, что история Монголии может быть понята лишь в связи с историей Китая, а в новое и новейшее время — с историей Китая и России. Однако автор из этих правильных предпосылок делает ошибочные выводы. Он утверждает, что до конца средних веков история Китая и история Монголии представляли собой симбиоз, что народ каждой из этих стран до середины XVII в. не имел фактически своей особой, самостоятельной истории. Он утверждает также, что история Китая и Монголии, вплоть до маньчжурского завоевания, представляла собой простое движение по кругу с неизменно повторяющимися фазами. «На одной фазе цикла больше власти было в руках варваров и меньше в руках китайцев. На другой фазе, наоборот, больше власти было в китайских руках и меньше в руках варваров... Но и в том и в другом случае власть лишь переходила из рук одной группы в руки другой, но самый характер этой власти оставался неизменным» (стр. 10). Лишь завоевание Китая маньчжурами положило конец этому извечному круговращению, что, по мнению автора, объясняется переворотом в военном деле и особенно в средствах транспорта, явившимся ре-

зультатом проникновения в Китай стран капиталистического Запада. Ошибочность подобного истолкования истории Китая и окружающих его кочевых народов очевидна.

Латтимор игнорирует влияние форм материального производства и классовой борьбы на историю народов Китая и Монголии, его концепция противоречит и историческим фактам. Общеизвестно, что между одним серьезным вторжением кочевников в Китай и другим вторжением, равно как и между одним крупным походом Китая против его кочевых соседей и другим, часто протекавшими веками, на протяжении которых между обеими сторонами развивались более или менее мирные политические, торговые и культурные связи. К сожалению, эти периоды мира и добрососедства мало привлекали к себе внимание исследователей и почти не изучены. Не приходится сомневаться, что перенесение центра тяжести с изучения истории войн между кочевыми народами и Китаем на исследование истории добрососедских взаимоотношений между ними окажется более плодотворным, чем повторение обветшалых схем, согласно которым война является нормальной и чуть ли не единственно возможной формой существования кочевых народов с народами оседлой культуры.

В главе «Монголия под властью маньчжуров» Латтимор говорит о трех этапах завоевания Монголии маньчжурами. На первом было покончено с независимостью южномонгольских княжеств, на втором решилась судьба Халха-Монголии, на третьем было ликвидировано последнее монгольское ханство (Ойратское, или Джунгарское). Нельзя, однако, согласиться с утверждением автора, что Халха-Монголия не была завоевана маньчжурскими феодалами, а ее князья якобы добровольно подчинились маньчжурам. Автор не видит того, что «добровольное» подчинение халхаских князей было результатом проводившейся завоевателями политики натравливания одной части Монголии на другую. В условиях, когда почти до самого конца XVII в. длилась антиманьчжурская освободительная война китайского народа, маньчжуры не могли решиться на поход через пустыню Гоби, где их ожидала война, против, может быть, объединенных сил Халхи и Джунгарии. Как известно, на

Джунгарском съезде в 1640 г. феодалы Монголии договорились о совместной борьбе против внешних врагов, т. е. против маньчжуров. Маньчжурские правители старались взорвать Джунгарское соглашение изнутри, спровоцировать войну между Халхой и Джунгарией и обеспечить покорение Северной Монголии «мирным» путем. Не приходится сомневаться, что в случае неудачи этой политики маньчжуры попытались бы овладеть Халхой силой оружия. Не случайно, вопрос о Халхе и Джунгарии был одним из главных вопросов, почти до самого конца XVIII в. определявших международные отношения в Центральной и Восточной Азии и, в частности, взаимоотношения между Россией и маньчжурской династией, правившей Китаем. Попытки Латтимора представить покорение Халха-Монголии как добровольное присоединение ее к империи маньчжуров противоречит историческим фактам.

Латтимор пишет далее: «Положение монгольского народа, особенно монгольских князей, в начальный период существования маньчжурской империи было вполне благоприятным. Здоровой экономике, основанной на разведении домашних животных, почти не угрожали ни засухи, ни наводнения, приносившие столько бедствий земледельческому Китаю... Положение монгольских крестьян облегчалось еще и тем, что они, в отличие от прикрепленных к земле крестьян, могли покинуть угрожаемые зоны и увести с собой все свое имущество... Поэтому почти все монголы жили хорошо и одевались хорошо...; несомненным фактом является то, что до самого конца XIX в., в одних случаях, до начала XX в., в других случаях, даже бедные монголы страдали от холода и голода неизмеримо меньше, чем бедные крестьяне в земледельческих странах Азии» (стр. 14—15). Политика маньчжуров в Монголии, утверждает Латтимор, имела целью не допустить ассимиляции монголов китайцами и «...сохранить монголов как довольных жизнью, наивных варваров и счастливых воинов» (стр. 16).

Так безмятежно и счастливо, если верить Латтимору, жили все монголы, богатые и бедные, аристократы и простолюдины, под властью маньчжурских завоевателей до конца XIX — начала XX в. Порвыми, кто нарушил эту идиллическую жизнь, были

сами монгольские князья. Бывая в Пекине и наблюдая роскошный быт маньчжурской аристократии, они стремились подражать ей. Нуждаясь в деньгах, князья вербовали китайских крестьян и сдавали им в аренду часть своих земель. Это положило начало китайской колонизации, которая с течением времени все более усиливалась; она-то и сыграла решающую роль в пробуждении «монгольского национализма», что привело в конце концов к взрыву.

Латтимор не приводит никаких фактов, не ссылается ни на какие источники в подтверждение своих взглядов. Советская литература о Монголии его не удовлетворяет, ибо она, по его мнению, как правило, ограничивается цифрами и фактами, рисующими подъем экономики и культуры современной Монголии (стр. IX). Монгольские источники, доступные автору, также не кажутся ему полноценными. Они являются по преимуществу «политическими» в узком смысле этого слова и не дают материалов для изучения проблем, связанных с «переработкой» национализма в революцию» (там же).

Остается предположить, что основным источником сведений о Северной Монголии для Латтимора были его беседы с сотрудниками-монголами — Далибохутухтой (Dilowa Hutukhtu), Хангином и Ургунджи Ононом, которые, заметим кстати, в свое время, по политическим соображениям, бежали из революционной Монголии. Дейтельность этих сотрудников Латтимор оценивает очень высоко (стр. VIII). Латтимор, правда, упоминает глухо о каких-то обильных материалах на монгольском, китайском и японском языках, собранных его монгольскими сотрудниками. Но какие это материалы, о чем в них говорится, в какой мере они использованы в редактируемой книге, Латтимор не сообщает.

В действительности же жизнь Северной Монголии в период маньчжурского господства ни в малой степени не соответствует картине, нарисованной автором. Следует прежде всего отметить неправомерность сравнения хозяйства и уровня жизни монгольского кочевника-скотовода с хозяйством и уровнем жизни крестьянина-земледельца. Сравнить следовало не это, а положение в Северной Монголии до маньчжурского завоевания и после него. Наука располагает более чем достаточны-

¹ Автор этой биографии — монгольский ученый Ш. Нацокдоржи, использовавший для своей работы обширный документальный материал Госархива МНР. Работа Ш. Нацокдоржи является первым опытом создания научной биографии Сухэ-Батора.

ми материалами для ответа на вопрос, что потеряли и что приобрели монголы в результате маньчжурского завоевания. Источники дают богатый и неопровержимый материал, свидетельствующий о бедствиях, обрушившихся на монгольский народ в результате завоевания.

Маньчжуры довели феодальную раздробленность Халха-Монголии до предела. Они в тринадцать раз увеличили число феодальных княжеств, образовав множество новых карликовых уделов, ликвидировали все, что могло способствовать объединению страны. Это создало большие препятствия на пути прогрессивного развития Монголии, способствовало консервации отсталых форм социально-экономической жизни, обусловив в конце XIX — начале XX в. деградацию хозяйства страны и массовую пауперизацию трудящихся.

Маньчжурское завоевание повлекло за собой резкое усиление податного бремени, что вызывало растущее сопротивление со стороны аратов и толкало их на борьбу против завоевателей. Именно этим объясняется массовое бегство монголов в пределы России в течение первой половины XVIII в., в этом же коренятся главные причины того широкого народно-освободительного движения, которое в 1754—1758 гг. охватило всю Северную Монголию, принимая местами форму открытого вооруженного восстания, что создало непосредственную угрозу маньчжурскому господству в Монголии. Так обстояло дело не только в Северной Монголии. «10 сентября, — пишет в 1736 г. очевидец, проезжавший через районы Внутренней Монголии, — путь был мунгальскою великою степью..., почевали при реке Ял. По оной реке и по степи кочуют мунгалцы названием Дзалад..., люди небогатые, находится много самых бедных и нищих»². 6 июля 1737 г. этот очевидец был в Халхе в районе урочища Хужирт. «В том месте, — пишет он, — имеется юрт 23, живут мунгалцы, житье их зело скудное и чем питаются весьма дивно, скота зело малое дело». 11 июля он записывает впечатления о районе озера Жиреп Дасубо: «Люди зело

скудные, скота зело мало имеют, и то бараны, козлы... люди зело сухи».

Свидетельств подобного рода имеется много.

Факты и источники говорят о том, что, вопреки утверждениям Латтимора, араты в Монголии были прикреплены к земле, находившейся в собственности князей. Ни один рядовой монгол не имел права покинуть владения своего князя. Крепостное право фактически не распространялось лишь на разорившихся аратов — бедняков и нищих. Беднякам и нищим князья не мешали уходить. Но в тех случаях, когда эти бедняки вновь обзаводились самостоятельным хозяйством, «законные» владельцы требовали их возвращения.

Латтимор проходит мимо основной тенденции маньчжурской политики, стремившейся изолировать Монголию от внешнего мира. Будучи завоевателями огромной страны с многочисленным и враждебно настроенным к ним населением, они из страха перед возможным объединением покоренных народов проводили, по характеристике Маркса, «политику варварской и герметической изоляции», изолируя внутри империи одну народность от другой, а империю в целом от внешнего мира. Помимо многочисленных законодательных актов Цинской династии, мы можем сослаться и на свидетельства Алексея Агафонова, Бориса Бакшеева и Алексея Парышева — трех русских, которые с 1772 по 1782 г. жили в Пекине, изучали китайский и маньчжурский языки. Они рассказывают о своей беседе с группой солдат. Из беседы выяснилось, что маньчжурские командиры следят за тем, «...чтобы мунгалы без причины не имели вход в китайский курень, а китайцы в маньчжурский, и тем строгим смотрением всех солдат томят, мучат и не позволяют без ведома за версту из лагерей выходить»³.

Прекращение связей Монголии с внешним миром имело для нее самое отрицательное значение.

В книге освещаются вопросы, связанные с национальными движениями в Монголии. Латтимору известно, что нации и

² ЦГАДА, ф. 181, д. 1098. Продолжение дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1774 по 1796 г., л. 55.

национальные движения появляются в период позднего средневековья в связи с ростом средних классов и их борьбой против феодальных и королевских привилегий. Верно также, что нации и национальные движения в Азии появились тогда, когда западные нации уже контролировали большую часть Азии, когда «экономическая активность» западноевропейцев, с одной стороны, способствовала формированию средних классов в Азии, а с другой, пыталась удержать их в политическом подчинении. В этих условиях нации в Азии должны были подражать западному миру, и одновременно бороться против него (стр. 4, 5).

Но, как мы увидим ниже, автор умудряется делать и из этих более или менее правильных предпосылок глубоко ошибочные выводы, приводящие всю его концепцию в резкое столкновение с подлинным ходом исторического процесса. Он, например, считает возможным отождествлять понятия «нация» и «национализм», что выражено, в частности, в заголовке рецензируемой книги. Происходит это потому, что, по его мнению, нации возникают и развиваются в неизбежной борьбе друг с другом. На стр. 27 он заявляет, что национализм, особенно на первых этапах своего развития, питает антипатию к другим нациям и склонен не считаться с их интересами.

Согласиться с подобным утверждением невозможно. Оно противоречит объективным историческим фактам, отходит от конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Представление об антагонизме между нациями правильно, когда имеются в виду нации, руководимые буржуазией, но неправильно, когда речь идет о нациях, руководимых рабочим классом. В условиях капитализма, действительно, отношения между нациями развиваются по пути соперничества и конкуренции, национальной вражды и розни, по пути борьбы за господство одной нации над другой. В условиях же, когда нациями руководит рабочий класс, они идут по пути братского и равноправного сотрудничества, взаимной и бескорыстной помощи. Объективность ученого, изучающего достоверные факты и делающего из них правдивые выводы, должна была бы подсказать Латтимору именно такое решение

вопроса о характере взаимоотношений между нациями. Наше время дает для этого богатейший материал. Взять хотя бы историю формирования социалистических наций в СССР и исторически сложившийся характер взаимоотношений между ними, или систему взаимоотношений между нациями, объединенными в лагере мира, демократии и социализма, или взаимоотношения СССР с другими нациями, не входящими в этот лагерь, но проявляющими искреннее стремление жить с Советским Союзом в мире и дружбе. Нам казалось, что Латтимор может легче, чем другие, разобраться в вопросах, связанных с нациями и национальными движениями, ибо он в течение многих лет наблюдал и изучал эти проблемы на примерах Внутренней Монголии и Монгольской Народной Республики. По этому поводу он не раз в своих работах высказывал правильные суждения, опиравшиеся на достоверные факты.

Неправильно утверждение Латтимора и о том, что основная концепция нации сводится к приоритету общенациональных интересов над классовыми, к подчинению вторых первым. Исторический опыт свидетельствует, что в самой природе нации отнюдь не заложен конфликт между интересами класса и интересами нации. Все зависит от времени, места и других обстоятельств. В истории, действительно, часто бывало и бывает так, что классовые интересы приходят в столкновение с интересами национальными. Так всегда происходит в капиталистическом обществе, где от имени нации выступает власть, отражающая интересы эксплуататорского меньшинства, но так не бывает и не может быть в социалистическом обществе, где от имени нации выступает власть, отражающая интересы большинства нации, интересы рабочих и всех трудящихся города и деревни. Если в первом случае интересы класса и нации, как правило, не совпадают, то во втором они идентичны. Правда, и во втором случае бывает, что остатки свергнутых эксплуататорских классов вступают на путь борьбы против своей нации, на путь национальной измены. Но в первом случае против несправедливой и фактически антинациональной политики класса капиталистов выступает подавляющее большинство нации, тогда как во втором против справедливой

³ Центральный Государственный Архив Древних актов (в дальнейшем — ЦГАДА), ф. 199, портфели Миллера, ед. хр. 349, ч. 2, № 4, л. 13.

и подлинно общенациональной политики пролетариата и всех трудящихся выступают ничтожные кучки бывших эксплуататоров.

Что же касается главного вопроса, вопроса об исторических корнях и характере современного национального движения в Монголии, то Латтимор утверждает, как уже указывалось, что все монголы до начала XX в. жили счастливо, что положение стало меняться лишь в самом конце XIX и начале XX в. в результате китайской колонизации. Но ведь первыми организаторами и руководителями китайской колонизации были, по Латтимору, сами монгольские князья. Выходит, следовательно, что монгольские князья были той силой, в борьбе против которой зародился монгольский национализм.

Нет надобности доказывать несостоятельность столь парадоксального вывода. Точка зрения автора исключает возможность выяснения истоков догуйланского движения второй половины XIX в., причин восстания солдат в 1900 г. во Внешней Монголии, движения Тогтохо-тайджи и т. п. В действительности, подлинные истоки монгольского национального движения коренятся в резком ухудшении положения народных масс страны, испытывавших на себе в течение XVIII—XIX вв. бремя двойного гнета — «своих» и «чужих», т. е. маньчжурских, феодалов. Вторая половина XIX в. ознаменовалась вовлечением экономики Монголии в мировой товарооборот. В Монголию устремился китайский компрадорский торгово-ростовщический капитал, а также русский купеческий капитал. Разорение трудящихся Монголии толкало их на борьбу против угнетателей. Эта борьба была направлена в первую очередь против маньчжурской династии, являвшейся в глазах народа главным носителем зла. В дальнейшем, вследствие обострения противоречий между маньчжурским домом и монгольскими князьями, последние стали примыкать к народу, стремясь использовать его борьбу в своих узкоклассовых интересах. Они оказались во главе освободительного движения в Монголии в 1911—1912 гг.

Таково единственно возможное научное объяснение исторических корней монгольского национально-освободительного движения. Завоевание национальной незави-

симости стало объективно исторической необходимостью.

Описывая этот этап монгольского национального движения, Латтимор связывает его с китайской революцией 1911 г. После этой революции Внутренняя Монголия, пишет Латтимор, была захвачена китайскими милитаристами, под властью которых она находилась до 1927 г. — до прихода Чан Кай-ши к власти. Гоминьдан в Монголии опирался на князей, что повело к радикализации монгольского национального движения. Что же касается Внешней Монголии, то она сразу же вышла из-под китайского контроля. Внутренняя обстановка в Монголии оставалась прежней — бороться против князей было некому. «Там не было никаких средних классов. Торговля была в руках китайцев... В стране не было даже людских ресурсов, достаточных для выдвижения монгольских полководцев, могущих оказать сопротивление китайским милитаристам» (стр. 22). Все это верно, но с этим плохо согласуется другое утверждение автора: «Когда пала маньчжурская династия, монголы, сознавая себя определенной нацией, равно как и группой племен, склонны были искать единый, общенациональный ответ на вопрос о будущих судьбах монгольской нации» (стр. 9).

Позицию халха-монгольских князей, направивших в 1911 г. депутацию в Петербург с просьбой о помощи, автор определяет как «статический национализм». Основанием для этого явилось письмо князей царю. В письме излагались обиды, чинимые князьям маньчжурской администрацией. «Монголия, — так передает текст письма Латтимор, — имеет свой собственный традиционный общественный строй. Монголы не имеют никаких агрессивных намерений против какого-либо народа... Мы хотим, чтобы нас оставили в покое» (стр. 22). По Латтимору, авторы письма — носители «статического национализма», ибо они живут в новое время, а их идеи унаследованы от прежних времен.

Но если существует «статический национализм», то, видимо, должен существовать и «динамический национализм». Если для первого характерно отсутствие агрессивной направленности, то для второго, видимо, характерна противоположная — агрессивная — направленность. Латтимор не опре-

деляет своего отношения к этой разновидности национализма, предоставляя читателю догадываться об этом. Остается пожалеть, что автор не нашел слов для осуждения «динамического» национализма, т. е. воинствующего империализма и колониализма. Но то, что Латтимору кажется «статическим национализмом», было в действительности специфически монгольским проявлением феодально-монархического движения, стремившегося к освобождению страны от иноземной власти, чтобы обеспечить монгольским феодалам монополию на эксплуатацию трудящихся.

Латтимор отстаивает ту, как он пишет, общепризнанную в западных странах концепцию (буржуазную. — И. З.), которая сводится к утверждению, что преданность индивидуума своей нации должна быть выше его преданности своему классу. Применительно к Монголии эта концепция должна означать, что никакой монгол, никакая монгольская общественная группа не могут считаться вполне преданными нации, если они связаны с общественными группами чужой нации более тесными узами, чем со своей нацией, понимаемой как особое единство. С этой точки зрения князь Дэ-ван из Внутренней Монголии является, по утверждению Латтимора, человеком, преданным монгольской нации, а Сухэ-Батор и Чойбалсан из Внешней Монголии не могут считаться преданными монгольской нации, ибо они, как он пишет, подпали «под русское влияние».

Но ведь князь Дэ-ван активно, в течение многих лет с оружием в руках подавлял освободительную борьбу своего народа. В народных массах сохранилась память о нем как о палаче и слуге империализма. Сухэ-Батор же и Чойбалсан являются выдающимися деятелями, отдавшими все силы служению народу, исключительно много сделавшими для превращения своей родины в независимое и суверенное государство, которое в наши дни на равных началах сотрудничает с многими государствами Азии и Европы, навсегда покончив с вековой отсталостью, превратилось в страну всеобщей грамотности, быстро и уверенно догоняет передовые страны мира. Именно поэтому монголы глубоко чтут память Сухэ-Батора и Чойбалсана. Но Латтимор, вопреки фактам, вопреки логике, считает Дэ-вана патриотом,

а Сухэ-Батора и Чойбалсана непатриотами. Вот к каким кричащим конфликтам с реальными фактами приводит отказ от конкретно-исторического, научного подхода к рассматриваемым явлениям из жизни народов.

Латтимор знает о существовании марксистской литературы о национальных движениях. Но она кажется ему сложной, избыточной специальными терминами, затрудняющими ее понимание. При этом он утверждает, что она пишется столь сложным языком умышленно, чтобы помешать разоблачению советской концепции, якобы имеющей своей целью подчинение слабых наций. Это выпад, недостойный настоящего ученого. Здесь, как и в некоторых других местах книги, Латтимор изменяет принципам объективного научного исследования.

В книге Латтимора много места отведено сателлитизму. По его мнению, сателлитизм представляет собой новое явление во взаимоотношениях между государствами, отличное от взаимоотношений старого типа, таких, как союз, протекторат, сфера влияния и колония. В главе «Анатомия сателлитизма» Латтимор пытается обосновать свою точку зрения. В современном мире, рассуждает он, все суверенные государства юридически равны между собой, но трудно найти две страны, которые были бы равны по своей реальной силе. Такими равновеликими силами являются только США и Советский Союз. При таком положении, пишет Латтимор, все «...не очень великие державы принуждены идти на уступки, средние державы вынуждены идти на еще большие уступки, а малые державы должны делать такие крупные уступки, что иногда бывает трудно решить, сохраняет ли данная держава в конце концов суверенную независимость, или же она, несмотря на ее юридическую равноправность и неприкосновенность, должна быть отнесена к протекторату или является настоящим сателлитом» (стр. 41). Существуют, конечно, страны, обладающие гораздо меньшим суверенитетом, чем сателлиты. Таковы, например, протектораты и колонии. Страна-сателлит, пишет Латтимор, отличается от протектората и колонии тем, что «...находится под строгим давлением, доходившим иногда до принуждения реконструировать внут-

решающую жизнь, общественный строй, политические учреждения и экономическую систему по образцу страны, в орбите которой сателлит вращается, тогда как протекторат и колонии обычно бывают лишены возможности проводить такие реформы вследствие политики протектора или властвующей страны» (стр. 41).

В основе рассуждений Латтимора, как видим, лежит признание силы главным и решающим фактором, определяющим степень независимости и суверенитета каждой страны. В современном мире только США и СССР располагают равными силами. Следовательно, только они являются вполне суверенными государствами, независимыми как друг от друга, так и от любого другого государства. Что касается всех остальных, то они, не обладая такой же силой, как США или СССР, неминуемо должны жертвовать какой-то частью своего суверенитета, причем эта часть будет большей или меньшей в прямой зависимости от их силы. Все страны мира располагаются в определенном порядке: в самом низу находятся колонии, за ними идут протектораты, сателлиты, сферы влияния и, наконец, суверенные равноправные государства, которых всего два.

Как видим, автор придает понятию силы значение абсолютного, железного закона, управляющего взаимоотношениями между народами и государствами, подобно тому, как законы природы управляют движением тел. Ну, а бороться против законов природы, пытаться отменить или изменить эти законы, — кому это может прийти в голову? Остается лишь покорно склонить голову перед порядком, установленным свыше. Пусть народы Азии, Африки, всего мира прекратят борьбу за независимость, равноправие, национальный суверенитет. Их борьба не может увенчаться успехом, она противоестественна. Вот куда ведет эта новая «теория» Латтимора. Хочется спросить его, понимает ли он, кому эта теория выгодна, чьим интересам служит, способствует ли она мировому прогрессу или тянет мир назад, к правам XVII—XIX вв. Не подлежит сомнению, что каждый беспристрастный ученый, каждый, кому дороги интересы прогресса и демократии, должен будет сказать, что объективно «теория» Латтимора служит интересам колониализма, реакции.

Советскому читателю отчетливо видны истоки и корни ошибок Латтимора. Миропонимание Латтимора ограничено привычными в буржуазном мире представлениями. Ему кажется невозможным, немислимым существование такой системы взаимоотношений между нациями, которая не покоилась бы на силе, дающей или господство или подчинение. Он не верит в реальность таких понятий, как «равноправие» и «бескорыстное сотрудничество народов», он не представляет себе, чтобы одно государство могло быть искренне заинтересовано в процветании другого. В буржуазном мире такие взаимоотношения действительно невозможны, там их никогда не было и никогда не будет. Но в другом, небуржуазном, в социалистическом мире такие взаимоотношения не только возможны, они не только реально существуют, там просто невозможны иные взаимоотношения. То, что в буржуазном мире кажется утопией, то в мире социализма становится единственно возможной нормой.

Но этого не может понять человек, находящийся в плену традиционных буржуазных представлений. Он сможет понять это, лишь вырвавшись из узких рамок буржуазного миропонимания. Оуэну Латтимору на этот раз не удалось подняться над буржуазной ограниченностью. В этом — главное.

Несколько слов об освещении в рецензируемой книге вопроса о едином фронте в монгольской революции 1921 г. Автор берет два общеизвестных исторических факта и делает из них чрезвычайно смелые, но совершенно необоснованные выводы. Первым таким фактом является опубликование биографии Сухэ-Батора в 1943 г., спустя 20 лет после его смерти, вторым — создание в 1921 г. в Улан-Баторе Союза революционной молодежи, организатором и руководителем которого был тогда Чойбалсан. Исходя из этих фактов, Латтимор утверждает, что Сухэ-Батор был националистом, а Чойбалсан — коммунистом. Чойбалсан, рассуждает Латтимор, учитывая наличие в стране значительных антисоветских сил, выступал после освобождения Урги за сохранение Народной партии под руководством Сухэ-Батора, как коалиции всех групп, кроме крайних правых, а интересы «левых марксистов» (стр. 70) он считал нужным обеспечить созданием

союза молодежи; который в случае необходимости мог бы стать ядром коммунистической партии. Нечто сходное, по мнению Латтимора, происходило и в Китае. Сухэ-Батор играл в Монголии ту же роль, какую играл Сунь Ят-сен в Китае.

Автор спрашивает: «Интересно было бы выяснить, способствовал ли Сухэ-Батор организации Союза молодежи или это было сделано самостоятельно Чойбалсаном?» (стр. 71). Ответить на этот вопрос Латтимор не может, но это его не останавливает. Он нагромождает одну фантастическую версию на другую. В частности, он утверждает, что биография Сухэ-Батора была издана именно в 1943 г. неслучайно. Это был период перелома в ходе второй мировой войны, когда становилось ясным, что разгром гитлеровской Германии повлечет за собой поражение Японии, а это поведет к превращению Китая в первую державу в Азии. Монгольской Республике придется в новых условиях как-то налаживать взаимоотношения с послевоенным Китаем. Монгольское правительство, пишет Латтимор, и в этом случае последовало бы за политикой Советского Союза. Правительство же Советского Союза, как и правительства большинства его союзников, в конце войны и в первое время после ее окончания верили в возможность «мирного сосуществования». Русские, пишет Латтимор, в те годы оценивали позиции

китайских коммунистов как достаточно прочные, чтобы сохранить за собой роль важного фактора политической жизни Китая, но недостаточно сильные для свержения Чан Кай-ши и захвата власти в свои руки. Именно этим, продолжает Латтимор, объясняется проведение политики, рассчитанной на то, чтобы в случае прихода к власти в Китае коалиционного правительства облегчить заключение соглашения между ним и правительством Монгольской Народной Республики, самое рождение которой обязано коалиции, единому национальному фронту. Вот почему понадобилось издать в 1943 г., через 20 лет после смерти Сухэ-Батора, его биографию.

Нет нужды доказывать, что вся эта «концепция» висит в воздухе. Никаких аргументов, никаких фактов в подтверждение своих домыслов Латтимор не приводит и привести не может, ибо их не существует в природе. Имеется обширная литература, посвященная истории монгольской революции, основанная на тщательном изучении первоисточников, полностью раскрывающая истинное положение вещей. К этой литературе мы и отсылаем интересующихся.

В книге Латтимора имеются и другие изъяны, не отмеченные здесь нами. В целом эта книга должна быть признана неудачной, ее научный уровень невысоким.

И. Я. Златкин

SUMMARY

Owen Lattimore's book, «Nationalism and Revolution in Mongolia» touches upon questions relating to the history and current situation in Mongolia and China.

Among the shortcomings of the book are the author's treatment of the development of China and Mongolia as a fusion of historic processes, his insistence that Khalkha was peacefully annexed to the Manchu empire, that the people of Mongolia were well off under the Manchu rule and that their welfare was ended by developments of the late 19th and early 20th centuries. The author is wrong in reducing the causes of the national movements in Mongolia to the colonization of her land by Chinese farmers. Furthermore, he entertains deeply erroneous ideas about a nation and the principles underlying the relations between states and peoples.

J. L. STUART. Fifty years in China. The memoirs of John Leighton Stuart, missionary and ambassador. New York, Random House, 1954, XX, 346 p.

В 1954 г. в США вышла книга американского миссионера Джона Л. Стюарта, в течение 40 лет игравшего большую роль в американских миссионерских организациях в Китае. В 1946—1949 гг., когда США широко развернули агрессивную деятельность в Китае, Стюарт стал послом США при Чан Кай-ши.

Книга Стюарта представляет интерес, потому что, независимо от желания автора, она показывает агрессивный, империалистический характер политики США в Китае. Материалы, приводимые в книге, позволяют судить о роли миссионерской «просветительской» деятельности в общей системе империалистического угнетения в Китае и в то же время ярко показывают несостоятельность попыток империализма оторвать национальную интеллигенцию от освободительного движения китайского народа.

Миссионеры в большинстве были активными проводниками агрессивной политики США, хотя при этом они, в силу своих специфических функций и методов работы, весьма искусно маскировали, поставленные перед ними цели деятельности по распространению христианства. Они нередко использовались в качестве разведчиков, а их деятельность служила поводом для вмешательства во внутренние дела страны под предлогом защиты христиан от преследований. С наступлением эпохи империализма направление деятельности американских миссионеров изменилось. Теперь она была направлена главным образом на то, чтобы подчинить политически активную часть китайского общества — буржуазию и новую интеллигенцию — идеологии империализма. Это достигалось с помощью широко разветвленной сети миссионерских и филантропических учреждений, в которых обучалась и воспитывалась китайская молодежь. «Воспитанием» китайской молодежи в угодном американским империалистам духе и был почти всю свою жизнь занят Стюарт. Многие годы Стюарт вел преподавательскую работу в миссионерской теологической семинарии в Нанкине. Но чисто религиозная обработка китайской молодежи не оправдывала себя. Не помогла американцам и организация сту-

денческого волонтерского движения в китайских университетах, целью которого была вербовка студентов для духовной деятельности. Для этого же широко использовался проамериканский христианский союз молодых людей в Китае, финансирувавшийся из США и насаждавший в Китае клубы, спортивные организации, школы и т. п. Однако китайская молодежь неохотно шла на эти приманки и все более активно принимала участие в революционной деятельности, выступая застрельщиком антиимпериалистической борьбы в стране.

В условиях подъема революционного движения империалисты искали новые формы идеологического воздействия на молодежь. Миссионерские организации объединили ряд колледжей в Пекине в миссионерский университет, где молодежь должна была получать уже не религиозную, а светскую подготовку, но в духе, желательном империалистам. Этот университет, получивший название Яньцзинского, был создан в Пекине в 1919 г., когда в Китае развернулось мощное антиимпериалистическое движение. Ректором его стал Стюарт. Через посредство Стюарта и других миссионерских «просветителей» правительство США пыталось превратить в свою агентуру выпускников Яньцзинского университета и других американских учебных заведений Китая, как и тех китайских интеллигентов, которые учились в США.

Еще более широкая попытка использовать в своих целях китайскую интеллигенцию была предпринята империалистами США в послевоенные 1945—1949 гг., когда клика Чан Кай-ши оказалась полностью скомпрометированной в глазах китайского народа своей предательской политикой. США вновь привлекли Стюарта, так как его «либеральная» репутация и связи с китайской интеллигенцией могли облегчить осуществление политических маневров по фальшивой демократизации гоминьдановского режима и помочь ввести в заблуждение отдельные слои китайского народа, особенно национальную буржуазию и интеллигенцию.

В своей книге Стюарт пытается оправдать агрессивную политику США в Китае в послевоенный период и с этой целью часто излагает события в искаженном, фальсифицированном виде.

Изложение послевоенных событий в Китае Стюарт начинает с конца апреля 1946 г., когда клика Чан Кай-ши уже сорвала выполнение решений Политической консультативной конференции (ПКС) и развертывала военное наступление в Северо-Восточном Китае.

По существу Стюарт оставляет в стороне период вооруженной интервенции США в Китай осенью и зимой 1945 г., деятельность Политической консультативной конференции в январе 1946 г. и махинации гоминьдановской клики по срыву достигнутых на ней соглашений в феврале — марте 1946 г. Он касается этого периода только тогда, когда пытается показать искренность «посредничества» Маршалла и обвинить коммунистов в нарушении соглашений Политической консультативной конференции.

Признавая готовность коммунистической партии к сотрудничеству с гоминьданом в коалиционном правительстве, основанном на демократической конституции (стр. 172), Стюарт, однако, стремится возложить ответственность за срыв решений конференции на коммунистов. Зная, что войска Народно-освободительной армии находились в Северо-Восточном Китае уже в годы войны с Японией, Стюарт прибегает к фальсификации и утверждает, что они вступили туда в марте 1946 г., в нарушение соглашений ПКС. Ход событий в действительности был совсем иной. Коммунисты и руководимые ими части Объединенной антияпонской армии были единственной силой, оказывавшей вооруженное сопротивление японским захватчикам на северо-востоке Китая. С началом контрнаступления союзников против Японии, после вступления в войну Советского Союза, на северо-восток Китая были направлены новые части 8-й армии, развернувшие наступление против японских войск в провинциях Ляонин и Гирин. Вместе с прежними Объединенную демократическую армию Северо-Востока, которая

освободила от японцев и их ставленников большую часть Северо-Восточного Китая. Под охраной этой армии население Северо-Восточного Китая выбрало местные власти из представителей различных политических партий (КПК, Демократической лиги, левых гоминьдановцев), активно борющихся против японской оккупации. Когда же гоминьдановская реакция, при поддержке американских войск и флота, осенью 1945 г. сделала попытку вторгнуться в Северо-Восточный Китай, ей было оказано сопротивление со стороны Объединенной демократической армии. Коммунистическая партия не раз предлагала мирное урегулирование вопроса о Северо-Востоке, но клика Чан Кай-ши не шла навстречу этому предложению. Таким образом, широко известные факты опровергают утверждения Стюарта, что коммунисты в марте 1946 г. вторглись на Северо-Восток и нарушили тем самым решения Консультативной конференции. В действительности клика Чан Кай-ши, сосредоточив на Северо-Востоке более пяти армий, начала военные действия. Она продолжала саботировать выполнение решений Консультативной конференции о создании коалиционного правительства и усиливала преследования демократических элементов. На III пленуме ЦИК гоминьдана (март 1946 г.) решения Политической консультативной конференции были односторонне нарушены гоминьдановской реакцией. Все это подробно описано в работах китайских историков¹, в книгах американских авторов² и даже в Белой книге госдепартамента США³.

Политические переговоры между компартией и гоминьдановцами, посредником в ко-

¹ См. Чань Бо-да, Чан Кай-ши — враг китайского народа. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950, стр. 203—211; Ху Цяо-му. 30 лет Коммунистической партии Китая. Пекин, 1952, стр. 76.

² R. E. Lauterbach. Danger from the East. New York, 1947, p. 280; J. C. Campbell. The United States in world affairs, 1945—1947. New York, 1947, p. 288; O. Lattimore. The situation in Asia. Boston, 1949, p. 147.

³ См. «The United States relations with China». Washington, 1949, p. 144.

торых был Стюарт, освещаются им в том же плане, что и вопрос о Северо-Востоке. Стюарт вновь прибегает к фальсификации и все разногласия сводит к вопросу о сроке и процедуре созыва Национального собрания. Он пишет, что коммунистическая партия отказалась якобы участвовать в Национальном собрании и прекратила переговоры с гоминьданом потому, что Чан Кай-ши единолично назначил созыв Национального собрания на 12 ноября (стр. 162). Стюарт умалчивает о том, что коммунистическая партия не раз шла на большие уступки с целью добиться создания национального правительства. Что касается срока созыва Национального собрания, то Коммунистическая партия Китая вместе с Демократической лигой и другими демократическими партиями и группами требовала, чтобы оно было созвано не гоминьданом, а коалиционным правительством, и настаивала на быстрейшем образовании последнего. Неправильно излагает Стюарт и позицию коммунистической партии в вопросах о работе Комиссии пяти (стр. 167—168), а также события, связанные с наступлением на Кайган (стр. 169) и оторочкой на три дня созыва Национального собрания (стр. 170), равно как и характер принятой конституции (стр. 171). Сообщая о процедуре принятия конституции, Стюарт делает ценное признание, свидетельствующее о том, что американские «посредники» осуществляли бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Китая. Чан Кай-ши, как известно, под угрозой разрыва, добился от правых элементов гоминьдана согласия на отказ от проекта конституции 1936 г. и заставил Национальное собрание принять проект конституции, угодный американцам. В книге говорится в связи с этим, что «генералиссимус... вызвал меня и сказал, чтобы я не беспокоился, ибо конституция непременно будет принята» (стр. 171).

В период 1946—1949 гг. основная задача Стюарта сводилась к «реорганизации» гоминьдановского правительства с тем, чтобы придать ему демократическую внешность. Из книги Стюарта ясно, что этот политический маневр был задуман им, как только выяснилось, что расчеты реакции на разоружение демократии оказались нереальными. Описывая разговор с Чан Кай-ши (конец апреля 1946 г.), Стюарт

говорит, что он советовал Чан Кай-ши, чтобы тот сам руководил движением за внутренние реформы (стр. 163).

В июне 1946 г. Стюарт был назначен американским послом в Китае и принялся за осуществление своих планов. Переговоры гоминьдана с коммунистической партией о создании демократического коалиционного правительства являлись для Стюарта помехой, и поэтому Комиссия пяти по политическим вопросам, председателем которой был Стюарт, по его собственному признанию, «фактически никогда не собиралась, и это означало начало окончательного разрыва» (стр. 168).

Из высказываний Стюарта в его книге видно высокомерное, пренебрежительное отношение американского дипломата к интеллигенции и народу Китая. За время своей многолетней деятельности в области «просвещения» китайской молодежи Стюарт стремился приобрести репутацию либерала и друга китайского народа. Эту репутацию Стюарта американские политики усиленно поддерживали и в послевоенный период, чтобы использовать ее для обмана китайской интеллигенции. Стюарт, не стесняясь, рекламирует свои «либеральные» взгляды, многократно распинаясь в любви и дружбе к китайскому народу, в верности либеральным убеждениям и в беспристрастности ко всем политическим партиям, существующим в Китае (см. стр. 211, 219 и др.). В то же время он характеризует китайский народ как «огромную массу страдающих безгласных жертв, не поддерживающих ни одну сторону, но бесстрашных что-либо предпринять» (стр. 219), и старается доказать, что китайский народ стал жертвой политической и военной борьбы. «Мое сердце, — пишет Стюарт, — болело за нацию, источавшую себя в этой гигантской борьбе, и за население всех классов, которое страдало от обстоятельств и не с состоянием было предотвратить их» (стр. 203).

Либеральная поза американского дипломата, его пангранный сочувствие к китайскому народу, попытки представить народ Китая безразличным к политической борьбе рушатся, как только Стюарт пытается объяснить причины поражения гоминьдана. Он вынужден признать, что весь китайский народ, включая интеллигенцию и национальную буржуазию, был

на стороне коммунистической партии, поддерживал ее и добивался решительного разгрома клики Чан Кай-ши. Стюарт даже вынужден признать, что одной из важных причин антиамериканских настроений в Китае была поддержка Соединенными Штатами Чан Кай-ши, оттягивавшая его поражение и свержение его власти (стр. 188). Особое недовольство Стюарта вызывает позиция китайской интеллигенции, в частности китайского студенчества, на которую он возлагал столь большие надежды. И именно в этом вопросе минимизм либерализм Стюарта полностью разоблачается его действиями, направленными на вооруженное подавление студенческого движения. Документы, опубликованные в Белой книге⁴, свидетельствуют, что Стюарт осуждал гоминьдановское правительство Чжан Цюня за нерешительные действия против студентов в мае — июне 1947 г. и подстрекал его к вооруженной расправе⁵.

Стюарт вынужден признать, что симпатии китайского студенчества были на стороне радикального, социалистического движения, ибо студенчество считало гоминьдановский режим безнадежно реакционным (стр. 189). Несмотря на огромные усилия и затраченные миллионные средства⁶, США потерпели полный провал — китайская интеллигенция оказалась достойной своего великого народа. За исключением нескольких десятков презренных предателей из карликовых Младокитайской и

⁴ См. «The United States relations with China», p. 144.

⁵ В своем письме в госдепартамент от 20 мая 1947 г. Стюарт писал: «Остаются ждать, какие действия правительство примет перед лицом этого публичного вызова и осмеления его власти. Но очевидно, что студенческое движение, достигшее значительных размеров, если его срочно не остановить, будет иметь тенденцию распространяться» (там же, стр. 730).

⁶ По данным, приведенным Джессепом на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 7 ноября 1949 г., только на осуществление программы обмена студентами и профессорами было истрачено после второй мировой войны 200 млн. долл. (См. «Documents on American foreign relations», vol. XI. Princeton, 1950, p. 553.)

Социально-демократической партии она в своем огромном большинстве пошла за коммунистической партией.

Стюарт не мог, разумеется, обойти в своей книге вопрос о положении и поведении американцев в Китае. Хотя и в завуалированной форме, но он признает, что американцы пользовались особыми привилегиями на гоминьдановской территории, вели себя как по отношению к народу, так и по отношению к своей гоминьдановской агентуре весьма бесцеремонно. Это вытекает из ряда осторожных высказываний Стюарта: «Гоминьдан, — пишет он, — добивался американской помощи, и инструкции сверху привели к тому, что американцы получили предпочтительное обращение, которое многие из них просто-душно (курсив мой. — Г. А.) рассматривали как естественное, и в результате создавались дополнительные поводы для раздувания чувства расовой дискриминации» (стр. 254). Отмечая этот и другие факты, Стюарт стремится умолчать о главном — о том, что все важнейшие вопросы военной, административной и экономической политики гоминьдановская верхушка вынуждена была решать только по указке американских советников. Но и об этом Стюарт проговаривается, когда пишет, что Чан Кай-ши намеревался предоставить Маршаллу полную власть в стране с тем, чтобы Маршалл управлял военными и гражданскими делами (стр. 177—178) Китая через американских советников. О том, что американские советники, как и сам Стюарт, широко вмешивались и в ход боевых действий, и в дела управления страной, свидетельствуют многие факты, приведенные в книге Стюарта: формирование правительств Сунь Фо в декабре 1948 г. и Хо Ин-циня в апреле 1949 г. (стр. 227), переговоры с местными милитаристами (стр. 231), вмешательство Стюарта в мирные переговоры с Коммунистической партией Китая в январе — апреле 1949 г. В частности, несмотря на очевидность полного поражения гоминьдановской армии, американские империалисты в 1949 г. пытались помочь Чан Кай-ши задержать наступление Народно-освободительной армии на рубеже р. Янцзы. По мнению Стюарта, чтобы остановить Народно-освободительную армию на рубеже Янцзы, являющемся по своему военному значению равно-

значущим силе сопротивления трехмиллионной армии, достаточно было только выплачивать жалование солдатам гоминьдановской армии, стоявшей на этом рубеже, по четыре доллара серебром в месяц, а в крайнем случае даже по два доллара серебром. Глава американской миссии Администрации экономического сотрудничества Лафам, чтобы получить эти деньги, в апреле 1949 г. выехал в Вашингтон. Он получил разрешение использовать для оплаты гоминьдановской армии оставшуюся неиспользованной часть американского фонда помощи в размере 54 млн. долл. (стр. 234—235). Но это уже не могло предотвратить разгрома гоминьдановских войск Народно-освободительной армией, которая 21 апреля в одну ночь форсировала р. Янцзы.

Стюарт вынужден дать высокую оценку боевых качеств солдат Народно-освободительной армии, вступившей 24 апреля 1949 г. в Нанкин. Они, по его словам, представляли разительный контраст с солдатами разложившейся гоминьдановской армии.

Подобно многим другим американским политикам, Стюарт пытается ответить на вопрос о причинах поражения американского империализма в Китае. Вопреки желанию автора, содержание его книги недвусмысленно показывает, что движущей силой истории является народ, и что

именно сам китайский народ сделал свой выбор и решил свою судьбу. Однако Стюарт пытается сформулировать, хотя бы постфактум, такой вариант политики США, при котором гоминьдан сумел бы сохранить свою власть в Китае, а Соединенные Штаты установили бы свое монопольное господство. В качестве варианта американской политики, полностью совпадающего с требованиями таких представителей наиболее агрессивных кругов США, как Макартур, Хэрли, Буллит, Чэннолт, Люс и другие, Стюарт отстаивает политику всесторонней помощи клике Чан Кай-ши, включая военную помощь (маскируемую формой технических советов).

Книга Стюарта, враждебная китайскому народу и искажающая некоторые факты, является характерным документом времени. Она подтверждает, что в условиях мощного подъема освободительного движения народов империализм не в состоянии ни поработить их идеологически, ни обмануть их политически. Именно поэтому миссионер Стюарт вынужден открыто воззвать к военной силе. Но, как показал опыт последних лет, когда США неоднократно пытались подавить освободительное движение с помощью силы, и военная сила не может поддержать то, что обречено на гибель историей.

Г. В. Астафьев

SUMMARY

John L. Stuart's book quite apart from the author's will illustrates the bankruptcy of the efforts of the missionaries in China and methods of political deception and ideological slavery with the aid of which the missionaries tried to keep China under the imperialist rule, in fulfillment of the will of the monopolies of the USA.

«ACTA ORIENTALIA», vol. IV—V

В четвертый и пятый том ежегодника «Acta orientalia» (1954—1955 гг.) включены новые работы венгерских исследователей в области востоковедения¹.

Большая статья К. Цегледи, помещенная в четвертом томе ежегодника, посвящена обзору рукописей известного венгерского

востоковеда М. М. Кмошко, хранящихся в архивах Венгерского национального музея в Венгерской Академии наук.

М. М. Кмошко, возглавлявший с 1922 по 1931 г. кафедру семитической филологии Будапештского университета, известен своими трудами по сирийской филологии. В течение последних тринадцати лет своей жизни М. М. Кмошко собирал и исследовал сирийские и мусульманские источники. На основании ряда источников М. М. Кмош-

ко написал три большие монографии, которые не были опубликованы. К. Цегледи в своей статье дает подробный перечень источников, исследованных М. М. Кмошко. Среди них сирийские источники о степных народах, отрывки из сирийской исторической литературы, из отдельных глав сирийской легенды об Александре Великом. Тексты источников, исследованных М. М. Кмошко, сопровождаются, как об этом сообщает К. Цегледи, подробными примечаниями. Большая неизданная рукопись М. М. Кмошко содержит отрывки из работ арабских историков и географов, а также комментарии к ним. Одна из неопубликованных монографий М. М. Кмошко посвящена исследованию двух рукописей Гардизи и других мусульманских авторов.

В четвертом томе напечатана статья Л. Лигети «О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана». В статье дан обзор работ, посвященных исследованию тюркских и монгольских языков. Автор приводит анализ собранного им в Афганистане лингвистического материала. В этом же томе мы находим статью Л. Лигети, посвященную исследованию монгольского глоссария Р. Лееха. Л. Лигети сопоставляет материал, опубликованный Р. Леехом, с результатами исследования языка монголов Афганистана Г. Рамстедтом, а также с данными собственного исследования.

Большая работа Г. Ураи посвящена изучению тибетского языка.

В статье Б. Чонгора, появившейся в четвертом томе, исследуются новые китайские глоссы из эпохи Тан в уйгурской транскрипции. Автор рассматривает написанные уйгурским шрифтом китайские глоссы, которые приведены в работе Фан Цзяшэна, опубликованной в трудах Института археологии Китайской Академии наук.

Изучению фрагмента хроники норманского прозелита Обадьи посвящена в четвертом томе статья А. Шейбера. Автор рассматривает источник на древнееврейском языке, относящийся к началу XII в., и дает его перевод. Приведены фотокопии исследованной А. Шейбером хроники.

И. Айстлейтнер исследует в своей статье вторую, третью, четвертую и пятую песни из угаритского жертвенного текста. Автор устанавливает, что молитва была составлена в связи с приношением овец и быка

в жертву богам за прегрешения Угарита, выразившиеся в заключении им союза с хеттами и другими племенами, которые перед этим разграбили святилища богов.

В четвертом томе помещены статья монгольского историка Ринчена, в которой исследуются некоторые вопросы истории монгольских бумажных денег, и две статьи чешского исследователя П. Поуха, посвященные разбору некоторых параграфов «Сокровенного сказания монголов». На основании исследованного текста автор делает интересный вывод об общности происхождения венгров и кавказских савартов.

В пятом томе «Acta orientalia» опубликована статья И. Айстлейтнера, в которой подробно исследуется угаритский текст № 53 из Рас-Шамра. Автор считает, что рассматриваемый им текст представляет собой молитву, которую совершали в Угарите при утреннем ритуале жертвоприношений в честь главного угаритского бога Ее. И. Айстлейтнер утверждает, что текст молитвы является угаритским вариантом тех мест Библии, где возносится мольба к Иегове (Яхве) об оказании помощи своему народу. В статье обстоятельно исследуются космологические моменты угаритской мифологии.

В этом же томе помещена статья Г. Надора «Метод и значение критики Спинозой Библии». В разделе статьи «Богословие и политика» автор утверждает, что критика Библии Спинозой выходит за рамки изучения древних источников и является критическим выступлением против всей религиозной системы. Спиноза, как утверждает Г. Надор, соединил наступление на богословие с политической борьбой.

В пятом томе опубликована также большая статья И. Тренчени-Вальдаффеля о восточных элементах в введении к «Теогонии» Геснода. Автор коротко останавливается на историографии вопроса, а затем исследует общие сюжеты у Геснода и пророков Ветхого завета.

И. Векерди посвятил свое исследование временам и видам глагола в ведийском языке. Автор тщательно анализирует текст «Ригведы» и делает ряд предположений, противоречащих взглядам Дельбрюка на употребление времен глагола в ведийском языке.

В работе Г. Ураи рассматривается вопрос о происхождении и истории тибет-

¹ Краткий обзор 1—3 томов «Acta orientalia» см. «Советское востоковедение», 1955, № 3.

ского шрифта. В частности, на основании палеографических и фонетических данных автор исследует происхождение двух тибетских букв — «ва» и «wa».

Большая статья Ф. Текеи посвящена выяснению характера общественного строя эпохи Чжоу в истории Китая. Исследуя некоторые песни о земледельцах в «Ши-цзине», автор приходит к выводу, что земледельцы того времени не были рабами. Ф. Текеи истолковывает термин «шун-фу» как «крестьянин-общинник». Исходя из своего толкования этого термина, автор утверждает, что в эпоху Чжоу рабский труд применялся в земледелии в незначительной степени. Однако, несмотря на это, он подчеркивает, что в ту эпоху наблюдается процесс образования и усиления рабовладельческого строя. Одной из особенностей этого строя автор считает патриархальную эксплуатацию крестьянской общины.

З. Такач посвящает свою работу, помещенную в пятом томе журнала, изучению

каталаунской гуннской находки и ее восточноазиатским связям. Автор проводит аналогию между обломком сосуда гуннского происхождения, найденным вблизи Труа, и предметами, найденными в Венгрии, Румынии, на юге СССР и в Китае.

Кроме перечисленных выше статей, журнал «Acta orientalia» содержит также ряд рецензий на востоковедческие работы; в частности, в четвертом томе помещена рецензия на три статьи В. С. Воробьева-Десятовского, опубликованные в 1953 г. в шестом томе «Ученых записок Института востоковедения АН СССР», в седьмом и восьмом выпусках «Эпиграфики Востока». Опубликованы также рецензии на сборник статей «Монгольская Народная Республика», выпущенный Институтом востоковедения АН СССР, на русский перевод книги Я Хун-шуна о древнекитайском философе Ляо-цзы и ряд других работ по востоковедению.

И. И. Орлик

مجلة المجمع العلمي العربي

(Журнал Арабской академии наук в Дамаске). 1954, т. XXIX; 1955, т. XXX

В 1919 г. по инициативе известного сирийского политического деятеля и ученого Мухаммада Курд 'Аля (ум. в 1953 г.) в Дамаске была образована Арабская академия наук. В задачу Академии входило изучение арабской культуры, арабского языка, сбор, изучение и описание арабских рукописей. В настоящее время в Академии более девяноста академиков и членов-корреспондентов. Среди них известные востоковеды различных стран мира — Л. Массиньон (Франция), Х. Гибб (Англия), Ф. Габриели (Италия), Р. Гартман (Германия), Е. Э. Вертельс (СССР) и другие. Ее членами были выдающиеся деятели культуры и науки — покойные арабские писатели Амин ар-Райханий и Умар Фахурри, акад. И. Ю. Крачковский и итальянский ученый К. Наллино и др.

Академия издает труды по арабской филологии и истории. Часто ставятся доклады, посвященные вопросам арабской культуры. Часть докладов вошла в четыре сборника: две книги были опубликованы

в 1925 г., третья и четвертая — в 1954 г. Печатным органом Академии является «Журнал Арабской академии наук в Дамаске». Он выходит с 1921 г. четыре раза в год. В журнале печатаются труды не только сирийских филологов, но и ученых других стран. В каждом номере журнала помещаются исследования по средневековому арабистическому литературоведению, арабской филологии, средневековой арабской философии и истории, статьи по отдельным вопросам исламоведения и истории науки, аннотации и рецензии на новые издания, краткие сообщения и критические заметки.

Среди материалов, помещенных в XXIX и XXX томах, обращают внимание читателя исследования источниковедческого характера, а также публикации неизвестных или малоизвестных рукописей филологического или исторического содержания. Такие материалы имеют исключительно большое значение в настоящее время, когда в связи с успехами национально-освободи-

тельного движения, завоеванном многими арабскими народами политической независимости усиливается внимание арабской общественности к своему культурному наследию. Публикация источников вводит в науку новый материал, содействует изучению еще не решенных вопросов.

Д-р Мустафа Джауад поместил отрывки из рукописи пятой книги главы багдадских ханбалитов¹ арабского ученого Ибн 'Афля (ум. в 1119 г.) (т. XXIX, ч. I) «Китаб ал-фуун» Ибн 'Афля (более 300 книг) представляет собой своеобразный средневековый свод по различным отраслям знаний: богословию, философии, истории, мусульманскому праву и т. д. Сохранились лишь отдельные части его. Автору публикации удалось обнаружить рукопись пятой книги в Парижской национальной библиотеке, где она значилась под другим названием и приписывалась аш-Ша'райи (ум. в 1565 г.).

В журнале напечатана рукопись Мухйад-дина ал-Араби (1165—1240), уроженца Мурсии (т. XXIX, ч. 3, 4; т. XXX, ч. 1—3). Этот трактат арабского философа-мистика — «ар-Рисала» — был найден в Багдаде автором публикации Коркяс 'Аувадом, действительным членом Академии. «Ар-Рисала», большой список трудов ал-'Араби, включает много работ, которые не упоминаются в других источниках. 'Аувад предпослал публикации библиографию произведений, имеющих отношение к этому средневековому автору, и дал дополнительный список его сочинений. Оба списка — «ар-Рисала» и дополнительный — тщательно прокомментированы. 'Аувад указал, где и когда были изданы труды ал-'Араби, где хранятся их рукописи и дал номенклатурное обозначение последних. Очень любопытно завещание

Абӯ Мухаммада ибн Кутайбы (وصية ابن قتيبة الى ولده) (828—889), опубликованное в четвертом номере журнала за 1954 г. (т. XXX). Ибн Кутайба в кратком обращении к сыну излагает свои религиозно-философские и житейские взгляды. Этот документ находится

¹ Ханбалиты — мусульмане-сунниты, придерживающиеся в толковании и применении Корана и шариата учения Ахмада ибн Ханбала, создавшего в IX в. одно из четырех ортодоксальных толкований суннизма.

в библиотеке Американского университета в Бейруте. Насколько известно, о нем нет указаний ни в одном из библиографических сводов. Проф. Дакского университета (Восточный Пакистан) Мухаммад Сагир Хасан ал-Ма'суми опубликовал в XXIX и XXX томах авторский комментарий Ибн Сяны к его философской повести «Хайи ибн Пафзани» (رسالة الحى ابن يقظان مع شرحها). Комментарий Ибн Сяны имеет тем большее значение, что он дает возможность судить о философских и социологических взглядах ученого. Рукопись эта обнаружена в Оксфорде. По словам ал-Ма'суми, она не упоминается ни в одной из известных библиографий сочинений, написанных Ибн Сяной или приписываемых ему. Ал-Ма'суми доказывает авторство Ибн Сяны.

Из других напечатанных в журнале источников интересен комментированный лингвистический трактат арабского филолога Абӯ Са'ида ал-Асма'я (740—828) «Этимология» (كتاب اللمعة في صنعة الشعر) (т. XXIX, ч. 1, 2; начало см. в XXVIII томе), а также «Введение», написанное ал-Марзӯком (ум. в 1030 г.) к комментарию к знаменитой антологии IX в. «Хамаса» арабского поэта Абӯ Таммамы (ок. 805—846) и опубликованное тунисцем ат-Тахиром ибн 'Ашӯром, который учел и другие известные рукописи «Введения».

В журнале помещена небольшая рукопись арабского филолога Камал ад-дина ал-Анбара (1119—1181) (كتاب اللمعة في صنعة الشعر), обнаруженная в Стамбуле. В рукописи дана краткая характеристика терминологии, принятой в поэтическом творчестве (т. XXX, ч. 4).

Разбору издания пятой части произведения багдадского филолога Абӯ Ханифы ад-Динауари (ум. в 895 г.) — «Китаб аннабат», опубликованной в Лейдене в 1953 г. Х. Риттером, посвящена статья, помещенная в томе XXIX (ч. 3, 4).

Помимо этой работы филология и литературоведение представлены статьями: «Арабский язык в Афганистане»

(اللغة العربية في افغانستان)

(т. XXX, ч. 3), в которой прослеживается связь между арабской и афганской литературой; «Арабские слова в языке ур-

ду» (الكلمات العربية في اللغة الاردية) (т. XXIX, ч. 2) — краткая классификация форм и превращений арабских элементов в языке урду; «Джарйр» — статья сирийского филолога, президента Арабской академии наук Халиля Мардам-бея (т. XXX, ч. 2 — 4) о творчестве известного поэта периода Омейядов Абӯ Хазра Джарйра; описание и аннотация рукописи Ма'афйи бн Закарйā ан-Нахравйй (916—1000) كتاب الجايس والانىس — сборника стихов, новелл и анекдотов с критическими замечаниями в адрес главы басрийской школы IX в. ал-Мубаррада (ум. в 898 г.) (т. XXX, ч. 3). Интересна также научно-популярная статья Х. Мардам-бея — «Поэзия в период Омейядов» (т. XXX, ч. I) и статья Мармараджй ад-Думйиникй о преимуществах теории двухсогласного корня для истории развития семитских языков (فضل الثنائية على المعجمية) (т. XXIX, ч. I; начало см. в XXVIII томе). Рассматривая основу арабских слов, автор исходит из их семантического значения во всей его полноте, из структуры основы, применяет метод сравнительного анализа и пытается доказать, что первичным для семитских языков был двухсогласный корень.

В некоторых статьях рассматриваются вопросы из области философской и политической мысли. Так, в статье «Город справедливости» (المدينة العادلة) (т. XXIX, ч. 3) анализируются взгляды Ибн Сины об «идеальном» государстве. Убедительный разбор творчества отдельных арабских и арабоязычных философов — ал-Киндй, ал-Фараби и Ибн Сины — дан в статье «Понятие ал-'ақл (العقل) в арабской философии».

(معاني العقل في الفلسفة العربية).
В статье выясняется, что понимали арабские ученые средневековья под словом «разум» (ал-'ақл) (т. XXIX, ч. 4).

В XXIX томе (ч. 3, 4) помещен содержательный научно-популярный обзор философских и общественно-политических взглядов крупнейшего средневекового арабского поэта, филолога и философа X в. — Абӯ-л-'Алā' ал-Ма'аррӣ. Автор обзора использовал для этого «Лузūмийāt» — известный диван ал-Ма'аррӣ. Отрывки из дивана с краткими комментариями Х. Мардамбея дают четкое представление о мировоззрении Абӯ-л-'Алā'.

В краткой записке «Ал-фйкр уа-л-хадс»
(الفكر والحَدس) акад. Джамййл Салйбб̄

прослеживает определение понятий «мысль» (фикр) и «проницательность», «интуиция» (хаде) в работах философов арабского средневековья и приходит к выводу, что понятию хаде больше всего отвечает термин «intuition» (т. XXX, ч. I).

Исламоведению посвящено в журнале несколько статей. В небольшой заметке дана история одной из медресе в омейядской мечети в Дамаске (т. XXIX, ч. 2); в журнале продолжается публикация труда о происхождении и развитии мысли о непознаваемости откровений (اعجاز) Корана (т. XXIX, XXX).

Из статей по другим вопросам следует отметить обстоятельную работу по истории астрономии в Ираке и отчасти истории ее развития в других арабских и мусульманских странах в период 1534—1917 гг. —

العراق (т. XXIX, XXX); небольшую заметку о планиметрии у арабов (т. XXX, ч. 2); статью «Забота о матери и ребенке в «Каноне» Ибн Сины» (т. XXIX, ч. 3) и, наконец, статью о доисламских становищах арабских племен вокруг Дамаска — (منازل قبائل العرب حول دمشق), т. XXX, ч. I).

В разделе аннотаций и рецензий помещены отзывы на отдельные издания Института изучения арабских проблем при Лиге арабских государств (т. XXX, ч. 2 — 4), на книгу «История Ирака» — تاريخ العراق — современного иракского историка 'Аббаса 'Издуй и другие.

В разделе сообщений несомненный интерес представляют выступления арабских ученых по вопросам арабской лексики и, в частности, современной научной терминологии. В XXX томе (ч. 3) помещены замечания Мухаммада Салāх ад-дина ал-Кауāкибī об арабской терминологии в химии, а в XXIX томе (ч. 4) дан анализ медицинской терминологии, опубликованной в журнале Каирской академии арабского языка. Вопросам современной терминологии в арабском языке придается большое значение. Арабские ученые и в первую очередь Академия арабского языка в Каире и Арабская академия наук в Дамаске проводят в последние десятилетия большую работу по разработке, уточнению и унификации арабской научной терминологии.

Начата публикация одной из неиздан-

ных работ известного английского востоковеда Кренкова — «Замечания на диван аш-Набига аш-Шайбани» (ملاحظات على ديوان النابغة الشيباني). Диван был опубликован в Капре в 1932/33 г. (т. XXX, ч. 4).

Наш краткий обзор, конечно, не исчерпывает богатого содержания «Журнала

Арабской академии наук в Дамаске. Мы хотели лишь обратить внимание на то, что этот журнал имеет специальный интерес для исследователей арабской филологии, литературы, философии и истории.

З. И. Левин

НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ ТЕГЕРАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В последние годы Тегеранский университет издал много трудов по истории Ирана и иранской филологии. В настоящих заметках рассматриваются лишь некоторые из вышедших филологических работ.

حماسہ سمرانی در ایران

از قید سیرین تا یخ تا قرن چهاردهم هجری

تحقیق کیفیت کتب مدین و روایات علی و نظم آنها بجات اوستانی
و پهلوی و سری - خاصه ای علی تاریخچه دینی - بنیاد و استانهای علی

ЗАВҒИҲАЛЛАҲ САФА. Эпос в Иране (Тегеран, 1324 г. с. х./1946 г.; 2 изд., 1333/1955 г.)

Понятие «хамдса» включает древнейшую мифологию, героический эпос, эпические и религиозно-героические поэмы. В своем большом труде З. Саф и разбирает весь этот комплекс вопросов.

В введении излагаются теоретические взгляды автора на лирику и эпос. В первой главе даются обзор источников иранской мифологии (Веды, Авеста и пехлевийская литература) и героического эпоса (Авеста, пехлевийские произведения, прозаические «Шах-наме» различных авторов). Во второй главе пересказывается содержание домусльманских (авестийских и пехлевийских) книг, а в третьей — подробно анализируются стихотворные эпические произведения, начиная с небольшой поэмы

Мас'удӣ Марвазӣ (первая половина X в.) и кончая сочинениями каджарских поэтов (XIX в.). Здесь же рассматриваются и религиозно-героические поэмы. Значительное место в этой главе отведено «Шах-наме» Фирдоуси. Большой интерес представляют разделы о так называемых циклических поэмах, в которых описаны подвиги героев, не вошедшие в «Шах-наме» Фирдоуси. Анализу мифических и эпических образов древнего Ирана, сравнение их с персонажами «Шах-наме» Фирдоуси посвящена четвертая глава книги.

Рассматриваемое исследование основательно дополняет соответствующие разделы работ Ж. Моля и Т. Нёльдеке. Дальнейшее изучение иранского эпоса и, в частности, источников «Шах-наме» Фирдоуси без учета работы З. Сафā невозможно.

Отметим и пробелы, имеющиеся в работе З. Сафá. Так, вторую главу — «Домусульманские эпические произведения» — можно было бы без ущерба для композиции перенести в соответствующие разделы первой главы. При описании «циклических» поэм автору не следовало ограничиваться каталогами Риё и Блоше, поскольку эти поэмы имеются и в других книгохранилищах мира. Трудно согласиться с утверждением З. Сафá (стр. 183—195), что Фирдоуси следовал сюжету письменного источника. Сравнение «Шах-наме» с использованием Фирдоуси источниками (например, эпизодов о Каве и Захакке, о Маздаке и Рустаме) говорит о том, что Фирдоуси вовсе не был простым версификатором, а проводил отбор источников и при этом наделял своих героев индивидуальными чертами, изображая их живыми людьми с реальными человеческими страстями.

قصص تیشیا لافشوی

БАДІ' АЗ-ЗАМАН ФУРҶАНФАР.
Источники притч и басен «Маснави»
(Тегеран, 1333/1954 г.)

Эта книга — результат упорных двадцатипятилетних изысканий автора — представляет собой, по его утверждению, начало огромной работы, которую может выполнить только коллектив исследователей.

Исследование построено по плану «Маснави» Руми. Автор рассматривает по порядку притчи «Маснави» и указывает, из каких источников взяты их сюжеты. В тех случаях, когда притчи были уже использованы, Бадя' аз-Заман цитирует отрывки из произведений Саа'и, Анвары, Низами, Атгара и других поэтов. Всего приведены источники 264 притч, басен и аллегорий.

Книга снабжена указателями имен, географических названий и использованных источников.

تحقیق انتقادی در عروض فارسی

وچونگی تحول اوزان غزل

ПАРВІЗ ПАТИЛ ХАНЛАРИ. Критическое исследование о персидском арузе и об эволюции метров газели (Тегеран, 1328/1949 г.)

В первой главе, после изложения общих теоретических положений о метре, автор разбирает стихосложение в древних и средних иранских языках, а также в современных персидских говорах и утверждает след за Ю. Н. Марром, что между авестийской и пехлевийской поэзией, с

одной стороны, и современной персидской, с другой, существует преемственность. Как известно, Э. Бенвенист в 30-х годах высказал предположение, что авестийские, среднеиранские и современные персидские фольклорные стихи являются силлабическими. Ю. Н. Марр в своем докладе, прочитанном на конгрессе, посвященном юбилею Фирдоуси в Тегеране в 1934 г., высказал сомнение по поводу приемлемости этого положения для стихов на древних иранских языках и категорически отверг его в отношении современной пародной поэзии. А. Кристенсен и М. Хеннинг пришли к заключению, что в стихосложении на авестийском и среднеиранском языках большое значение имело ударение. Исследуя все сохранившиеся ранние поэтические памятники на языке фарси и современные тегеранские народные стихи, Парвиз Ханларя тоже считает, что в них, помимо количества слогов, большую роль играет ударение; последнее говорит об их тонической природе. На наш взгляд, этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения, причем обязательно на базе материалов экспериментальной фонетики.

Во второй главе автор подвергает критике систему аруза, которая с небольшими изменениями была перенесена из арабской поэзии в персидскую. По мнению автора, система аруза не отвечает природе персидского стиха, где существенную роль играет ударение. Формально эта система порочна, поскольку она не разбивает стих на равные стопы, что специфично для персидской поэзии. Вместо аруза, разработанного в VIII в. Халилем, Парвиз Ханларя предлагает свою систему, в которой все стопы имеют одинаковое количество слогов. Взамен пяти кругов старой системы аруза, автор предлагает четырнадцать новых. Этим Парвиз Ханларя добивается не только упрощения системы, но и большего соответствия схемы ритмике стиха. В новой схеме стихосложения, как и в арузе, имеются основные метры и производные, которые являются вариантами первых. Выводя какой-либо размер, автор дает его соответствующую схему в арузе, не ограничиваясь простым переименованием метров. Например, его первый круг целиком совпадает с первым кругом Халиля. В этот круг у Халиля входят три размера: 1) раджаз — — — (4 раза); 2) рамал

— — — (4 раза); 3) хазадж — — — (4 раза).

Халиль и его последователи при создании схемы исходили из того факта, что любой из этих размеров в круг превращается в другой, в зависимости от того, с какого слога начинать. Парвиз Ханларя рассматривает свой круг с совершенно иных позиций. Он объединяет эти три размера на том основании, что каждый из них содержит 16 слогов, из которых 12 долгих и 4 коротких. При этом автор считает, что при несоблюдении определенного порядка ударений размер нарушается, и стих, как говорят, «спотыкается». В круге Халиля эти размеры содержат по 4 стопы, а каждая стопа — 4 слога. А у Парвиза Ханларя каждая стопа состоит из двух слогов, следовательно, в размере 8 слогов. Поскольку в арузе 5 кругов, а у Ханларя — 14, то естественно, что многие размеры, которые у Халиля и его последователей считались производными, в новой системе являются самостоятельными. На наш взгляд, система Парвиза Ханларя более соответствует природе персидского стиха. Вместе с тем, как нам кажется, новая система еще не доработана, поскольку не доведен до конца принцип тоники в стихе.

В третьей главе Ханларя исследует развитие размеров газели с момента ее возникновения (Амр Му'иззя, Абу-л-Фарадж Руми, Саа'и и др.) до самого последнего времени. Автор приходит к выводу, что поэты выбирали размеры не произвольно, а согласно установившейся традиции. При исследовании этого вопроса Ханларя использовал диваны всех более или менее известных поэтов. Он разбивает размеры, в зависимости от количества слогов, на несколько групп: «короткие» (до 11 слогов); «средние тяжелые» (14 и 15 слогов); «средние легкие» (15 слогов); «длинные» (16 слогов); «чередующиеся» (разное количество слогов).

Отвлекаясь от прочих факторов, Ханларя, на основе употребления размеров (следуя в основном периодизации Б. Фурӯзифара), устанавливает шесть различных стилей в развитии персидской газели: 1) хорасанский (до VI в. х.); 2) азербайджанский (вторая половина VI в. х.); 3) ширазский (VII и VIII вв. х.); индийский (X и XI вв. х.); 5) исфаганский (XII в. х.); 6) возвращение к старому стилю. В хорасанском

стиле преобладают короткие размеры, в азербайджанском — чередующиеся, ширазском — средние легкие, индийском — средние тяжелые, исфаганском — длинные, в последнем стиле — средние легкие. Эти выводы получены автором в результате исследования диванов 51 поэта, многие из которых не изданы. Нам кажется полезным перевести эту книгу на русский язык. Она принесет большую пользу и таджикским поэтам.

مزدیسنا و تأثیر آن در ادبیات پارسی

МУХАММАД МУ'ИН. «Маздаясна» и ее влияние на персидскую литературу (Тегеран, 1326/1947 г.)

Иранские ученые в последнее время проделали значительную работу по изучению Авесты и среднеиранской культуры. После многочисленных работ Пурри Давуда «Маздаясна» М. Му'ина является самым значительным в Иране исследованием по Авесте.

Книга М. Му'ина состоит из введения и семи глав. В первой главе М. Му'ин пишет об общей индо-иранской мифологии и космогонии, для чего использует Риг-Веду, элементы которой он обнаруживает в «Шах-наме» Фирдоуси.

Во второй главе разбирается этимология слова «Заратустра». Автор приводит различные мнения ученых относительно Заратустры и утверждает, что он жил не ранее 1100 лет до н. э. М. Му'ин критически осмысливает сложившиеся вокруг Заратустры легенды. В третьей главе М. Му'ин, основываясь на исследованиях европейских и иранских ученых, дает очерк об Авесте, о ее сохранившихся частях и комментариях (Зенд и Пазенд). В четвертой автор анализирует основы маздеизма. В этом разделе дается этимология слов «азур» и «адар», а также описывается устройство

а главным образом сведений, содержащихся в самом диване, восстанавливает общую творческую биографию поэта, устанавливает полное и точное его имя, предположительную дату рождения и год смерти, основные этапы деятельности и т. д. Далее в исследовании анализируются идейно-тематическое содержание и художественные особенности творчества поэта, выявляются его этические взгляды.

Весьма любопытны мотивы, побудившие проф. Ризави к работе над текстом сочинений Сайида Хасана Газнави. Он рассказывает, что во время работы над текстом сочинений Саида перед ним встала масса трудностей, например, непонятные выражения, многочисленные слова, не отмеченные в словарях. Для уяснения этих вопросов он решил обратиться к сочинениям современников Саида. Первое же знакомство с произведениями Сайида Хасана убедило исследователя, что путь, избранный им — наиболее верное средство для разрешения многих текстологических и филологических вопросов, связанных с творчеством не только Саида, но и других поэтов того времени.

Далее издатель излагает принципы составления текста. К сожалению, он не дает описания использованных материалов, что лишает читателя возможности иметь о них собственные суждения. К числу недостатков издания относятся также непоследовательное фиксирование разночтений. При этом издатель не ссылается на определенную рукопись, а просто отмечает: «в некоторых списках» и далее приводит разночтение. Помимо всего прочего в текст вкрались многочисленные опечатки.

Вообще, как указывает и сам издатель, работу над текстом дивана Сайида Хасана нельзя считать завершенной. Это еще первый шаг. Но это шаг весьма и весьма значительный. Прделанная доктором Ризави работа создает весьма основательную базу для изучения и исследования творчества этого интересного поэта.

Опубликованный Тахй Мударрисом Ризави диван выдающегося поэта XII в. Сайида Хасана Газнави вводит в научный обиход новый материал для изучения литературы XII в. и знакомит читателей с одним из замечательных памятников безбрежной классической средневековой литературы Ирана.

هشت مقاله

تاریخی و ادبی

НАСРАЛЛАХ ФАЛСАФИ. *Восемь статей (исторических и литературоведческих)*. («Изд-во Тегеранского университета, 1330/1952 г.»)

Статьи сборника посвящены различным вопросам истории и литературы Ирана разных периодов. Книге предпослано предисловие известного иранского филолога и писателя проф. Са'ида Нафиса, где дается общая характеристика статей и рассказывается о целях и задачах, поставленных перед собой автором сборника.

Как указывает автор предисловия, в своих работах Насраллах Фалсафи опровергает господствующее мнение о том, что научные труды должны носить сугубо академический характер. Статьи Насраллаха Фалсафи написаны живо и увлекательно, так что их могут читать не только ученые-специалисты, но и широкий круг людей, не имеющих специальной подготовки.

В первой статье — «Завоевание Сумната» — автор стремится подробно осветить поход султана Махмуда в Индию и завоевание Сумната. Опровергая широко распространенный среди буржуазных ученых миф, который обязан своим происхождением трудам средневековых феодальных мусульманских историографов, Насраллах Фалсафи убедительно доказывает, что подлинная причина походов Махмуда заключается отнюдь не в благочестивом стремлении очистить Индию от неверных. Наоборот, религиозный фанатизм был лишь флагом для грабительских походов. Махмуд ополчился не на «неверие» жителей Индии, в том числе Сумната, его привлекало их «золото и серебро». Автор подробно описывает поход и в заключение приводит посвященные ему касыды поэтов Фаррухи, «Асджада и ряд легенд.

В статье «Как Надир-Кули стал Надир-шахом» Насраллах Фалсафи, используя рассказ армянского католика Абрахама Курти, описывает поход Надир-шаха в Армению и Грузию и церемонию корона-

ция Надир-шаха в Муганской степи в феврале 1736 г. Исключительный интерес представляет публикуемый впервые в статье текст документа о коронации Надира, так называемого «Обязательства Муганской степи», составленного по приказу Надир-шаха.

Третья статья, в которой рассказывает о деятельности Хасана Майманди, известного везира султана Махмуда, названа «Везир-иранофил».

Очень интересна пятая статья — «Жизнь Сары-Тахй», в которой Насраллах Фалсафи приводит ряд до настоящего времени неизвестных материалов о жизни и деятельности одного из крупнейших политических деятелей эпохи Сефевидов Мирзы Мухаммад Тахй Табризи, прозванного «Сары-Тахй» (Желтый Тахй) — везира Шах 'Аббаса Великого, Шах Сафи и Шах 'Аббаса Второго. С большим интересом читается также и шестая статья «Жизнь придворных поэтов», содержащая много новых данных и суждений о жизни и деятельности придворных поэтов IX — XIII вв., т. е. с момента расцвета персидской поэзии до монгольского нашествия.

Но самой значительной по своей научной ценности является последняя, восьмая, статья: «Четыре исторических письма трех великих исторических деятелей». Эта работа посвящена событиям второй половины XII в. в Иране и взаимоотношениям Малик-шаха сельджукида со знаменитым везирем сельджукидских султанов Низам ал-Мулком и вождем исмаилитов Хасан Саббахом, а также великого поэта и ученого 'Умара Хаййама с двумя последними.

В первой части статьи автор, на основании некоторых старых данных, стремится доказать реальность известной легенды о том, что 'Умар Хаййам, Хасан Саббах и Низам ал-Мулк были сверстниками и учились вместе. Не останавливаясь подробно на содержании этой части статьи, скажем лишь, что доказательства автора не особенно убедительны. Далее автор вкратце рассказывает о жизни, деятельности и приключениях Хасан Саббаха и излагает легенду, которая гласит, что Хасан Саббах, в силу уговора, заключенного между ним и Низам ал-Мулком в годы учения, был приглашен ко двору. Но между ним и его высокопоставленным 'другом начались разногласия и впоследствии Хасан был вынужден бежать за пределы Ирана.

Автор приводит письмо Малик-шаха, адресованное Хасан Саббаху в Аламуте и пространный ответ Саббаха Малик-шаху. Эти письма до сих пор оставались недоступными исследователям. Краткое содержание их было изложено, насколько известно, только в сочинении Кадия Нураллах ибн Шариф Мар'аша Шуштаря. Притом интерпретация Мар'аша считалась лишеной реальной почвы и опровергалась многими учеными. Насраллаху Фалсафи посчастливилось обнаружить эти письма в недавно найденной им редкой рукописи, содержащей ферманы и переписку царей разных династий. Рукопись эта составлена одним из видных деятелей сефевидского двора — камердинером гарема (آقسی باشی حرم). Шах Сафи Хайдар-беком Эв-оглу (حیدر بیگ ایواوغلی), сыном Абу-л-Касима Эв-оглу, в распоряжении которого была и придворная библиотека. Содержание письма (если оно не подложное) Хасан Саббаху султану Малик-шаху ясно доказывает реальность вышеизложенной легенды о взаимоотношениях Хасан Саббаха с Низам ал-Мулком. Вообще письмо имеет большое значение для изучения жизни и деятельности Хасан Саббаха и его учения о сущности исмаилизма того времени.

Далее Насраллах Фалсафи приводит и два других исторических документа: прошение Низам ал-Мулка султану Малик-шаху об отставке и ответ последнего. Эти письма также до сих пор были неизвестны исследователям. Они приводятся еще в одной рукописи, содержащей послания и ферманы шахов, которая находится в личной библиотеке поэта Муаййада Сабити и еще не опубликована. Из этих писем явствует, что, вопреки распространенному утверждению, Малик-шах не разрешил Низам ал-Мулку уйти в отставку, а лишь, уступив его настойчивым просьбам, дал «отпуск» для совершения паломничества в Мекку с условием, что после возвращения Низам ал-Мулк должен приступить к исполнению своих обязанностей при дворе.

Остальные две статьи: «Дарий Великий — великий деятель древнего мира» и «Граф Жозеф Артур де Гобинно» представляют лишь общий интерес.

В конце каждой статьи автор дает список первоисточников, послуживших основным материалом для работы.

Р. М. Алиев и М. Н. Османов

АННОТАЦИИ

(КНИГИ, ИЗДАННЫЕ В ИРАНЕ В 1955—1956 гг.)

ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ

حسن عابدي.
اصفهان از لحاظ اجتماعی و اقتصادی
ХАСАН АВЕДИ. Исфахан с точки
зрения социальной и экономической.
Исфахан, Изд-во «Та'ид», 1955, 244
стр., табл.

Физико-географический, исторический и
экономический очерк округа и города
Исфахана. Книга состоит из четырех раз-
делов, которые включают историко-геогра-
фическое описание города, современного
состояния промышленности, ремесел и тор-
говли (обзор существующих предприятий),
положения сельского хозяйства Исфахан-
ского округа, обзор административной си-
стемы, а также перечень памятников архи-
тектуры. В приведенных таблицах даются
ценные статистические данные о населе-
нии Исфахана.

عبدالحسين بهتيا. پرده‌های
سیاست. نفت. نهضت. مصدق. زاهدی

АВД-ОЛ-ХОСЕЙН БАХТИЯ. За ку-
лисами политики. Нефть. Обществен-
ное движение. Мосаддег. Захеди. Те-
геран, 1956, 123 стр.

Политическая история Ирана послевоен-
ного времени. Основное внимание уделяется
движению за национализацию Англо-Иран-
ской нефтяной компании (АИНК) и
нефтяному вопросу в период 1950—1953 гг.

محمد تقی دامغانی.

احوال شخصیه زردشتیان ایران

МОХАММЕД ТАГИ ДАМГАНИ. Пра-
вовое положение иранских зороастрий-
цев. Тегеран. Изд-во «Амир-е-Кабир»,
1955, 92 стр., библиограф.

Анализ законов и обычаев, дейст-
вующих в настоящее время в семейных от-
ношениях зороастрийских общин Ирана.
Сопоставляя семейное право зороастрий-
цев с современным гражданским законода-
тельством Ирана, автор подчеркивает су-
ществующие между ними противоречия.
Семейное право зороастрийцев, хотя и
подверглось сильнейшему влиянию ислама,
все еще сохраняет положения доисламской
религии.

بهرام دهناد. پارلمان ایران

БАХРАМ ДЕХНАД. Иранский пар-
ламент, т. I. Тегеран, Изд-во «Ма-
рефат», 95 стр.

Биографии и общественная деятель-
ность депутатов меджлиса 18-го созыва и
депутатов сената 2-го созыва. Книга дает
представление о классовой структуре иран-
ского парламента.

رضا جهانسوز. تاریخ بنیان قاجار

РЕЗА ДЖЕХАНСУЗ. История воз-
никновения каджаров. Тегеран, Изд-во
«Атеш», 1954, 65 стр., илл., карта,
библиограф.

История племени каджаров с древней-
ших времен, а также царствования каджар-

ской династии (1796—1925). В главах, по-
священных истории и социальной органи-
зации племени каджар, автор делает по-
пытку доказать их индоевропейское («арий-
ское») происхождение. Книга издана на
средства «Общества каджарских семей».

علی کنی. سازمان فرهنگ ایران

АЛИ КЕНИ. Организация просве-
щения в Иране, т. I. «Публикации
Тегеранского университета», № 229,
Тегеран, 1954, 131 стр.

В первых главах дается история просве-
щения в Иране с древнейших времен до
наших дней; в последующих главах опи-
сывается структура министерства просве-
щения. Автор критикует современное со-
стояние просвещения. В заключение при-
водятся многочисленные проекты улучше-
ния постановки учебного дела в Иране.

غلام حسین مقتدر. کلید خلیج فارس

ГОЛЯМ ХОСЕЙН МОГТАДЕР. Ключ
к Персидскому заливу. Тегеран, Изд-во
«Атеш», 1954, 6+159 стр.

Исторический очерк иранского побережья
Персидского залива за последние три сто-
летия. В первых главах основное внимание
уделено соперничеству Португалии, Анг-
лии, Голландии и Франции в Персидском
заливе в XVII—XVIII вв. и внешней по-
литике Ирана в этот период. Политические
события и экономическое положение рай-
онов Персидского залива конца XIX —
начала XX в. освещены и документиро-
ваны более подробно. Отдельные главы
посвящены описанию экономической ре-
конструкции указанных районов в период
правления Реза-шаха. В главе «Современ-
ное социально-экономическое положение
Персидского залива» автор обрисовал упа-
док и запустение этих некогда процвета-
вших районов.

محمد مکرری.

عشایر کرد. تاریخچه. جغرافیا. تیرها

МОХАММЕД МОКРИ. Курдские пле-
мена. История. География. Родовое
деление. Книга I. Племя сенджаби.
Тегеран, 1955, 127 стр., илл.

Историко-географический и этнографи-
ческий очерк курдского племени сенджаби,

проживающего в районе Керманшаха,
которое в далеком прошлом перешло на
оседлость.

В книге рассказывается о происхождении
племени, дается этимология его названия,
описывается его история и современное
положение. Касаясь землевладения, автор
подробно перечисляет деревни в районах
зимовок и летовок племени с указанием их
владельцев. Приведен полный список су-
ществующих и вымерших родов племени.
Много места уделено описанию деятель-
ности выдающихся ханов племени, и в осо-
бенности биографии Керим-хана Сенджаби,
депутата меджлиса от Керманшаха.

محمد مهین یو. ایراد در پیرامون
مسلك باب و بها و مذاهب مختلفه عالم

МОХАММЕД МАХИИ-ПУ. Крити-
ческий разбор доктрин бабизма и бе-
хаизма, а также других религий
мира, т. I. Тегеран, Изд-во «Ватан-
е-ма», 105 стр.

Первый том в основном содержит кри-
тический разбор идеологии бабидов с точки
зрения ортодоксального ислама шиитского
толка.

سعید نفیسی.

بابك خرم دین دلاور آذربایجان

САИД НАФИСИ. Бабек-хорремит—
вождь Азербайджана. Тегеран, 1954,
238 стр., индекс, библиограф., карта

Жизнь и деятельность Бабека (ум.
в 838 г.) — вождя народной войны в Азер-
байджане против арабского нашествия.
На основании арабских и персидских источ-
ников дается анализ национально-осво-
бодительного движения в Азербай-
джане. Подробно рассматривал исто-
рию возникновения религиозной идеологии
хорремитов, автор отмечает, что их учение,
возникшее на базе маздакидских и домаз-
дакидских воззрений, являлось соци-
альным протестом против арабского по-
рабощения.

سعید نفیسی. بحرین

САИД НАФИСИ. Бахрейн. Тегеран,
1955, 66 стр., библиограф.

Краткий исторический очерк Бахрейн-
ских островов с древнейших времен. Основ-

ная цель автора — доказать историческое право Ирана на владение Бахрейном. Для подтверждения своей концепции автор приводит многочисленные исторические документы.

سعید نفیسی. زندگی و کار و اندیشه و روزگار پورسینا

САИД НАФИСИ. *Ибн-Сина. Его жизнь, деятельность, мысли и эпоха.* Тегеран, 1954, 270 стр., илл., библи.

Книга вышла в связи с празднованием тысячелетия со дня рождения Абу-Али Ибн-Сины и представляет собою научно-популярный очерк о жизни и деятельности великого ученого.

خواجه نوری. مردان خود ساخته

А. ХАДЖИ НУРИ (сост.). *Прославившиеся люди.* Тегеран, Изд-во «Экбал». 1956, 282 стр., портреты

Большая часть книги содержит биографии выдающихся лиц Ирана, написанные различными авторами. Сюда входят биографии Реза-шаха, написанная его сыном Мохаммед Реза-шахом, Сеид Джемаль-ад-дина Афгани, Амир-Кабира, Саттар-хана, Кемаль-оль-Мемалека, Сеид Джемаль-ад-дина Ваэза, Мохаммеда Али Форуки.

Во второй части книги приведены биографии выдающихся людей мира (Махатма Ганди, Авраам Линкольн, Джеймс Уатт и др.).

م. اورنگ. یکتاپرستی در ایران باستان

М. ОУРЕНГ. *Монотеизм в древнем Иране.* Тегеран, Изд-во «Афшин», 1955, 370 стр.

Широко используя исследования западноевропейских ученых, Оуренг стремится доказать господство монотеистических верований и представлений в ранних религиях Ирана. По мнению автора, первоначально в основе зороастризма была идея единобожия, которая в позднем зороастризме сменилась дуалистическими представлениями.

احمد سروش. مدعیان مهدویت از صدر اسلام تا عصر حاضر

АХМЕД СОРУШ. *Претенденты на звание Махди с начала ислама до наших дней.* Тегеран, Изд-во «Афшин», 1955, 160 стр., илл.

Краткий очерк религиозных движений в Иране, начиная с первых веков ислама (восстания Муканны, Абу-Муслима и др.), преимущественно с точки зрения их идеологического содержания. В книге дается также беглое описание различных религиозных сект, существовавших на территории Ирана, в том числе секты исмаилитов. Много страниц уделено истории бабидского движения, биографии Али Мохаммеда Баба, а также современному учению бехаитов. Отдельная глава посвящена религиозным и общественным взглядам известного историка и публициста Сеида Ахмеда Касреви.

کریم طاهر زاده بهزاد. قیام آذربایجان در انقلاب مشروطیت

КЕРИМ ТАХЕР-ЗАДЕ БЕХЗАД. *Восстание в Азербайджане в период иранской революции.* Тегеран, Изд-во «Экбал», 1955, 20 + 525 стр., илл., библи.

Книга содержит подробное описание революционных действий на территории иранского Азербайджана в период революции 1905—1911 гг., в частности, тавризского восстания под руководством Саттар-хана и Багир-хана.

Предисловие к книге написано Хасаном Таги-заде и д-ром Реза Шефагом, видными политическими и общественными деятелями Ирана.

محمود محمود. تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن ۱۹

МАХМУД МАХМУД. *История политических отношений между Ираном и Англией в XIX в., т. 8.* Тегеран, Изд-во «Экбал», 1954, стр. 2115—2382.

Монография Махмуд Махмуда далеко выходит за рамки указанной темы, так как касается не только взаимоотношений Ирана с Англией, но и множества других вопросов внешней политики и внутренней истории Ирана в XIX и XX вв.

Восьмой (последний) том монографии посвящен почти исключительно иранской революции и англо-иранским связям в период 1903—1916 гг.

سید مرتضی حسینی تهرانی. اصول علم مالیه و قوانین مالی ایران

СЕИД МОРТАЗА ХОСЕЙНИ ТЕХ-РАНИ. *Основы финансовой науки и финансовое законодательство в Иране.* Тегеран, Изд-во «Рангин», 1955, 491 стр.

Краткая история податной системы Ирана с древнейших времен по настоящее время. Характеристика существующей системы доходов иранского правительства.

نصرالله فلسفی. زندگانی شاه عباس اول

НАСРАЛЛАХ ФАЛСАФИ. *Жизнь шаха Аббаса Первого, 2 тома.* Тегеран, Изд-во «Кейхан»; т. I, 20 + 265 стр.; т. 2, 9 + 454 стр.; илл., библи.

В начале первого тома дается краткая история Ирана, начиная с первых веков ислама, с более подробным описанием прихода к власти династии Сефевидов. Основная часть первого тома посвящена политическим событиям в Иране при жизни шаха Аббаса. Большой интерес представляет приложение к первому тому (около трети книги), содержащее различные исторические документы, выписки из персидских и турецких летописей, а также частную переписку шаха Аббаса.

Основные вопросы второго тома — личность шаха Аббаса, его качества как государственного деятеля и человека, иранское общество того времени, состояние промышленности, ремесел, торговли и искусства. Отдельные главы посвящены поэтам, каллиграфам, художникам и артистам — современникам Аббаса. В приложении ко второму тому имеются многочисленные выдержки из летописей, касающиеся общественной жизни Ирана при шахе Аббасе.

مصطفی فاتح. پنجاه سال نفت ایران

МОСТАФА ФАТЕХ. *50 лет иранской нефти.* Тегеран, 1956, 30 + 682 стр.

История хозяйничанья в Иране Англо-Иранской нефтяной компании. Автор книги, в течение длительного времени зани-

мавший крупный пост в администрации бывш. АИНК, приводит много неизвестных документов, проливающих свет на закулисное вмешательство АИНК в политическую и экономическую жизнь страны.

Помимо нефтяной промышленности, автор уделяет большое внимание развитию экономики Ирана в целом.

مرتضی مدرسی چهاردهی. زندگانی و فلسفه اجتماعی و سیاسی سید جمال الدین افغانی

МОРТАЗА МОДАРРЕСИ ЧАХАРДЕ-ХИ. *Жизнь и социально-политическая философия Сеид Джемаль-ад-дина Афгани.* Тегеран, 1955, 211 стр.

Книга состоит из двух частей. В первой части дается подробная биография Джемаль-ад-дина Афгани (1838—1898), начиная с его деятельности при дворе эмира Афганистана. Отдельные главы посвящены пребыванию Сеид Джемаль-ад-дина в Индии, Иране, Египте, Турции и в странах Западной Европы, а также политическим и религиозным выступлениям. Во второй части содержатся статьи, политические памфлеты, речи и проповеди по вопросам политики, философии и религии, а также около двухсот афоризмов, принадлежащих или приписываемых Афгани.

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

صدر کشاورز. زنانی که بفارسی شعر گفته اند از رابعه تا پروین

САДР КЕШАВЕРЗ. *Женщины-поэтессы, писавшие на персидском языке, от Рабии до Парвин (с X по XX в.).* Тегеран, Изд-во «Кавиан», 1956, 282 стр.

Биографии и образцы творчества свыше ста иранских поэтесс, начиная с X в.

حسین کوهی کرمانی. پانزده افسانه از افسانه‌های روستائی ایران

ХОСЕЙН КУХИ КЕРМАНИ. *Пятнадцать сказок иранской деревни.* Тегеран, Изд-во «Амир-е-Кабир», 1954, 8 + 112 стр., илл.

Автор книги — известный исследователь иранского фольклора. Настоящее издание включает ряд сказок, изъятых цензурой Реза-шаха из первого издания этой книги.

محمد علي مدرس. ریحانة الادب. فی تراجم المعروفین بالکنیة او اللقب یا کنی والقاب

МОХАММЕД АЛИ МОДАРРЕС. Биографический словарь и словарь псевдонимов знаменитых людей, тт. 1—5. Тегеран, 1948—1956, порт.

Словарь включает биографии выдающихся политических и общественных деятелей, представителей науки, искусства, литературы, религии, философии и т. д. прошлых веков и настоящего времени.

ابراهيم صفائی. نهضت ادبی ایران در عصر قاجار

ИБРАГИМ СЕФАИ. Литературное движение в Иране в период каджаров. Тегеран, 1955, 112 стр.

Биографии и образцы творчества крупнейших поэтов эпохи Каджарской династии (1796—1925).

عبد الحمید خالخالی.
تذکره شعرای معاصر ایران

АБД-ОЛ-ХАМИД ХАЛХАЛИ. Антология современных поэтов Ирана. Тегеран, 1955, 452 стр.

Книга включает краткие биографические сведения о виднейших персидских поэтах и их стихотворения.

مهدی حمیدی. دریای گوهر

МЕХДИ ХАМИДИ. Море жемчужин, тт. 1—3. Тегеран, 1955—1956.

Антология современной персидской литературы. Поэзия и проза.

ابوالقاسم جنتی عطائی.
بنیاد نمایش در ایران

АБУ-Л-ГАСЕМ ДЖЕННАТИ-АТАИ. История основания и развития театра в Иране, ч. I. Тегеран. Из-во «Ибн-е-Сина», 1955, 278 стр., илл.

История иранского театра с древнейших времен до настоящего времени. В книгу входит описание народных театральных представлений, религиозных мистерий (та'зийе), театральной техники (костюмы, де-

корации, украшения и т. п.). Описывается состояние театрального искусства в настоящее время.

روح الله خاکی.

سرگذشت موسیقی در ایران

РУХОЛЛА ХАЛЕГИ. История иранской музыки, ч. 1. Тегеран, 1955, 516 стр., илл.; ч. 2, Тегеран, 1956, 347 стр., илл.

История музыкального искусства Ирана с древнейших времен. В книгу включены описания музыкальных инструментов, музыки народной, обрядной, религиозной, военной, танцевальной и т. п. В главах о современной музыке содержатся сведения о выдающихся иранских композиторах, музыкантах-исполнителях и существующих музыкальных школах.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

عبدالعلى کارنگ. تاتی وهرزنی دو لهجه از زبان باستان آذربایجان

АБД-ОЛ-АЛИ КАРЕНГ. «Тати» и «харзани» — два диалекта древнего азербайджанского языка. Тебриз, 1955, 160 стр.

Словарь и краткий исторический обзор татского и харзанийского диалектов.

نیکلا راست. پیدایش ضمائر فارسی

НИКОЛА РАСТ. Происхождение личных местоимений персидского языка. Тегеран, Изд-во «Рангин», 1955, 164 стр., библи.

Описание личных местоимений современного персидского языка в сравнении с таковыми в других языках.

СЛОВАРИ

حبيب الله آموزگار. فرهنگ آموزگار

ХАБИБУЛЛА АМУЗГАР. Толковый словарь Амузгара. 3 изд., испр. и доп. Тегеран, Изд-во «Ма'рефат», 1955, 880 стр.

Толковый словарь современного персидского языка.

یحیی ذکا: گویش کریمگان «تاتی»

ПАХЛА ЗОКА. «Татский» диалект Карингана. Тегеран, Изд-во «Данеш», 1954, 8+64 стр., карта

Словарь и описание одного из диалектов Иранского Азербайджана.

منوچهر ستوده. فرهنگ گیلکی

МАНУЧЕХР СОТУДЕ. Гиляко-персидский словарь. Тегеран, Изд-во «Энджоман-е-Ираншенаси», 1954, 4+272 стр., илл.

Краткое введение и словарь гилякского языка (с применением латинской транскрипции).

محمد مکرری. فرهنگ فارسی

МОХАММЕД МОКРИ. Толковый словарь персидского языка, т. I — от 1 до 10. Тегеран, 1955, 617 стр., библи.

Во введении дан краткий обзор истории развития персидского языка с древнейших времен до наших дней. Судя по первому тому, словарь Мохаммеда Мокри обещает быть одним из наиболее полных современных словарей персидского языка.

ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ ВО ВСЕСОЮЗНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ БИБЛИОТЕКУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

J. CH. JAIN. Amidst the Chinese people. With a preparatory letter by Mulk Raj Anand. Delhi, «Atma Ram», 1955, XIV+152 p., ill. Bibliogr., p. 152.

Джегдхин Чандра Джейн — видный ученый и общественный деятель Индии, активный участник национально-освободительной борьбы индийского народа. Свою книгу он посвятил «тем, кто в прошлом отваживался выступать за установление сердечных отношений между Индией и Китаем, тем, кто стремится к укреплению этих отношений в настоящем, и тем, кто продолжит свои усилия в будущем».

После установления народной республики в Китае Джейн был приглашен профессором хинди на факультет восточных языков и литератур в Пекинский универ-

محمد علي خليلی وعلی اصغر شمیم.
فرهنگ امیر کبیر

МОХАММЕД АЛИ ХАЛИЛИ И АЛИ АСГАР ШАМИМ. Энциклопедический словарь Амира Кабира. Тегеран, Изд-во «Амир-е-Кабир», 814 стр., илл., карты.

Словарь состоит из двух частей. В первой части дана научно-техническая терминология, во второй — терминология гуманитарных наук.

احمد اقتدار. فرهنگ لارستانی

АХМЕД ЭГТЕДАР. Словарь [диалектов] Ларестана. Тегеран, 1956, 300 стр., 5000 слов

Сводный словарь шести основных диалектов Ларестана (Южный Иран). Слова транскрибированы в латинской графике. К словарю приложены краткая сравнительная грамматика шести иранских диалектов Ларестана, а также сравнительные тексты исторических документов на ведущем диалекте.

В. В. Трубецкой

ситет. Во время пребывания в Китае автор совершил ряд поездок по стране. В своей книге «Среди китайского народа» автор освещает различные стороны жизни Народного Китая.

L. ASHTON and B. GRAY. Chinese art. New York, [1954], 366 p. Bibliogr., p. 360—362.

Настоящее издание справочника по истории китайского искусства от его истоков до 1912 г., составленного группой специалистов по китайскому искусству, переработано Л. Аштоном, директором «Викториа энд Альберт музеем», и Б. Греем, хранителем древностей Британского музея.

В предисловии указывается, что составители при расположении памятников искусства руководствовались не характером

материала, из которого они сделаны (бронза, слоновая кость и т. д.), как это имело место в других английских работах по китайскому искусству, а принадлежность памятников к тому или иному историческому периоду. В основу деления китайской истории на периоды положена смена династий. Характеристика различных этапов китайского искусства дается хронологически.

Каждый раздел книги снабжен небольшим введением, в котором перечисляются основные исторические события данного периода и характеризуются присущие ему виды, жанры и техника китайского искусства.

Справочник богато иллюстрирован фотографиями отдельных памятников китайского искусства, хранящихся в музеях различных стран. Каждая иллюстрация сопровождается справкой, содержащей подробное описание изображенного предмета, историю его происхождения и хранения, а также указание местонахождения данного экспоната в настоящее время.

К книге приложены список иллюстраций, хронология китайских династий и карта Китая.

L. BEZACIER. *L'art vietnamien.* Avec une préf. de Georges Coedès. Paris, Ed. de Union française [1955], 236 p., ill. I, f. ill., 8 f. tab., 3 f. cart. Bibliogr., p. 211.

В основу книги положен курс лекций по вьетнамскому искусству, прочитанный проф. Луи Безасье в 1940—1944 г. в Ханое. Первое издание вышло в 1944 г. под заглавием «Essais sur l'art annamite». За десять лет, прошедших с момента опубликования первого издания, автору удалось собрать обширный материал, до сих пор не вошедший в научный оборот.

В первых четырех главах книги автор раскрывает различные аспекты вьетнамского искусства, связанного с религией и военнопогребальными обрядами. Последующие содержат анализ отдельных памятников. Особенно интересны главы, посвященные описанию буддийских пагод периода Баc-ninh: Ninh-phuc a But-thap и Van-phuc a Phât-tich, реставрацией которых Безасье руководил в течение многих лет. Заключительные главы книги посвя-

щены обзору основных эпох вьетнамского искусства, в котором как бы сведены все теоретические посылки и выводы автора.

Новое, второе, издание дополнено главой о гражданской архитектуре, библиографическим указателем, синхронистическими таблицами политической и культурной истории Вьетнама, различными планами и схемами. В тексте приводится много фотографий памятников вьетнамского искусства.

P. R. RAMACHANDRA. *India and Ceylon. A study.* Publ. under the auspices of the Indian council of world affairs. Bombay, [a. o.], Orient Longmans publ. [1954], III p. (India and her neighbours ser.). Bibliogr., 104—105.

Рамачандра Рао, адвокат Верховного суда города Мадраса и преподаватель английского языка в Бомбейском женском университете, в течение многих лет изучает экономику Индии.

Очерк «Индия и Цейлон» является одной из книг его серии «Индия и ее соседи». В своем очерке автор подробно останавливается на особенностях географического расположения Цейлона и его народонаселения (гл. I, II, III). Центральное место в книге занимает история индо-цейлонских отношений (гл. IV, V). Основная цель очерка — показать предпосылки, имеющие для развития сотрудничества и дружественных отношений между двумя государствами.

Книга снабжена географической картой и библиографическим указателем.

Р. С. Гуляревский

J. T. PARIKH. *Ancient Indian history and culture (from prehistoric times to 1000 A. D.).* Surat popular book store, [Gandhi], [1954], VIII+283 p., 9 maps. Bibliogr. III p.

Книга профессора-санскритолога Парикха, написанная на основе прочитанного им курса лекций в Коллеж оф Сурат, является пособием для студентов первого курса. В сжатой форме, простым языком излагаются сложные в своем развитии исторические события и явления культуры древней Индии. Первое издание вышло в 1949 г. Настоящее, второе, издание зна-

чительно переработано и пополнено новым материалом.

Приведенные в книге отзывы индийских санскритологов говорят об исчерпывающем подборе фактического материала и удачном его расположении. Благодаря этим качествам книга выходит за рамки учебника и может служить полезным справочником.

Первые, вводные, главы книги посвящены анализу предпосылок развития цивилизации на территории Индии в доисторические времена и характеристике географического положения и этнографического состава населения страны. В последующих главах разбираются основные этапы истории древней Индии. Для второго издания написана новая глава, заключающая книгу, в которой исследованы взаимосвязи древней индийской культуры с культурами соседних стран.

Вспомогательный аппарат состоит из десяти карт и небольшого библиографического указателя.

L. ALSDORF. *Vorderindien. Bharat, Pakistan, Ceylon. Eine Landes- und Kulturkunde.* Braunschweig [u. a.], Westermann, 1955, 336 s., Kart., 16, Bl. ill. Bibliogr., S. 318—322.

Среди последних работ по Индии книга «Индийский полуостров», выпущенная недавно западногерманским издательством, выделяется хорошо подобранным, интересным материалом и оригинальным его расположением.

Проф. Людвиг Альсдорф, известный европейский индолог, во время работы над рукописью этой книги дважды (в 1951 и 1953 гг.) побывал в Индии, чтобы на месте проверить правильность своих выводов и обобщений. Построенная на обширном статистическом материале, книга «Индийский полуостров» может служить не только введением в изучение Индии, но и хорошим справочником для специалистов.

Книга открывается коротким введением, характеризующим историческое развитие страны и ее современную роль. За ним следует раздел «Земля», охватывающий весь комплекс вопросов, связанных с физической географией Индии. Следующий раздел — «Человек» — включает вопросы этнографии народов Индии, их культуры и религий.

В третьем и четвертом разделах книги, озаглавленных соответственно «Государство» и «Хозяйство», рассматриваются политическая структура Индийского Союза, административное деление страны, борьба политических партий и группировок, а также вопросы хозяйства страны.

Пятый раздел книги — «Отдельные области» — дает характеристику наиболее значительных провинций и штатов Индии. Заключительный раздел «Индия в цифрах» представляет собой подборку из 57 самых разнообразных статистических таблиц.

Книга хорошо иллюстрирована. В ней более 20 карт, относящихся к различным разделам, и около 60 фотографий, большинство из которых сделано автором во время последних поездок по стране. Имеются библиография (около 150 названий), обзор важнейших географических и специальных карт и атласов по Индии, правила транскрипции индийских имен и названий, именной и предметный указатели.

山田清三郎・プロレタリア文学史

(ЯМАДА СЭЙДЗАБУРО. *История пролетарской литературы*). Токно, Изд-во «Рипонся», 1954; т. I—360 стр., т. II—432 стр.

Автор книги — известный японский литературовед, один из деятелей пролетарской литературы в Японии.

Основная часть его работы посвящена истории японской пролетарской литературы (1921—1934 гг.). Во вступительных главах книги сообщаются биографические сведения о писателях, критиках, публицистах и дается анализ основных произведений, а также журналов и литературы первых лет буржуазной Японии. В этом труде характеризуются произведения писателей группы «Кэнъёся», литература раннего романтизма и натурализма, реалистического, идеалистического и так называемого гуманистического направлений.

Автор подробно описывает литературную деятельность первых японских пролетарских писателей — Мияги Кароку, Миядзима Ёсио, Ёсида Канэсигэ, Маэдагава Контитиро и других, освещает деятельность демократического литературного журнала «Танэмаку хито» и дает анализ произведений пролетарской литературы 20-х

годов: «Ад» Канэко Побун, «Произрастающие на красной глине» Наканиси Иносукэ, «Печальная участь работницы» Хосои Вакидзо и т. д. Ямада Сэйдзабуро касается творчества Куросима Дзэндзи, Хирабаяси Тайко, Эма Накаси, разбирает идейные взгляды Аоно Суэкичи, дает оценку роли журнала «Бунгэй сэисэн» и других литературных изданий.

Большое внимание в книге уделено организациям пролетарских писателей — Лиге работников пролетарской литературы, Союзу работников рабоче-крестьянского искусства, союзу «Авангард» и другим литературным объединениям; подробно освещается роль передовых японских писателей в демократическом движении после событий 15 марта 1928 г. Автор характеризует жизненный путь и творчество Кобаяси Такидзи, отмечая, что такие его произведения, как «Краболов», «15 марта», «Деревня Нумацзирэ» и «Отсутствующий помещик», являются шедеврами японской пролетарской литературы. В книге подробно анализируется также первый период творчества Токунага Сунао.

Заключительные главы посвящены пролетарской литературе 1931—1934 гг. Наряду с этим автор пишет о деятельности японских писателей в период японской интервенции в Китае, об усилении фашизма и разгуле полицейского террора.

Надо отметить, что в данной работе автор пересматривает и развивает ряд положений, высказанных им ранее, пользуясь для этого новыми данными из истории пролетарской литературы. Историю литературы этого периода автор рассматривает с позиций демократического литературоведения и стремится проследить процесс постепенного приближения японской литературы к трудящимся массам. Это повышает ценность его работы, представляющей собой новый вклад японских литературоведов в дело изучения литературного наследия японского народа.

ИТО СЭИ. История японской литературы. Токио, Изд-во «Коданся», 1954; т. I—323 стр., т. II—340 стр.

Ито Сэй — известный специалист по японской литературе периода Мэйдзи.

Оба тома посвящены первому этапу развития современной японской литературы

(от «революции Мэйдзи» до 1891 г.). Автор показывает процесс формирования новой японской литературы и современного японского литературного языка, рассматривая литературные явления в связи с важнейшими политическими событиями и развитием общественно-политической мысли в Японии.

Автор характеризует творчество Канагаки Робуна и деятельность Фукудзава Юкити, отмечая влияние литературно-публицистических работ Робуна и Фукудзава на развитие японской литературы.

Ито Сэй приводит данные о журналах «Мэйроку дзасси», «Токио синси», газетах «Канаэми симбун», «Асахи симбун», «Тёя симбун» и других, характеризует деятельность основателей первых японских газет и журналов — Азабэ Косон, Фукути Оти, Наказ Тёмин и описывает первый период творчества Цубоути Сёё, Фтабатэи Симэй, Одзаки Коё, Кодэ Рохан, Мори Огай и других писателей. В заключительных главах второго тома приводятся сведения о первых литературных работах Китакура Тококу и Хигути Итиё, сообщаются данные об Идзуми Кёка, Токуда Сюсэй и других представителях литературной группы «Кэнъюся».

Автор пишет о благотворном воздействии русской литературы на творчество Фтабатэя, а также касается взаимоотношений Фтабатэя и Цубоути.

Стремление Ито Сэй объективно осветить вопрос о взаимоотношениях Фтабатэя и Цубоути выгодно отличает его исследование от работ некоторых японских авторов, в ряде случаев склонных недооценивать значение Фтабатэя в истории новой японской литературы.

Б. В. Поспелов

الدكتور جورج حنا
«وقود ... للنار و النور»

(Дж. ХАННА. Горючее для огня и света). Бейрут, 1954, 97 стр.

Джорж Ханна, автор серии книг «Аль-Харисият», во второй книге этой серии «Горючее для огня и света» анализирует последствия политики США и, в частности, результаты осуществления четвертого пунк-

та программы Трумена в так называемых отсталых и слаборазвитых странах. Он характеризует этот план как план разрушения национальной экономики Ливана и превращения ее в придаток американской промышленности.

Автор шаг за шагом разоблачает все ловушки, расставленные ливанскому народу Америкой, пресловутым четвертым пунктом программы Трумена, и справедливо упрекает некоторых руководителей и других арабских государств, а также отдельных членов Арабской лиги в колебаниях, проявляемых ими в борьбе с империалистическими блоками.

В заключении книги Дж. Ханна призывает ливанский народ к бдительности и единству, к дальнейшей борьбе против империалистических прощесов.

С. П. Чобанян

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

В журнале «Ориенс» за 1956 г. опубликован английский перевод рукописи XV в. некоего Миньнателли — «Вита Тамерлана», в которой описываются взятие и разрушение Дамаска в 1400—1401 гг. Тамерланом. Автор, кунец и путешественник, знал арабский и еврейский языки, жил в Дамаске, выполнял поручения различных европейских дворов в Сирии и Каире. В момент осады Дамаска Миньнателли находился в Иерусалиме. По возвращении на родину он записал рассказы очевидцев о войне Тамерлана против египетского султана.

Рукопись публикуется впервые. Она интересна тем, что это единственный документ христианского автора — современника событий о войне Тамерлана в Сирии. Естественно, что точка зрения Миньнателли отличается как от благоприятных для Тамерлана персидских источников, так и от отрицательной точки зрения египетских авторов (Макризи и др.).

Рукопись Миньнателли имеется в двух списках: в муниципальной библиотеке в Сьене и, более краткая, в Национальной библиотеке Вены. В «Ориенс» рукопись занимает 24 страницы.

С. М.

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

С 4 по 11 июня 1957 г. в г. Ташкенте проходила Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Важнейшей ее целью было способствовать ликвидации недостатков в развитии советского востоковедения, отмеченных на XX съезде КПСС.

Свыше 250 делегатов представляли на конференции востоковедческие учреждения Москвы, Ленинграда, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Грузии, Армении, Таджикистана, Туркмении и Киргизии. Среди делегатов было пять академиков и членов-корреспондентов АН СССР, до семидесяти академиков и членов-корреспондентов союзных академий наук, много профессоров и докторов наук. В работе конференции приняли участие также гости из Китайской Народной Республики — заместитель директора Института языков национальных меньшинств КНР доктор Фу Мао-цзи и декан исторического факультета Северо-Восточного народного университета КНР профессор Дин Цзэ-лянь, из Кореической Народно-Демократической Республики — старший научный сотрудник Института народного хозяйства и Института истории АН КНДР Чон Сок Там, из Демократической Республики Вьетнам — научный сотрудник и член Комитета по изучению географии, истории и литературы ДРВ Ка-ван-Тхуи, из Польской Народной Республики — член Польской Академии наук А. Зайончковский, из Румынской Народной Республики — вице-президент Общества румынских востоковедов М. Губоглу, из Чехословацкой Республики — О. В. Нагодил и из Монгольской Народной Республики — Б. Цеден. Зарубежные гости, тепло встреченные участниками конференции, выступили

с приветственными речами, в которых подчеркнули важность и необходимость укрепления научных связей и делового сотрудничества востоковедов СССР с учеными стран народной демократии.

Открыл конференцию член-корреспондент АН СССР Е. М. Жуков. После краткого вступительного слова президента АН Узбекской ССР Х. М. Абдуллаева Е. М. Жуков сделал доклад на тему: «Распад колониальной системы империализма». Прослеживая сложный процесс распада империалистической колониальной системы, докладчик показал обреченность этой системы, тщетность попыток империалистов остановить национальное возрождение народов Востока. Важнейшим фактором, облегчающим освободительную борьбу народов Азии и Африки, является существование социалистических государств. Молодые суверенные государства Востока непреклонны в своем стремлении к укреплению экономической самостоятельности и миру, без которых невозможно национальное развитие. Канд. ист. наук А. Г. Крымов (Куо Шао-тан) в докладе «Международное значение победы народной революции в Китае» рассмотрел предпосылки и развитие революционной борьбы в Китае, отметил успехи Народного Китая в области экономики и культуры, в политическом сплочении китайского народа. Достижения Китайской республики имеют огромное значение и для других стран Востока, использующих её опыт и получающих от неё определенную материально-техническую помощь. Победа народной революции в Китае — это новая победа марксизма-ленинизма, в еще большей мере изменившая соотношение сил между

социалистическим лагерем и капиталистической системой в пользу социализма.

Канд. юр. наук Л. М. Максудов посвятил свое выступление международному значению Бандунгской конференции.

Центральное место в работе конференции занял доклад директора Института востоковедения АН СССР акад. АН Таджикской ССР Б. Г. Гафурова «Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС». Докладчик напомнил, что, как отмечалось на XX съезде КПСС, советское востоковедение не сумело своевременно, с позиций марксизма-ленинизма, осветить происходящие в жизни народов Востока процессы, своеобразие и специфику антиколониальных движений в различных странах, востоковеды не преодолели до конца элементов догматического, начетнического подхода и упрощенчества при изучении отдельных проблем.

Важнейшей задачей советских востоковедческих учреждений и, в частности, Института востоковедения АН СССР, является глубокое и всестороннее изучение с марксистских позиций закономерностей кризиса и распада колониальной системы империализма, особенностей национально-освободительной борьбы стран Азии и Африки, а также современной колониальной политики империалистов. Необходимо поднять научный уровень всех востоковедческих исследований в области истории, филологии, литературоведения. Этим целям подчинен план научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1956—1960 гг.

С докладами о состоянии и задачах востоковедения в республиках советского Востока выступили вице-президент АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбат-Заде, директор Института востоковедения АН Узбекской ССР С. А. Азимджанова, президент АН Туркменской ССР Г. А. Чарыев, чл.-корр. АН ССР Г. В. Церетели (Грузинская ССР), вице-президент АН Армянской ССР М. Г. Нерсисян, президент АН Таджикской ССР С. У. Умаров, акад. АН Казахской ССР М. Ауэзов.

А. С. Сумбат-Заде рассказал о плодотворной работе в области востоковедения

в Азербайджане выдающихся просветителей А. Бакиханова и М. Ф. Ахундова, ученых М. Д. Топчибашева и М. Казембека, государственных и общественных деятелей Н. Нариманова и Агамали-оглы, осветил состояние научной работы и подготовки кадров на восточном факультете Азербайджанского государственного университета, а также в Академии наук Азербайджана. В Азербайджанской ССР намечено создать в системе республиканской Академии особый Институт востоковедения.

С. Азимджанова говорила о великих ученых и писателях Бируни, Хорезми, Фараби, Улугбеке, Навои, списавших заслуженную мировую славу. «Средняя Азия известна как древний и богатый очаг культуры, но в полную силу востоковедческая наука начала развиваться здесь только после Великой Октябрьской социалистической революции. Определенный вклад в нее был сделан Туркестанским Восточным институтом, существовавшим с 1918 по 1931 г. (с 1924 г. — на правах факультета Туркестанского государственного университета). За последние годы заметно активизировался Институт востоковедения АН Узбекской ССР. Выпущено 4 тома каталога «Собрание восточных рукописей», несколько монографий, посвященных истории и современному положению Ирана, Афганистана, Пакистана, Индии, переводится на русский и узбекский языки «Канон медицинских знаний» Ибн Сины.

Г. А. Чарыев осветил развитие востоковедческой науки в Туркменской Республике. За годы Советской власти в Туркмении многое сделано для всестороннего изучения рукописного наследия классиков национальной литературы — Зелили, Кемине, Махтумкули, Молланепеса и других, издано большое количество исследований в области истории, литературы и языка туркменского народа и сопредельных стран Востока, в том числе — двухтомная «История Туркменской ССР», девять томов «Трудов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Интересные исследования подготовили проф. А. Карыев («Туркменские племена в первой половине XIX в. и их борьба против агрессии хивинских ханов и иранских шахов»), д-р ист. наук

¹ См. журнал «Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 3—16.

О. Кулиев («Подготовка и проведение Октябрьской революции в Туркменистане») и другие. Больших успехов добились археологи (раскопки акад. АН Туркменской ССР М. Е. Массона, А. А. Марущенко, А. Ф. Ганилина). В 1957 г. при Институте языка, литературы и истории АН Туркменской ССР создан специальный сектор восточных рукописей.

Чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели и д-р филол. наук С. С. Джикия в своем совместном докладе отметили, что в Грузии востоковедение издавна носило преимущественно языковедческий характер. Центрами востоковедческой науки здесь являлись отделение языков Ближнего Востока Института языка, литературы и материальной культуры и созданный впоследствии Восточный факультет Тбилисского государственного университета. Особое развитие получили хеттология и урартология, изучение тюркских и семитских языков. По этим вопросам изданы отдельные монографии и опубликовано большое количество источников.

М. Г. Персиян напомнил, что востоковедение всегда привлекало внимание ученых Армении. В дореволюционное время в этой области плодотворно работали Хачатур Абовян, К. Патканов и другие, в годы Советской власти были подготовлены работы по древней и средневековой истории народов Востока, о культурных связях и взаимовлияниях армянского и соседних народов, опубликованы некоторые рукописи и словари. Большая заслуга принадлежит в этом отношении акад. И. А. Орбели и Г. Кананциану. Исследовательская работа ведется также в области хеттологии, урартологии и ассириологии.

С. У. Умаров сообщил, что в Таджикистане изучение таджикской истории и культуры тесно связывается с изучением истории и культуры всех народов Средней Азии и в первую очередь братского узбекского народа. Много внимания уделяется исследованию давних взаимоотношений народов Средней Азии с великим русским народом. В республике за последние годы созданы ценные труды по археологии, этнографии, литературоведению и языкознанию, разработаны планы подготовки многотомной истории таджикского народа, изучения и публикации памятников древней и средневековой истории.

М. Ауэзов указал на важность изучения закономерностей в развитии литературы в национальных республиках Советского Союза и их взаимовлияния. Назрела необходимость создать фундаментальные работы по истории развития литературы в национальных республиках Средней Азии, Закавказья и в Казахстане, глубже изучить их взаимосвязи. Это будет способствовать обмену духовными ценностями, дальнейшему укреплению дружбы народов.

В прениях по вопросу о состоянии востоковедения в нашей стране выступили заведующий сектором Института востоковедения АН СССР канд. ист. наук Р. В. Вяткин, декан восточного факультета Тбилисского государственного университета К. К. Пагава, научные сотрудники Института востоковедения АН СССР д-р филол. наук А. И. Кононов и канд. ист. наук И. М. Дьяконов, научные сотрудники Института истории АН Азербайджанской ССР кандидаты ист. наук Р. Г. Газиев и З. З. Абдуллаев, писатель А. В. Станиславский, доцент восточного факультета Ленинградского государственного университета А. Д. Новичев и другие. Все выступавшие, равно как и докладчики, говорили о необходимости ликвидировать разобщенность в деятельности советских востоковедов, улучшить координацию работы, резко усилить внимание к вопросам современности, к изучению зарубежного Востока и разоблачению новых методов колониальной политики империалистических держав. Отмечались также недостатки в разработке проблем восточной филологии, в подготовке востоковедческих кадров. Многие предъявляли справедливые претензии к полиграфической промышленности. Серьезным препятствием к публикации материалов, связанных с использованием восточных шрифтов, нередко служит отсутствие необходимой полиграфической базы.

На пленарных заседаниях были заслушаны также сообщения и доклады отдельных ученых, поделившихся результатами своих исследований.

Х. М. Абдуллаев рассказал о значении для развития науки трудов выдающегося ученого Бируни. Энциклопедист, автор 120 работ в различных отраслях знания, Бируни служил как бы связующим звеном

между научным миром Азии и Европы. Блестящий лингвист, он был не менее замечательным историком, физиком и минералогом, астрономом и фармакологом, биологом и философом. Его деятельность составила целую эпоху в науке.

С докладом Х. М. Абдуллаева перекликается доклад чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова «Бируни и проблемы древней и раннесредневековой истории Хорезма». Докладчик специально остановился на дошедших до нас отрывках из труда Бируни, посвященного хорезмийской истории. С. П. Толстов отметил огромное значение этих исследований ученого, на сотни лет опередившего своих современников.

С большим вниманием было выслушано выступление проф. Дин Цзэ-яна на тему «Сунь Ят-сен и национально-освободительная борьба народов Азии». Освободительные идеи великого китайского демократа, который был тесно связан с видными революционными деятелями стран Азии, получили широкий отклик не только в Китае, но и в других странах Востока. Особое влияние на мировоззрение Сунь Ят-сена оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Трудящиеся Китайской Народной Республики бережно хранят и осуществляют его завет — крепить дружбу со страной Советов.

В докладе «Захираддин Бабура» чл.-корр. АН Узбекской ССР В. Ю. Захидов проанализировал государственную и культурную деятельность Бабура, имевшую определенное значение для Средней Азии и Индии, осветил социально-экономическую обстановку того времени в Мавераннахре и Индии, указал на противоречивость взглядов Бабура, особо остановился на его литературном наследии.

Доклад В. Ю. Захидова носил в известной мере дискуссионный характер и некоторые положения его вызвали возражения д-ров ист. наук К. А. Антоновой и И. М. Рейснера.

Доклад И. М. Муминова (вице-президент АН Узбекской ССР) «Идеи дружбы народов в произведениях передовых мыслителей Узбекистана второй половины XIX и начала XX в.» был посвящен творчеству выдающихся ученых, писателей и поэтов — Бируни и Ибн Сины, Улугбека и Навои, известных просветителей Средней Азии — Дошша, Фурката, Муками, Хамзы, Айни

и других. Докладчик подчеркнул, что в их творчестве ясно прослеживаются идеи сотрудничества и солидарности народов, их взаимной поддержки на основе равенства. Эти идеи опирались на стремление широких народных низов жить в мире и дружбе со своими соседями.

Канд. ист. наук Х. Абдурахманов осветил роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Проследив связи русского народа с народами Востока начиная с давних времен, Х. Абдурахманов подчеркнул роль революционного русского пролетариата в деле освобождения народов Средней Азии от эксплуатации, в деле их экономического, политического и культурного развития.

В докладе «Развитие советской социалистической национальной государственности в Узбекистане» акад. АН Узбекской ССР Х. С. Сулейманова указала на историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции в создании необходимых условий для образования суверенного узбекского советского социалистического государства. Рассматривая этапы развития узбекского национального государства, докладчица отметила роль коммунистической партии и советского правительства в создании и развитии советских национальных республик.

Акад. АН Узбекской ССР Т. Н. Кары-Ниязов сделал доклад на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие науки в Узбекистане». Одним из основных положений доклада является утверждение, что, несмотря на прогрессивность присоединения Туркестана к России, до революции развитию культуры его народов мешали условия отсталой экономики края; в народном хозяйстве преобладали докапиталистические формы эксплуатации, сохранялись феодальные пережитки, все это сдерживало рост производительных сил. Лишь с победой Октября были ликвидированы преграды, тормозившие развитие народов России, в том числе и узбекского народа. Т. Н. Кары-Ниязов подчеркнул невозможность развития науки в Узбекистане без теснейшей связи с научными учреждениями всей страны, и в первую очередь с Академией наук СССР.

На конференции было организовано 7 секций и 1 подсекция: I. История народов Советского Востока, II. Исторические, экономические и культурные связи народов Востока, III. История национально-освободительной борьбы народов Востока, IV. Древняя и средневековая история, археология и этнография народов Востока, V. Литература народов Востока, VI. Восточные языки, VII. Рукописное наследие народов Востока и подсекция — Изучение „Канонов врачебной науки“ Ибн Сины.

Всего на заседаниях секций было заслушано 109 сообщений. В прениях выступило 65 человек.

На I секции рассматривались вопросы экономического развития и социалистических преобразований республик Советского Востока (сообщения д-ра экономич. наук П. В. Гугушвили, д-ра ист. наук Г. Д. Даниялова, канд. ист. наук М. Г. Вахабова и др.); темой сообщений чл.-корр. АН Туркменской ССР Б. Пальвановой и канд. ист. наук Ж. Татыбековой явилось укрепление и активное участие женщин в строительстве социализма в этих республиках.

На заседаниях II секции были заслушаны доклад акад. АН Таджикской ССР и чл.-корр. АН Узбекской ССР А. А. Семенова «Роль Средней Азии в распространении материальных и духовных ценностей» и ряд сообщений о развитии экономических, политических и культурных связей стран Востока с Россией (сообщения акад. АН Киргизской ССР Б. Д. Джамгерчинова, чл.-корр. АН Туркменской ССР А. К. Каррмева, д-ров ист. наук Я. З. Цинцадзе и К. А. Антоновой, канд. ист. наук А. Н. Гулиева, Т. Х. Кумыкова и других), а также об экономических и культурных связях различных народов Азии в древние времена и в средневековье (сообщения д-ра филол. наук Гамида Араслы, кандидатов ист. наук С. В. Ашурбейли, У. А. Рустамова и других).

Заседания III секции были посвящены рассмотрению вопросов национально-освободительной борьбы народов Востока. Были сделаны сообщения об основных моментах освободительной борьбы народов Индии (д-р ист. наук И. М. Рейснер) и Юго-Восточной Азии (д-р ист. наук В. Я. Васильева) о роли крестьян в осво-

бодительном восстании 1857 г. в Индии (канд. ист. наук А. М. Осипов), о борьбе турецкого народа против английской оккупации Стамбула в 1920 г. (д-р ист. наук А. Ф. Миллер), о завоевании Афганистаном национальной независимости (канд. ист. наук А. Х. Бабаходжаев). Канд. ист. наук В. Б. Луцкий рассказал об усилиях народов арабских стран, направленных на укрепление своего единства, канд. ист. наук В. Н. Никифоров — об освещении революционного прошлого китайского народа в современной китайской исторической науке, канд. ист. наук С. Р. Смирнов — об образовании Республики Судан.

Наибольшее количество сообщений (20) было заслушано на заседаниях IV секции, в том числе доклад лауреата Ленинской премии д-ра ист. наук Г. А. Меликишвили «Изучение урартской эпиграфики в советской науке и некоторые вопросы истории Урарту». В ряде сообщений рассматривались результаты археологических раскопок советских ученых в Средней Азии (чл.-корр. АН Узбекской ССР Я. Г. Гулямов, акад. АН Туркменской ССР М. Е. Массон, канд. ист. наук В. А. Шишкин, канд. ист. наук Д. Дурдыев), исследований древней документации и исторических источников (чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, д-р ист. наук И. И. Петрушевский, кандидаты ист. наук И. М. Дьяконов и В. А. Ливиниц, канд. ист. наук А. Мухтаров и др.), работы над проблемами материальной культуры (д-р ист. наук В. А. Крачковская), изучении патриархально-феодальных отношений в Западном Судане (д-р ист. наук Д. А. Ольдерогге) и в различных районах Средней Азии (канд. ист. наук Т. А. Жданко, научный сотрудник АН Таджикской ССР З. Бахрамов).

Д-р биол. наук Г. Ф. Дебеч рассказал о положении с разработкой проблемы происхождения киргизского народа в свете работ последних лет, проф. И. И. Умников — о значении трудов академика В. В. Бартольда по истории Средней Азии.

Деятельность секций «Литература народов Востока», «Рукописное наследие народов Востока» и «Восточные языки» началась с объединенного заседания, на котором были заслушаны доклады членов-корреспондентов АН СССР В. А. Сереб-

ренникова об основных проблемах развития филологической науки на ближайшее пятилетие и В. М. Жирмунского об итогах и задачах изучения эпического творчества народов Средней Азии, а также д-ра филол. наук И. А. Султанова о советской литературе Узбекистана.

V секция заслушала и обсудила сообщения о результатах изучения истории таджикской литературы XVI—XIX вв. (чл.-корр. АН Таджикской ССР А. М. Мирзоев), об узбекско-таджикских литературных связях (чл.-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский) и грузино-персидско-таджикских литературных связях (д-р филол. наук Д. И. Кобидзе), о проблеме изучения узбекского народного эпоса (канд. филол. наук Х. Т. Зарифов), казахской литературы XVIII—XIX вв. (канд. филол. наук И. П. Дусембаев) и литературного наследия туркменского народа (канд. филол. наук И. А. Аширов). На заседаниях секций были также изложены сообщения об основных путях развития современной литературы хинди (канд. филол. наук Е. И. Челышев) и современной китайской литературы (канд. филол. наук Л. Э. Эйдилин).

Секция «Восточные языки» рассмотрела принципы составления толковых словарей таджикского (акад. АН Таджикской ССР Б. Н. Ниязмухамедов) и азербайджанского (канд. филол. наук А. Г. Оруджев) языков, отношении памятников древнетюркской письменности к современным языкам тюркских народов (чл.-корр. АН Казахской ССР С. С. Аманжолов), согдо-ягнобские диалектические отношения (д-р филол. наук М. Н. Боголюбов), состояние и задачи дальнейшего изучения таджикской диалектологии (чл.-корр. АН Таджикской ССР М. Ф. Фазылов) и другие.

Предметом обсуждения на заседаниях VII секции — «Рукописное наследие народов Востока» было научное использование богатейших собраний советских хранилищ восточных рукописей. Акад. АН Таджикской ССР, чл.-корр. АН Узбекской ССР А. А. Семенов сделал сообщение о среднеазиатских рукописных фондах (в создании которых он принимал непосредственное и активное участие) и подчеркнул важность их изучения. О ценных персидских рукописях Государственного Матенадарана,

рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, Центрального государственного исторического архива и Государственного музея Грузии доложили соответственно канд. ист. наук А. Д. Папазян, канд. филол. наук М. С. Султанов и канд. ист. наук В. С. Путирдзе. Акад. АН АзССР А. А. Али-Заде проанализировал сочинение Рашид-ад-Дина «Джами'ат-таварих» как источник по истории Передней Азии, д-р филол. наук А. И. Кононов доложил конференции о результатах исследования им «Родословной туркмен» хивинского хана Абу-л-Гази. Сообщение чл.-корр. АН Туркменской ССР З. Б. Мухаммедовой было посвящено языку Астрабадской рукописи с песнями Махтумкули; канд. филол. наук В. И. Белиев рассказал о материалах по истории, науке и культуре народов Средней Азии, сосредоточенных в арабских рукописях собрания Института востоковедения АН СССР, канд. филол. наук М. С. Саидов — о произведениях дагестанских ученых XVI—XIX вв. на арабском языке и т. д.

На подсекции по изучению «Канонов врачебной науки» Ибн Сины выступили акад. Академии медицинских наук СССР В. И. Терновский, чл.-корр. АН Узбекской ССР А. А. Аскарон, канд. филол. наук А. К. Арендс, М. А. Салье, У. И. Каримов и другие. Они подвергли всестороннему рассмотрению деятельность выдающегося ученого древности Ибн Сины и значение его знаменитого труда.

Подводя итоги прениям, директор Института востоковедения АН СССР акад. АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров отметил, что конференция, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию советского востоковедения, что советские востоковеды в национальных республиках проделали большую положительную работу, нашедшую отражение в сделанных на конференции докладах и сообщениях. Самый факт проведения ее в Ташкенте лишний раз свидетельствует об огромных достижениях ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Вместе с тем необходимо усилить внимание к разработке новой, особенно новейшей истории, и не только в Москве и Ленинграде, но и в республиканских востоковедческих центрах. Научная работа должна

быть хорошо координирована, должна иметь целеустремленный, принципиальный характер.

На заключительном пленарном заседании с большой речью выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана Н. А. Мухитдинов². Он отметил, что конференция востоковедов представляет собой большое событие в научной жизни страны, и пожелал ее участникам новых творческих успехов. Н. А. Мухитдинов остановился на значении Востока — родины многих выдающихся ученых, ценных изобретений и исследований, богатейшей по своим ресурсам части земного шара — во всемирной истории.

Великая жизнеутверждающая сила ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза дала возможность народам Советского Востока добиться грандиозных экономических, политических и культурных успехов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась могучим стимулом развития антиимпериалистической борьбы народов Востока, а разгром передового отряда мировой реакции — фашизма — во Второй мировой войне способствовал переходу колониальной системы империализма от состояния кризиса к состоянию распада.

Говоря о состоянии и задачах советского востоковедения, Н. А. Мухитдинов отметил необходимость дальнейших усилий в деле претворения в жизнь указаний XX съезда КПСС.

«Священная обязанность наших востоковедов, как и всех работников идеологического фронта, — сказал Н. А. Мухитдинов, — беспощадно бороться со всякими проявлениями буржуазной идеологии, шовинизма, национализма, начетничества, аполитичности, непримиримо вести борьбу против фальсификации истории народов Востока».

Руководители секций — вице-президент Азербайджанской ССР А. С. Сумбат-Заде, вице-президент АН Узбекской ССР И. М. Муминов, акад. АН Таджикской ССР В. Г. Гафуров, члены-корреспонденты АН СССР С. П. Толстов и Б. А. Серебренников,

² См. «Правда», 14 июня 1957 г. и «Правда Востока», 13 июня 1957 г.

чл.-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский, акад. АН Таджикской ССР А. А. Семенов и акад. Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновский — доложили об итогах секционной работы.

Конференция приняла резолюцию, в которой намечены конкретные мероприятия по дальнейшему развитию советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС.

Н. А. Халфин

РЕШЕНИЕ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ

Первая Всесоюзная конференция востоковедов, проходившая в г. Ташкенте с 4 по 11 июня 1957 г., дала возможность востоковедам Советского Союза соединить свои усилия для выполнения задач, вытекающих из решений XX съезда КПСС.

На пленарных и секционных заседаниях конференции было заслушано свыше 100 научных докладов по истории национально-освободительной борьбы народов Востока, истории народов Советского Востока, по историческим, экономическим и культурным связям, по древней, средневековой истории, археологии и этнографии, литературе и рукописному наследию народов Востока и по восточным языкам.

Конференция заслушала и обсудила доклад Б. Г. Гафурова о состоянии и задачах советского востоковедения и доклады А. С. Сумбат-Заде, С. А. Азимджановой, Г. А. Чарыева, В. В. Церетели, М. Г. Нерсисяна, С. У. Умарова о состоянии востоковедческих исследований в советских республиках Закавказья, Средней Азии и Казахстана.

В заключение своей работы конференция заслушала выступление Первого секретаря ЦК КП Узбекистана Н. А. Мухитдинова.

Первая Всесоюзная конференция востоковедов отмечает, что всемирно-исторические события, происходящие на Востоке и знаменующие окончательный распад позорной системы колониализма, еще более усилили политическое значение востоковедной науки. Советское востоковедение, имеющее ряд достижений, обнаружило, однако, отставание от требований времени

и подверглось суровой и справедливой критике на XX съезде КПСС.

В результате критики на XX съезде КПСС и последующих решений в области востоковедения Институт востоковедения АН СССР сделал первые шаги в направлении осуществления решений XX съезда КПСС; была проведена реорганизация Института востоковедения АН СССР; создан Институт китаеведения АН СССР; значительно оживилась работа востоковедов в национальных республиках. Однако Институт востоковедения АН СССР еще не стал центром координации работы всех востоковедов СССР и до сих пор не обеспечил достаточной целеустремленности в работе востоковедов.

Научная продукция некоторых востоковедов еще не отвечает требованиям высокого научно-теоретического уровня.

Конференция одобряет основные предложения, содержащиеся в докладах о состоянии советского востоковедения.

Конференция считает необходимым сосредоточить внимание советских востоковедов на глубоком исследовании процесса распада колониальной системы и борьбы народов Востока за государственный суверенитет и экономическую независимость, а также на изучении опыта социалистического строительства в Китае, Вьетнаме, КНДР и МНР; большое внимание должно быть уделено исследованию национальной политики и практики разрешения национального вопроса в странах зарубежного Востока, особенно — социалистического лагеря; изучению аграрных отношений и опыту осуществления аграрных реформ; изучению формирования национального пролетариата и его роли в национально-освободительной борьбе. Существенное место должна занять проблема государственного капитализма и индустриализации в странах Востока. Должны быть подготовлены труды, содержащие научный анализ формы и методов колониальной политики империализма, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, в странах Азии и Африки и помогающие разоблачать проделки империалистов на Востоке. Необходимо глубокое и всестороннее исследование по истории, экономике, литературе, по вопросам идеологии и общественной мысли народов Азии и Африки, а также по восточным языкам и по памятникам много-

вековой культуры Востока. При этом большое значение имеет изучение процесса взаимосвязей между народами Востока, их вклада в мировую культуру и особенно политических, экономических и культурных связей русского народа и других народов СССР с народами Востока. Следует добиться подготовки серьезных работ по проблеме некапиталистического пути развития от феодализма к социализму республик Советского Востока. Быстрейшим образом должно быть преодолено отставание в области восточной филологии и, в частности, усилено исследование языков и литератур народов Юго-Восточной Азии и Африки.

Необходимо добиться высокого научного уровня востоковедных работ, базирующихся на марксистской методологии и опирающихся на глубокое знание восточных языков и источников.

Имея в виду, что главная задача советских востоковедов состоит в перестройке работы в свете решений XX съезда, Конференция считает целесообразным осуществление следующих практических мероприятий:

1. Широко развернуть научно-исследовательские работы, а также подготовку востоковедных кадров не только в центре, но и в среднеазиатских и закавказских республиках, где уже сложились определенные традиции, имеются кадры, богатые собрания восточных рукописей и архивные фонды. Учитывая положительный опыт существования Института востоковедения АН УССР, Конференция считает желательным создание научно-исследовательских центров (институтов, секторов или отделов) при академиях наук Азербайджана, Грузии, Армении, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Киргизии.

2. Улучшить сосредоточенную в Институте востоковедения АН СССР, как в головном Институте, деятельность по координации всей востоковедческой работы в стране на базе рационального разделения труда между востоковедными учреждениями в центре и на местах, для чего разработать единый перспективный пятилетний план востоковедных работ в Советском Союзе. Институту востоковедения АН СССР следует практиковать такие формы совместных работ, как участие ученых республик Советского Востока в сессиях

Ученого Совета Института в Москве, в проводимых дискуссиях и в создании сборников и монографий. Желательно шире осуществлять приглашение ученых из одной республики в другую, а также систему длительных научных командировок между республиками.

3. Приветствуя создание Восточного института в Ташкенте, Конференция считает необходимым развивать и совершенствовать подготовку востоковедных кадров в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Баку, Ереване, осуществляя при этом специализацию и разделение труда между высшими учебными заведениями, готовящими кадры востоковедов-исследователей — преподавателей, экономистов, историков, филологов разных специальностей (в том числе специалистов по древним языкам), переводчиков. Обратив внимание Министерства высшего образования на необходимость лучшего обеспечения материальной базы востоковедческой подготовки кадров.

4. Конференция придает особо большое значение расширению международных связей советских востоковедов и прежде всего с учеными стран народной демократии. Необходимо расширить обмен литературой, взаимное участие в экспедициях и создании коллективных трудов, взаимные научные командировки с целью изучения тех или иных проблем, обмен студентами и т. д. Необходимо всемерно расширять научные связи с Индией, Индонезией, Бирмой, Афганистаном, Сирией, Египтом и другими странами Азии и Африки.

5. Поставить перед соответствующими органами вопрос о целесообразности создания Всесоюзного общества востоковедов, которое будет служить целям объединения востоковедов Советского Союза и обмену опытом их работы.

6. Приветствуя создание трех востоковедных журналов — «Современный Восток», «Советское востоковедение», «Советское китаеведение», Конференция призывает всех востоковедов Советского Союза принять в них активное участие, а также считает желательным публикацию статей прогрессивных зарубежных ученых, прежде всего из стран народной демократии.

7. Считаю, что созданное в Москве Восточное издательство должно публиковать не только труды центральных институтов, но и работы, подготовленные востоковедами в республиках, Конференция обращает особое внимание на необходимость создания соответствующей полиграфической базы для востоковедных изданий и особо тщательного издания восточных памятников, совместно с республиканскими академиями.

8. Просить Президиум Академии наук УзССР и Институт востоковедения АН СССР по согласованию с республиканскими академиями издать наиболее важные материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов.

Конференция считает целесообразным проводить созыв Всесоюзных конференций востоковедов периодически.

ДЕВЯТАЯ СЕССИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО

Одной из международных организаций, призванных способствовать расширению и укреплению культурных связей, является ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры).

ЮНЕСКО может стать ценным инструментом международного сотрудничества, однако до сих пор ее средства зачастую распылялись и расходовались на осуществление малоэффективных и неактуальных проектов.

В целях концентрации деятельности Организации VIII Генеральная конференция ЮНЕСКО (Монтевидео, 1954 г.) наметила несколько первоочередных задач, в том числе содействие обоюдному признанию ценности различных народных культур Востока и Запада. Для решения этих задач Секретариат ЮНЕСКО должен был подготовить несколько «основных проектов». Следует, однако, отметить, что основной проект по «обоюдному признанию ценности

различных народных культур Востока и Запада (сокращенно — «Восток — Запад») был включен руководством ЮНЕСКО в проект программы Организации на 1957—1958 гг. лишь после энергичных требований представителей ряда стран, в том числе и СССР.

Основной задачей проекта «Восток — Запад», обсуждавшегося на девятой сессии Генеральной конференции (Дели, 5 ноября — 5 декабря 1956 г.), является «распространение более объективных сведений на Западе о культурных ценностях Востока, а также ознакомление народов Востока с истинными культурными ценностями Запада». В осуществлении проекта должны принять широкое участие государства — члены ЮНЕСКО.

Проект включает следующие аспекты деятельности:

а) Создание пособий и материалов, необходимых для распространения познаний в области культур народов Востока и Запада при посредстве научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, библиотек, музеев и т. д.

б) Изучение восточной литературы и восточного искусства в учебных заведениях западных стран и соответственно литературы и искусства Запада в восточных странах. В эту программу входит также организация переводов классических и современных литературных произведений, выставок изобразительных искусств и художественных репродукций.

в) Организация международных совещаний и поездок различных специалистов с культурно-просветительными целями.

г) Использование средств массовой информации (печати, радио, кино и т. д.) в целях распространения сведений о культуре народов Востока и Запада.

Программа предусматривает широкое привлечение специалистов — ученых, философов, писателей Востока и Запада к совместной работе. Эти специалисты будут участвовать в подготовке четырех крупных трудов, которые послужат основой для дальнейших исследований.

Еще в феврале 1956 г. Индийская комиссия по делам ЮНЕСКО предложила создать «Энциклопедию Азии», в которую, как указывается в проекте, «должны войти солидные справочные материалы относительно основных понятий и идей, опреде-

ляющих жизнь Азии, а также относительно эволюции ее общественных учреждений, развития ее обычаев, исторических истоков ее религиозных верований и т. д.». В 1957—1958 гг. будет проведена подготовительная работа. Предполагается, что Международный совет по философии и гуманитарным наукам составит перечень вопросов и отберет наиболее авторитетные работы по различным проблемам Азии для включения этих работ в Энциклопедию, а также определит научный уровень труда и порядок его издания.

Намечено подготовить «Справочник — указатель мировой литературы». Литературные произведения в Справочнике будут представлены по языкам, странам и жанрам, с указанием объема и краткого содержания произведений. Для осуществления этого издания Международный совет по философии и гуманитарным наукам в 1957 г. должен создать группу экспертов, после чего в 1958 г. Национальные комиссии по делам ЮНЕСКО будут готовить списки произведений, которые следует включить в Справочник.

В целях координации работы востоковедов разных стран предполагается составить «Указатель востоковедческих учреждений и коллекций». В этот Указатель войдут сведения об учреждениях и коллекциях, имеющих как на Востоке, так и на Западе, о всех обладающих объективной научной ценностью документах, сведения о программах исследовательской работы, о размерах и характере востоковедческих архивов, о выпускаемых каталогах. Подготовка к выпуску Указателя будет вестись в 1957—1958 гг. в тесном сотрудничестве с Международным объединением востоковедов, Международной федерацией библиотечных ассоциаций и с Международным советом архивов. Указатель выйдет в свет в 1959 г.

Намечено составить также двух-трех-томный труд — «История исламского искусства». В 1957—1958 гг. начнется подготовительная работа, а составление труда — в 1959 г.

Проектом предусмотрен ряд вопросов, которые должны быть обсуждены на международных совещаниях и совещаниях. Так, например, в январе 1958 г. в Культурно-просветительном институте им. Рамакришны в Калькутте будет проведен

трехнедельный международный семинар для выработки мероприятий по установлению постоянных культурных связей между Востоком и Западом; в сентябре 1958 г. в Токио соберется региональный конгресс по истории религиозных течений. В связи с этим предполагается организовать совещание, посвященное развитию отношений между Дальним Востоком и Западом с 1850 г. и т. д.

Предполагается осуществить ряд мероприятий, которые способствовали бы расширению знаний преподавателей школ и университетов в области культур народов Востока (увеличение и совершенствование научного и учебного материала по востоковедению в университетах, школах, библиотеках и музеях).

В проекте намечено выполнение обширной программы в области литературы и искусства. В выпускаемые ЮНЕСКО сборники будут включаться восточные поэтические произведения, романы, очерки, пьесы, в которых с новых позиций освещается история и культура стран Востока. Предполагается поощрять переводы на восточные языки литературных произведений, наиболее характерных для западной культуры. В частности, предусмотрено издание переводов классических произведений арабской, персидской, индийской, китайской, японской литературы, а также лучших работ, созданных на малоизвестных языках Советского Союза (так говорится в проекте).

В целях активизации деятельности в области переводов намечено созвать в 1957 г. специальное совещание Международного совета по философии и гуманитарным наукам. В целях расширения издания переводов восточных литературных произведений в 1958 г. предполагается провести совещание издателей классических произведений мировой литературы. Большое место в проекте отводится популяризации произведений изобразительного искусства и музыки народов Востока и Запада и обмену экспонатами между музеями этих стран.

Осуществление основного проекта «Обоюдное признание ценности народных культур Востока и Запада» рассчитано на десять лет, начиная с 1 января 1957 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО просила государства — члены Организации — оказы-

вать содействие финансового и технического характера в выполнении этого проекта и приступить к организации комитетов при своих Комиссиях по делам ЮНЕСКО или к образованию каких-либо новых органов и учреждений для дальнейшей разработки конкретных мер по своему участию в этом проекте.

Девятая генеральная конференция ЮНЕСКО не приняла окончательного решения о всех аспектах новой деятельности, предложенных в рамках основного проекта. Конкретная программа и бюджетные ассигнования, необходимые для осуществления проекта в 1957—1958 гг., утверждены очередной сессией Исполнительного совета ЮНЕСКО. Кроме того, было решено учредить Международный консультативный комитет сроком на два года, призванный давать секретариату ЮНЕСКО рекомендации по вопросам, касающимся подготовки и выполнения этого проекта.

Проект «Восток — Запад» был принят на Генеральной конференции единогласно. Прогрессивная мировая общественность оценивает этот проект как важный шаг в развитии широкого культурного сотрудничества между Востоком и Западом. Однако уже на Генеральной конференции ЮНЕСКО выявилась тенденция некоторых делегаций придать проекту академический характер, обратить его в прошлое. Лишь после длительной дискуссии была принята предложенная СССР формулировка, связывающая деятельность по осуществлению проекта с коренными изменениями, происходящими сейчас в жизни народов Востока и Запада.

Следует заметить, что прогрессивный характер проекта Восток — Запад, его эффективность и международный авторитет значительно снижаются из-за упорного сопротивления США и некоторых других стран восстановлению законных прав Китайской Народной Республики в ЮНЕСКО.

Наши ученые, работающие в различных отраслях востоковедения, могут внести свой вклад в осуществление основного проекта «Обоюдное признание ценности народных культур Востока и Запада». Создаются возможности активного участия в периодических изданиях ЮНЕСКО, публикации своих работ за рубежом,

прежде всего в странах Востока, возможности установления постоянного контакта с научно-исследовательскими институтами, университетами, научными и культурными обществами стран Востока и Запада, а также привлечения зарубежных ученых к участию в наших печатных органах и совместных коллективных работах. В свою очередь советские востоковеды могут внести свой вклад в составление многотомных работ, предусмотренных основным проектом. Многие работы, созданные и создаваемые советскими востоковедами, могут быть использованы при составлении этих научных трудов. Достаточно упомянуть хотя бы такие работы советских ученых, как десятитомная «Всемирная история», серии «Народы мира», составленная учеными Института востоковедения и Института

этнографии АН СССР, работы по вопросам истории экономики и культуры народов Африки, серии работ об истории культурных связей России с народами Востока и многие другие.

В собраниях рукописей Института востоковедения АН СССР и других востоковедных учреждений Советского Союза имеются весьма важные, а зачастую уникальные письменные памятники, в которых содержится много новых и важных данных для науки. Описание и издание этих памятников будет содействовать как развитию советского востоковедения, так и ознакомлению зарубежных востоковедов с ценнейшими рукописными богатствами.

Е. П. Челмшев

SUMMARY

Dwelling in detail on the plans for cultural and scientific exchanges between member countries of UNESCO provided for in the East-West project approved at the Ninth General Conference of UNESCO, which met at Delhi, in December, 1956, the author of the paper mentions a number of tasks which the Soviet orientalists will have to accomplish in connection with the implementation of this project.

VIII КОНГРЕСС ТУРЕЦКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu, первоначально называлось Türk Dili Tetkik Cemiyeti) было основано по инициативе Кемаля Ататюрка 12 июля 1932 г. Первый съезд Общества состоялся 26 сентября — 5 октября 1932 г. в Стамбуле во дворце Долма Бахче.

Общество, как о том говорится в статье 4 его устава, ставит своей целью способствовать развитию языка с сохранением его специфики (özleşme), стремясь подыскать турецкие эквиваленты для передачи всех научных, технических и художественных понятий средствами самого турецкого языка¹. В отчете Руководящей комиссии Общества VIII конгрессу указывается, что обеспечение сохранения специфики (özleşme) турецкого языка не следует понимать как очищение (tasfiyecilik) его от заимствований. В отчете отмечается

также, что в задачи Общества не входит изгнание из турецкого языка всех иностранных слов (сторонники этого распространяемого в свое время движения имеют и теперь), вместе с тем невозможно предоставить язык самому себе. Под термином «özleşme» Общество разумеет очищение турецкого языка от иноязычных элементов, наносящих ущерб его самобытности, с использованием при этом научных методов. Следуя таким путем, Общество не имеет в виду изгнать прочно укоренившиеся иностранные слова, не подыскав вместо них более подходящие турецкие эквиваленты².

Первой основной задачей Общества является изучение словарного богатства турецкого языка³. Однако практически работа ведется по более обширной про-

² VII. Türk Dil Kurultayı. Ankara, 1957, стр. 12.

³ VII. Türk Dil Kurultayı. Ankara, 1957, стр. 13.

¹ VII. Türk Dil Kurultayınca kabul edilen Türk Dil Kurumu Tüzüğü. Ankara, 1954, § 4.

грамме, включающей, кроме лексикологических и лексикографических исследований, исследования по грамматике и издавание старых тюркоязычных памятников.

В состав Общества турецкого языка входят: действительные члены (asıl üye), почетные члены (şeref üyesi), члены-рецензенты (yardımcı üye), члены-корреспонденты (muhabir üye). Действительным членом Общества может быть всякий турок, достигший 22-х лет, юридически дееспособный, разделяющий цели Общества, занимающийся турецким языком или близко им интересующийся. Туркам и иностранцам, оказавшим своей деятельностью и своими научными трудами услуги турецкому языку или оказавшим значительную материальную помощь Обществу, присваивается звание почетного члена. Лицам, оказывающим различными способами помощь Обществу и проявляющим интерес к делам Общества, присваивается звание члена-рецензента. Иностранцы ученые и научные общества могут быть избраны в число членов-корреспондентов Общества.

Руководящими органами Общества являются: съезд (Genel Kurul, «Kurultay»); Руководящая комиссия (Yönetim Kurulu); Ревизионная комиссия (Denetleme Kurulu); суд чести (Haysiyet Kurulu). Съезды Общества созываются один раз в три года в июле месяце в Анкаре. В период между съездами деятельность Общества направляется Руководящей комиссией, которая избирается съездом в составе 45 человек, из которых 35, получивших наибольшее количество голосов, являются действительными, остальные 10 — запасными членами (yedek üye) Комиссии.

Научно-исследовательская деятельность Общества протекает в Грамматической (Grammer kolu), Словарной (Sözlük kolu), Терминологической (Terim kolu) секциях и в Секции по собиранию и отбору лексического материала (Derleme-Tarama kolu). Издательской деятельностью Общества занимается Секция публикаций (Yayıncılık kolu).

Бюджет Общества складывается из капитала, завещанного Ататюрком, государственной субсидии, членских взносов, доходов от продажи изданий Общества, пожертвований и других поступлений. Такова в основном структура Турецкого

лингвистического общества, создание которого явилось новым этапом в истории изучения турецкого языка в Турции.

Очередной, VIII, конгресс Общества, который происходил с 1 по 5 июля 1957 г. в Анкаре в конференц-зале факультета языка, истории и географии Анкарского университета, совпал с двадцатилетием Общества. За время своего существования Общество издало 160 работ, посвященных различным вопросам турецкого и тюркского языкознания. Среди них следует в первую очередь отметить перевод «Дивана» Махмуда Кашгарского на турецкий язык, исполненный одним из старейших турецких филологов Бешимом Аталаем; пятитомный словарь — Sözlük Dergisi. В ближайшее время начнутся работы над Türkiye Derleme Sözlüğü. Из лексикографических работ по изучению исторического словаря необходимо отметить очень полезный четырехтомный Tanıklarıyla Tarama Sözlüğü — Документированный словарь избранных исторических сочинений. В 1955 г. вторым изданием вышел очень полезный Türkçe Sözlük — Турецкий толковый словарь; интересно задуманы и хорошо выполнены Türkçe Mecarlar Sözlüğü (1949) — Словарь метафор в турецком языке и Yakın Anlamlı Kelimeler Sözlüğü — Словарь синонимов. По решению VII конгресса Общества начата работа по составлению этимологического словаря (Etimoloji Sözlüğü).

Последние годы Общество уделяет значительное внимание изданию текстов старых тюркских памятников. Кроме ранее опубликованных текстов трех известных списков Kudatku Bilig (подготовил Р. Р. Арат), отметим факсимиле Nebcî'l-feradis (с предисловием Я. Экмана) и Mantıku't-ta'ayy, перевод Gülşehri (с предисловием А. С. Левенда); печатается факсимиле текста Dede Korkut Kitabı и его исследование (подготовлено турецким филологом Мухарремом Эргинем), а также большой сборник (29 статей) в честь 75-летия выдающегося французского тюрколога Жана Дени, подготовленный М. Мансуроглу, Я. Экманом и А. С. Левендом.

Кроме ежемесячного научно-популярного и общественного журнала Türk Dili (вышло 70 выпусков), Общество, начиная с 1953 г., издает ежегодник Türk Dili

Araştırmaları Yıllığı (вышло 5 томов), содержащий много интересных статей по турецкому и тюркскому языкознанию. Таков далеко не полный список изданных Обществом трудов⁴, значение которых для развития тюркологии очевидно.

Программа VIII конгресса Общества состояла из двух основных разделов: пленарные заседания и заседания комиссий. Комиссии (По собиранию и отбору лексического материала, Терминологическая, Словарная, Грамматическая, Издательская, Бюджетная и Уставная) подготовили свои рекомендации по плану работы Общества на следующее трехлетие. На четырех пленарных заседаниях было заслушано 28 научных докладов, подготовленных и прочитанных турецкими и иностранными участниками конгресса.

Среди иностранных делегаций, прибывших на конгресс, были делегации Венгерской, Польской, Чехословацкой академий наук и делегация АН СССР.

Доклады и сообщения, прочитанные на конгрессе, были посвящены различным проблемам тюркского языкознания; среди них назовем доклады проф. Джафероглу «Современное положение изучения турецких диалектов Анатолии и Румелии», д-ра М. Мансуроглу «Некоторые предложения по разрешению насущных проблем современного турецкого языка», преподаватели Т. Н. Генджана «Предложения к универсиадам», д-ра М. Эргина «Словосочетания в турецком языке», проф. Ю. Немета (Венгрия) «Новые пути изучения истории турецкого языка», проф. Л. Лигети (Венгрия) «О языках афганских Авишаров», А. Зайончковского (Польша) «О сочинении Кутба „Хосров и Ширин“», д-ра И. Бласковича (Чехословакия) «Современное положение и задачи чехословацкой тюркологии», проф. Г. Хазан (Венгрия) «О турецких текстах, писанных кириллицей».

С отчетом о деятельности Общества за 1954—1957 гг. выступил генеральный секретарь А. С. Левенд.

Члены советской делегации выступили со следующими докладами: Г. М. Араслы

«О Китаби деде Коркута», А. Н. Кононов «Проблема сложно-подчиненного предложения в турецком языке», Э. В. Севортян «Историческое положение категории переходности и переходности в тюркских языках», М. Ш. Ширалиев «Сравнительное изучение диалектов турецкого и азербайджанского языков». Доклады были заслушаны конгрессом с большим вниманием. В ряде турецких газет, стамбульских и анкарских, была дана благожелательная информация о прибытии советской делегации и участии ее в заседаниях конгресса.

На заключительном заседании конгресса было зачитано приветствие советских тюркологов, адресованное конгрессу. Члены делегации преподнесли Обществу труды по тюркологии, изданные в СССР. На том же заседании Г. М. Араслы и А. Н. Кононов были избраны почетными членами, Э. В. Севортян и М. Ш. Ширалиев — членами-корреспондентами Общества.

По окончании конгресса советская делегация совершила поездку по Турции, избрав следующий маршрут: Анкара — Кония — Афьон — Кютахья — Бурса — Стамбул. Предпринимая эту поездку, делегация имела в виду познакомиться с достопримечательностями и важнейшими историческими памятниками этих городов; эта программа была успешно выполнена.

Делегация неизменно пользовалась предупредительным вниманием со стороны генерального секретаря Общества А. С. Левенда и других представителей Общества. Многие турецкие ученые высказывали пожелания об установлении более тесных и систематических научных связей между учеными обеих стран и регулярном обмене научной информацией и изданиями.

Первым шагом к восстановлению тесного научного контакта является, по нашему мнению, участие советских ученых в работе VIII конгресса, которое явилось ответом на любезное приглашение Общества. Будем надеяться, что за этим первым шагом последуют новые взаимные действия, направленные на восстановление прочного делового контакта между советскими и турецкими учеными. Нет сомнения, что этот контакт будет способствовать дальнейшему развитию тюркологии в обеих странах.

А. Н. Кононов

⁴ Исчерпывающую справку по этому вопросу можно найти в Библиографическом указателе, изданном Обществом в 1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

М. Ф. Юрьев. К истории организации Национально-освободительной армии Китая (30-летие Наньчанского восстания)	3
Р. А. Ульяновский. Индия в борьбе за экономическую независимость (О государственном секторе в экономике Индии)	9
Д. Р. Вобликов. Англо-американское соперничество в послевоенной Эфиопии	27
Э. Н. Комаров. Экономические предпосылки индийского народного восстания 1857—1859 годов	39
К. З. Ашрафян. К истории развития ленной системы в Делийском султанате в XIV веке	51
О. Л. Вильчевский (Ленинград). Хакани. Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта	63
В. Г. Эрман (Ленинград). Об элементах народности в индийской классической драматургии	77
Э. Рустамов (Ташкент). Муназарэ «Стрела и лук» узбекского поэта XV века Якини	90
Ю. М. Парфионович. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае	107
Г. П. Сердюченко. К вопросу о классификации народов и языков Китая	117

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

А. В. Райков (Шуя). Открытое письмо Таракнатха Даса Льву Толстому	125
П. И. Петров. Ферман шаха Султан Хусейна Вахтангу VI	127
П. Шаститко. Миссия Мехти Рафаилова к Ранджит Сингху	129

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

С. С. Григорьевич (Томск). Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.)	131
Е. А. Кургулян. Х. Г. Гуляян. Очерки истории армянской экономической мысли XIX века	141
С. М. Мирный. Т. Mende. Conversations avec Nehru	145
П. Я. Златкин. О. Lattimore. Nationalism and Revolution in Mongolia	149
Г. В. Астафьев. J. L. Stuart. Fifty Years in China. The Memoirs of John Leighton Stuart, Missionary and Ambassador	158
П. И. Орлик. «Acta Orientalia», vol. IV—V	162
З. И. Левин. Журнал Арабской академии наук в Дамаске	164
Р. М. Алиев и М. Н. Османов. Некоторые издания Тегеранского университета	167
Аннотации (В. В. Трубецкой, В. В. Поспелов, С. А. Чобанян, С. М.)	174

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

П. А. Халфин. Первая всесоюзная конференция востоковедов	184
Е. П. Челышев. Десятая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО	192
А. Н. Кононов. VIII конгресс Турецкого лингвистического общества	195

CONTENTS

ARTICLES, ANNOUNCEMENTS, INFORMATION

M. F. Yuriev. To the History of the Organisation of the National Liberation Army of China (the 30th Anniversary of the Nanchan Rebellion).	3
R. A. Uljanovsky. India's Struggle for Economic Independence	9
D. R. Voblikov. Anglo-American Rivalry in Ethiopia after the Second World War	27
E. N. Komarov. Economic Preconditions of the 1857—1859 Popular Uprising in India	39
K. Z. Ashrafyan. From the History of the Development of Feudal Land Ownership at the Delhi Sultanate in the 14th Century	51
O. L. Vilchevsky (Leningrad). Khaqani. Some Features of his Poetry and World Outlook	63
V. G. Erman (Leningrad). Elements of Folk Poetry in Indian Classical Drama	77
E. Rustamov (Tashkent). The Munāzara «Bow and Arrow», by Yakini, Uzbek 15th Century Poet	90
Y. M. Parfionovich. Chinese Historians on the Origin of Capitalism in China	107
G. P. Serdyuchenko. Classification of Peoples and Languages of China	117

SCIENTIFIC NOTES

A. V. Raykov (Shuya). Open Letter of Taraknath Das to Leo Tolstoy	125
P. I. Petrov. The Fārman Addressed by Shah Sultan Hussein to Vakhtang VI	127
P. Shastitko. Mehti Rafail's Mission to Ranjit Singh	129

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

S. S. Grigortsevich (Tomsk). From the History of Russian Oriental Study (The Vladivostok Institute of Oriental Studies in 1899—1916)	131
E. A. Kurginyan. K. G. Gulanyan. Outline of the History of Economics in 19th Century Armenia	141
S. M. Mirny. T. Mende. Conversations avec Nehru	145
P. Y. Zlatkin. O. Lattimore. Nationalism and Revolution in Mongolia	149
G. V. Astafyev. J. L. Stuart. Fifty Years in China. The Memoirs of John Leighton Stuart, Missionary and Ambassador	158
I. I. Orlik. «Acta Orientalia», vol. IV—V	162
Z. I. Levin. Journal of the Arab Academy of Sciences at Damascus	164
R. M. Aliiev and M. N. Osmanov. Publications of the Teheran University	167
Annotations (V. V. Trubetskoy, B. V. Pospelov, S. A. Chobanyan, S. M.)	174

SCIENTIFIC NEWS

N. A. Khalfin. First USSR Conference of Orientalists	184
E. P. Chelyshev. Ninth Session of the General Conference of UNESCO	192
A. N. Kononov. VIII Congress of the Turkish Linguistic Society	195

內容

論文

由列夫	南昌起義	3
烏蘇諾夫斯基	印度爲國營經濟獨立的鬥爭	9
華別列谷夫	在埃塞俄比亞的戰後英美競爭	27
樸馬羅夫	1857—1859年的印度人民起義的經濟前提	39
阿斯拉芬揚	十六世紀德里依斯蘭王國的封土制發展的歷史	51
維爾車夫斯基(列寧格勒)	赫康尼, 詩人的幾種創作特點和他對宇宙觀	63
愛爾曼(列寧格勒)	論印度古典戲劇的民族成份	77
羅斯客摩夫(搭什干)	十五世紀的烏茲別克詩人牙基尼作的“弓與矢”詩歌	90
拜爾菲諾維奇	中國歷史家論中國資本主義的產生	107
舍爾局欠谷	論中國民族和語言的分類	117

科學短評

拉以科夫	搭拉克那特噶達沙給托爾斯泰的一封信	125
彼得羅夫	沙噶胡塞華噶旦古蘇旦第六的命令	127
沙斯基谷	拉發依羅夫, 萊噶基的遺使給拉其特星格胡的信	129

史料和書報評介

克利谷列維奇(托姆斯克)本國的東方學的歷史片段(海參崴的東方學所1899—1916年)	131
庫爾基娘。故拉娘	亞美尼亞十九世紀的經濟思想史大綱
米爾諾依 T. Mende. Conversations avec Nehru	145
司拉得根 O. Lattimore. Nationalism and Revolution in Mongolia	149
阿斯托菲夫 J. L. Stuart. Fifty Years in China. The Memoirs of John Leighton Stuart, Missionary and Ambassador.	158
阿爾立克 «Acta Orientalia», vol. IV—V	162
列文	大馬士革的阿剌伯科學院雜誌
阿立也夫。阿斯曼諾夫	德黑蘭大學的幾種出版物
簡評	174

科學生活

第一次全蘇聯東方學大會	184
車立舍夫	聯合國科學文化協會第九次大會
樸諾諾夫	L土耳其語言學會的第八次會議

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2, Тел. К 5-91-64

Т-08930 Подписано к печати 1/X 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₄.
Печ. л. 17,25+1 вкл. Уч.-изд. листов 18,2 Зак. 1649 Тираж. 2775 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ (№ 3, 1957.)

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
53	4-я сверху	قرآءة	قرآءة
55	1-я снизу	приступили	приступили
61	3-я снизу	Nuhahil's	Muhahil's
63	8-я сверху	Кармисне	Кармисне
177	25-я сверху	сей	всей

На стр. 67, строка 23, снизу текст на арабском языке следует читать
بيت النار

В колоннитуле № 4 на стр. 53, 55, 57 и 59 типографией
допущена опечатка.

следует читать:

К истории развития ленной системы в Деллийском султанате
в XIV в.